

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History, Archeology and
Ethnography of the Caucasus*

**Т. 21
№ 4. 2025**

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра РАН**



ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE CAUCASUS

Т. 21

№ 4. 2025



Махачкала, 2025

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камилловна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Муσειбли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Бабаджанов Бахтияр Миримович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Обрусаньски Борбала, Karoli Gaspar University, Венгрия
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Осмаев Аббас Догуевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Бустанов Альфريد Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Родригве Барри Н, Международный Университет Симбиоза, Индия
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Табатабаи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Таймазов Артур Исраилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Ярлыкпавов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капанова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025
© Все авторы, Т. 21. №4. 2025

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005 (formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

Alikber K. Alikberov, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Bashir B. Bulatov, Daghestan State University, Russian Federation
Anatoliy P. Derevyanko, The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation
Kimitaka Matsuzato, University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
Nadzhaif A. Museibli, Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
Shain M. Mustafaeu, Z. Buniyatov Institute of Oriental Studies Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Vitaliy V. Naumkin, Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
Michael A. Reynolds, The Princeton University, United States

Editorial board

Ramazan S. Abdulmazhidov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Birlant B. Abdulvakhobova, Chechen State University, Russian Federation
Karim S. Alizadeh, Grand Valley State University, Michigan, United States
Tat'yana A. Anikeeva, Institute of Oriental studies, Russian Federation
Yuriy D. Anchabadze, The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Viktoriya A. Arakelova, Russian – Armenian University, Armenia
Bakhtiyar M. Babadjanov, The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Tsira R. Baramidze, Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Vladimir O. Bobrovnikov, The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Peterburg, Russian Federation
Alfrid K. Bustanov, University of Amsterdam, Netherland
Murtazali S. Gadzhiev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Teimuraz I. Gvantseladze, Sukhumi State University, Georgia
Nana G. Gelashvili, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Emma D. Zilivinskaya, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation
Michel M. Kazanski, French National Centre for Scientific Research, France
Ekaterina L. Kapustina, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation
Jony J. Kvitsiany, Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
Svetlana G. Kudaeva, Maikop State Technological University, Russian Federation
Magomedkhan M. Magomedkhanov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Andrey N. Maksimchik, Belarusian state University, Belarus
Vladimir Y. Malashev, The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
Islam-bek T. Marzoev, V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Anna V. Mastykova, The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
Ashirbek K. Muminov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
Borbala Obrusanszky, Karoli Gaspar University, Hungary
Abbaz D. Osmayev, The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Rodrigue Barry H, Symbiosis International University, India
Sevda A. Suleymanova, Buniyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
Seyed Hussein Tabatabayi, Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
Artur I. Taymazov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Alim I. Tetuev, Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
Shamil' S. Shikhaliev, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
Vladimir R. Erlikh, State Museum of Oriental Art, Russian Federation
Akhmet A. Yarlykapov, MGIMO University, Russian Federation

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025
© All authors, V. 21. № 4, 2025

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala,
M. Yaraskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

<i>Селезнев Ю.В.</i>	МОСКОВСКИЙ КНЯЗЬ В ПОХОДЕ ХАНА УЗБЕКА: ШТРИХИ К ХРОНОЛОГИИ ПРЕБЫВАНИЯ В ОРДЕ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДАНИЛОВИЧА МОСКОВСКОГО И ВЛАДИМИРСКОГО	416
<i>Котеньков С.А., Лобачева Д.М.</i>	КАРТА ЭНГЕЛЬБЕРТА КЕМПФЕРА – НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ПЕРВЫХ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ – УЧУГАХ В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ XVII В.: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНОВ	423
<i>Ханмурзаев И.И., Османова М.Н.</i>	СВЕДЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА О ЮСУФЕ-АФАНДИ АЛ-ЙАХСАВИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО АРХИВА СЕМЬИ КЛЫЧЕВЫХ)	435
<i>Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А.</i>	ПЕРЕДАЧА КАРАНОГАЙСКОГО ПРИСТАВСТВА ИЗ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОСТАВ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРСКОЙ И КУБАНСКОЙ ОБЛАСТЯМИ В 1883–1888 гг.	447
<i>Далгат Э.М.</i>	СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	457
<i>Алибеков Х.Г., Абдулмажидов Р.С., Аникеева Т.А.</i>	ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ: ЖУРНАЛ УНЧУКАТЛИНСКОГО СЕЛЬСКОГО СУДА (1898–1900 гг.)	465
<i>Шихалиев Ш.Ш.</i>	РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ УЧЁНОГО В ДАГЕСТАНСКОЙ АРАБОЯЗЫЧНОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	481
<i>Хабутдинов А.Ю., Денисов Д.Н.</i>	ОПЫТ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ «ЛИФТОВ» БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ МУСУЛЬМАН-ТАТАР ОКРУГА ОРЕНБУРГСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	492

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Глазов К.А., Кудин М.И., Кизлов А.С.</i>	АНТРОПОМОРФНЫЕ БАРЕЛЬЕФЫ НА ДОЛЬМЕНЕ В ГРУППЕ «ЧУМАКИ», БОЛЬШОЙ СОЧИ: ПРИМЕНЕНИЕ 3-D ТЕХНОЛОГИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ	502
<i>Будайчиев А.Л., Сайтудинов М.Ш.</i>	БАНОЧНЫЕ СОСУДЫ КУРО-АРАКСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДАГЕСТАНА: ТИПОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ	515
<i>Перевозчикова А.А., Гончарова Н.Н., Березина Н.Я.</i>	ДИНАМИКА ПРОДОЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ СКЕЛЕТА ЧЕЛОВЕКА ОТ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3 (КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ)	538

ЭТНОГРАФИЯ

<i>Шахбазов Т.С.</i>	ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	549
<i>Базеян К.Р.</i>	ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАННЕСОВЕТСКОМ ЛЕНИНАКАНЕ	561
<i>Сефербеков Р.И.</i>	СОВРЕМЕННЫЕ ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА РУССКИХ КИЗЛЯРЩИНЫ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ	571

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Гаджиев М.С.</i>	РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Виноградов А.Ю. Очерки архитектуры Византии и Кавказа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 488 с., илл. + 32 с. цв. вкл., ISBN 978-5-7598-2372-8 (в пер.), ISBN 978-5-7598-2408-4 (e-book).	585
---------------------	---	-----

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>Yu.V. Seleznev</i>	THE MOSCOW PRINCE IN THE CAMPAIGN OF KHAN UZBEK: TOUCHES TO THE CHRONOLOGY OF THE STAY OF PRINCE YURI DANILOVICH OF MOSCOW AND VLADIMIR IN THE HORDE	416
<i>S.A. Kotenkov, D.M. Lobacheva</i>	ENGELBERT KAEMPFER'S MAP AS A NEW SOURCE ON EARLY RUSSIAN FISHING SETTLEMENTS (UCHUGS) IN THE VOLGA DELTA IN THE LATE 17TH CENTURY: INTERPRETATION OF TERMS	423
<i>I.I. Khanmurzaev, M.N. Osmanova</i>	YUSUF AFANDI AL-YAHSAWI: BIOGRAPHICAL INSIGHTS FROM THE KLYCHEV FAMILY MANUSCRIPT COLLECTION	435
<i>M.A. Volkhonskiy, A.A. Yarlykapov</i>	THE TRANSFER OF THE KARANOGAI PRISTAVSTVO FROM THE STAVROPOL GOVERNORATE TO THE TEREK OBLAST: REFORMING ADMINISTRATION IN THE TEREK AND KUBAN OBLASTS, 1883–1888	447
<i>E.M. Dalgat</i>	SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF THE NORTH-EAST CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY	457
<i>Kh.G. Alibekov, R.S. Abdulmazhidov, T.A. Anikeeva</i>	CONTRACTUAL RELATIONS IN A DAGESTANI AUL: THE JOURNAL OF THE UNCHUKATL RURAL COURT (1898–1900)	465
<i>Sh.Sh. Shikhaliev</i>	THE SCHOLARLY PERSONA IN DAGESTANI ARABIC BIOGRAPHICAL LITERATURE	481
<i>A.Yu. Khabutdinov, D.N. Denisov</i>	CHARITABLE SOCIETIES OF MUSLIM TATARS AS INSTRUMENTS OF SOCIAL MOBILITY: ORENBURG MOHAMMEDAN SPIRITUAL ASSEMBLY DISTRICT AND THE NORTH CAUCASUS, EARLY TWENTIETH CENTURY	492

ARCHEOLOGY

<i>K.A. Glazov, M.I. Kudin, A.S. Kizilov</i>	APPLICATION OF 3D TECHNOLOGIES IN REVEALING ANTROPOMORPHIC BAS-RELIEFS ON CHUMAKI GROUP OF DOLMENS, GREATER SOCHI	502
	JAR VESSELS OF KURO-ARAK MONUMENTS OF DAGESTAN: TYPOLOGY AND TECHNOLOGY	515
<i>A.A. Perevozchikova, N.N. Goncharova, N.Ya. Berezina</i>	DYNAMICS OF HUMAN SKELETAL DIMENSIONS FROM THE EARLY IRON AGE TO THE EARLY MIDDLE AGES ON MATERIALS FROM ZAYUKOVO-3 BURIAL GROUND (KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC)	538

ETHNOGRAPHY

<i>T.S. Shahbazov</i>	THE SEARCH FOR NATIONAL IDENTITY IN AZERBAIJAN DURING THE LATE 19th CENTURY	549
<i>K.R. Bazeyan</i>	THE PROCESS OF SHAPING NEW URBAN CULTURE IN LENINAKAN DURING THE EARLY SOVIET PERIOD	561
<i>R.I. Seferbekov</i>	MODERN LIFE-CYCLE RITUALS OF THE RUSSIANS OF THE KIZLYAR REGION: TRADITION AND INNOVATION	571

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>M.S. Gadjeiv</i>	BOOK REVIEW: Vinogradov A.Yu. Essays on the architecture of Byzantium and the Caucasus. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. – 488 p., ill. + 32 p. with colour photos. ISBN 978-5-7598-2372-8, ISBN 978-5-7598-2408-4 (e-book).	585
---------------------	---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214416-422>

Исследовательская статья

Селезнев Юрий Васильевич
доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России
Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
orda1359@mail.ru

МОСКОВСКИЙ КНЯЗЬ В ПОХОДЕ ХАНА УЗБЕКА: ШТРИХИ К ХРОНОЛОГИИ ПРЕБЫВАНИЯ В ОРДЕ КНЯЗЯ ЮРИЯ ДАНИЛОВИЧА МОСКОВСКОГО И ВЛАДИМИРСКОГО

Аннотация: Факт пребывания в ставке хана Узбека русских князей и их дружин зимой 1318–1319 гг. не подвергался осмыслению. Между тем анализ событий данного времени показывает, что в это время ордынские войска совершили поход в Закавказье. Выявленные косвенные свидетельства позволяют утверждать, что в ставке ордынского правителя были сконцентрированы дружины удельных княжеств великого Владимирского княжества, в том числе ратники казненного князя Михаила Ярославича Тверского во главе с его двенадцатилетним сыном Константином. Такая задержка войсковых подразделений может быть объяснена военной необходимостью. В этом случае мы можем предполагать, что войска Владимирского княжества во главе с верховным правителем князем Юрием Даниловичем Московским могли принимать участие в походе Узбека в Закавказье, участвовать в боевых операциях и нести потери. Ордынские войска, среди которых могли оказаться русские дружины, вели боевые действия на переправах реки Куры и понесли потери при отводе войск через Дербент. С большой долей вероятности можно предполагать, что именно в ходе этих действий погиб союзник и покровитель князя Юрия нойон/эмир Кавгадый. Кроме того, восточные (арабские) авторы сохранили свидетельства о наличии у хана Узбека в 1318–1319 гг. подразделений из русских войск. Совпадение хронологии пребывания владимирских дружин в ставке хана и известий источников позволяет отождествить войска Юрия Даниловича и «рати Черкесов, Русских и Ясов». Комплексный анализ имеющихся прямых и косвенных свидетельств позволяет предположительно реконструировать хронологию участия русских войск в походе хана Узбека в Закавказье.

Ключевые слова: Дербент; Юрий Московский; Узбек; Хулагу; Кура; Орда; Ильханат; Кавгадый

Для цитирования: Селезнев Ю.В. Московский князь в походе хана Узбека: штрихи к хронологии пребывания в орде князя Юрия Даниловича Московского и Владимирского // История, археология и этнография Кавказа. 2025 Т. 21. No 4. С. 416-422. doi.org/10.32653/CH214416-422

© Селезнев Ю.В., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214416-422>

Research paper

Yuri V. Seleznev,
Dr. Sci., Head of the Dep. of Russian History
Voronezh State University, Voronezh, Russia
orda1359@mail.ru

A MUSCOVITE PRINCE IN KHAN UZBEK'S CAMPAIGN: RECONSTRUCTING YURI DANILOVICH'S SOJOURN IN THE HORDE

Abstract. The presence of Russian princes and their retinues at Khan Uzbek's headquarters during the winter of 1318–1319 remains unresolved. However, an examination of contemporaneous events indicates that, at that time, the Horde's forces were engaged in a campaign in Transcaucasia. Indirect evidence suggests that the retinues from the appanage principalities of the Grand Principality of Vladimir had assembled at the Horde ruler's headquarters, including the warriors of the executed Prince Mikhail Yaroslavich of Tver, commanded by his twelve-year-old son, Konstantin. This concentration of military units can be attributed to strategic military necessities. Consequently, it is plausible that the forces of the Grand Principality of Vladimir, under the leadership of the grand prince, Yuri Danilovich of Moscow, participated in Uzbek's Transcaucasian campaign, engaged in combat operations, and incurred losses. Horde troops, potentially incorporating Russian retinues, clashed at the crossings of the Kura River and sustained casualties during the retreat through Derbent. It is highly probable that Prince Yuri's ally and patron, the noyon/emir Kavgadyi, perished in these engagements. Moreover, Arabic sources from the East document the presence of Russian units at Khan Uzbek's headquarters in 1318–1319. The alignment of the timeline for the Vladimir forces' stay at the khan's headquarters with these source accounts enables us to equate Yuri Danilovich's troops with the "host of Circassians, Russians, and Jasz." A thorough synthesis of the available direct and indirect evidence allows for a tentative reconstruction of the chronology of Russian troops' involvement in Khan Uzbek's Transcaucasian campaign.

Keywords: Derbent; Yuri Danilovich; Uzbek; Hulagu; Kura; Golden Horde; Ilkhanate; Kavgadyi

For citation: Seleznev Yu.V. A Muscovite Prince in Khan Uzbek's Campaign: Reconstructing Yuri Danilovich's Sojourn in The Horde. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 416-422. doi.org/10.32653/CH214416-422

В ходе борьбы за Владимирский стол князь Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский достигли договоренности предстать перед ханским судом. Осенью 1318 г. князь Михаил был казнен. Князь Юрий и его соратник князь Кавгадый выступили главными обвинителями на процессе.

Однако непосредственно после казни князь Юрий Данилович и его свита не вернулись на Русь, а пребывали в Орде до лета 1319 г. во всяком случае, тверская дружина вернулась в столицу своего княжества, а тело князя Михаила было захоронено в Спасском соборе Твери только 6 сентября 1319 г., после возвращения от Узбека вместе с московской миссией.

Исследователи не фокусировались на вопросе пребывания князя Юрия в Орде. Н.М. Карамзин [1, стб. 116–119], С.М. Соловьев [2, с. 254] (нередко современные исследователи следуют за капитальным трудом исследователя [3, с. 40]), А.В. Экземплярский [4, с. 66], Э. Клюг [5, с. 114], А.А. Горский [6, с. 50–53; 7, с. 42], отмечают присутствие князя Юрия в ставке хана во время казни и возвращение московской свиты. Н.С. Борисов формулирует качества князя, отмечая, что «коренной чертой характера этого человека было честолюбие» [8, с. 202]. А.Н. Насонов [9, с. 87], В.Л. Егоров [10, с. 216–217] отмечают намерение хана Узбека двинуться с военными силами в Закавказье. Однако исследователи не связывают нахождение князя Юрия в ставке ордынского правителя и дальнейшие действия Узбека на кавказском фронте.

Между тем, есть основания полагать, что князь Юрий Данилович должен был принять участие в походе ордынских войск.

В первую очередь на это указывает хронология его пребывания в ставке хана. Накануне вторжения в Закавказье, во время казни князя Михаила Ярославича тверского 22 ноября 1318 г. он был в ставке Узбека и активно участвовал в приведении приговора в исполнение. В Москву князь Юрий вернулся до сентября, вероятнее всего, в начале–середине августа 1319 г. [11, с. 90]. На дорогу в ставку/из ставки ордынского хана русские князья затрачивали в среднем около полутора-двух месяцев [12, с. 104–105; 13, с. 34]. Соответственно, князь Юрий должен был покинуть ставку Узбека самое раннее в начале/середине июня 1319 г. и находился при дворе Узбека с ноября 1318 г. по май 1319 г. Именно в это время разворачивались военные действия в Закавказье.

Противостояние Джучидов и Хулагуидов традиционно связывают с противоречиями из-за Персидского Ирака, Аррана и Азербайджана, которые по факту завоевания должны были принадлежать дому Бату, но были закреплены за Хулагу и его потомками. М.Т. Гаджимурадов к списку спорных территорий добавляет Южный Дагестан [14, с. 68]. В специальных исследования И.Х. Камалова и И.М. Миргалеева отмечается, что противостояние Улуса Джучи и Улуса Хулагу обусловлено борьбой за выгодную в экономическом и стратегическом отношении территорию Закавказья [15, с. 350; 16, с. 3, 37; 17]. И.М. Миргалеев приводит и обзор исследований по вопросу военных действий между монгольскими улусами [15, с. 346].

Предысторией конфликта в эпоху Узбека стала кончина ильхана Олджейту (Улджейту) в конце 1316 г. Тогда же, в 716 г. хиджры (26 марта 1316 – 15 марта 1317 гг.) (вероятно в январе 1317 г.) Узбек получил предложение от иранской аристократии и, в частности, от эмира Чупана (Джупана, Чобана) занять престол Хулагуидов. Но, по совету эмира Кутлуг-Тимура отказался от этого предложения [18, с. 325–326; 19, с. 521–522]. Во главе монгольского Ирана встал 12-летний Абу Саид – сын Олджейту (Улджейту).

Арабские авторы (Ибн Дукмак и Алайни) обозначают причиной начала военных действий политику эмира Чупана (Джубана), который «произвольно распорядился в роде Харбенды (Худабандэ Олджейту. – прим. Ю.С.)» [18, с. 328–329]. При этом Чупан «приказал умертвить Ярынджи и Курмыши, да многих (других)» [18, с. 328–329]. К Узбеку бежали «два лица из сыновей Курмыши и рассказали ему о том, что сделал Джубан» [19, с. 521–522]. На самоуправство от лица Чингизида правитель Орды Узбек «вознегодовал и отрядил войско» [18, с. 328–329]. Данную версию причин похода арабские авторы излагают на основании слов послон Узбека, прибывших в Каир в 1320 г. Таким образом, перед нами версия джучидского двора о причинах военных действий в Закавказье.

Персидские авторы не называют причин военного обострения, но признают, что «престолом царским правит караджу Чупан» [20, с. 86]. Согласно истории Шейха Увейса «пользуясь малолетием Абу Са'ида, Чобан захватил всю власть в государстве и решил отомстить Узбек-хану» [21, с. 105].

Таким образом, в период с марта по октябрь–ноябрь 1318 гг. эмир Чупан приказал казнить ряд представителей правящей элиты Ильханата «всего 40 эмиров» [19, с. 518], в том числе представителей

рода Чингиз-хана. Спасшиеся от расправы направились в Орду, где получили покровительство Узбека: «царь Узбек приблизил их к себе, сдружился с ними и одному из них поручил начальство над томаном» [19, с. 521–522]. Правда, казнь эмира Курмыши персидские авторы относят ко времени после войны 1318/1319 г.

Действия Чупана были расценены как узурпация власти «золотого рода» Чингизидов и послужили поводом для вторжения ордынских войск во главе с самим ханом в Закавказье.

Надо полагать, что отнесенные к 718 году хиджры (= 5 март. 1318 — 21 февр. 1319 г.) боевые действия осуществлялись в декабре-феврале 1318–1319 г. Кроме прямого упоминания о том, что во время этих событий «была зима» [22, с. 85] («середина зимы» [20, с. 88]), о времени похода мы можем судить по дате казни в ставке Узбека князя Михаила Ярославича Тверского. «Житие», повествующее о последних днях князя, отмечает, что смертный приговор был приведен в исполнение 22 ноября 1318 г. В это время ставка хана Узбека находилась на Северном Кавказе недалеко от Дербента: «за рекою Терком, на рецѣ на Сѣвенци, под городом Тютяковымъ, минувши горы высокия Ясския Черкасския, близъ вратъ желѣзныхъ» (за рекою Тереком, на реке на Севенци, под городом Дедяковым, как минуешь горы высокие Ясские Черкасские, близ врат железных) [11, с. 86; 23, с. 111]. Учитывая важное сакральное значения положения небесных светил для принятия решений у Чингизидов, можно предполагать, что наступление на Закавказье началось после полнолуния 8 декабря 1318 г.

По данным «Истории Вассафа» дорогу от Дербента прикрывали войска эмира Тарамтаза (Бармийаза) «с личной тысячей (*хазаре-и-хассе*)». При этом «племена легзан, <...> имели большую связь с той (золотоордынской) стороной» и не оповестили эмира о приближении противника. Войска Тарамтаза (Бармийаза) спешно отступили» [20, с. 86–89]. Весь Ширван оказался занят войсками Джучидов. Согласно Хафизу Аbru, авангард ордынских войск возглавил эмиру Кейхат [22, с. 85].

Согласно «Истории Вассафа» Узбек выстроил свои войска по всем правилам военного искусства: на берегу Куры «разместились правое и левое крыло, авангард (*манкыла*) и арьергард (*кечка*)» [20, с. 86–89].

На противоположном берегу выстроились войска Абу Саида, который зимовал в Карабахе (Гаубари) [22, с. 85]. Однако численное превосходство было на стороне Джучидов. При этом войска эмира Чупана, направлявшиеся в Хорасан, были спешно переброшены в Закавказье [20, с. 86–89]. Дабы предотвратить наступление Узбека Абу Саид приказал выставить палатки вдоль реки в двойном размере – преувеличить численность своих войск. Есть основание полагать, что ордынские войска попытались форсировать Куру, но закрепиться на противоположном берегу не смогли: войско «не имело возможности переправиться через реку Куру» [18, с. 328–329].

Более того, попавшие в плен воины Абу Саида сообщили, что эмир Чупан привел большое войско, которое обходит Джучидов с тыла. Опасаясь окружения и разгрома Узбек приказал отступить за Дербент [20, с. 86–89; 21, с. 103–104; 22, с. 85; 24, с. 144].

Подошедшая армия Хулагуидов вступила в военные действия и эмир Чупан, «пройдя реку, двинул (войска. — прим. Ю.С.) вслед за бежавшими, многих из них убил, а некоторых взял в плен и привел к падишаху» [22, с. 86].

Мирного урегулирования достигнуто не было, и послы Узбека в Каире сообщили о том, что зимой 1319–1320 гг. (до смерти чагатаида Йасавура – «В середине джумад-ал-аввала 720 года (середина июня 1320) царевич Йасавур был убит» [22, с. 110]) ордынские войска пытались вновь разгромить Хулагуидов [18, с. 328–329]. Посольство было призвано возобновить союз против Хулагуидов. Однако надежного ответа в Орде не получили.

Таким образом, поход хана Узбека в Закавказье длился декабрь-январь и, вероятно, февраль – все месяцы зимы 1318–1319 гг. Предположительно в марте/апреле хан уже был на территории Северного Кавказа. Возможно, к маю-июню вернулся в Сарай. Здесь, на Волге или на Северном Кавказе, около июня 1319 г. Узбек распустил свои войска, и князь Юрий получил возможность вернуться в Москву.

Кроме хронологических рамок есть и иные косвенные свидетельства, позволяющие предполагать участие русских ратей в походе Узбека.

Так, в «Житии Михаила Тверского» отмечается, что «Князь же Юрий съемся с Ковгадыемъ, поидоста наперед во Орду, поимше с собою вси князи суздальские и бояре из городовъ и от Новгорода» [11, с. 76]. То есть, московского князя сопровождали его князья-союзники со своими дружинами, личным составом которых командовали бояре. Естественно, что князя Юрия сопровождала его дружина.

Кроме того, в степи была задержана дружина казненного князя Михаила Ярославича Тверского: «На другое же лето приехавъ в Русь князь Юрий, приведе с собою князя Костяньтина и дружину отца его» [11, с. 90]. Таким образом, под контролем и командованием князя Юрия, как главы «Русского улуса», оказались вооруженные силы Владимирского княжества. Причем, удержание дружины казненного князя-противника было обусловлено какой-то важной целесообразностью. Такая необходимость могла возникнуть в случае ведения военных действий, в которых планировалось использовать эти контингенты.

Еще одним косвенным подтверждением участия русских ратей в походе на владения Хулагуидов может послужить указание «Жития Михаила Тверского» на судьбу эмира Кавгадыя: «бысть треклятому и беззаконному Кавгадыю: не пребывъ ни до полулѣта, злѣ испроверже окаянный животъ свой, приять вѣчныя муки» (случилось с треклятым и беззаконным Кавгадыем: не прожив и полугода, скверно кончил он окаянную жизнь свою, принял вечные муки). То есть, Кавгадый с момента казни князя Михаила (22 ноября 1318 г.) не прожил и полугода – погиб при не объясненных агиографом обстоятельствах не позднее второй половины мая 1319 г. Именно на это время выпадает поход хана Узбека в Закавказье. В ходе противостояния на реке Куре по данным Шейх Увейса «завязалось сражение и [противники] осыпали друг друга стрелами» [21, с. 103–104]. Ордынские войска также прикрывали мосты, через которые пытались прорваться отряды противника: возглавляемые «эмирами войска и храбрецами, прорывающими ряды, решил, пройдя через мост царевича Менгу-Тимура, преградить им (неприятелям) дербендский путь» [20, с. 89]. Кроме того, ордынские войска понесли потери при отступлении, когда эмир Чупан «многих из них убил, а некоторых взял в плен и привел к падишаху» [22, с. 86].

Можно предполагать, что именно в этих боестолкновениях эмир Кавгадый получил смертельное ранение.

Показательно, что в «Житие Михаила Тверского» князь Юрий постоянно показан рядом с Кавгадыем. Велика вероятность, что и в походе в Закавказье русские рати действовали рядом с отрядом Кавгадыя или входили в подразделение, которым он командовал. Эти свидетельства, таким образом, косвенно указывают на участие в военных действиях против хулагуидов владими́ро-суздальских дружин.

Еще одним косвенным свидетельством в пользу участия князя Юрия в ордынском походе в Закавказье является утверждение арабского автора ал-Омари о том, что «У султана этого государства рати Черкесов, Русских и Ясов» [25, с. 230]. Ал-Омари, будучи современником (умер в 1349 г.), подразумевает Узбека: «Пребывающий там, теперь султан его, Узбекхан...» [25, с. 232] и «Узбек, правящий ныне государством Кипчацким» [25, с. 241]. При этом информатором ал-Омари о положении дел в армии Орды был Ала ад-Дин ан-Нуман аль-Хорезми: «Спрошен был Шейх Алаэддин, сын Номана, про войска его (Кипчака) и сказал...» [25, с. 241]. При этом в Каире, где с ним мог беседовать ал-Омари, Ала ад-Дин ан-Нуман аль-Хорезми находился полтора года с посольской миссией с 718-го года (= 5 марта 1318 – 21 февр. 1319 г.) по 720-й год (= 12 февр. 1320–30 янв. 1321 г.) [26, с. 57–59; 27, с. 32]. То есть именно в тот самый период, когда развивались события войны Джучидов с Хулагуидами. Таким образом, арабский автор получил непосредственно из первых рук информацию о военных контингентах хана Узбека. В это время значительный контингент, о котором посчитал необходимым сообщить Ала ад-Дин ан-Нуман аль-Хорезми, составлял русский отряд, и это могла быть только Владимиро-Суздальская рать, возглавляемая главой княжества, которым в тот момент был князь Юрий Данилович Московский.

Следует упомянуть, что князь Юрий Данилович был женат на сестре Узбека и являлся ханским зятем. Участие в военных операциях родственников хана, в том числе зятя, было важной обязанностью. В походе 1318–1319 г. фиксируется присутствие двоюродных братьев хана Узбека (сыновья тетки) Кутлуг-Тимура и Сарай-Кутлуга, Иса-гургана [20 с. 86–89], который являлся мужем Иткуджуджук, дочери Узбека, и одновременно отцом Урдуджи, жены Узбека [27, с. 92, 93; 28, с. 295, 296]. Несмотря на то, что к этому времени князь Юрий овдовел – его супруга, сестра Узбека, Кончака (в крещении Агафья) скончалась в тверском плену [29, с. 7–37], московский дом оказался вплетен в систему кровнородственных отношений ордынской аристократии, и его участие в военном походе было неизбежной обязанностью.

Таким образом, комплекс косвенных свидетельств источников различного происхождения позволяет нам сделать обоснованное предположение о том, что князь Юрий Данилович Московский, будучи великим князем Владимирским, после казни князя Михаила Ярославича Тверского не просто находился в ставке хана, но, с большой долей вероятности, участвовал в военном походе Узбека на владения

Хулагуидов. Князь Юрий возглавлял контингент Владимиро-Суздальских дружин, включая тверские силы во главе с княжичем Константином. Надо полагать, что русские войска приняли участие в бое-столкновениях на переправах через реку Куру, вероятно, в составе подразделения, под командованием эмира Кавгадыя, который, по всей видимости, погиб в ходе именно этих сражений. К концу мая 1319 г. армия Узбека и, судя по всему, русские войска были выведены на территорию Джучиева Улуса. К августу дружины русских князей прибыли в свои княжества.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147.

Acknowledgements. The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation under project No. 23-18-00147.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 3–4. СПб., 1842.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3–4 // Сочинения. М., 1993. Кн. 2. 768 с.
3. Мурашев М.А., Погребкова А.Е. Предпосылки и этапы борьбы феодальных центров Северо-Востока Руси за лидерство: соперницы Москва и Тверь // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2024. № 1. С. 37–42.
4. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889. Т.1: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. — 474 с.
5. Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь: РИФ, 1994. 432 с.
6. Горский А.А. Москва и Орда. М.: «Наука», 2000.
7. Горский А.А. 700 лет первому шагу Москвы к статусу общерусской столицы // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы V Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2017. С. 40–44.
8. Борисов Н.С. Семейные установки и личностные особенности в политике московских князей XIV–XV вв. // Проблемы эффективной интеграции науки, образования и инновационной практики в цифровом обществе. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. 2018. С. 200–206.
9. Насонов А.Н. Монголы и Русь: (история татарской политики на Руси). М.: Л.: Акад. наук СССР. Ин-т истории, 1940. — 178 с.
10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Академия Наук СССР, Институт истории СССР, «Наука», 1985.
11. Житие Михаила Ярославича Тверского / подгот. текста В.И. Охотникова и С.П. Семьячко, пер. и коммент.: С. С. Семьячко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. СПб., Наука, 2000. С. 68–90.
12. Селезнев Ю.В. Картины ордынского ига. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. — 437 с.
13. Селезнев Ю.В. О времени, затрачиваемом русскими князьями для поездки в Орду // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 31–36.
14. Гаджимурадов М.Т. Восточный Кавказ в сфере взаимоотношений Золотой Орды и державы Хулагуидов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6. Ч. 1. С. 66–69.
15. Миргалеев И.М. Политика Золотой Орды по отношению к государству хулагуидов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 3. 2009. С. 346–352.

REFERENCES

1. Karamzin NM. *History of the Russian State*. Vols. 3–4. St. Petersburg, 1842. (In Russ)
2. Solovyov SM. *History of Russia from the Earliest Times*. Vols. 3–4. *Works*. Moscow, 1993. Book 2. (In Russ)
3. Murashov MA., Pogrebkova AE. Prerequisites and stages of the struggle of feudal centers of North-East Rus' for leadership: rivals Moscow and Tver. In: *Main Trends in the State and Public Development of Russia: History and Modernity*. 2024; 1: 37-42. (In Russ)
4. Ekzempliarskiy AV. *Great and Appanage Princes of Northern Rus' in the Tatar Period, from 1238 to 1505*. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 1889. Vol. 1: Grand Princes of Vladimir and Vladimir-Moscow. (In Russ)
5. Klug E. *Tver Principality (1247–1485)*. Tver: RIF, 1994. (In Russ)
6. Gorskiy AA. *Moscow and the Horde*. Moscow: Nauka, 2000. (In Russ)
7. Gorskiy AA. 700 years of the first step of Moscow towards the status of the all-Russian capital. *Rus', Russia: Middle Ages and Modern Times. Proceedings of the V Readings in Memory of Academician L.V. Milov*. Moscow, 2017: 40-44. (In Russ)
8. Borisov NS. Family attitudes and personal characteristics in the policy of Moscow princes of the XIV–XV centuries. *Problems of Effective Integration of Science, Education and Innovative Practice in the Digital Society. Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference*. 2018: 200-206. (In Russ)
9. Nasonov AN. *Mongols and Rus': (History of Tatar Policy in Rus')*. Moscow; Leningrad: AS USSR, 1940. (In Russ)
10. Egorov VL. *Historical Geography of the Golden Horde in the 13–14th Centuries*. Moscow: AS USSR, Institute of the History, Nauka, 1985. (In Russ)
11. Life of Mikhail Yaroslavich of Tver. Prepared by V.I. Okhotnikov and S.P. Semyachko, trans. and comm. by S.S. Semyachko. *Library of the Literature of Ancient Rus'*. Vol. 6. St. Petersburg: Nauka, 2000: 68-90.
12. Seleznev YuV. *Pictures of the Mongol Yoke*. Voronezh: VSU Publ., 2017. (In Russ)
12. Seleznev YuV. On the time spent by Russian princes on trips to the Horde. *Ural Historical Herald*. 2012; 2(35): 31-36. (In Russ)
14. Gadzhimuradov MT. Eastern Caucasus in the sphere of relations between the Golden Horde and the Hulaguid state. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*. Tambov: Gramota, 2012; 6(1): 66-69. (In Russ)
15. Mirgaleev IM. The Golden Horde's policy towards the Hulaguid state. *Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 9*. 2009; 3: 346-352. (In Russ)

16. Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с хулагуидами. Перевод с турец. яз. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 108 с.
17. Kamalov I. Mogollarin Kafkasya politikasi. Istanbul: Kaknus yayinlari, 2003. 152 s.
18. Из летописи Ибндукмака // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 325–326.
19. Из летописи Бедреддина Элайни // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884. С. 521–522.
20. Из «Истории Вассафа» // Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. М.-Л. АН СССР. 1941.
21. *Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари*. Тарих-и шейх Увейс. Баку. Элм. 1984.
22. *Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи)*. Зайл-и Джамии ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида»). Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2011. – 320 с.
23. Селезнев Ю.В. Казнь в безлунную ночь: к вопросу о сакральности приведения в исполнение смертного приговора в Орде // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. №5. 2022. С. 109–114.
24. Из «Продолжения сборника летописей» // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, том II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен. М.-Л.: АН СССР, 1941.
25. Из сочинения Ибнфаддаллаха Эломари // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884.
26. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009. С. 32.
27. Селезнев Ю.В. Учёный Золотой Орды Ала-эд-Дин Энноман Эльхarezми // Проблемы изучения и преподавания истории культуры. Воронеж, 2005. С. 57–59.
28. Из описания путешествий Ибн Батуты // Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, том I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884.
29. Лаврентьев А.В. «Кончакъ, княгиня великаа Юрьева, сестра царева»: брак великого князя Юрия Даниловича и отношения Москвы, Орды и Твери в 10–20-х гг. XIV в. // Российская генеалогия: научный альманах / Под общ. ред.: А.В. Матисон. Вып. 14 М.: ООО «Старая Басманная», 2023. С. 7–37.
16. Kamalov I.Kh. *Relations of the Golden Horde with the Hulguids*. Trans. from Turkish and scientific ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Mardzhani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2007. (In Russ)
17. Kamalov I. *Mogollarin Kafkasya politikasi*. Istanbul: Kaknus yayinlari, 2003.
18. From the chronicle of Ibn Dukmak. In: *Tizengauzen V.G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. I. Extracts from Arabic Works*. Saint-Petersburg, 1884: 325-326. (In Russ)
19. From the chronicle of Bedreddin Elaini. In: *Tizengauzen V.G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. I. Extracts from Arabic Works*. Saint-Petersburg, 1884: 521-522. (In Russ)
20. From the History of Wassaf. In: *Tizengauzen V.G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. II. Extracts from Persian Works, Collected by V.G. Tizengauzen*. Moscow–Leningrad: AS USSR, 1941. (In Russ)
21. *Abu Bakr al-Kutbi al-Akhari*. *Tarikh-i sheikh Uvays*. Baku: Elm, 1984. (In Russ)
22. Hafiz Abru (Shihab ad-Din Abdallah ibn Lutfallah al-Khavafi). *Zail-i Jami at-tavarikh-i Rashidi (Supplement to the Collection of Histories of Rashid)*. Trans. from Persian, foreword, comm., notes and index by E.R. Talyskhanoff. Ed. in chief: I.M. Mirgaleev. Kazan: YAZ Publ., 2011. (In Russ)
23. Seleznev YuV. Execution on a moonless night: on the question of the sacrality of carrying out the death sentence in the Horde. *Stratum plus*. *Archaeology and Cultural Anthropology*. 2022; 5: 109-114. (In Russ)
24. From the Continuation of the Chronicle Collection. In: *Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. II. Extracts from Persian Works, Collected by V.G. Tizengauzen*. Moscow–Leningrad: AS USSR, 1941. (In Russ)
25. From the work of Ibn Fadlallah al-Umari. In: *Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. I. Extracts from Arabic Works*. Saint-Petersburg, 1884. (In Russ)
26. Seleznev YuV. *Elite of the Golden Horde*. Kazan, 2009. (In Russ)
27. Seleznev YuV. The scholar of the Golden Horde Ala-ad-Din Ennoman Elkharezmi. *Problems of Studying and Teaching the History of Culture*. Voronezh, 2005: 57-59. (In Russ)
28. From the description of the travels of Ibn Battuta. In: *Tizengauzen V.G. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. I. Extracts from Arabic Works*. Saint-Petersburg, 1884. (In Russ)
29. Lavrentiev AV. “Konchak, the great princess of Yuryev, the tsar’s sister”: the marriage of Grand Prince Yuri Danilovich and the relations of Moscow, the Horde and Tver in the 10–20s of the 14th century. *Russian Genealogy: Scientific Almanac*. Ed. in chief: A.V. Matison. 2023; 14(1): 7-37. (In Russ)

Поступила в редакцию 17.10.2024
 Принята в печать 03.03.2025
 Опубликована 15.12.2025

Received 17.10.2024
 Accepted 03.03.2025
 Published 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214423-434>

Исследовательская статья

Котеньков Сергей Анатольевич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
s_kotenkov@mail.ru

Лобачева Дарья Максимовна
младший научный сотрудник; ведущий инженер
МГУ им. М.В. Ломоносова, географический ф-т., Москва, Россия;
Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
lobachevadm@my.msu.ru

КАРТА ЭНГЕЛЬБЕРТА КЕМПФЕРА — НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ПЕРВЫХ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ — УЧУГАХ В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ XVII в.: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНОВ

Аннотация. Цель исследования – идентификация топонимов, обозначающих учуги – первые русские поселения XVII в. в дельте Волги, на карте Энгельберта Кемпфера (1697 г.), их сравнительно-исторический анализ с иными картографическими источниками. Среди задач: перевести и идентифицировать топонимы на карте Кемпфера; сравнить их с картами А. Олеария (1647 г.), чертежами российских учугов XVII, XIX вв. и современными названиями; определить имущественную принадлежность учугов. Детальный анализ карты Э. Кемпфера показал, что данный документ является уникальным картографическим артефактом XVII в., дополняющим сведения о социально-экономическом развитии дельты Волги, отражающим географические реалии Прикаспия XVII в. и интерес европейцев к ресурсам региона. Идентифицированы топонимы, обозначающие рыбные промыслы в дельтовой части на карте Э. Кемпфера, определены их наименования, идентичность названиям рек, на берегах которых они располагались. Повышение уровня Каспийского моря в XVIII–XIX вв., вызвавшее затопление поселений и изменение гидрологических условий, стало основной причиной прекращения деятельности учугов. Полученные данные расширяют представления об исторической картографии, экономической истории и культурной географии региона.

Ключевые слова: карта Энгельберта Кемпфера; рыбный промысел; местоположение учугов; забойка; дельта Волги; Каспийское море; история картографии

Для цитирования: Котеньков С.А., Лобачева Д.М. Карта Энгельберта Кемпфера – новый источник о первых русских поселениях – учугах в дельте Волги XVII в.: интерпретация терминов // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 4. С. 423-434. doi: [org/10.32653/CH214423-434](https://doi.org/10.32653/CH214423-434)

© Котеньков С.А., Лобачева Д.М., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214423-434>



Research paper

Sergey Anatolievich Kotenkov
Ph.D. (in History), Senior Scientific Researcher
Shirshov Institute of Oceanology of RAS, Moscow, Russia
s_kotenkov@mail.ru

Daria Maksimovna Lobacheva
Junior Researcher; Leading engineer
Lomonosov Moscow State University, Geography Department, Moscow, Russia;
Shirshov Institute of Oceanology of RAS, Moscow, Russia
lobachevadm@my.msu.ru

ENGELBERT KAEMPFER'S MAP AS A NEW SOURCE ON EARLY RUSSIAN FISHING SETTLEMENTS (UCHUGS) IN THE VOLGA DELTA IN THE LATE 17TH CENTURY: INTERPRETATION OF TERMS

Abstract. This study aims to identify toponyms denoting uchugs – the earliest Russian fishing settlements established in the Volga Delta during the 17th century – on Engelbert Kaempfer's map of 1697 and to conduct a comparative-historical analysis using other cartographic sources. Specific objectives include translating and identifying the toponyms on Kaempfer's map; comparing them with those appearing on Adam Olearius's maps (1647), seventeenth- and nineteenth-century drawings of Russian uchugs, and modern place names; and determining the precise locations and ownership of these uchugs. Detailed analysis of Engelbert Kaempfer's map demonstrates that it is a unique seventeenth-century cartographic source. It complements existing knowledge of the socio-economic development of the Volga Delta, accurately reflects the geographical configuration of the Caspian lowland in that period, and illustrates European interest in the region's resources. Toponyms designating fisheries in the delta portion of the map have been identified, and their correspondence to the names of the rivers or channels on which the uchugs were located has been established. The primary reason for the abandonment of uchugs was the rise in Caspian Sea level during the eighteenth and nineteenth centuries, which flooded settlements and altered hydrological conditions. The results broaden our understanding of historical cartography, the economic history of fishing in the region, and its cultural geography.

Keywords: E. Kaempfer's map; fishery; uchugs; zaboyka; Volga Delta; Caspian Sea; cartographic history

For citation: Kotenkov S.A., Lobacheva D.M. Engelbert Kaempfer's Map as a New Source on Early Russian Fishing Settlements (Uchugs) in The Volga Delta in The Late 17th Century: Interpretation of Terms. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 423-434. doi. org/10.32653/CH214423-434

Введение

История развития и становления обширной территории Волжского Понизовья, присоединенной к России в эпоху Ивана Грозного, до настоящего времени остается малоизученной. Особый интерес представляют вопросы заселения одной из периферийных территорий Российского государства XVII в. – дельты Волги. Географическое положение Астрахани в отдалении от центральных регионов Московского царства, наличие свободных земельных просторов и речных угодий всегда привлекали русское население и, в первую очередь, беглых крестьян.

На территории региона рыбный промысел зародился ещё в эпоху Хазарского Каганата (VIII–X вв.) и продолжил своё развитие в периоды вхождения региона в состав Золотой Орды (XIII–XIV вв.) и Астраханского ханства (XV в.) [1, с. 226]. После присоединения Астрахани к Российскому государству в середине XVI в. стихийная колонизация способствовала экономическому освоению не только Астраханского края, но и волжской дельты в целом. Русские переселенцы перенимали у местных жителей способ рыбной ловли посредством учугов [2, с. 220–221; 1, с. 226]. Рыбные промыслы – учуги состояли из забоек (деревянных конструкций, преграждавших реку, где проводилась рыбодобыча) и станов (поселений рыбаков на берегах рек, где они жили и обрабатывали, добываемую на забойках рыбу) и, где оседали, как беглые крестьяне, так и вольнонаемные.

В конце XVII в. учуги становятся крупными рыбопромысловыми хозяйствами, укрепленными частоколом, с внушительными хозяйственными и бытовыми постройками, церквями и военизированной охраной, имеющей на вооружении даже артиллерию.

Несмотря на то, что по истории заселения волжской дельты и развитию рыболовства на её территории существует обширная литература [3–9], до настоящего времени не были опубликованы карты расположения учугов – первых русских поселений XVII в., не установлены причины прекращения деятельности некоторых рыболовных промыслов.

Целью нашего исследования является детальный анализ топонимов, обозначающих учуги – первые русские поселения в дельте Волги XVII в. на карте Э. Кемпфера «Hetsuydelykste gedeelte van de Vliet Wolga» (Южная часть реки Волги), опубликованной в книге Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» (1697 г.). Данная работа является продолжением исследований авторов указанного источника, в ходе которых был выполнен сравнительно-исторический анализ гидронимов дельтовой части карты Кемпфера и проведена историко-географическая реконструкция водного маршрута следования путешественника на участке от г. Астрахани до Каспийского моря [10].

Для достижения цели исследования нами были поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть и ввести в научный оборот перевод топонимов, обозначающих учуги на дельтовой части карты Э. Кемпфера; 2) сравнить расположение учугов на картах Э. Кемпфера (1683 г.), А. Олеария (1637 г.), чертеже учугов Троицкого монастыря (II пол. XVII в.); 3) указать причины прекращения деятельности учугов.

Проблеме колебаний уровня Каспийского моря в исторической ретроспективе и их влиянию на судьбы населения каспийского водоема посвящен ряд современных публикаций [11–14]. Данная работа имеет свою актуальность на фоне происходящего обмеления дельты Волги и Каспийского моря, т.к. иллюстрирует примеры негативного влияния природно-климатических факторов на изменение хозяйственной инфраструктуры жителей прибрежных районов.

Материалы и методы исследования

Для решения поставленных задач, мы приводим переводы обозначений и интерпретации топонимов на карте Э. Кемпфера. При уточнении достоверности сведений Э. Кемпфера представляем выдержки из сочинений европейцев, прошедших по Волго-Каспию в XVII вв., секретаря Шлезвиг-Голштинского посольства Адама Олеария (1637 г.), [15], голландского плотника с корабля «Орёл» Яна Стрейса (1670 г.) [16], российских источников XVII–XIX вв. Приводим сравнительные характеристики топонимов на картах Э. Кемпфера, А. Олеария, чертеже учугов Троицкого монастыря, в которых представлены как сохранившиеся, так и вышедшие из употребления топонимы волжской дельты.

Ко времени путешествия Э. Кемпфера (1683 г.) о волжской дельте имелись только карты А. Олеария [17], (рис. 1), где упоминаются наименования нескольких рек и населённых пунктов на берегах Волги. О качестве русских карт XVII в., А. Олеарий заметил, что они «совершенно неверны и не позволяли определить путь» [15, с. 361]. Другая карта была за авторством Я. Стрейса [18], где обозначены только река Волга и город Астрахань.



Рис. 1 Фрагмент карты р. Волга А. Олеария (дельтовая часть) [17] 1 – Astrakhan (Астрахань); 2 – Juantzur (учуг Иванчуг); 3 – Tatarski molobiza (Татарский молобиза); 4 – забойка – (учуг Урустоба)

Fig. 1 Fragment of A. Olearius' map of the Volga River (delta part) [17]. 1 – Astrakhan (Astrakhan); 2 – Juantzur (Ivanchug); 3 – Tatarski molobiza (Tatarski molobiza); 4 – Zaboyka – (Urustoba)

Сохранился чертеж расположения учугов из Жалованных церковных грамот астраханского Троицкого монастыря, датируемый второй половиной XVII в., с изображениями станов и забоек, отведённых указанному монастырю¹ (рис. 2). Данный чертёж, более похожий на схему, интересен тем, что отражает местоположение некоторых станов (учугов) на берегах рек. Первая подробная отечественная карта дельты Волги с изображениями дельтовых протоков и забоек была составлена С.М. Гмелиным и опубликована в 1777 г. [19], но на ней отсутствуют некоторые рыбные промыслы, указанные Э. Кемпфером.

В документах Астраханской рыбной конторы указаны границы рыболовных угодий и отмечены промеры расстояний от Астрахани до учугов [22], но карты расположения забоек на Волге не сохранились².

Для изучения вопросов истории рыболовства и русской колонизации дельты Волги XVII в., представляются особенно ценными картографические материалы Э. Кемпфера (1651–1716 гг.). В 1683 г. их автор в качестве секретаря шведской делегации прошёл путь из Стокгольма в Исфахан через Москву и Астрахань по Волге в Каспийское море [21].

1 Чертеж расположения учугов и промысловых ватаг в дельте Волги. Вторая половина XVII в. // Отдел рукописей Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника. КП 41422/5. Л. 260 об.

2 Дело Астраханской рыбной конторы (1765–1781 гг.) // Государственный архив Астраханской области. Ф. 614. Оп. 1. Д. 560. 1775.

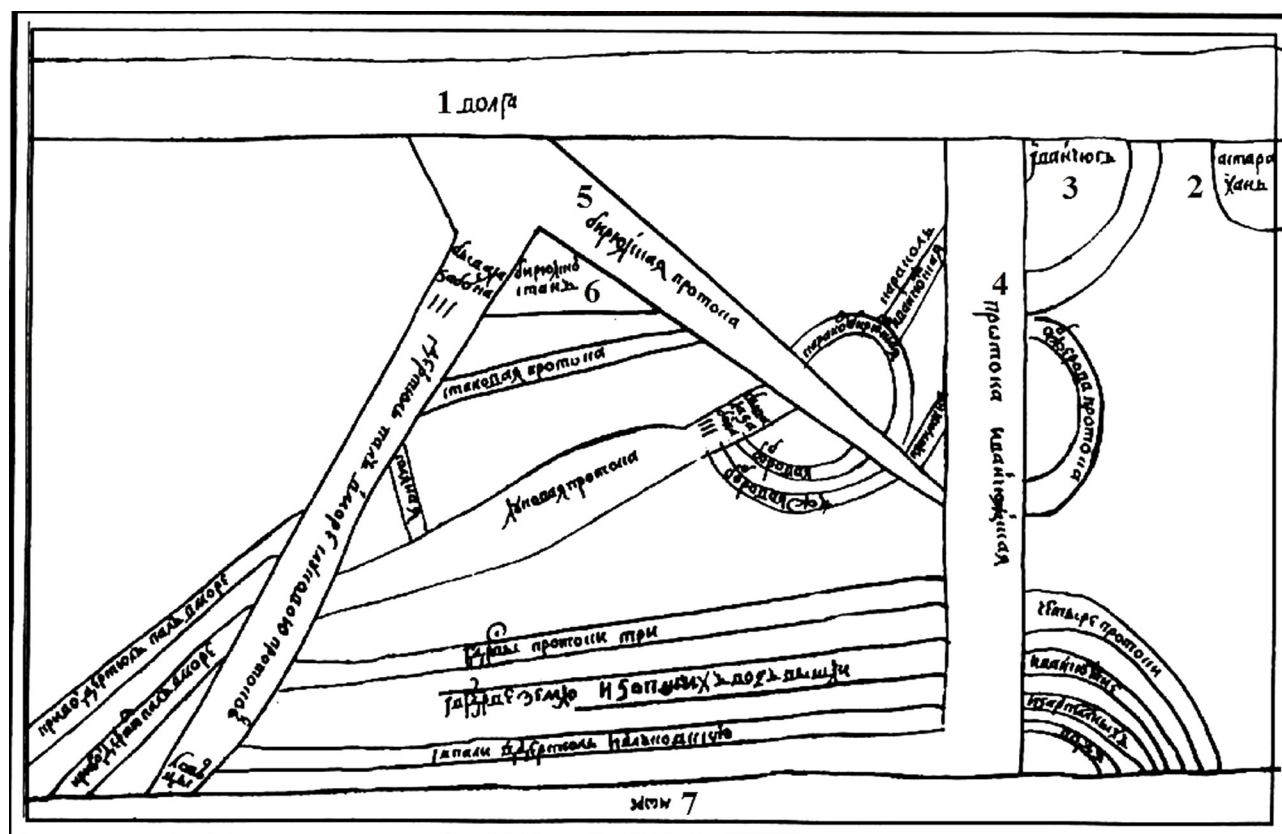


Рис. 2 Чертеж расположения учугов и промысловых ватаг в дельте Волги³.
1 – Долга (Волга); 2 – Астаракань (г. Астрахань); 3 – Ядантюг (учуг Иванчуг); 4 – Иданчуг (р. Старый Иванчуг); 5 – Бирюльская протока (р. Бирюль); 6 – Бирюльский стан (учуг Бюрюль); 7 – море (Каспийское море)

Fig. 2 Drawing of the location of uchugs and fishing vatagas in the Volga Delta.
1 – Dolga (Volga); 2 – Astarakan (Astrakhan); 3 – Yadantug (uchug Ivanchug); 4 – Idanchug (Staryi Ivanchug River); 5 – Biryul channel (Biryul river); 6 – Biryul station (Uchug Byuryul); 7 – sea (Caspian Sea)

Следует отметить, что зарубежные авторы в своих публикациях уделяли мало внимания запискам Э. Кемпфера о России, либо вообще не упоминали его имя в числе путешественников, посетивших Россию в XVII в. [22]. Причина этому – сложность прочтения документов путешественника, написанных на немецком и латыни [23, р. 5; 15], плохая сохранность рукописей текста [22, р. 9] и потеря части текста [23; 24, р. 148].

К началу XXI в. из записок Э. Кемпфера в России были опубликованы две книги: Ф.П. Аделунгом о его пребывании, главным образом, в Москве [25] и записки о восстании Степана Разина [26].

Российский дневник (1683 г.) Э. Кемпфера с описанием его пути из Москвы вниз по Волге до Астрахани был опубликован в немецких изданиях 1968 г. [27] и 2003 г. [21, р. 83]. Переводчики первого издания Э.Л. Дубман, С.И. Дубинин и второго издания А.Л. Хорошкевич указали на ошибки автора в именах собственных и географических названиях [29, с. 311–312], а также на отсутствие в дневниках описаний волжской дельты [29].

Во время путешествия по России Э. Кемпфер не только делал записи в дневнике, но и составлял карты маршрутов, которые хранятся в отделе рукописей Британской библиотеки в Лондоне, среди которых на 10 листах изображена р. Волга. Единственным автором, проводившим работы с данными картами, является М. Лазар [31], опубликовавшая один лист с чертежом р. Волга, на котором изображён «участок окрестностей Астрахани» [25, р. 68] с плохо различимыми надписями. М. Лазар уточняет, что Э. Кемпфер возил с собой в путешествие издание Олеария «*Vermehrte Neue Beschreibung der Muscotuitischen und Persischen Reyse*» (Шлезвиг, 1656 г.) [31, р. 68, 71].

³ Чертеж расположения учугов и промысловых ватаг в дельте Волги. Вторая половина XVII в. // Отдел рукописей Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника. КП 41422/5. Л. 260 об.

Описания и карта маршрутов Э. Кемпфера послужили Н. Витсену основным источником для его карты «*Hetsuydelykste gedeelte van de Vliet Wolga*» (Южная часть реки Волги), позднее вошедшей во второе расширенное издание книги Н. Витсена «*Noord en Oost Tartarye*» (Северная и Восточная Тартария) [31]. Э. Кемпфер состоял в переписке с Витсеном в 1693–1694 гг. и делился с ним собранными о России сведениями, в частности, о Нижней Волге [28, р. 7]. Впервые в России эта карта из указанной книги Н. Витсена была опубликована Е.В. Гусаровой [32]. В изданной в 2010 г. на русском языке книге Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария», переводы топонимов и гидронимов к данной карте не приводятся [33, с. 754].

М. Лазар сообщает, что по пути следования водными путями Э. Кемпфер получал топографическую информацию, опрашивая членов команд судов и местных жителей, однако языковые барьеры были причиной многих неразборчивых географических названий [30, р. 68]. На карте, представленной в книге Витсена, несколько топонимов и условные обозначения в нижней части карты прописаны уже на голландском языке⁴.

В работе использовался сравнительно-исторический метод с детальным анализом карты Э. Кемпфера и картографический метод — для визуализации местоположения рыбных промыслов XVII в. в дельте Волги. Применение картографического метода с использованием письменных источников — основная составляющая часть данного исследования.

Также в работе использовались ранее опубликованные авторами материалы, посвященные сравнительно-историческому анализу гидронимов дельтовой части карты Кемпфера [10]. Нами выявлено сходство отдельных гидронимов западного участка дельты с картой Олеария (1647 г.) и современностью.

Итого, систематизация материала с точки зрения временного и пространственного аспектов позволяет аргументированно дополнить накопленные материалы о заселении некоторых районов дельты Волги, подтвердить закономерность возникновения населённых пунктов на местах рыболовных угодий.

Результаты и обсуждение

В работе рассматривается участок карты от *Astrakan*⁵ (г. Астрахань⁶) (рис. 4/1) до *De Kaspische Zee* (Каспийского моря) (рис. 4/16). Описания топонимов приводятся в направлении с севера на юг.

При попытке перевода топонимов на карте Э. Кемпфера нами установлено, что многие отмеченные автором пункты, представляют собой русские омонимы, написанные голландскими буквами, что значительно облегчило авторам трактовку указанных топонимов. В нашей работе мы представляем перевод собственно голландских слов, а для написанных голландскими буквами русских топонимов приводим их русское произношение и интерпретацию. Авторами впервые приводится расшифровка русских топонимов и гидронимов, прописанных скорописью XVII в. на чертеже учугов Троицкого монастыря (вторая половина XVII в.)⁷. Представляем для сравнения расположение топонимов на карте Э. Кемпфера с их местоположением на карте А. Олеария (рис. 1), чертеже учугов Троицкого монастыря (рис. 2).

4 Выражаем благодарность за перевод текстов с голландского языка слависту профессору Эммануэлю Вагемансу (Антверпен, Бельгия).

5 Здесь и далее по тексту курсивом выделены написанные голландскими буквами русские топонимы и гидронимы.

6 Здесь и далее по тексту для написанных голландскими буквами русских топонимов и гидронимов в скобках приводится их русское произношение.

7 Выражаем благодарность за расшифровку топонимов, написанных скорописью XVII в. Богатырёву А.И. журналисту-краеведу из г. Астрахани

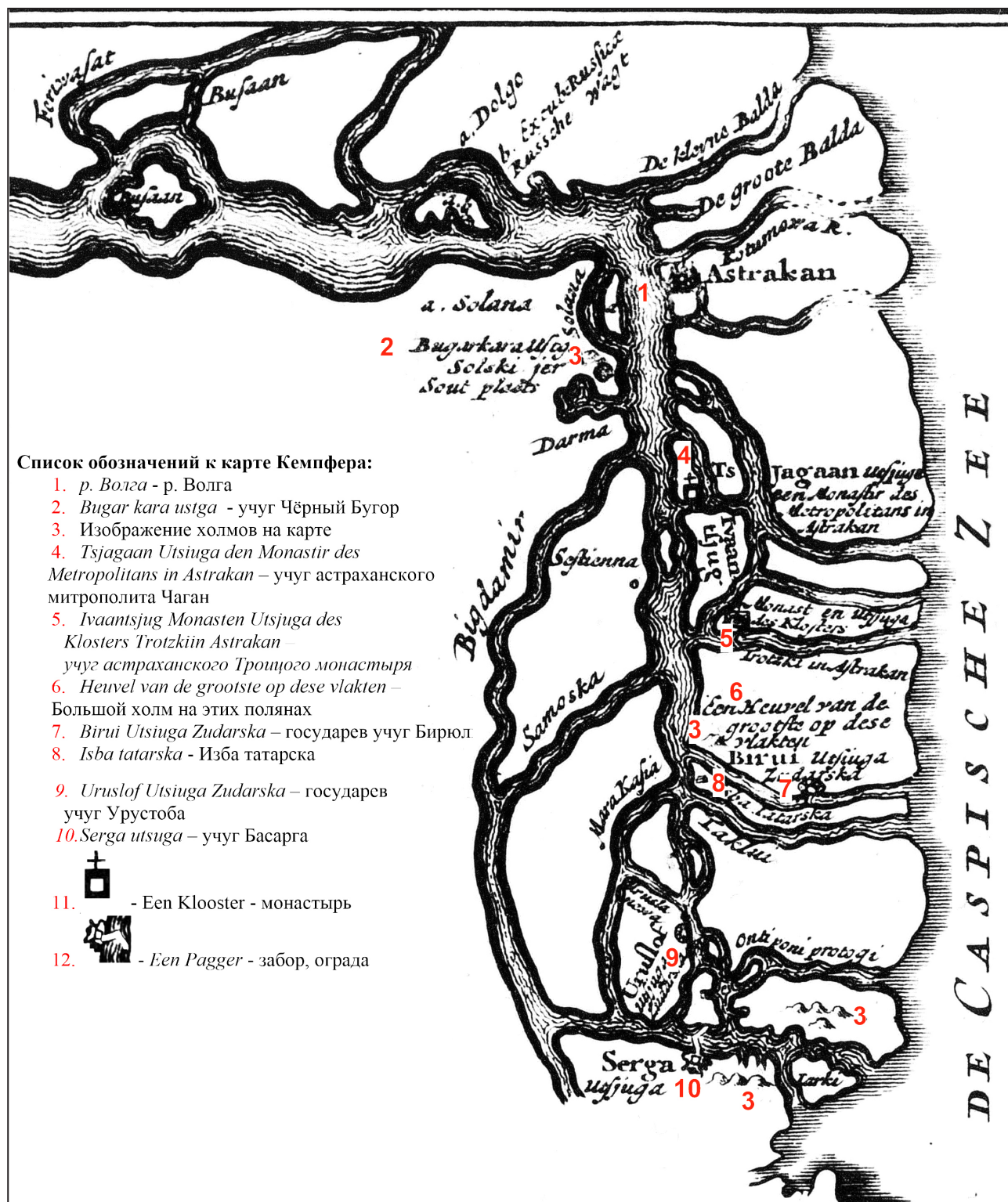


Рис.3 Фрагмент карты Кемпфера с изображением участка дельты Волги от о. Долгий (a. Dolgo) до Каспийского моря (De Kaspische Zee). Выполнена Котеньковым С.А.
1 – 12 – номера топонимов населенных пунктов, учугов (забоек), условных обозначений

Fig. 3 Fragment of Kampfer's map depicting an area of the Volga Delta from Dolgy Island (a. Dolgo) to the Caspian Sea (De Kaspische Zee). Prepared by Kotenkov S.A.
1–12 – numbers of populated localities, fishing uchugs, and conventional symbols

Первый топоним на данном участке карты расположен на правом берегу Волги (рис. 3/1) и носит название *Bugar kara ustga* (Бугар кара устга) (рис. 3/2), который можно идентифицировать как Бугар, по-русски – «бугор», кара – по-тюркски «чёрный», что означает Чёрный бугор. Рядом изображён холм, обозначающий один из бэровских бугров (возвышенностей естественного происхождения), которые неоднократно изображены на карте (рис. 3/3). Рядом с одним из них имеется надпись *Een Heuvel van de grootste op dese vlakten* (рис. 3/6), в переводе с голландского означающая «большой холм на этих полянах». Для перевода топонима *Ustga* (Устга) обратимся к списку обозначений на карте Э. Кемпфера, где созвучному голландскому слову *Utsiuga* (Утсюга) дано обозначение *een visscherij*, (рис. 3/13) переводимое с голландского как «место рыбной ловли». По нашему мнению, слово *ustga* является сокращением слова *Utsiuga*. В свою очередь, слово «утсюга» (место рыбной ловли) созвучно русскому слову «учуг» (забойка, рыбный промысел). На карте Э. Кемпфера слово *Utsiuga* (учуг) обозначено на берегах рек знаком, напоминающим цветок, изображенный напротив топонимов, обозначающих учуги (рис. 3/2, 4, 5, 7 9). У трёх топонимов (рис. 3/4, 7, 9) изображена светлая скобка, перегораживающая реку. В списке условных обозначений – знак в виде «цветка» отмечен голландским словом *Een Pagger* (рис. 3/12), что в переводе на русский язык означает «забор, ограда», в нашем случае, «забойка». Первым из европейцев, путешествовавших по Волге, упомянувшим учуг в 1580 г., был английский негодант Х. Бэрроу, отметивший, что «*учуг – название «запруды» на татарском языке*» [34, с. 268]. Конструкция забойки представляла собой сплошной частокол из брёвен, вбитых в дно поперёк реки для перекрытия прохода крупной рыбе. В конструкции устраивались ловушки – «учужные избы», куда попадала рыба осетровых пород, идущая вверх по реке на нерест, откуда рыболовы баграми вылавливали её, грузили в лодки и транспортировали на берег, где затем на станах эту рыбу разделывали и обрабатывали [19]. Значит, топоним *Bugar kara ustga* дословно означает «учуг Чёрный Бугор». Однако установить его точное местоположение и наименование реки, на берегах которой он располагался, не представляется возможным.

Топоним на левом берегу Волги с названием *Tsjagaan Utsiuga den Monastir des Metropolitans in Astrakan* в переводе с голландского означает «Чаган утсюга монастырский митрополита Астраханского» (рис. 3/4). Данный топоним соответствует учугу Чаган, располагавшемуся на одноименной протоке [21, с. 116]⁸. Данный промысел, известный с нач. XVII в., принадлежал астраханской митрополии [8, с. 74-75]. На карте рядом с учугом изображён знак в виде прямоугольника с крестом на его вершине, отмеченный в списке условных обозначений голландским словом *Een Klooster*, что в переводе означает «монастырь» (рис. 3/11). На промысле действительно существовала церковь во имя Великомученицы Екатерины, построенная в XVII в. [35 с. 110]. Название данного учуга происходит от тюркского слова *чегень* – свая, длинное бревно – главная деталь в конструкции забоек на учугах [3, с. 125]. Вероятно, и река, на которой находился учуг, впоследствии получила своё название по имени этой забойки.

Ниже по течению, на левом берегу безымянной реки, знаком «скобки» отмечен топоним, именуемый *Ivaantsjug Monasten Utsjuga des Klosters Trotskiin Astrakan*, что переводится с голландского как «Иванчуг монастырский учуг Троицкого монастыря в Астрахани» (рис. 3/5). На карте А. Олеария данный рыбный промысел именуется *Juantzur* (Янтцур) (рис. 2/2), на чертеже учугов Троицкого монастыря – *яданчуг* (рис. 2/3), расположенный на протоке *Иванчужная* (рис. 2/4)⁹. Первоначально данный учуг носил название Яман учуг, что означает по-татарски «плохая забойка», позднее был переименован на русский лад в Иванчуг. Со времени захвата Астрахани и до 1575 г. учуг сдавался в аренду татарам, а с 1575 г. передан Троицкому монастырю [36, с. 85]. В данном случае и река, на которой находился учуг, впоследствии получила своё название по имени этой забойки.

Следующий топоним ниже по течению – *Birui Utsiuga Zudarska* (Бирюй утсюга зударска) (рис. 3/7). Первые два слова определяются как учуг Бирюль, а слово «зударска» может означать «государев», т.к. данный промысел находился в дворцовом ведомстве [8, с. 76]. Данная забойка, известная в XVII в. под именем учуг Бирюль, находилась на берегах одноименной протоки [37, с. 68].

Далее следует пункт *Isba tatarska* (Имба татарска) (рис. 3/8) – неизвестное татарское поселение в дельте Волги. В записях и на карте А. Олеария данный топоним упоминается под названием *Tatarski*

⁸ Дело Астраханской рыбной конторы (1765–1781 гг.) // Государственный архив Астраханской области. Ф. 614. Оп. 1. Д. 560. 1775.

⁹ Чертеж расположения учугов и промысловых ватаг в дельте Волги. Вторая половина XVII в. // Отдел рукописей Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника. КП 41422/5. Л. 260 об. С. 116–117.

molobiza (Татарский молобиза), «...у русских называется «татарским мольбищем...» (рис. 1/3) [15, с. 358].

Очередной пункт на карте – *Uruslof Utsiuga Zudarska* (рис. 3/9) – Уруслов утсюга зударска – определён нами как Учут «государев» Урустоба, находившийся в дворцовом ведомстве, располагался на протоке Уруслово плёсо [8, с. 76].

Следующий топоним с названием *Serga utsuga* (Серга утсюга) (рис. 3/10) идентифицирован нами, как учут Басарга. Данный промысел, находившийся во владении астраханского архиепископа, размещавшийся на одноименной реке [38; 21, с. 118].

Судьба рыбных промыслов в дельте Волги, отмеченных на карте Э. Кемпфера, сложилась по-разному. В XVI в. при уровне моря (–31 – –30,0 м абс.) [36] и в XVII в. при уровне моря (максимум –25,0 м абс.) [39] гидрологическая ситуация благоприятствовала развитию рыбного промысла даже в районе устьевого взморья. Но в период с 40-х гг. XVIII в. – нач. XIX в. происходил подъём уровня Каспийского моря, остававшийся в течение 70 лет на отметке –23,5 м абс. [14, с. 155]. В записях Астраханской рыбной конторы за 1742 г. сохранилась информация о том, что на учугах Бирюль, Урустоба, Басарга вылов рыбы прекратился в связи с подъёмом уровня моря, затоплением их построек и занесением забоек песком [20, с. 116–118]. Следует также учитывать тот факт, что установка «частокола» из брёвен поперёк реки замедляет течение водотока, способствуя занесению и обмелению русла в этом месте.

На сегодняшний день карта Э. Кемпфера – единственная сохранившаяся карта XVI–XVIII вв., изображающая западный участок волжской дельты с расположением и наименованием некоторых учугов и их имущественной принадлежностью.

Рыбные промыслы являлись единственными русскими населёнными пунктами в дельте Волги. На Волго-Каспийском пути только на учугах торговые суда могли остановиться на отдых, где им могли оказать помощь при их ремонте, снятии с мелей в районе устьевого взморья, при нападениях грабителей или пиратов, пополнении запасов провианта [16].

Терминология, относящаяся к названиям учугов, также почти всегда имеет тюркское происхождение. Рыбные промыслы Бирюль, Урустоба, Басарга получили свои названия от рек с тюркскими наименованиями, а учуги Чаган и Иванчут дали наименования рекам, на которых они строились. Данный факт подтверждает версию о том, что указанные рыбные промыслы существовали ещё в XVI в. и принадлежали астраханскому хану и татарской аристократии вплоть до 70-х гг. XVI в [2, с. 220–221].

Существовавшая в XVII в. гидрологическая ситуация в дельте Волги благоприятствовала функционированию рыбных промыслов. Подъём уровня Каспийского моря в период с 40-х гг. XVIII в. – нач. XIX в. изменил гидрологический режим в дельте Волги, особенно в районе устьевого взморья, что привело к затоплению территории некоторых учугов, занесению некоторых протоков и, как следствие, невозможности осуществления вылова рыбы посредством забоек. Работники рыбных промыслов вынуждены были переселяться с заброшенных учугов в другие места.

Ряд названий на исследуемой карте представляют собой искаженное звучание русских топонимов, объяснимое ошибками автора, черпавшего сведения из разнообразных, нередко противоречащих друг другу, источников.

Карта Э. Кемпфера превосходит карту А. Олеария и чертёж учугов Троицкого монастыря в совокупной подробности и точности передачи географических реалий волжской дельты, отражая большее число рыбных промыслов в более приближенном к реальности масштабе. Превзойти её не смогла даже изданная спустя 100 лет карта дельты Волги за авторством С.М. Гмелина (1777 г.) [20].

В результате анализа дельтовой части карты Э. Кемпфера были переведены с голландского языка на русский надписи и полностью идентифицированы наименования русских топонимов, написанных голландскими буквами.

В связи с чем представляется возможным начать изыскания по определению местоположения первых русских поселений XVII в. западной части дельты.

Выводы

В представленной работе авторам удалось выполнить поставленные задачи. Проведены исследования по детальному анализу дельтовой части карты Э. Кемпфера, одного из самых ранних картографических документов XVII в., в котором фиксируются места учугов – первых русских поселений, часть которых существует по настоящее время.

Выполнен перевод топонимов, обозначающих рыбные промыслы в дельтовой части на карте Э. Кемпфера, определены их наименования идентичность названиям рек, на берегах которых они располагались.

Установлены совпадения в дислокации учугов на картах Э. Кемпфера (1683 г.), А. Олеария (1637 г.) и чертеже учугов Троицкого монастыря (II пол. XVII в.).

Основными причинами прекращения деятельности учугов явилось повышение уровня Каспийского моря, произошедшее в период с 40-х гг. XVIII в. – нач. XIX в., которое изменило гидрологическую ситуацию в регионе, повлекшую за собой затопление ряда учугов и занесение протоков, на которых они располагались.

Результаты исследования топонимов дельты Волги по карте Э. Кемпфера дополняют наши знания об историко-географических реалиях XVII в., формируя новые перспективы для исследований в области картографии, истории и культурной географии дельты Волги и ее низовья.

Благодарность: Авторы благодарят рецензентов за конструктивную критику и ценные рекомендации. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 25–27–00357 «Климато-гидрологические события в период Раннего Средневековья (VI–X вв.) на территории дельты р. Волги».

Acknowledgements. The authors thank the reviewers for their constructive criticism and valuable suggestions. The research was supported by the Russian Science Foundation grant no. 25–27–00357, “Climatological and hydrological events during the Early Middle Ages (VI–X centuries) in the Volga River Delta”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котеньков С.А., Котеньков И.С. Становление и развитие рыбной отрасли Астраханского края в IX–XIV вв. Материалы II Международной научно-практической конференции «Водные ресурсы Волги: история, настоящее и будущее, проблемы управления». (25–27 октября 2012 г.). Астрахань, 2012. С. 223–228.
2. Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2 изд. испр. и доп. М.: Вост. лит., 2006. 303 с.
3. Степанов И.В. Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII в. // Ленинградский государственный университет. Ученые записки. Серия исторических наук. № 48. Вып. 5. Л., 1939. С. 80–142.
4. Ермолаева Л.К. Крупное купечество России XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам астраханской торговли) // Исторические записки. 1986. Т.114. С. 303–325
5. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., Издательство Московского университета, 1982. 216 с.
6. Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. 216 с.
7. Дубман Э.Л. Рыболовецкие промыслы юго-востока европейской России в конце XVI – начале XVIII в. // Российская история. 2012. вып. 3. С. 128–138.
8. Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России / Под ред. П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 296 с.

REFERENCES

1. Kotenkov SA., Kotenkov IS. *Formation and development of the fishing industry in the Astrakhan region in the IX–XIV centuries. Materials of the II International Scientific-Practical Conference “Water Resources of the Volga: History, Present and Future, Management Problems” (25–27 October 2012).* Astrakhan, 2012: 223–228. (In Russ)
2. Zaitsev IV. *Astrakhan Khanate. 2nd ed., rev. and exp.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. (In Russ)
3. Stepanov IV. Economic activity of the Moscow government in the Lower Volga region in the XVII century. *Leningrad State University. Scientific Notes. Series of Historical Sciences.* 1939; 48(5): 80–142. (In Russ)
4. Ermolaeva LK. Large-scale merchants of Russia in the XVII – first quarter of the XVIII century (based on materials of Astrakhan trade). *Historical Notes.* 1986; 114: 303–325. (In Russ)
5. Golikova NB. *Essays on the History of Russian Cities at the End of the XVII – Beginning of the XVIII Century.* Moscow: Moscow University Press, 1982. (In Russ)
6. Dubman EL. *Commercial Entrepreneurship and the Development of the Lower Volga Region at the End of the XVI–XVII Centuries.* Samara: Samara University Publ., 1999. (In Russ)
7. Dubman EL. Fishing industries in the southeast of European Russia at the end of the XVI – beginning of the XVIII century. *Russian History.* 2012; 3: 128–138. (In Russ)
8. Dubman EL., Kabytov PS., Tagirova NF. *Essays on the History of the Southeast of European Russia. Ed. P.S. Kabytov.* Samara: Samara University Publ., 2004. (In Russ)
9. Kurapov AA. Fishing in Astrakhan province in the descriptions of travelers and participants of expeditions of the St. Petersburg Academy of Sciences in the XVIII century. *Oriental Studies.*

9. Курапов А.А. Рыбный промысел в Астраханской губернии в описаниях путешественников и участников экспедиций Петербургской академии наук XVIII в. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 2. С. 344–353, DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-344-353.
10. Котеньков С.А., Лобачева Д.М. Карта и записки Энгельберта Кемпфера 1697 г. Историко-географический анализ // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: Геогр.* 2024. Т. 79. № 5. С. 113–122. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.5.10
11. Свиточ А.А. Регрессивные эпохи Большого Каспия // *Водные ресурсы* 2016. Т. 43. № 2. С. 134–148, DOI: 10.7868/S0321059616020164
12. Naderi Beni A., Lahijani H., Mousavi Harami R., Arpe K., Leroy S.A.G., Marriner N., Berberian M., Andrieu-Ponel V., Djalmali M., Mahboubi A., Reimer P.J. Caspian Sea-level changes during the last millennium: historical and geological evidence from the south Caspian Sea. // *Climate of the Past*. 2013.9. P. 1645–1665, DOI: 10.5194/cp-9-1645-2013
13. Leroy S., Reimer P., Lahijani H., Naderi Beni A., Sauer E., Chalié F., et al. Caspian Sea levels over the last 2200 years, with new data from the S-E corner // *Geomorphology*. 2022. 403. С. 108–136, DOI: 10.7868/S0321059616020164
14. Котеньков С.А., Макишаев Р.Р., Лобачева Д.М., Матлахова Е.Ю. Волго-Каспийский канал в XVIII в.: Историко-географическая реконструкция судоходного маршрута // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2024. Т. 79. № 3. С. 149–161, DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.5.10
15. Оlearий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
16. Три путешествия: По Италии, Греции, Лифляндии, Московии, Татарии, Мидии, Персии, Ост-Индии, Японии и различным другим странам. 1647–1673 / Я.Я. Стрейс // Пер. Э. Бородиной; Ред. А. Морозова; Введение: А. Гайсинович. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.
17. Olearius A. *Offt beehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise So dutch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen...* Schleswig, 1647.
18. Straussens J.J. *Sehr schwere wiederwertige und Denckwürdige Reysen Durch Italien, Griechen-land, Lifland, Moscau, Tartarey, Meden, Persien, Tiirckey, Ost-Indien, Japan und unterschied-liche andere... / Verziehret mit vielen schonen Kupffer-stücken vom Authore selbst nach dem Leben gezeichnet; Aus dem Hollandischen iibergesetzt von A. Müller.* Amsterdam, 1678.
19. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Часть II. [пер. Сергей Мошков]. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1777. 336 с.
20. Пальмов Н. К истории рыбной промышленности в Астраханском крае в первой половине XVIII в. // *Наш край*. 1924. № 4. С. 113–135.
21. Engelbert Kaempfer. *Werke. Kritische Ausgabe in Einzelbänden.* Herausgegeben von Detlef Haberland, Wolfgang Michel, Elisabeth Gössmann. Vol 6 *Russland tagebuch 1683.* München: Iudicum Verl., 2003. 331 p.
22. Wilson Francesca *Muscovy: Russia through foreign eyes 1553–1900.* London: Allen and Unwin, 1970. 328 p.
23. Hughes L.A.J. *Sophia. Regent of Russia 1657–1704.* New Haven. London 1990.
24. Troebst Stefan Die Kаспи-Volga-Ostsee-Route in der Handels-kontroll politik Karls XI. Die schwedischen Persien-Missionen von Ludvig Fabritius 1679–1700 // *Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte*, 1998. 54. p. 127–204.
25. Барон Мейерберг и путешествие его по России: Пер. с нем. / Изд. Федором Аделунгом, д. с. с. и кавалером. СПб.: тип. К. Крайя, 1827. VIII. С. 320–372.
26. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования. / Под редакцией А.Г. Манькова. Л., 1975. С.152–181.
- 2024; 17(2): 344–353. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-344-353.
10. Kotenkov SA., Lobacheva DM. Map and notes of Engelbert Kaempfer of 1697: Historical-geographical analysis. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*. 2024; 79(5): 113-122. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.5.10. (In Russ)
11. Svitoch AA. Regressive epochs of the Greater Caspian. *Water Resources*. 2016; 43(2): 134-148. DOI: 10.7868/S0321059616020164. (In Russ)
12. Naderi Beni A., Lahijani H., Mousavi Harami R., Arpe K., Leroy S.A.G., Marriner N., Berberian M., Andrieu-Ponel V., Djalmali M., Mahboubi A., Reimer P.J. Caspian Sea-level changes during the last millennium: historical and geological evidence from the south Caspian Sea. *Climate of the Past*. 2013; 9: 1645-1665. DOI: 10.5194/cp-9-1645-2013.
13. Leroy S., Reimer P., Lahijani H., Naderi Beni A., Sauer E., Chalié F., et al. Caspian Sea levels over the last 2200 years, with new data from the S-E corner. *Geomorphology*. 2022; 403: 108-136.
14. Kotenkov SA., Makshaev RR., Lobacheva DM., Matlakhova EYu. The Volga-Caspian Canal in the XVIII century: Historical-geographical reconstruction of the navigable route. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*. 2024; 79(3): 149-161. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.5.10. (In Russ)
15. Olearius A. *Description of the Journey to Muscovy*. Trans. from German by A.M. Lovyagin. Smolensk: Rusich, 2003. (In Russ)
16. Struys JJ. *Three Journeys: Through Italy, Greece, Livonia, Muscovy, Tataria, Media, Persia, East India, Japan and Various Other Countries. 1647–1673.* Trans. E. Borodina; ed. A. Morozov; introd. A. Gaisynovich. Moscow: SotsEkGiz, 1935.
17. Olearius A. *Offt beehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise So dutch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen...* Schleswig, 1647.
18. Straussens J.J. *Sehr schwere wiederwertige und Denckwürdige Reysen Durch Italien, Griechen-land, Lifland, Moscau, Tartarey, Meden, Persien, Tiirckey, Ost-Indien, Japan und unterschied-liche andere... / Verziehret mit vielen schonen Kupffer-stücken vom Authore selbst nach dem Leben gezeichnet; Aus dem Hollandischen iibergesetzt von A. Müller.* Amsterdam, 1678.
19. Gmelin SG. *Journey through Russia for the Investigation of the Three Kingdoms of Nature. Part II.* Trans. Sergei Moshkov. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1777. (In Russ)
20. Palmov N. On the history of the fishing industry in the Astrakhan region in the first half of the XVIII century. *Our Region*. 1924; 4: 113-135. (In Russ)
21. Kaempfer E. *Werke. Kritische Ausgabe in Einzelbänden.* Ed. by Detlef Haberland, Wolfgang Michel, Elisabeth Gössmann. Vol. 6: *Russlandtagebuch 1683.* München: Iudicum Verlag, 2003.
22. Wilson F. *Muscovy: Russia through Foreign Eyes 1553–1900.* London: Allen and Unwin, 1970.
23. Hughes L.A.J. *Sophia. Regent of Russia 1657–1704.* New Haven; London, 1990.
24. Troebst S. Die Kаспи-Volga-Ostsee-Route in der Handelskontrollpolitik Karls XI. Die schwedischen Persien-Missionen von Ludvig Fabritius 1679–1700. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1998; 54: 127–204.
25. *Baron Meyerberg and His Journey in Russia: Trans. from German, ed. by F. Adelong.* Saint-Petersburg: Typography of K. Kray, 1827, 8: 320-372. (In Russ)
26. *Foreign Accounts of Stepan Razin's Uprising. Materials and Studies.* Ed. A.G. Mankov. Leningrad, 1975: 152-181. (In Russ)
27. *Die Reisetagebücher Engelbert Kaempfers.* Ed. K. Meier-Lemgo. Wiesbaden: F. Steiner Verlag, 1968.
28. Dubman EL., Dubinin SI. Notes of E. Kaempfer on his journey along the Volga from Kazan to Astrakhan. *Regional Studies Notes*. Samara, 1996; 8: 311-322. (In Russ)
29. Khoroshkevich AL. Diary of Engelbert Kaempfer's journey through Russia in 1683. *Historical Archive*. 2005; 5: 207-221. (In Russ)

27. Die Reisetagebuecher Engelbert Kaempfers / Bearbeitet von K. Meier-Lengo. Wiesbaden: F. Steiner Verlag, 1968. 182 p.
28. Дубман Э.Л., Дубинин С.И. Записки Э. Кемпфера о путешествии по Волге от Казани до Астрахани // Краеведческие записки. Самара, 1996. Вып. 8. С. 311–322.
29. Хорошкевич А.Л. Дневник путешествия Энгельберга Кемпфера по России в 1683 г. // Исторический архив. 2005. № 5. С. 207–221.
30. Lazar M. The manuscript maps of Engelbert Kaempfer // *Imago Mundi*. 1982. Vol. 34. p. 66–71.
31. Witsen N. Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschryving van verscheidene tartersche en nabuurige gewesten in de norder en oostelykste deelen van Aziën en Europa Zedert nauwkeurig onderzoek van veele Jaaren, en eigen ondervinding ontworpen, beschreven, geteekent, en in't licht gegeven. Vol. 2. Amsterdam, 1705. 503 p.
32. Гусарова Е.В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI – XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. 492 с.
33. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. В 3 т. / пер. с гол. В.Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н.П. Копанева, Б. Наарден. Т. 2. Амстердам: Pegasus, 2010. 980 с.
34. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1938. 315 с.
35. Озерецковский Н.Я. Описание Колы и Астрахани // Из сочинений академика Николая Озерецковского. СПб.: Императорская Академия наук, 1804. 131 с.
36. Саввинский И.И. К историко-статистическому описанию приходов Астраханской епархии. Село Иванчук // Астраханские епархиальные ведомости. 1909. № 3. Отдел неофиц. С. 84–91.
37. Хожение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд. вост. литературы, 1958. 111 с.
38. Марков А.С. По следам Разина. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. Изд-во, 1980. 142 с.
39. Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 239 с.
30. Lazar M. The manuscript maps of Engelbert Kaempfer. *Imago Mundi*. 1982; 34: 66-71.
31. Witsen N. Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschryving van verscheidene tartersche en nabuurige gewesten in de norder en oostelykste deelen van Aziën en Europa Zedert nauwkeurig onderzoek van veele Jaaren, en eigen ondervinding ontworpen, beschreven, geteekent, en in't licht gegeven. Vol. 2. Amsterdam, 1705.
32. Gusarova EV. Astrakhan Discoveries: History, Architecture, Urban Planning of Astrakhan in the XVI–XVIII Centuries According to Documents from St. Petersburg Collections. Saint-Petersburg: Nestor-History, 2009. (In Russ)
33. Witsen N. North and East Tartary, Including Regions Located in the Northern and Eastern Parts of Europe and Asia. In 3 vols. Trans. from Dutch V.G. Trisman; ed. and scientific supervisor N.P. Kopaneva, B. Naarden. Vol. 2. Amsterdam: Pegasus, 2010. (In Russ)
34. English Travellers in the Muscovite State in the XVI Century. Moscow: SotsEkGiz, 1938. (In Russ)
35. Ozeretskovsky NYa. Description of Kola and Astrakhan. From the Works of Academician Nikolai Ozeretskovsky. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1804. (In Russ)
36. Savvinsky II. Toward a historical-statistical description of the parishes of the Astrakhan diocese. Village of Ivanchug. Astrakhan Diocesan Gazette. 1909; 3 (Unofficial Section): 84-91.
37. Journey of the Merchant Fedot Kotov to Persia. Moscow: Vost. Lit., 1958.
38. Markov AS. In the Footsteps of Razin. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe Knizhnoe Izdatelstvo, 1980. (In Russ)
39. Varushchenko SI., Varushchenko AN., Klige RK. Changes in the Regime of the Caspian Sea and Drainless Water Bodies in Paleotime. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)

Поступила в редакцию 08.12.2024

Принята в печать 21.03.2025

Опубликована 15.12.2025

Recieved 08.12.2024

Accepted 21.03.2025

Published 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214435-446>



Исследовательская статья

Ханмурзаев Исмаил Ибрагимович
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
hanmurzaev@yandex.ru

Османова Милена Нуриевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
osmanova-milena@rambler.ru

СВЕДЕНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА О ЮСУФЕ-АФАНДИ АЛ-ЙАХСАВИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО АРХИВА СЕМЬИ КЛЫЧЕВЫХ)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты жизни и деятельности выдающегося дагестанского ученого, политического деятеля, богослова и поэта середины XIX в. Юсуфа-афанди Клычева (ал-Йахсави), ставшие известными после изучения его рукописей, хранящихся в настоящее время у потомков ученого в г. Хасавюрт, Республика Дагестан. Юсуф-афанди ал-Йахсави, известный как один из непримиримых противников имама Шамиля, обладал большим авторитетом в среде алимов Дагестана. В то же время он отличался определенной широтой взглядов и суждений, приобретенных во время службы в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона, а также в процессе общения с представителями духовной элиты Поволжья и Ближнего Востока во время поездок в хадж. Благодаря изучению маргинальных записей рукописи сочинения «Макамат» ал-Харири, переписанной Юсуфом-афанди еще в годы службы в Царском Селе и привезенной на родину после возвращения в с. Аксай, стал известен точный временной отрезок службы Юсуфа ал-Йахсави в Императорском конвое и другие важные моменты в его жизни. Кроме того, удалось значительно обогатить сведения о семье Юсуфа ал-Йахсави: установить точное количество детей Юсуфа-афанди, их полные имена, даты рождения, а также составить генеалогическое древо известного в Засулакской Кумыкии рода Клычевых.

Ключевые слова: Юсуф-афанди ал-Йахсави; Дагестан; Кавказская война; ученые-алимы; шариат; арабский язык; рукописная книга; маргинальные записи; семейный хронограф; генеалогическое древо

Для цитирования: Ханмурзаев И.И., Османова М.Н. Сведения биографического характера о Юсуфе-афанди ал-Йахсави (по материалам рукописного архива семьи Клычевых) // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 4. С. 435-446. doi.org/10.32653/CH214435-446

© Ханмурзаев И.И., Османова М.Н., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214435-446>



Research paper

Ismail I. Khanmurzaev
Researcher
Institute of History, Archeology, and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
xanmurzaev@yandex.ru

Milena N. Osmanova
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archeology, and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
osmanova-milena@rambler.ru

YUSUF AFANDI AL-YAHSAWI: BIOGRAPHICAL INSIGHTS FROM THE KLYCHEV FAMILY MANUSCRIPT COLLECTION

Abstract. This article explores certain aspects of the life and work of Yusuf Afandi Klychev (al-Yahsawi), a distinguished Dagestan scholar, political figure, theologian and poet from the mid-nineteenth century. These details have come to light through the examination of his manuscripts, now preserved by his descendants in Khasavyurt, Republic of Dagestan. Famous as one of Imam Shamil's ideological opponents, Yusuf Afandi al-Yahsawi held significant respect among Dagestani scholars. At the same time, he was also marked by his broad outlook, cultivated by his time in the Life Guards Caucasian-Mountain Half-Squadron and his contacts with religious leaders from the Volga region and the Middle East during his Hajj pilgrimages. By studying the marginalia of Yusuf Afandi's copy of al-Hariri's *Maqāmāt* – which he made while stationed in Tsarskoye Selo and brought home to his village of Aksay after returning – it has been possible to determine the exact dates of his service in the imperial convoy and other key events in his life. In addition, this work has greatly expanded what is known about Yusuf al-Yahsawi's family: the precise number of Yusuf Afandi's children, their full names, and birth dates have been identified, and a family tree for the well-known Klychev kin in Zaslak Kumykia has been created.

Keywords: Yusuf Afandi al-Yahsawi; Dagestan; Caucasian War; ulama; Sharia; Arabic language; manuscript; marginalia; family chronograph; genealogical tree

For citation: Khanmurzaev I.I., Osmanova M.N. Yusuf Afandi Al-Yahsawi: Biographical Insights from The Klychev Family Manuscript Collection. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 435-446. doi.org/10.32653/CH214435-446

Целью статьи является рассмотрение некоторых аспектов жизни и деятельности выдающегося дагестанского ученого, политического деятеля, богослова и поэта середины XIX в. Юсуфа-афанди Клычева (ал-Йахсави); периодизация ранее неизвестных этапов его жизненного пути; изучение арабоязычного рукописного наследия ученого, сохранившегося у его потомков.

В ходе исследовательской работы были применены: метод описания, культурно-исторический и хронологический методы, метод анализа, ретроспективный метод, метод периодизации и визуализации.

Практическая значимость статьи заключается в том, что приведенный в ней материал может быть использован в исследованиях источниковедческого, исторического и этнографического характера.

Актуальность исследования: Юсуф-афанди, сын Мусы-хаджи Клычева из Аксай (ал-Йахсави) занимает особое место в плеяде крупных дагестанских религиозных ученых и активных политических деятелей середины XIX в. Личность Юсуфа-афанди ал-Йахсави (1795–1870) всегда привлекала внимание историков, изучающих период Кавказской войны. Некоторые из них (М. Кемпер, В. Бобровников, М. Мусаев и др.) считают Юсуфа-афанди неоднозначной фигурой, проводником российской имперской идеологии. Большинство исследователей упоминают о нем как о кадие, прославившем непримиримым противником имама Шамиля, оспаривавшим правовые заключения лидеров имамата и подвергшим жесткой критике саму его доктрину.

Так, немецкий историк М. Кемпер в своей работе «Шариатский дискурс имамата в Дагестане первой половины XIX в.» рассказывает об обращении Юсуфа-афанди ал-Йахсави [1, с. 107–124] к мусульманским духовным лидерам Ближнего Востока с призывом вынести фетву о нелегитимности движения имама Шамиля (речь идет о письме к улемам шафиитско-правовой школы Мекки) и об ответе муфтия Мекки ‘Усмана Ахмада ад-Дамийати аш-Шафи’и, где автор, вопреки ожиданиям Юсуфа-афанди, оправдывает деятельность имама Шамиля на Кавказе, цитируя один из хадисов, в котором Пророк Мухаммад обязывает мусульман во всех случаях присоединиться к джихаду вне зависимости от того, праведен имам или порочен (*фаджир*) [1, с. 113]¹. Однако приведенные ад-Дамийати в ответном письме аргументы не убедили Юсуфа-афанди, и он остался при своем мнении в этом вопросе.

Блестяще образованный, владеющий местными и восточными языками, Юсуф ал-Йахсави пользовался большим уважением среди алимов Дагестана, признававших его знатоком арабского языка и литературы, и особенно религиозных наук [2, с. 195]. В родном селении Аксай Юсуф продолжительное время был кадием, совмещая эту должность с преподаванием в местном медресе.

Поскольку причины пророссийских взглядов Юсуфа-афанди ал-Йахсави уже широко освещены в научной литературе, в данной статье мы рассматриваем некоторые неизвестные ранее аспекты жизни и деятельности ученого, связанные с военной и политической историей Российской империи и некоторых стран Ближнего Востока; конкретизируем сведения о его семье и потомках путем анализа информации, полученной при изучении арабоязычного рукописного наследия семьи Клычевых, сохранившегося у потомков Юсуфа-афанди. Составление генеалогического древа семьи Клычевых – один из видов анализа полученной информации о его семье.

Основная часть

Род Юсуфа-афанди ал-Йахсави относился к числу кумыкских *первостепенных узденей*² [3, с. 1–10; 4, с. 3–15; 5, с. 67–69; 6, с. 220–224].

Начальное образование он получил у своего отца, ученого Мусы-хаджи, а также у других алимов в с. Яхсай (Аксай). Муса-хаджи Клычев, будучи образованным человеком, уделял большое внимание обучению наукам своих детей, считая Юсуфа самым талантливым из сыновей. Продолжать обучение Юсуф отправился в с. Аракани³ к давнему другу отца, одному из самых известных ученых Дагестана

1 Письмо Юсуфа-афанди ал-Йахсави к духовным лидерам правовой школы мазхаба Имама Шафи’и в Мекке // РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Инв. № 174.

2 *Первостепенные уздени (сала-уздени)* – верхушка крестьянства, владевшая земельной собственностью. Сала-уздени были свободны от различного рода повинностей, принимали участие в разборе общественных дел, споров и тяжб, из первостепенных узденей избирались народные судьи.

3 Аракани – ныне село в Унцукульском районе Республики Дагестан.

того времени Саиду ал-Харакани (1763/4–1834) для изучения религиозных и философских наук. Юноша стал одним из лучших мутаалимов Саида из с. Аракани.

По мнению своего учителя, Юсуф отличался старанием и прилежностью, не довольствовался поверхностными знаниями, а стремился проникнуть в глубины наук:

وقد وقعت المعرفة والمحبة بيني وبين الولد ألكريم يوسف وانست منه أرشد والاهلية والاستحقاق للافادة والاستفادة ورضيت عنه ودعوت له بالتوفيق والهداية إلى اوضح طريق

«Между мной и твоим благородным сыном Юсуфом установились дружеские отношения и любовь. Я увидел в нем благоразумие, компетентность и способность к обучению и наставничеству. Я доволен им и молюсь за его успехи и руководство на правильном пути», – отмечает Саид в своем письме отцу юноши Мусе-хаджи [7, с. 126–127].

Подобное же прилежание в учебе он, вероятно, проявил и в дальнейшем у других своих учителей. Имеются сведения, что кроме Саида ал-Харакани, Юсуф обучался также у других известных ученых людей своего времени – таких, как Нурмухаммад, кадий Хунзахский [8, с. 44–48]; Даитбек Гоготлинский и Хадбулав Хвахитлинский [10, с. 56–62]⁴. У Нурмухаммада, кадия Хунзахского, Юсуф обучался главным образом естественным наукам и математике.

Итогом плодотворной учебы стала приобретенная им репутация грамотного человека, сведущего во многих отраслях наук. Кроме того, несмотря на то, что Юсуф был сыном обеспеченных родителей, он оставался скромным и нравственным молодым человеком [9, с. 4–5].

Завершив обучение, он возвращается на родину в с. Аксай, где становится кадием, совмещая эту должность с преподаванием в медресе. Многие дагестанские ученые – как его современники, так и жившие после него, отмечали его великолепное знание арабского языка. Так, известный дагестанский ученый-просветитель Али Каяев (1878–1943), оценивая стихи Юсуфа-афанди ал-Йахсави, писал: «Он имел природный поэтический талант на арабском языке» [11, с. 96–97; 10, с. 56–62]. Живший в XX в. дагестанский ученый-литературовед Мансур Гайдарбеков также отмечал, что «...у Юсуфа очень выдержанный, развитый, даже богатый, арабский язык. Он ни за что не допустит грамматической ошибки. У него очень обширный словарный запас»⁵. М. Гайдарбеков выделял и великолепную стилистику арабского языка у Юсуфа ал-Йахсави, считая его лучшим в Дагестане: «Стихи Юсуфа получили широкую известность и одобрение еще задолго до его смерти. Они своим содержанием и всеми признанным изяществом заинтересовали почти всех алимов и мутаалимов, даже из враждебного ему лагеря. Он был поэт и алим, признанный даже ярыми своими врагами»⁶.

Назир ад-Дургили считал Юсуфа «...знающим факихом, выдающимся ученым, литератором, катибом, толковым поэтом. Он превосходно знал арабский язык» [12, с. 136]. Анализируя эти высказывания, можно сделать вывод, что имя Юсуфа ал-Йахсави обрело известность не только как имя человека, бывшего «противником движения горцев», но и как крупного дагестанского ученого. Именно поэтому Юсуф ал-Йахсави вместе с несколькими дагестанскими алимами был упомянут в числе 1000 ученых исламской уммы в трехтомной энциклопедии «Ал-Мухтар ал-мас'ун мин а'лами ал-курун», опубликованной в Королевстве Саудовская Аравия в 1995 г. [13, с. 107–118], составителем которой стал ученый из Джидды Мухаммад ибн Хасан ибн Укайл Муса.

Об общественной жизни ал-Йахсави известно достаточно много. В 1825 г. Юсуф поступил на службу в царскую армию в качестве кадия, а уже в ноябре 1832 г. он был направлен в Кавказско-горский полускадрон (позже переименованного в Собственный Е.И.В. конвой), располагавшегося в Царском селе (ныне г. Пушкин), под Санкт-Петербургом. Прослужив там пять лет (до 1837 г.), Юсуф-кади уволился из полускадрона в звании поручика, рекомендовав на занимаемую им должность своего ученика и зятя Умара ал-Йахсави.

На родину Юсуф вернулся в июне 1842 г., получив чин штабс-капитана гвардии. В ноябре 1858 г. он был утвержден кадием Кумыкского Окружного народного суда, где прослужил вплоть до своего увольнения в 1860 г. Обладая общепризнанным авторитетом как крупный ученый, знаток шариата и адатов своего народа [14, с. 246], Юсуф-кади входил в состав Терской областной администрации, где его

4 Гайдарбеков М. Юсуф из Аксая // Антология дагестанских ученых. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 129. Л. 8.

5 Там же. Л. 17.

6 Там же. Л. 8.

заслуги были высоко оценены [14, с. 297]. После увольнения со службы он получал пенсию в размере 400 рублей из Кизлярского уездного казначейства и проживал в своем имении в с. Казак-Мурза-юрт⁷. Юсуф три раза совершил хадж. Умер Юсуф ал-Йахсави 5 джумада ал-ахир 1287 г.х.⁸ Об этом факте упоминается в газете «Русский Инвалид» от 11 декабря 1870 г., № 276, в графе «Высочайший приказ по военному ведомству от 10 декабря 1870 г.»⁹

Современники отмечали выдающиеся языковые способности Юсуфа-афанди ал-Йахсави: он владел, помимо родного кумыкского языка, аварским и чеченским языками. Знание кумыкского языка давало ему возможность говорить на татарском и турецком языках. Имеются сведения о том, что Юсуф-афанди встречался и общался в Петербурге с представителями татарской духовной элиты. Помимо арабского языка он неплохо владел персидским, а в Петербурге освоил и русский язык, что подтверждают его письма домой во время службы в Императорском конвое в Петербурге в 1249 г. х. (1833–1834 гг.), где он сообщает, что «имеет знакомых среди русских».

Жизнь в Петербурге, служба кадием в Императорском конвое, странствования по Ближнему Востоку на пути в Мекку значительно расширили кругозор Юсуфа ал-Йахсави, дали ему огромный жизненный опыт, возможность реально оценивать общественно-политическую ситуацию как в Российской империи, так и в странах Ближнего Востока. Ал-Йахсави, живший в столице России и воочию видевший мощь и силу этого государства, осознавал губительность для дагестанцев войны против него. Пророссийской позиции ранее придерживался и отец Юсуфа – Муса-хаджи.

Соотечественники запомнили Юсуфа ал-Йахсави как противника имама Шамиля, отрицавшего легитимность его власти по нормам шариата и активно выступавшего против бесперспективной, по его мнению, вооруженной борьбы с Российской империей. Аргументируя свои доводы, он приводил положение шариата о «запретности джихада заведомо слабого против более сильного врага», пытаясь отговорить имамов от столь рискованного мероприятия любыми средствами, сначала убеждая, а позже даже обвиняя их. Будучи одним из активнейших политических деятелей Дагестана своего времени, ал-Йахсави вслед за своим учителем Саидом ал-Харакани выступил с острой критикой действий имамов. Назир ад-Дургили писал: «Все поступки имама он изображал как смуту (*фитна*) в исламе и порицаемыми в вере» [12, с. 137]. Комментируя это положение, упомянутый выше дагестанский ученый-арабист М. Гайдарбеков с присущей ему эмоциональностью писал: «Он с самого начала этой борьбы видел в ней только страдания и гибель народов Дагестана, особенно горцев. Поэтому он старался отговорить имамов от такого рискованного мероприятия всеми средствами, начиная от методов убеждения и кончая методами открытого поношения и оскорбления»¹⁰.

Следующим доводом против легитимности вооруженной борьбы была законность обладания титулом «имам». В этой своей позиции Юсуф-афанди исходил из того базового исламского принципа, что над всеми мусульманами должен стоять только один халиф. По этой причине притязания Шамиля на титул имама (при наличии общепризнанного имама в лице османского султана) и стремление руководить мусульманами региона Юсуф-афанди находил нарушением заповедей шариата. Следует отметить, что он был далеко не одинок в своих убеждениях: с подобными заявлениями и воззваниями выступали и другие дагестанские ученые-алимы. В свою очередь, защитников имама Шамиля было тоже немало: многие представители духовной элиты Дагестана видели в его действиях «божий промысел» и миссию по восстановлению шариата.

В этой связи интересен тот факт, что, как и Юсуф ал-Йахсави, большинство активных участников событий Кавказской войны прошли обучение в медресе Саида ал-Харакани (из с. Аракани) – как сторонники вооруженной борьбы, так и ее противники. К числу первых относятся: Мухаммад ал-Йараги, Гази-Мухаммад ал-Гимрави (из с. Гимры), Гамзатбек ал-Хузади (из с. Гоцатль), Ташав-хаджи ал-Индирави (из с. Эндирей), Шамиль, Саид ал-Ихали (из с. Игали), Мухаммад-Тахир ал-Карахи, Даитбек ал-Гоготли, Загалав ал-Хварши (из с. Хварши), Идрис ал-Индири (из с. Эндирей), Абубакар хаджи ал-Аргвани (из с. Аргвани), Чаранав ал-Мугухи (из с. Могох), Нурав ас-Сугури (из с. Согратль),

7 Казак-Мурза-юрт – исчезнувшее село, располагалось на левом берегу реки Ярыксу, к югу от села Кандаураул, к северо-востоку от города Хасавюрт, на территории современного Хасавюртовского района Дагестана. Последний раз упоминается в 1914 году.

8 Точная дата взята с эпитафии на надмогильном камне, оттиск находится в личном архиве Ханмурзаева И.И. 5 джумада ал-ахир 1287 года хиджры соответствует 2 сентября 1870 г. по григорианскому календарю.

9 Газета «Русский Инвалид» от 11 декабря 1870 года. № 276. Графа «Высочайший приказ по военному ведомству от 10 декабря 1870 г.». С. 1.

10 Гайдарбеков М. Юсуф из Аксая // Антология дагестанских ученых. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 129. Л. 8.

Шахаббас ал-Карани (из с. Каранай) и многие другие. Ко вторым относятся: сам Юсуф-кади ал-Йахсави, Нурмухаммад-кадий ал-Авари (из с. Хунзах), Мухаммад (Мама Гиши) ал-Индири, Мирза Али ал-Ахти (из с. Ахты), Абдурахман ал-Газаниши (из с. Казанище), Аюб-кади ал-Джунгуту (из с. Дженгутай), Барка кадий Какамахинский, Зухум кадий Акушинский, Аслан кадий Цудахарский, Мирза Таги Мулла Дербентский и т.д.¹¹ Противники вооруженной борьбы с царской Россией выступили «с отдельными брошюрами, касыдами и комментариями к этим касыдам и почти все они обвиняли имамов в властолюбии, честолюбии, авантюризме, эгоизме и хищничестве» [15, с. 632–639].

Этот факт отмечает известная английская исследовательница А. Зелькина в своей работе «The Arabic linguistic and cultural tradition in Daghستان: an historical overview», упоминая Юсуфа ал-Йахсави как ученого, который не симпатизировал имаму Шамилю и критиковал его в своих стихах [16, с. 95].

Юсуф-афанди ал-Йахсави заметно выделялся в рядах «противников вооруженной борьбы». Прекрасное религиозное образование, широкий кругозор, блестящее знание арабского языка позволяли ему открыто действовать всеми доступными в то время способами – выступать с проповедями, вступая в полемику; сочинять произведения и стихи, в которых он остро и ярко критиковал своих оппонентов. А. Зелькина отмечает тот факт, что известный сподвижник и летописец Шамиля Мухаммад-Тохир ал-Карахи включил в свой известный труд стих ал-Йахсави, принижающий имама Шамиля, после того, как имам сдался русским, причем он переписал его как хвалебное стихотворение в том же стиле и с той же рифмой, но с несколько иным порядком расположения слов и изменениями некоторых фраз [16, с. 97].

«Юсуф, в противоположность другим религиозным деятелям, – отмечает Мансур Гайдарбеков, – не считал имамов посланцами Аллаха для восстановления ислама. Он их вообще не признает. Он не находит у них даже самые необходимые качества халифа»¹².

О семье Юсуфа ал-Йахсави, несмотря на широкую известность и значимость ученого в общественной и духовной жизни Дагестана, сохранились весьма немногочисленные сведения. Значительно обогатить их позволило изучение рукописей, принадлежавших ученому. Сохранилась часть библиотеки Юсуфа-афанди, в настоящее время принадлежащая его потомку Юсупу Клычеву, жителю г. Хасавюрт (Дагестан). В 2008 г. нами была обследована эта коллекция, состоящая из рукописей и старопечатных книг на арабском и тюркском языках (около 20 единиц описания). Среди них – рукопись широко известного в мусульманском мире сочинения «Макамат ал-Харири»¹³ Мухаммада ибн ал-Касима ал-Харири ал-Басри (1054–1122), одно из любимых произведений Юсуфа, переписанное его рукой. Именно эта книга оказалась для нас своего рода кладом информации о семье ученого. Она озаглавлена так: كتاب المقامات للحريري «Книга Макамов, принадлежащая ал-Харири», к названию которой ал-Йахсави добавил замечание «с комментариями (шарх) ученого Абу Бакра, сына Абдулазиза аз-Замзами ал-Макки».

Интересной находкой стали также два письма, вложенные в рукопись. Первое письмо – от Мухаммада Салимова ал-Араги (الاراعي) из Касумкента¹⁴ на тюркском языке, датированное 1913 г., адресованное Абдулазиму Клычеву, внуку Юсуфа-афанди (находится между 147 и 148 страницами).

Второе письмо – от самого Юсуфа-эфанди, написано на арабском языке. Письмо адресовано кадию Дукаю (دوكي) и вклеено между стр. 151 и 152 этой же рукописи. По всей видимости, Дукай – это никто иной, как ауховский Мулла Дукай¹⁵, часто упоминаемый в русских источниках того периода. Будучи противником имама Шамиля, Мулла Дукай, как и сам Юсуф-афанди, придерживался прорусской ориентации.

Формат рукописи: 21,5×17,7 см. Переплет твердый, без клапана, обтянут кожей коричневого цвета с тиснением. Объем самого текста произведения составляет 180 страниц (17 строк на странице). До и после текста помещены по два чистых листа, плотных и лощеных по своей структуре. Бумага рукописи фабричная, российская, белого цвета. Текст написан черными, красными и золотыми чернилами.

11 Гайдарбеков М. Саид Араканский // Антология дагестанских ученых. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. 1965. Ф. 3. Оп. 1. № 129. 1965 г. – Лл. 170–171.

12 Гайдарбеков М. Юсуф из Аксия // Антология дагестанских ученых. Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 129. Л. 9.

13 Макамы – получивший распространение в средневековых литературах Ближнего и Среднего Востока жанр, предвосхитивший европейскую плутовскую новеллу. Авторству ал-Харири принадлежит цикл из 50 макамов, главный герой которых – хитроумный Абу Зейд ас-Сируджи – в каждой макаме предстает в новом облике, но неизменно ловко выпутывается из самых затруднительных положений. Макамы написаны рифмованной ритмической прозой с частыми стихотворными вставками.

14 Сведения об этом человеке не найдены.

15 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе. Документы. Часть VI. // Кавказский сборник, Том 11. 1887. Электронный ресурс. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/1840_1841_1842_gody/text6.htm [Дата обращения: 05.04.2024 г.]

Цифровые указатели макамов выделены красными чернилами. Стихотворные вставки произведения обозначены красной точкой, вписанной в золотые круги. Пагинация постраничная, есть кустоды. Почерк – дагестанский *наسخ*¹⁶. На полях рукописи имеются многочисленные комментарии и записи различного характера.

Владельческая запись на арабском языке, расположенная на первой странице книги, гласит:

كتبه الفقير الى رحمة الله تعالى يوسف الصديق لنفسه اللهم اجعله عملا مبرورا وسعيًا مشكورًا جنب عنا وعن احبابنا وعن المؤمنين والذين اذا ذكر الله وجلت قلوبهم كل الافات وجميع البليات انك مجيب الدعوات امين

«Переписал её для себя нуждающийся в милости Всевышнего Аллаха, говорящий правду (*ас-садик*) Юсуф. О, Аллах, сделай его (переписывание этой книги) благочестивым деянием и трудом, достойным похвалы! Устрани от нас, от наших друзей, от верующих и «тех, сердца которых страшатся, когда поминуют Аллаха»¹⁷, все несчастья! Ведь Ты – Внемлющий просьбам! Амин!».

На этой же странице в верхнем левом углу находится оттиск восьмигранной печати черного цвета, размером 1,8x2,1 см., с легендой *يوسف الصديق سل شمل التوفيق* («Юсуф, говорящий правду, просит помощи [Аллаха]»).

На верхнем поле первой страницы произведения по центру листа над *басмалой* имеется оттиск печати черного цвета, размером 1,2x1,4 с легендой на арабском языке: *عبدہ يوسف ۱۲۵۵* «Его раб – Юсуф. 1255». Цифра в подобном рода легендах обычно указывает на год создания печати¹⁸. Тот же оттиск печати имеется на 136 странице рукописи.

Колофон рукописи следующего содержания:

تمت هذه المقامات الفاخرة والملح الزاجرة بحمد الله وحسن توفيقه سنة الازدواج بالنجم الوهاج فيا له من ابتهاج ورونق كما للسراج بيد من رزق له التوفيق يوسف الصديق ابن الحاج موسى اللهم اغفر لهما وارحمهما وثقل موازينهما انك سميع الدعاء واسع العطاء مجيب الدعاء غافر العصاة ولاياتهما واصدقائهما واحبائهما وامهاتهما واحيائهما بعفو شامل شمولى الوابل وصلى الله على سيدنا محمد وعلى اله واصحابه اجمعين
حرر في العشر الاوسط من شعبان سنة ۱۲۴۵

«Закончились эти превосходные макамы и интересные рассказы, хвала Аллаху и Его благой помощи, в год соединения с яркой звездой. О, какое это было радостное и яркое событие, как светильник, рукою того, кому была дарована помощь Говорящего правду – Юсуфа, сына паломника Мусы. О, Аллах, прости им обоим и пожалей их обоих, сделай тяжелыми их весы. Ведь Ты – Слышащий мольбу, Одаряющий множеством подарков, Отвечающий просящим, Прощающий непокорных. А также [прости] их обоих отцов, друзей, приятелей, матерей, живых из них и мертвых всеобъемлющим прощением, [подобным] проливному дождю. И, да благословит Аллах нашего господина Мухаммада, всю его семью и сподвижников! Написано в срединном десятке ша‘бана 1245 года (5–14 февраля 1830 года)».

Особое наше внимание привлекли памятные записи, сделанные в нескольких местах рукописи, судя по почерку, самим Юсуфом ал-Йахсави.

Первая запись сделана золотыми чернилами, остальные – черными чернилами, почерк дагестанский *наسخ*.

Между страницами 149 и 150 вклеен бумажный вкладыш с записью на арабском языке следующего содержания:

بسم الله الرحمن الرحيم الحمد لله رب العالمين والصلاة والسلام على محمد واله اجمعين
وبعد فلقد ولد ليوسف ولد عمرهما الله تعالى تعميرا مباركا طيبا وانته انباتا حسنا في سنة الف وماتين وستة واربعين من هجرة سيد الكونين في الشهر الاوسط من الربيع في صبح الخامس والعشرين من نيسان في ليلة السبت وكانت تلك الليلة الليلة الخامسة والعشرين من ذي القعدة سنة قويان الهما رشداهما من حضرت الملك الديان ووقيا من شرور الانس والجان وقد سماه والدي باسم جدي قريم سلطان ولا زال الله نُعَانُ امين

«Именем Аллаха, Милостивого, Милосердного. Хвала Аллаху – Господу миров, благословления и приветствия Мухаммаду и его семье! У Юсуфа родился сын, пусть Аллах дарует ему долгую,

16 Дагестанский *наسخ* – региональная разновидность почерка *наسخ*, устоявшаяся в мусульманской каллиграфии Дагестана с XVII в. и сохранившаяся до нашего времени.

17 Коран, сура «ал-Анфал», аят 2.

18 1255 год хиджры соответствует 1840 году григорианского календаря

благословенную и хорошую жизнь и возрастит его наилучшим образом, в тысячу двести сорок шестом году после переселения (хиджры) Господина обоих миров, в средний месяц весны утром двадцать пятого нисана, в ночь на субботу, а была та ночь 25 зу-ль-ка'да (7 мая 1831 года), в год Зайца (кум. Къюян). Да убережет (Аллах) его и нас от зла людей и джинов! Наша мать назвала его именем нашего деда Крымсолтан. Пусть Аллах всегда дарует нам свою поддержку и помощь! Амин!».

Далее, в конце книги – на страницах 190 и 191, после текста сочинения «Макамат» ал-Харири, на полутора страницах написан своего рода хронограф на арабском языке, где приводятся биографические данные детей хозяина книги. Временные границы записей охватывают период между 1831 и 1853 годами.

Выбор цвета чернил для первой записи не случаен – речь идет о великой радости ученого по поводу рождения первенца, который был назван в честь его любимого деда. Эта запись за небольшим исключением дублирует текст упомянутого выше бумажного вкладыша:

بسم الله الرحمن الرحيم الحمد لله رب العالمين والصلاة والسلام على محمد واله اجمعين
وبعد فلقد ولد ليوسف ولد عمرهما الله تعالى تعميرا مباركا طيبا وانتهت نباتا حسنا في سنة الف وماتين وستة واربعين من هجرة سيد الكونين في
الشهر الاوسط من الربيع في صبح الخامس والعشرين من نيسان ليلة السبت سنة قويان في الخامس والعشرين من ذي القعدة وسماه والدتي بقريم
سلطان وقاه وايانا من شرور الانس والجان ولا زلنا نعان امين يا مجيب

«Именем Аллаха Милостивого, Милосердного. Хвала Аллаху – Господу миров, благословения и приветствия Мухаммаду и его семье! У Юсуфа родился сын, пусть Аллах дарует ему долгую, благословенную и хорошую жизнь и возрастит его наилучшим образом, в тысячу двести сорок шестом году после переселения (хиджры) Господина обоих миров, в средний месяц весны в предраассветный период (субх) двадцать пятого нисана, в ночь на субботу, а была та ночь 25 зу-ль-ка'да (7 мая 1831 года), в год Зайца (кум. Къюян). Да обережет (Аллах) его и нас от зла людей и джинов и пусть [Аллах] всегда дарует нам свою поддержку и помощь, и моя мать дала ему имя Крымсолтан. Амин! О, Отвечающий на просьбы!».

Следующая запись:

ولقد ولد الحاج موسى صنو قريم سلطان سنة ٨٤٢١ سنة يلان في (في عاشر ذا الحجة) اواسط الشهر الاوسط من الربيع ووصل الى كتاب البشارة
وانا في شهر فطر بورغ في خامس عشر صفر من سنة ٩٤٢١ اللهم يا ذا الفضل العظيم انبتهما نباتا حسنا وبلغنا الى مرادنا وردني الى اهلي حاشا شمل
النيات مهيبا في كل الولايات كاشرا سعيدا الحمد لله رب العالمين وشكرا له الى يوم الدين

«Родился Хаджи Муса, родной брат Крымсолтана, в 1248 г.х., в год Змеи (кум. Ёылан) в срединный месяц весны, 10 зу-л-хиджа (30 апреля 1833 года). А дошло до меня письмо с радостной вестью, когда я находился городе Петербурге, 15 сафара 1249 года (4 июля 1833 г.). О, Аллах, Обладатель великой милости, возрасти их обоих наилучшим образом и приведи к нашей цели. Верни меня к моей семье, с чистыми намерениями, почитаемым во всех областях, радостным и счастливым! Хвала Аллаху – Господу миров и благодарность Ему до Судного дня».

Следующая запись:

ولقد ولد لي ولد في خامس جمادى الاولى سنة ١٢٥٩ وسميته بحميد سلطان انبته الله نباتا حسنا وجعله من اهل احسان امين سنة قويان

«Родился у меня сын пятого [дня месяца] джумада ал-уля 1259 г.х. (3 июня 1843 года), года Зайца (кум. Къюян), которого я назвал Хамидсолтан. Возрасти его наилучшим образом и сделай его из числа благочестивых [людей]. Амин!».

ثم ولد له ولد في الليلة التاسعة والعشرين من شعبان سنة ٩٥٢١ سنة قويان وسميته بعليم سلطان بارك الله لي فيه امين

«Затем родился [у меня] сын, в двадцать шестую ночь месяца ша'бан 1259 г.х. (21 сентября 1843 года) в год Зайца (кум. Къюян), которого я назвал Алимсолтан. Да благословит меня Аллах в нем! Амин!».

Записи имеют продолжение на следующей странице:

قد ولد لي ولد في العشر الاوسط من جمادى الاولى وسميته سعد الله اسعدنا الله تعالى ووقانا من جميع البليات
وقد كان ولادة الابنة زبيدة قبل ذلك بخمسة ايام وذلك سنة ثلث وستين بعد ماتين والف سنة قوي في الربيع في اخر الحمل

«Родился у меня сын в срединном десятке [месяца] джумада ал-уля (27 апреля – 6 мая), и я назвал его Саадулла! Да осчастливит нас Аллах и да убережёт нас от всех бед!

А рождение дочери Зубайдат произошло за пять дней до этого (17 апреля – 16 мая) и это в 1263 году (1847), в год Овцы (кум. Къой), весной.

وولادة باشو في صفر سنة ٤٦٢١

«Рождение Башав в сафаре 1264 г.х. (8 января – 5 февраля 1848)».

وقد ولد ابو العلاء في اواخر سنة تسع وستين بعد مائتين والف

«Абу 'Ала родился в конце 1269 г.х. (14.10.1852 – 04.10.1853)».

وقد ولد حفيدنا عبد العظيم في ثالث ذي القعد يوم الخميس عام اربعة وثمانين بعد مائتين والف انبته الله نباتا حسنا ورزقنا واياه سعادة الدارين بجاه سيد الكونين صلى الله عليه وسلم

Заканчиваются записи информацией о рождении первого внука Юсуфа – «Родился наш внук Абдулазим 3 зу-л-ка'ада, в четверг 1284 г.х. (26 февраля 1868 г.), да взрастит его Аллах наилучшим образом и дарует нам счастье в обоих мирах ради достоинства Господина обоих миров, да благословит его Аллах и приветствует».

Прослеживается интересная деталь: ал-Йахсави приводит даты рождения своих детей, применяя разные календари летоисчисления; в данном случае даты приводятся по хиджре и по 12-летнему календарю животного цикла. Этот календарь, зародившийся среди тюркских кочевых скотоводческих народов Центральной Азии [17, с. 119], как мы можем наблюдать, использовался в середине XIX в. и тюркскими народами Северного Кавказа, к числу которых относятся и кумыки. Факт использования его кумыками впервые отметил Г.М.-Р. Оразаев (1947–2023) [18, с. 36–37; 19, с. 155–156].

Из других источников, а именно из устных сообщений представителей рода Клычевых и «Тетради поколенных росписей семьи Клычевых», любезно предоставленных нам Солтанахмедом Клычевым, прямым потомком Юсуфа-афанди, мы получили подтверждение информации, что у ал-Йахсави было 5 сыновей: Крымсолтан, Муса-хаджи, Алимсолтан, Абу, Джават, и одна дочь Абидат. Сопоставляя их имена с приведенными выше записями, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, полное имя при рождении упомянутого в «Тетради...» сына Юсуфа ал-Йахсави Абу является Абу ал- 'Ала (букв. «Отец высокого положения»), которое, видимо, сократилось до Абу (вплоть до того, что именно имя Абу высечено на каменной плите, установленной над его могилой).

Хамидсолтан умер молодым, не оставив потомства (имена его потомков не фигурируют в документах рода Клычевых). То же самое можно сказать и о сыне Юсуфа-афанди Саадулле – он также рано умер.

В «Тетради поколенных росписей семьи Клычевых» нет никаких сведений о дочерях Юсуфа-афанди Зубайдат и Башав (Башу). Полагаем, что они умерли в младенческом возрасте. Известно, что у Юсуфа ал-Йахсави был сын Джавад, но он не упомянут в хронографе, размещенном в рукописи «Макамат» ал-Харири. Можно предположить, что он родился после 1853 г., либо Джавад – это имя одного из сыновей – Хамидсолтана или Саадуллы, которое впоследствии сменили из-за болезни или каких-то несчастий (подобная практика смены имени у ребенка довольно часто встречалась в то время).

Если проанализировать даты рождения детей Юсуфа ал-Йахсави (а именно, факт рождения двух детей в течение пяти дней), можно предположить, что у ученого было как минимум две жены в этот период. К сожалению, имена жен Юсуфа-афанди нигде не упомянуты, точно так же мы не можем определить, какие дети рождены от каких матерей.

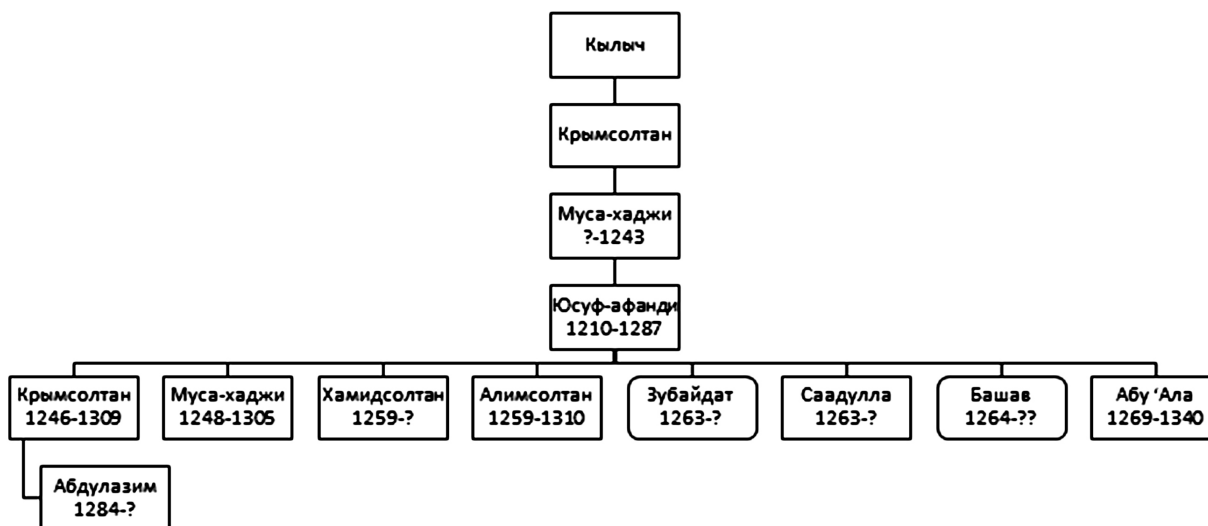
На основании упоминания событий, собственноручно зафиксированных Юсуфом ал-Йахсави, становится известно точное время службы ученого в Императорском конвое (1832–1837). Рукопись «Макамат», по всей видимости, находилась при нем в Петербурге. Кроме того, сведения о разнице дат между рождением его сына Крымсолтана и датой получения письма (30 апреля 1833 г. – 4 июля 1833 г.) дает примерное представление о времени движения почтовой корреспонденции из с. Аксай (Яхсай) в Петербург¹⁹.

На основе приведенной выше информации было составлено генеалогическое древо рода Клычевых в пределах временных рамок 1795–1922 гг. Кроме имен, в древе указаны даты рождения и смерти

¹⁹ Получается, письмо шло чуть больше двух месяцев.

(по хиджре) (см. Схему 1). Даты смерти приводятся на основании изучения эпиграфических материалов представителей рода Клычевых, хранящихся в личном архиве Ханмурзаева И.И.

Схема №1. Ближайшие предки и потомки Юсуфа-афанди ал-Йахсави



В конце XIX – начале XX в. семья Клычевых была связана родственными узами со многими видными представителями духовной и политической элиты Засулакской Кумыкии. Позже, в советское время, продолжатели этого рода стали известными в разных сферах общественной жизни людей.

В их числе – внук Юсуфа-афанди Абдулазим Крымсултанович Клычев (1867–1956), выпускник медресе Абдуллатифа Гоцинского (ал-Хуци), один из первых профессиональных врачей Дагестана и Чечни. Во время революционных событий и Гражданской войны он воевал против войск генерала А. Деникина в качестве сотника армии шейха Узун-хаджи. Во время разорения слободы Хасавюрт отрядами Узун-хаджи и Нажмудина Гоцинского 22 апреля 1918 г., будучи несогласным с их действиями, Абдулазим вывел из слободы Хасавюрт около 200 русских жителей, переправив их в свое родовое село Казак-мурза-юрт (или, как его тогда называли, «хутор Клычева»). Абдулазим был популярен в народе как целитель. Однако после установления советской власти в Дагестане он был вынужден уехать в Чечню, чтобы избежать начавшихся репрессий [20, с. 160; 21, с. 168–169]. Умер он в 1956 г. в г. Грозный.

Еще один внук Юсуфа-афанди ал-Йахсави – Юсуп Крымсултанович Клычев (1883–1942), в 1903 г. закончил ставропольскую гимназию, а позже, в 1912 г., Харьковский медицинский институт, где остался работать до 1915 г. при поликлинике. Позже он был назначен заведующим госпиталем в поселке Еникеево (ныне – г. Донбасс), а затем переведен на должность заведующего земской больницей в с. Чилик Уральской области. В 1918 г. Юсуп вернулся в Дагестан, где с 1918 по 1920 гг. занимался частной практикой в г. Порт-Петровск. После установления советской власти, в 1920 г., Юсуп Клычев был назначен заместителем наркома здравоохранения ДАССР, успев внести заметный вклад в развитие медицины республики. В 1942 г. он был арестован НКВД «за антисоветскую деятельность» и заключен в исправительно-трудовой лагерь в г. Махачкале, где и умер в том же году [21, с. 169–170].

К этому же роду принадлежит Герой Советского Союза Иса Клычевич Султанов (1917–1945). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 г. он был посмертно награжден медалью «Золотая Звезда» и удостоен звания Героя Советского Союза. За боевые заслуги он был также награжден орденами Ленина и Красного Знамени²⁰.

²⁰ Султанов Иса Клычевич // Бессмертный полк. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.moypolk.ru/soldier/sultanov-isa-klychevich>. (дата обращения: 4 июля 2025 г.)

Заключение

Юсуф-афанди ал-Йахсави (1795–1870) – один из наиболее ярких представителей духовной элиты Дагестана середины XIX в., чей талант педагога, поэта и литератора, глубину познаний в мусульманском праве и богословии отмечали многие его современники. Юсуф-афанди был одним из убежденных противников имама Шамиля и считал нецелесообразным сопротивление военной экспансии Российской империи на Северо-Восточном Кавказе, обосновывая свои выводы положениями шариата; он также предрекал поражение армии горцев от превосходящего по численности и вооружению противника, призывая не проливать понапрасну кровь мусульман. Несмотря на столь непопулярную в то время в Дагестане идейную позицию, Юсуф-афанди ал-Йахсави пользовался уважением как друзей-единомышленников, так и врагов: он имел репутацию честного и достойного человека, ничем не запятнавшего себя.

Жизнь в столице Российской империи, служба кадием в Императорском Конвое, странствия по свету расширили кругозор ученого, а его общение с духовной элитой Ближнего Востока и Поволжья углубили знания в мусульманских религиозных науках, преподавание которых в дальнейшем стало его главным делом.

Будучи видным политическим и религиозным деятелем, талантливым педагогом, обладая достаточными финансовыми ресурсами, Юсуф-афанди всегда оставался скромным человеком, чья личная жизнь держалась в тени. О членах семьи ал-Йахсави практически ничего не было известно.

Таким образом, благодаря изучению титульного листа и колофона рукописи «Макамат» ал-Харири, принадлежавшей одному из крупнейших дагестанских ученых Засулакской Кумыкии Юсуфу ал-Йахсави, а также маргинальных записей, сделанных его рукой, становится известна периодизация некоторых этапов его жизненного пути, связанного с военными и политическими событиями в Российской империи и за ее пределами, а также имена и даты рождения потомков Юсуфа-афанди. Род Клычевых продолжается и в наши дни: потомки Юсуфа-афанди ал-Йахсави живут в Дагестане и за его пределами, храня память о своем выдающемся предке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Михаэль Кемпер*. Шариатский дискурс имамата в Дагестане в первой половине XIX в. // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. ст./сост. и отв. ред. А.К. Аликберов, В.О. Бобровников. М., Изд. Дом «Марджани», 2010. С. 107–124
2. Юсуф-кади Аксаевский (Яхсайлы) – один из наиболее известных ученых-арабистов, поэтов и мыслителей религиозного направления Дагестана в XIX в. // Кумыкский энциклопедический словарь. Редакция газеты «Ёлдаш». Махачкала, 2009. С. 195
3. *Абдусаламов М.-П.Б.* Кумыкское сала-узденство в XVIII в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 10. С. 1–10.
4. *Алиев Б.Г.* Сала-уздени (происхождение, экономическое и социально-правовое положение) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2010. № 1. С. 3–15.
5. *Идрисов Ю.М.* Первостепенные уздени в системе сословных отношений в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа в XVII–XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 4–1 (66). С. 67–69.
6. *Ханмурзаев И.И.* Сала-уздени: к вопросу о генеалогическом древе. // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура. Материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12–13 октября 2023 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН. 2023. С. 220–224.

REFERENCES

1. Kemper M. Sharia discourse of the imamate in Dagestan in the first half of the XIX century. *Dagestan and the Muslim East. Collection of Articles. Comp. and ed. in chief: A.K. Alikberov, V.O. Bobrovnikov*. Moscow: Mardjani Publ., 2010: 107-124. (In Russ)
2. Yusuf-qadi Aksaevsky (Yakhsayly) – one of the most famous scholars-Arabists, poets and thinkers of the religious direction of Dagestan in the 19th century. *Kumyk Encyclopedic Dictionary. Editorial board of the newspaper Yoldash*. Makhachkala, 2009: 195. (In Russ)
3. Abdusalamov M-PB. Kumyk sala-uzdenstvo in the 18th century. *Scientific Problems of Humanitarian Research*. 2010; 10: 1–10.
4. Aliev BG. Sala-uzdens (origin, economic and socio-legal status). *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2010; 1: 3-15. (In Russ)
5. Idrisov YuM. High-ranking uzdens in the system of class relations in the feudal possessions of the North-East Caucasus in the 17–19th centuries. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*. Tambov: Gramota, 2016; 4-1(66): 67-69. (In Russ)
6. Khanmurzaev II. Sala-uzdens: on the question of the genealogical tree. *Peoples of the Caucasus in the 18–21st Centuries: History, Politics, Culture. Proceedings of the X International Forum of Historians-Caucasologists (Rostov-on-Don, October 12–13, 2023)*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the RAS, 2023: 220-224. (In Russ)

7. Фанн ал-китаба. Искусство составления писем и официальных документов. Б/а // Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала. ИИАЭ ДНЦ РАН. 2005. 330 с.
8. Алибекова П.М. Жизнь и творческое наследие Дибир-кади из Хунзаха. Махачкала: ИИЯЛ ДНЦ РАН, 2009. С. 44–48. 252 с.
9. Гаджиев А.С. Религиозные, общественно-политические взгляды Клычева Юсуп-кади Аксайского. Махачкала, Республиканская газетно-журнальная типография. 2009. 36 с.
10. Мусаев М.А. Дагестанские арабоязычные биографические сочинения 2 половины XIX – начала XX в.: хрестоматия. Махачкала: АЛЕФ, 2020. 86 с.
11. Kayayev Ali. Terâcim-i ulemâ-yi Dağistan. Dağistan bilginleri biyografileri / Hazırlayanlar Dr. Hasan Orazayev, Dr. Tuba İşinsu Durmuş. Ankara: Grafiker yayınlari. –2012. С. 96–97 (160 s.)
12. Назир ад-Дургили. Усила умов в биографиях дагестанских ученых / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М.: Изд. дом «Марджани», 2012. – 440 с.
13. Ханмурзаев И.И. Сочинение Назира ад-Дургили «Нузхат ал-азхан» в составе сборника «Ал-Мухтар ал-масун мин а'лами ал-курун» // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 107–118.
14. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура быт. Книга вторая. Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 2005. – 436 с.
15. Мусаев М.А. Биографии дагестанских ученых-богословов, противников имама Шамиля, в изложении 'Али ал-Гумуки (Каяева): перевод, комментарии // Фундаментальные исследования. 2014. № 6 (Исторические науки). С. 632–639.
16. Anna Zelkina. "The Arabic linguistic and cultural tradition in Dagestan: an historical overview" in: Arabic as a Minority Language / ed. by Jonathan Owens. Berlin; New-York: Mouton de Gruyter, 2000. 458 p. Pages 89–111
17. Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира. М.: «Просвещение», 1982. 128 с.
18. Оразаев Г.М.-Р. Редкие сведения о бытовании животного цикла летоисчисления в Северном Дагестане // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспед. иссл. ИИЯЛ в 1986–1987 гг. Махачкала, 1988. С. 36–37.
19. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Книга первая. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2000. – 368 с.
20. Идрисов Ю.М. Очерки истории Северных кумыков. Махачкала, Издательство «Лотос», 2014. 232 с.
21. Керимов К., Каирбеков Р., Тажудинов Н. Селение Аджимагагатурт: Время. События. Люди. Махачкала, 2019.
7. Fann al-kitaba. The Art of Composing Letters and Official Documents. Shikhsaidov A.R., Omarov Kh.A. Catalog of Arabic Manuscripts (Collection of M.-S. Saidov). Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2005. 330 p. (In Russ)
8. Alibekova PM. Life and creative heritage of Dibir-qadi from Khunzakh. Makhachkala: ILLA DSC RAS, 2009. (In Russ)
9. Gadzhiev AS. Religious, socio-political views of Klychev Yusuf-qadi Aksaevsky. Makhachkala: Republican Newspaper and Magazine Printing House, 2009. (In Russ)
10. Musaev MA. Dagestani Arabic-Language Biographical Works of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Reader. Makhachkala: ALEF, 2020. (In Russ)
11. Kayayev A. Tarajim-i ulema-yi Dagistan. Biographies of Dagestani Scholars. Prepared by Dr. Hasan Orazayev, Dr. Tuba İşinsu Durmuş. Ankara: Grafiker yayınlari, 2012, pp. 96–97. 160 p.
12. Nadhir ad-Durgili. A Journey of the Minds Through the Biographies of the Islamic Scholars (Nuzhat al-adhhan fi tarajim 'ulama' Daghistan). Trans. from the Arab., comm., facs. ed., index and bibliogr. by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow: Mardjani Publ. House, 2012. (In Russ)
13. Khanmurzaev II. Nadhir ad-Durgili's work "Nuzhat al-adhhan" as part of the collection "Al-Mukhtar al-masun min a'lam al-qurun." History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus. 2018; 14(2): 107–118. (In Russ)
14. Gadzhieva SSh. Kumyks: Historical Past, Culture, Everyday Life. Book Two. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2005. (In Russ)
15. Musaev MA. Biographies of Dagestani theologian scholars, opponents of Imam Shamil, in the narration of 'Ali al-Ghumuki (Kayayev): translation, comments. Fundamental Research. 2014; 6 (Historical Sciences): 632–639. (In Russ)
16. Zelkina A. The Arabic linguistic and cultural tradition in Dagestan: an historical overview. Arabic as a Minority Language, ed. by Jonathan Owens. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000: 89–111.
17. Tsiubulsky VV. Calendars and Chronology of the Countries of the World. Moscow: Prosveshchenie, 1982. (In Russ)
18. Orazayev GM-R. Rare information on the use of the animal cycle chronology in Northern Dagestan. Abstracts of Reports of the Scientific Session Dedicated to the Results of Expedition Research of IHLL in 1986–1987. Makhachkala, 1988: 36-37. (In Russ)
19. Gadzhieva SSh. Kumyks: Historical Past, Culture, Everyday Life. Book One. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 2000. (In Russ)
20. Idrisov YuM. Essays on the History of the Northern Kumyks. Makhachkala: Lotus Publ., 2014. (In Russ)
21. Kerimov K., Kairbekov R., Tajutdinov N. Village Adzhimazhagaturt: Time. Events. People. Makhachkala, 2019. (In Russ)

Поступила в редакцию 20.03.2025
 Принята в печать 06.04.2025
 Опубликована 15.12.2025

Received 20.03.2025
 Accepted 06.04.2025
 Published 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214447-456>

Исследовательская статья

Волхонский Михаил Алексеевич
кандидат исторических наук, доцент
Кафедра международных отношений и внешней политики России
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России),
Москва, Россия
VolhonskyMA@yandex.ru

Ярлыкапов Ахмет Аминович
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт международных исследований
Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России),
Москва, Россия
a.yarlykapov@gmail.com

ПЕРЕДАЧА КАРАНОГАЙСКОГО ПРИСТАВСТВА ИЗ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОСТАВ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРСКОЙ И КУБАНСКОЙ ОБЛАСТЯМИ В 1883–1888 гг.

Аннотация. Статья посвящена исследованию причин, целей и последствий проведенной в марте 1888 г. кавказской администрацией административной реформы по передаче Караногайского приставства из Ставропольской губернии в состав Терской области. Анализ выявленных в архивах (Российский государственный исторический архив и Государственный архив Ставропольского края) новых источников показал, что данное административное преобразование являлось частью более обширной реформы по преобразованию управления Кубанской и Терской областей. Главной целью этой реформы являлось сохранение Кубанского и Терского казачества в качестве военного сословия. Реформа предусматривала передачу под контроль казачьей военной администрации всех социальных и этнических групп населения обеих областей. Передача Караногайского приставства в состав Терской области в рамках данной реформы была обусловлена существованием тесных хозяйственных и поземельных связей караногайцев с терскими казаками. При этом разработанная кавказской администрацией кн. А.М. Дондукова-Корсакова реформа совершенно не учитывала интересы караногайцев. Проведение реформы в марте 1888 г. поставило перед администрациями Ставропольской губернии и Терской области вопрос о необходимости разделить на две части «общий магометанский капитал кочующих в Ставропольской губернии». В 1889 г. возник вопрос о размежевании пастбищных земель и проведении точной административной границы между Терской областью и Ставропольской губернией. Последний вопрос не получил окончательного решения до 1917 г. В целом реформа оказалась неудачной. Во-первых, она привела к росту конфликтов из-за пастбищ и водопоев между кочевниками Ногайской степи (караногайцами, едишкульскими и едисанскими ногайцами и туркменами), разделенных согласно реформе между двумя административными единицами. Во-вторых, реформа крайне негативно отразилась на социально-экономическом развитии караногайцев.

Ключевые слова: Кавказский край; Кубанская область; Терская область; Ставропольская губерния; Караногайское приставство; Ачикулакское приставство; караногайцы; терские казаки; административная реформа; Александр III; А.М. Дондуков-Корсаков

Для цитирования: Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А. Передача Караногайского приставства из Ставропольской губернии в состав Терской области в контексте реформы управления Терской и Кубанской областями в 1883–1888 гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 4. С. 447-456. doi.org/10.32653/CH214447-456

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214447-456>

Research paper

Mikhail A. Volkhonsky
Cand. Sci., Assist. Prof.
Dep. of International Relations and Foreign Policy of Russia
Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia
VolhonskyMA@yandex.ru

Akhmet A. Yarlykapov
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute for International Studies
Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia
a.yarlykapov@gmail.com

THE TRANSFER OF THE KARANOGAI PRISTAVSTVO FROM THE STAVROPOL GOVERNORATE TO THE TEREK OBLAST: REFORMING ADMINISTRATION IN THE TEREK AND KUBAN OBLASTS, 1883–1888

Abstract. This study examines the causes, objectives, and consequences of the administrative reform implemented by the Caucasian administration in March 1888, which entailed the transfer of the Karanogai Pristavstvo (district) from the Stavropol Governorate to the Terek Oblast. Analysis of newly identified archival sources from the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Stavropol Krai reveals that this specific administrative change was a component of a broader initiative to reorganize the administrations of the Kuban and Terek Oblasts. The primary objective of this larger reform was to preserve the Kuban and Terek Cossacks as a distinct military estate. Consequently, the reform planned to subject all social and ethnic groups within both regions to the control of the Cossack military administration. The integration of the Karanogai Pristavstvo into the Terek Oblast under this framework was necessitated by the close economic and land-use relationship between the Karanogais and the Terek Cossacks. The reform, devised by the Caucasian administration under Prince A. M. Dondukov-Korsakov, entirely disregarded the interests of the Karanogai people. Its implementation in March 1888 compelled the administrations of the Stavropol Governorate and Terek Oblast to address the division of “the total Mohammedan capital of nomads in Stavropol Governorate” into two parts. In 1889, the issue of apportioning pasturelands and delineating a precise administrative boundary between the Terek Oblast and Stavropol Governorate arose. The latter question remained unresolved until 1917. Overall, the reform proved unsuccessful. First, it exacerbated conflicts over pastures and watering places among the nomads of the Nogai Steppe – namely, the Karanogais, Edishkul and Yedisian Nogais, and Turkmens – who were divided between the two administrative units by the reform. Second, it exerted a profoundly negative influence on the socio-economic development of the Karanogai people.

Keywords: Caucasus region; Kuban Oblast; Terek Oblast; Stavropol Governorate; Karanogai Pristavstvo; Achikulak Pristavstvo; Karanogais; Terek Cossacks; administrative reform; Alexander III; A.M. Dondukov-Korsakov

For citation: Volkhonskiy M.A., Yarlykapov A.A. Transfer of the Karanogai Pristavstvo from Stavropol Governorate to the Terek Oblast in the Context of the Administrative Reform of the Terek and Kuban Oblasts in 1883–1888. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 447-456. doi.org/10.32653/CH214447-456

Введение

Исследование истории Караногайского приставства, также как исследование всех четырех ногайских приставств, образованных в конце XVIII в. в степях Северного Кавказа, крайне важно для понимания в целом истории ногайцев, одного из коренных народов России. Следует отметить, что именно создание этих административных структур позволило ногайцам, пережившим в конце XVIII в. в ходе военного противостояния Российской и Османской империй целый ряд катастрофических военно-политических событий, выстоять, не исчезнуть со страниц истории, сохранить свою этническую и культурную идентичность.

Конечно, объективная оценка роли института приставств на Северном Кавказе в истории ногайцев требует предварительного, детального знания административно-политической истории этих институтов. Но как раз здесь продолжительное время наблюдается застой. Несмотря на значительное количество книг и статей, посвященных истории и культуре ногайцев Северного Кавказа [1–5], мы до сих пор весьма схематично представляем себе административную и социально-экономическую эволюцию ногайских приставств. Наблюдающийся застой в исследованиях связан с тем, что слабо ведется поиск в архивах новых исторических документов по истории ногайцев в XIX в. Из работ последнего времени, где использовались новые архивные материалы, можно отметить только исследования И.В. Лиджиевой [6; 7]. В итоге, нам плохо известны цели и обстоятельства целого ряда административных реформ, проведенных российскими властями в течение XIX в. в отношении ногайских приставств Северного Кавказа. В частности, практически ничего не известно об обстоятельствах передачи в 1888 г. Караногайского приставства из Ставропольской губернии в состав Терской области.

Первый историограф Караногайского приставства Ф.И. Капельгородский так писал об этом событии: «16 апреля 1888 г. приказом по военному ведомству № 90 объявлено было о преобразовании управления Кубанской и Терской областей. Вместе с тем Караногай, со всем Кизлярским уездом, был причислен к составу Терской области. Таким образом, караногайцы отделились от своих сородичей – эдишкульцев, едисанцев и джембойлуковцев, оставшихся в пределах Ставропольской губернии» [8]. Советская историография добавила к этому сравнительно немного дополнительной информации. Так, известный исследователь И.Х. Калмыков писал: «В 1888 г. Караногайское приставство было передано Терской области, но пограничная линия между областью и губернией была установлена только в 1909 г. ... Передача Караногая Терской области состоялась по решению царского правительства без ведома на то ногайского населения. Власти при этом руководствовались лишь политической стороной – путем равномерного распределения территории между административными органами, основное внимание управленческого аппарата сосредоточить на усилении надзора за так называемыми инородцами» [9]. Из современных историков только И.В. Лиджиева отметила, что реформа «устраняла некоторое неудобство в административном управлении, связанное с удаленностью приставства от губернского центра» [6].

Однако исследователи так и не ответили на главный вопрос, почему именно в 1880-е гг. возникла идея передать Караногайское приставство в Терскую область? В данной статье на основе новых документов, выявленных в Российском государственном историческом архиве (РГИА), а также Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК), сделана попытка прояснить причины, цели и последствия осуществленной в марте 1888 г. административной реформы приставства.

Реформа управления Кубанской и Терской областей в 1883–1888 гг.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что передача Караногайского приставства в Терскую область была осуществлена согласно «Высочайше утвержденному учреждению управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа» от 21 марта 1888 г., которое стало итогом многолетних усилий главноначальствующего гражданской частью на Кавказе кн. А.М. Дондукова-Корсакова

по преобразованию управления кавказскими казачьими войсками. Поэтому можно предположить, что передача приставства находилась в тесной связи с реформой казачьего управления.

В 1882 г., объезжая Кавказский край, Дондуков обратил особое внимание на состояние дел в Кубанском и Терском казачьих войсках. Во «Всеподданнейшей записке командующего войсками Кавказского военного округа 1882–1890 гг.» князь писал, что его поразило существенное изменение характера жизни казачьего населения, особенно, «упадок его военного склада». По его мнению, эти изменения были вызваны политикой военного министерства в 1870-е гг., главной целью которой являлось упразднение казачества как военного сословия [10]. Считая такую политику ошибочной, князь решил обратиться напрямую к императору Александру III с вопросом о дальнейшей судьбе кавказского казачества.

Во всеподданнейшей «Записке о преобразовании управления Кавказскими казачьими войсками в связи с сопредельным инородческим населением» от 7 апреля 1882 г. Дондуков, утверждая непреходящую ценность существования кавказского казачества «в виде военно-сословной силы», выделил несколько факторов, которые, по его мнению, способствовали размыванию этой «силы». Это, во-первых, начавшийся с 1868 г. приток в Кубанскую область иногородних; во-вторых, конфликты терских казаков с горцами; в-третьих, введение в Кубанской и Терской областях в 1869 г. системы управления «на основании общего губернского учреждения». Последнее, по мнению Дондукова, привело к двоевластию, конфликтам между гражданскими и казачьими административными учреждениями, к пренебрежению экономическими, административными и военными интересами казачества. Главным же итогом воздействия указанных факторов на жизнь Терского и Кубанского казачьих войск, по его мнению, стало размывание самосознания казаков как особого воинского сословия¹.

Чтобы предотвратить исчезновение кавказского казачества Дондуков предлагал провести ряд административных преобразований, в частности: «находящееся на территории Кубанского и Терского казачьих войск местное население, как казачье, так иногороднее, подчинить в полицейско-административном отношении военному министерству», а также «соединить областное и войсковое хозяйственное правление в один общий для каждого войска орган»².

Вопрос о присоединении Караногайского приставства к Терской области

Одновременно Дондуков предложил передать Караногайское приставство из Ставропольской губернии в Терскую область. В той же записке он писал: «Восточную часть территории Ставропольской губернии, занимаемой караногайскими кочевыми народами, присоединить в полицейском отношении к управлению Терского казачьего войска, а в судебном – к Владикавказскому судебному округу. Мера эта вызывается тем, что едисанские и эдишкульские караногайцы, кочующие в тылу казачьих поселений, занимаются постоянно конокрадством и воровством рабочего скота из казачьих хуторов, нанося тем значительный ущерб сельскому хозяйству казаков. Суд и главное управление караногайцев находится ныне в Ставрополе, столь отдаленное от Терского войска, особенно бывших гребенских станиц, что казак нередко предпочитает отказаться от возбуждения судебного дела для вознаграждения за ограбленное у него имущество, чем тратить время и деньги на поездку с этой целью за 400–500 верст в Ставрополь. Поэтому подчинение караногайцев одной административной и судебной с терскими казаками власти могли бы принести большую пользу в смысле обеспечения имущественной безопасности, а, следовательно, и благосостояния казачьего населения, а также обуздания хищничества караногайцев»³.

Отметим, что данный отрывок записки свидетельствует, что как сам Дондуков, так и его ближайшее окружение, очевидно, не очень хорошо представляли себе реальное положение дел в Караногайском приставстве. Так, в записке не делалось различия между едисанскими, эдишкульскими ногайцами и непосредственно караногайцами. Очевидно, в канцелярии главноначальствующего забыли, что еще в 1862 г. эдишкульские ногайцы были переведены из Караногайского в Ачикулакское приставство [11].

1 Записка о преобразовании управления Кавказскими казачьими войсками в связи с сопредельным инородческим населением // РГИА. Ф. 1149. Оп. X. Д. 88. Л. 272–274 об.

2 Там же.

3 Там же.

Кроме того, не было никакой нужды подчинять караногайцев Владикавказскому судебному округу, поскольку они и так ему подчинялись.

28 августа 1883 г. император Александр III одобрил всеподданнейшую записку главноначальствующего, разрешив образовать особую комиссию для рассмотрения вопроса о преобразовании управления кавказскими казачьими войсками⁴. В декабре 1883 г. комиссия приступила к работе во Владикавказе, в здании окружного суда. Как отмечалось в журнале заседания комиссии от 12 января 1884 г., ее члены должны были разработать проект преобразования казачьего управления с тем, чтобы создать положительные условия для «поддержания военного значения казачьих войск в смысле боевой и охранительной государственной силы»⁵.

Характерно, что по мнению комиссии, главным условием сохранения военного значения казачества являлось подчинение казачьей военной администрации всего населения Терской и Кубанской областей, как русских «иногородних», так и «инородцев» – горцев и кочевников. Особенно важным комиссия считала поставить под контроль казаков как раз горцев и кочевников, которые, по ее мнению, являлись главной причиной «отсутствия личной и имущественной безопасности» в Терской области. В итоге комиссия сформулировала следующие предложения по реформе: 1. устранить смешанную систему управления, передав управление Кубанской и Терской областей под управлением казачьей военной администрации; 2. запретить иногородним селиться в казачьих станицах; 3. установить сильную полицейскую власть для горского населения Терской области; 4. принять меры к проведению обезоруживания горского населения в ближайшее время⁶.

В числе предлагаемых мер ничего не говорилось о караногайцах, поскольку вопрос об их подчинении полицейскому контролю администрации Терского казачьего войска надо было решать со ставропольскими губернскими властями. Этот вопрос обсуждался на заседании 26 января 1884 г., на котором был заслушан отзыв ставропольского губернатора К.Л. Зиссермана. Характерно, что губернатор, излагая аргументы в пользу передачи приставства, основное внимание обратил не на необходимость особого полицейского контроля в силу якобы многочисленных фактов угона скота кочевниками у казаков, а на факт существования широких хозяйственных и поземельных связей караногайцев преимущественно с Терской областью, а не Ставропольской губернией. Обратил внимание губернатор на явное неудобство управления приставством из Ставрополя из-за дальнего расстояния, а также на факт давнего подчинения караногайцев в судебном отношении Владикавказскому окружному суду⁷. В частности, в отзыве говорилось: «Означенное приставство составляет самый отдаленный восточный угол Ставропольской губернии, обхватываемый с Юга и Востока землями терских казаков; караногайцы летом кочуют в пределах приставства; зимой же все они живут в пределах Терской области, на казачьих землях по реке Тереку или же по берегу Каспийского моря. Такой переход жителей из одной губернии в другую затрудняет полицейский за ними надзор, который, по дикости народа, крайне необходим. Кроме того, все материальные интересы караногайцев имеют тяготение к городу Кизляру и к казачьим станицам.... Таким образом, Караногайское приставство имеет со Ставропольской губернией только наружную связь, подчиняясь здесь губернскому начальству, а потому все вышеприведенное указывает на необходимость отделить его от этой губернии и присоединить к Терской области ...»⁸.

Члены комиссии, согласившись с мнением губернатора, со своей стороны сочли необходимым также зафиксировать в журнале, что «интересы казаков с подчинением означенных кочевников ведомству одной полицейской власти выиграют несомненно и в том отношении, что кочевники будут иметь менее возможности к укрывательству воруемого у казаков скота на территории, состоящей в ведомстве другой полиции»⁹. Однако, тот факт, что губернатор, да и сами члены комиссии говорили об этом вскользь, уделяя преимущественное внимание фактам хозяйственной взаимозависимости караногайцев и казаков, позволяет сделать вывод, что стычки из-за угона скота имели эпизодический характер, не являясь признаком какого-либо острого социального конфликта.

4 Копия с отзыва начальника Главного управления казачьих войск, генерал-майора Нарбута, главноначальствующему гражданской частью на Кавказе от 3 сентября 1883 г. // РГИА Ф. 1149, Оп. X, Д. 88. Л. 275.

5 Журнал комиссии по преобразованию управления Кавказскими казачьими войсками. 12 января 1884 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. X. Д. 88. Л. 156–156 об.

6 Там же.

7 Журнал комиссии по преобразованию управления Кавказскими казачьими войсками. 26 января 1884 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. X. Д. 88. Л. 162 об–163 об.

8 Там же.

9 Там же

Несмотря на убедительность аргументов отзыва ставропольского губернатора комиссия решила подстраховаться и поручить двум своим членам, А.И. Бакрадзе и С.И. Писареву, собрать дополнительные сведения о караногайцах¹⁰. Быстро собрав необходимые сведения, они 23 февраля 1884 г. представили комиссии специальную записку, содержание которой подтвердило мнение К.Л. Зиссермана о тесных хозяйственных и поземельных связях караногайцев и терских казаков, как главного аргумента в пользу передачи приставства. В частности, в записке отмечалось: «Недостаток удобных мест для пастбы скота и отсутствие воды в занимаемой ими степи, вынуждает караногайцев кочевать на землях частных владельцев, станичных и сельских обществ и на казенных оброчных участках Кизлярского округа за особую плату или по другим условиям. Число кочующих в Терской области простирается до 2 ½ тыс. кибиток; из них только более состоятельные весной перекочевывают в караногайские степи, чтобы предохранить свой скот от овода и комаров, большая же часть остается круглый год в Терской области; некоторые нанимаются в работники, табунщики и пастухи, другие занимаются обработкой садов в Кизляре и станицах по Тереку»¹¹.

Таким образом, реформа управления Кубанской и Терской областями, инициированная в 1883 г. Дондуковым, была направлена на защиту интересов кавказского казачества как военного сословия. Поскольку караногайцы и терские казаки находились в тесной хозяйственной взаимосвязи, то терская казачья администрация выступила с идеей включить Караногайское приставство в состав Терской области. При этом речь шла не столько о борьбе с «хищничеством» кочевников, сколько о необходимости полного административного контроля над караногайцами для эффективной охраны в целом хозяйственных интересов терских казаков в Кизлярском отделе. Что касается караногайцев, то их интерес в предлагавшейся реформе виделся в том, что функции и права главного пристава, который должен был по закону «охранять права и собственность инородцев», теперь переносились на атамана Кизлярского отдела, который находился рядом в Кизляре, а не в далеком Ставрополе¹².

Вопрос о приставстве комиссия решила на заседании 23 февраля 1884 г., в журнале которого говорилось: «Перейдя затем к вопросу о Караногайском приставстве, комиссия по выслушании составленной по этому предмету и при сем прилагаемой объяснительной записки, постановила одобрить присоединение Караногайского приставства, как предположено по журналу № 12, к управлению Терского казачьего войска, в тех пределах, как это предположено и Ставропольским губернатором, с причислением приставского управления к Кизляро-Гребенскому отделу, атаману которого присвоить, по отношению к названному приставству права главного пристава магометанских народов Ставропольской губернии; расходы же по содержанию сказанного приставства полностью отнести на счет тех же источников, на которые они относятся ныне, и в том порядке как предположено подкомиссией»¹³.

Раздел «общего магометанского капитала кочующих народов Ставропольской губернии» в 1889 г.

Составленный комиссией проект преобразования управления Кубанской и Терской областей, с внесенными Дондуковым поправками, в течение трех лет рассматривался в министерствах. После согласования и внесения исправлений проект был рассмотрен и одобрен 28 ноября 1887 г. на заседании Государственного совета, а затем 21 марта 1888 г. утвержден императором Александром III.

О Караногайском приставстве в «Учреждении управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа» говорилось следующее: «II. Караногайское приставство перечислить из Ставропольской губернии в Терскую область, с сохранением за населяющими оное инородцами, впредь до времени, дарованные им льготы по воинской повинности»; «XIII. Капитал караногайского народа, по выделении его из общего магометанского капитала кочующих народов Ставропольской губернии, причислить к специальным средствам военного министерства, обращая за сим в сей капитал весь доход,

¹⁰ Там же.

¹¹ Записка о кочующих инородцах Ставропольской губернии, составляющих Караногайское приставство // РГИА. Ф. 1149. Оп. X. Д. 88. Л. 329.

¹² Там же.

¹³ Журнал комиссии по преобразованию управления Кавказскими казачьими войсками. 23 февраля 1884 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. X. Д. 88. Л. 184 – 184 об.

доставляемый денежным сбором повинностей, взимаемых с караногайского народа на основании статьи 572 Учреждения управления инородцев, за исключением из сего суммы, зачисляемой пособием государственному казначейству по содержанию управления Терской области» и «XIV. Предоставить военному министру внести на уважение Государственного совета: а) по соглашению с министром государственных имуществ – предложения о том, какая часть общего магометанского капитала кочующих народов Ставропольской губернии должна быть выделена в капитал собственно караногайского народа» [12].

Как видно из текста «Учреждения ...», передача Караногайского приставства в Терскую область поставила перед властями вопрос о выделении из «общего магометанского капитала кочующих народов Ставропольской губернии» суммы, причитающейся непосредственно караногайцам. Капитал был образован в 1852 г. по распоряжению наместника Кавказского св. кн. М.С. Воронцова. По сведениям, предоставленным военному министру из Министерства государственных имуществ, данный капитал в разное время пополнялся из следующих фондов: «а) 68 896 р. 64 $\frac{1}{4}$ к., внесенные выселившимися в Турцию Калаусо-Джембойлуковскими ногайцами, с 1848 по 1860 гг., взамен лежавшей на них натуральной повинности, заключавшейся в перевозке с пристани Подпольной на Каспийском море казенного провианта, ежегодно, в количестве 7 280 четв.; б) остатки от 17 000 р., причитавшихся ежегодно в виде прогонов, за перевозку 40 000 четв. провианта караногайцами и едисанскими, эдишкульскими и джембойлуковскими ногайцами; в) остатки от сбора, взимаемого со всех ставропольских инородцев-магометан, на содержание управления; г) проценты на капитал, по мере обращения его в государственные бумаги, и другие мелкие источники»¹⁴.

Поскольку в образовании капитала принимали участие все кочевники Ставропольской губернии, представитель Министерства государственных имуществ статс-секретарь В.И. Вешняков предложил его разделить между караногайцами, переходящими в Терскую область, и остающимися в Ставропольской губернии эдишкульскими и едисанскими ногайцами по числу душ мужского пола, зафиксированных в 1886 г. в посемейных списках. По этим спискам караногайцев насчитывалось 15 569 чел.; туркменов – 9 724 чел.; едисанских, эдишкульских и джембойлуковских ногайцев – 9 451 чел. В то же время магометанский общественный капитал насчитывал всего 282 430 р. 37 к. (из них наличными деньгами 16 917 р. 70 к., процентными бумагами – 167 950 р., а также в ссудах и долгах 97 562 р. 67 к.). В итоге караногайцам решено было выделить из общего капитала сумму в 126 632 р. 2 к.¹⁵. 12 ноября 1888 г. данные расчеты были одобрены в Военном министерстве¹⁶, затем 16 февраля того же года рассмотрены в Государственном совете и 22 марта 1889 г. утверждены императором¹⁷.

Вопрос об административной границе между Караногайским и Ачикулакским приставствами в 1889 – 1907 гг.

Присоединение Караногайского приставства к Терской области создало также серьезную проблему размежевания пастбищ Караногайского и Ачикулакского приставств. Первым на эту проблему обратил внимание в январе 1884 г. ставропольский губернатор К.Л. Зиссерман, который считал, что эдишкульцы после отделения Караногайского приставства не должны были встречать никаких стеснений в своих кочевках, «оставаясь на территории Ставропольской губернии и подчиняясь в случае перехода их на кочевку в пределы Терской области, тому полицейскому надзору, какой там будет установлен без всякого платежа каких-либо пошлин за выпас принадлежащего им скота»¹⁸.

Но идея Зиссермана не была принята терским начальством. В декабре 1889 г. наказной атаман Терского казачьего войска А.М. Смекалов в письме к ставропольскому губернатору Н.Е. Никифоруки подчеркивал, что сохранявшийся до 1888 г. порядок «бесплатного кочевания на землях других

14 О передаче в военное министерство части магометанского капитала кочующих народов Ставропольской губернии, причитающейся на караногайцев // РГИА, Ф. 1152. Оп. 11. Д. 55. Л. 14–14 об.

15 Там же.

16 Там же.

17 Копия высочайшего повеления об исполнении последовавшего в Государственном совете мнения 22 марта 1889 г. // РГИА, Ф. 1152, Оп. 11. Д. 55. Л. 10–12 об.

18 Журнал комиссии по преобразованию управления Кавказскими казачьими войсками. 26 января 1884 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. X. Д. 88. Л. 162 об – 163.

народностей» невозможен в новых обстоятельствах. «В настоящее время, – писал он, – с отделением к Терской области собственно Караногайского приставства вместе с караногайским народом являются такие затруднения, как в управлении, так и в пользовании землей, которые вызывают со стороны караногайцев и местной администрации настоятельные просьбы о скорейшем прекращении совместного кочевания трухмен и едисанцев с караногайцами»¹⁹. Атаман требовал как можно скорее составить проект проведения границы между губернией и областью.

В марте 1892 г. главноначальствующий гражданской частью, наказной атаман Кавказских казачьих войск С.А. Шереметев созвал «смешанную комиссию по разграничению территории Ставропольской губернии и Терской области». В инструкции данной им комиссии говорилось, что «главная задача комиссии состоит в установлении границы между Ставропольской и Терской областью дабы прекратить совместное кочевание». Командующий требовал от комиссии, чтобы она старалась «привести кочевников к добровольному согласию»²⁰, что на практике оказалось невозможным. Работу комиссии сильно осложняла неточность карт, а также запутанность поземельных отношений в Ногайской степи. Так, в 1892 г. возник острый конфликт между властями Ставропольской губернии и Терской области, вызванный попыткой провести границу непосредственно на местности, поскольку составленная в 1885 г. карта оказалась неточной в плане обозначения старых и новых поселений, являвшихся ориентирами для проведения административной границы²¹.

Наконец в мае 1897 г. комиссии удалось составить проект распределения земель: Караногайскому приставству – 1 032 994 дес.; Ачикулакскому приставству – 545 974 дес.; Трухменскому – 614 832 дес. Но с резкими возражениями против проекта выступил главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии подполковник М.Е. Коневский, который в специальной записке писал: «Население рассматриваемых приставств: Ачикулакского, Трухменского и бывшего Караногайского, как видно из сведений, доставленных в комиссию, имеет 8322 верблюда, 30715 голов лошадей, 71921 гол. рогатого скота и 257957 овец, а всего ачикулакцы, трухмене и караногайцы имеют 368915 голов крупного и мелкого скота, нуждающегося в достаточном количестве водопоев и главным образом в таких местах, где кочевник старается укрывать его в зимнюю пору. По моему мнению, эти основные нужды кочевника-скотовода комиссии следовало бы принять как за одно из основных экономических положений в деле распределения земель между отдельными районами всех трех приставств, имея в виду, что номад добывает себе средства к существованию исключительно одним видом хозяйства – скотоводством. Между тем, как видно из журнала от 10 мая, комиссия, не приняв вышесказанного во внимание, внеся в дело разделения земель совершенно произвольный показатель отношения одной площади одной территории к единице площади другой и влив в общее число инородцев и калмыков, проживающих в Терской области, пришла к ошибочному выводу, могущему создать для кочевников ненормальное жизненное положение»²².

В итоге ни комиссия, работавшая в 1892–1898 гг., ни комиссия 1903 г., так и не смогли принять решение о справедливом распределении земель между двумя приставствами. О причинах этого очень точно написал в 1907 г. в специальной записке ставропольский губернатор Б.М. Янушкевич: «Дело в том, что находящиеся в пользовании кочующих туркмен, эдишкульцев и караногайцев земли несмотря на всю их обширность не могут взятые по отдельным районам обеспечить кормами и водопоями принадлежащий этим племенам скот, составляющий единственный источник их существования. ... В виду этого, как инородческая, так и губернская администрация Ставропольской губернии в последние 10–15 лет была того мнения, что устройство какой-либо искусственной границы для установления пределов кочевания того или другого инородческого племени крайне опасно и не может быть оправдываемо удобствами администрации»²³.

19 Письмо начальника Терской области, наказного атамана, генерал-лейтенанта А.М. Смекалова ставропольскому губернатору. 18 декабря 1889 г. // ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1078. Л. 22–22 об.

20 Инструкция для действий смешанной комиссии по разграничению территории Ставропольской губернии и Терской области и распределению земель между кочующими инородцами магометанами, обитающими в пределах названных губерний и области // ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1078. Л. 42.

21 Отношение управления Кизлярского отдела Терской области топографу Кавказского военно-топографического отдела В.-М. А. Калусовскому // ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1078. Л. 57 об.

22 Мнение члена комиссии главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии, подполковника М.Е. Коневского к журналам смешанной комиссии, состоявшимся 9-го, 10-го и 11-го мая 1897 г. // ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1078. Л. 142–143.

23 Записка ставропольского губернатора Б.М. Янушкевича об административной принадлежности Караногайского приставства. 23 мая 1907 г. // ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3212. Л. 11 об.–13.

В литературе встречается утверждение, что в 1909 г. вопрос об административной границе был окончательно урегулирован [9]. Но среди законодательных актов найти указаний на решение этого вопроса в этом году или позже не удалось. Можно предположить, что граница была установлена, что называется де-факто, исходя из хозяйственной практики. Но никаких административных актов в архивах, подтверждающих это, пока найти не удалось.

Последствия присоединения Караногайского приставства к Терской области

Какие же последствия имело проведенное в 1888 г. присоединение Караногайского приставства к Терской области? Обосновывая необходимость реформы, кн. А. М. Дондуков-Корсаков указывал, что эта мера позволит сократить количество правонарушений среди кочевников. Но вышло прямо наоборот. После реформы участились конфликты не только между терскими казаками и караногайцами, но также между самими кочевниками – караногайцами, едисанскими и едишкульскими ногайцами, туркменами. На это прямо указывал губернатор Б.М. Янушкевич, писавший: «Кочевые туркмены, ногайцы и караногайцы, жившие раньше в течение 2 ½ столетий в полном согласии, неразрывно связанные между собою по племени, религии, нравам, вековым обычаям и даже родственными отношениям..., считавшие степи предметом общего и беспрепятственного пользования, после отпадения Караногая в административном отношении нередко стали вытеснять друг друга из мест совместного кочевания, впадая в совершенно произвольное толкование прав, не имеющее более глубоких оснований, кроме указания на то, что спорящие инородцы принадлежат к разным губерниям. На этой почве возникают бесконечные споры, сопровождаемые захватом скота одними у других, потравой сенокосных мест и проч[его]...»²⁴.

В числе негативных последствий передачи Караногайского приставства в Терскую область Янушкевич указал не только на рост конфликтов, но также на явный застой в социально-экономическом развитии караногайцев в конце XIX – начале XX вв. «Не располагая точными официальными данными о состоянии общественного хозяйства караногайского народа, – писал губернатор, – и опираясь лишь на устные отзывы смежных ногайцев, необходимо признать, что оно далеко не достигло того прогресса, какой наблюдается в магометанских степях Ставропольской губернии»²⁵. Об этом же писал Ф.И. Капельгородский: «Отделение Караногая от Ставропольской губернии первоначально повело только ко вреду караногайскому народу. Как-никак, в Ставропольской губернии было свое специальное инородческое управление. Кроме чиновников-администраторов там были агрономы, зоотехники, лесоводы, ветеринары, гидротехники, статистики. Жизнь брала свое. Ставропольские кочевники понемногу садились на землю, им в этом деятельно помогало управление. В населенных ногайских пунктах рылись артезианы, строились школы, производились работы по укреплению песков. В инородческих ставках росли прекрасные здания, учреждались медицинские и ветеринарные пункты, заводились племенные рассадники, насаждались сады и парки. Ничего подобного Караногай долгое время не имел и не знал» [8].

Таким образом следует признать, что передача Караногайского приставства из Ставропольской губернии в Терскую область было ошибкой властей. Данное административное преобразование являлось частью более масштабного преобразования управления Кубанской и Терской областей, главной целью которого было сохранение казачества как военного сословия, а также защита его хозяйственных и административно-политических интересов. При этом интересы караногайцев практически не брались в расчет. Главным негативным последствием преобразования стало искусственное разделение и разрушение единого хозяйственного комплекса Ногайской степи, которым ранее совместно пользовались все кочевые народы этого региона. В свою очередь, это привело с одной стороны к росту конфликтов между кочевниками, а с другой к явному застою в социально-экономическом развитии караногайцев.

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта №23-28-01606 «История Караногайского приставства: опыт административной

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

и социокультурной инкорпорации ногайцев в состав России (конец XVIII – начало XX в.)» <https://rscf.ru/project/23-28-01606/>.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation under project No. 23-28-01606 “History of the Karanogai Pristavstvo: Experience of Administrative and Sociocultural Incorporation of the Nogais into Russia (late 18th – early 20th century)” <https://rscf.ru/project/23-28-01606/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кужелева Л. Ногайцы. (Из истории ногайцев XVIII – нач. XX веков) // Ученые записки [Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР]. Т. XIII. Серия историческая. Махачкала, 1964. С. 194–229.
2. Кочкаев Б.-А.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма-Ата: Ставропольское книжное изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1973. 185 с.
3. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы: историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-е, 1988. 230 с.
4. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX – начале XX в. (Исследование экономического развития и социально-политического строя). Махачкала: Издательский дом «Народы Дагестана», 2005. 219 с.
5. Джумагулова А.Т. Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII – 60-х гг. XIX вв. Пятигорск, 2019. 248 с.
6. Лиджиева И.В. Кочевые инородцы Степного Предкавказья: административно-территориальные модели XIX в. // Политика и общество. 2016. № 9. С. 1265–1271.
7. Лиджиева И.В. Чиновники инородческого управления Ставропольской губернии в системе имперской власти // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 132–142.
8. Филипп Иосифович Капельгородский и его рукопись «Караногай, страна кочевников и патриархального быта». Часть II. / Публикация, предисловие и комментарии А.А. Ярлыкапова // Кавказский сборник: Т. 12 (44) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 164–213.
9. Калмыков И.Х. Из истории ногайцев Дагестана, Терека и Ставропольской губернии в XIX и начале XX века // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. 208 с.
10. Дондуков-Корсаков А.М. Всеподданнейшая записка командующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск по управлению округом с 1882 по 1890 г. Тифлис, 1890. 115 с.
11. Самойлов А.А. Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии, собранные главным приставом подполковником Самойловым. Ставрополь: Типография ставропольского губернского правления, 1881. 219 с.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Третье собрание. Том 8. 1888 г. № 5077. С. 98–100.

Поступила в редакцию 08.12.2024
Принята в печать 25.02.2025
Опубликована 15.12.2025

REFERENCES

1. Kuzheleva L. Nogaytsy. (From the history of the Nogais XVIII – beginning. XX centuries). *Scientific notes [G. Tsadasa Institute of History, Language and Literature of the Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences]*. Vol. XIII. The series is historical. Makhachkala, 1964: 194–229. (In Russ).
2. Kochekaev B-AB. *Socio-economic and political development of Nogai society in the XIX – early XX century*. Alma-Ata: Stavropol Publishing House. Karachay-Cherkessia ed., 1973. 185. (In Russ).
3. Kalmykov IH., Kereitov RH., Sikaliyev AI-M. *Nogais: a historical and ethnographic essay*. Cherkessk: Stavropol Publishing House. Karachay-Cherkessia. ed., 1988. 230. (In Russ).
4. Kidirniyazov DS. *Nogais of the North-Eastern Caucasus in the XIX – early XX century. (A study of economic development and socio-political system)*. Makhachkala, Makhachkala: Publishing house "Peoples of Dagestan", 2005. 219. (In Russ).
5. Dzhumagulova AT. *Nogais of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black Sea region in the socio-political and economic conflicts of the XVIII – 60s of the XIX centuries*. Pyatigorsk. 2019. 248. (In Russ).
6. Lidzhieva IV. Nomadic foreigners of the Steppe Pre-Caucasus: administrative-territorial models of the XIX century. *Politics and Society*. 2016; 9: 1265–1271. (In Russ).
7. Lidzhieva IV. Officials of the foreign administration of Stavropol province in the system of imperial power. *Bulletin of Tomsk State University*. 2019;443: 132-142. (In Russ).
8. Philip Iosifovich Kapelgorodsky and his manuscript "Karanogai, a country of nomads and patriarchal life". Part II. / Publication, preface and comments by Akhmet A. Yarlykapov. *The Caucasian collection: vol. 12 (44)* / Edited by N. V.V. Degoev. – M.: Publishing house "Aspect Press", 2020: 164-213. (In Russ).
9. Kalmykov IH. From the history of the Nogais of Dagestan, Terek and Stavropol province in the XIX and early XX centuries. *Problems of archeology and historical ethnography of Karachay-Cherkessia*. Cherkessk, 1985. 208. (In Russ).
10. Dondukov-Korsakov AM. *The Report of the Commander-in Chief of the Civil Division in the Caucasus, 1882–1890*. Tiflis, 1890. 115. (In Russ).
11. Samoilov AA. *Information about the non-native Moham-medans of the Stavropol province, collected by the chief bailiff, Lieutenant Colonel Samoilov*. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial government, 1881. 219. (In Russ).
12. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). The third meeting*. Volume 8. 1888; 5077: 98-100. (In Russ).

Recieved 08.12.2024
Accepted 25.02.2025
Published 15.12.2025



Далгат Эльмира Муртузалиевна
д.и.н., зав. отделом новой и новейшей истории Дагестана
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
elmira.dalgat@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Аннотация. В статье рассматривается социально-экономическое развитие народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. Цель статьи – показать общее и особенное в развитии их экономики и социальной стратификации. Для этого нами использовался сравнительно исторический метод исследования, анализировался уровень экономического и социального развития народов Северо-Восточного Кавказа. Отмечается, что основой экономики у всех указанных народов было сельское хозяйство. В горных районах развивалось животноводство, на равнине – земледелие. В разной степени получили развитие кустарные промыслы и ремесло, население обрабатывало шерсть, изготавливая из нее сукно, ковры, паласы, войлоки, переметные сумы, бурки. Заметное место занимала металлообработка, горцы производили холодное и огнестрельное оружие. Развитие получила торговля, она носила меновой характер, продукцию сельского хозяйства меняли на ремесленные изделия. Крупным торговым центром для дагестанцев был Терский городок, для ингушей – Владикавказ. В Дагестане развитию торговли способствовало строительство дорог, открытие меновых дворов. Большую роль в торговле играл Дербент, морским сообщением связанный с Астраханью. В статье показана социальная структура народов Северо-Восточного Кавказа. Сделан вывод о том, что она отличалась у разных этносов. Так, в Дагестане развивались феодальные отношения, были феодальные правители: шамхалы, ханы и т.д., были свободные уздени и зависимое крестьянство, а также рабы. У чеченцев и ингушей шло разложение родового строя, население представляло собой свободных общинников, было небольшое количество рабов. Отмечается, что с приходом царских войск, население стало испытывать на себе дополнительный гнет: войска захватывали их земли, сжигали или разрушали аулы, вытаптывали посевы, вырубали сады, осуществляли экономическую блокаду гор, что отрицательно сказывалось на развитии экономики народов Северо-Восточного Кавказа и вызывало их вооруженное сопротивление. Сделан вывод о том, что в развитии экономики народов Северо-Восточного Кавказа много общего: они занимались сельским хозяйством и кустарными промыслами. Социальная стратификация была разной: в Дагестане развивались феодальные отношения, у чеченцев и ингушей шло разложение родового строя.

Ключевые слова: экономика; социальная стратификация; феодальный гнет; приход царских войск; карательные экспедиции

Для цитирования: Далгат Э.М. Социально-экономическое положение Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 4. С. 457-464. doi.org/10.32653/CH214457-464

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214457-464>

Research paper

Elmira M. Dalgat,
Dr. Sci., Head of Dep. of Modern and Contemporary History of Dagestan
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
elmira.dalgat@yandex.ru

SOCIAL AND ECONOMIC SITUATION OF THE NORTHEAST CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Abstract. This article examines the socioeconomic development of the peoples of the Northeast Caucasus during the first half of the nineteenth century. Employing a comparative historical method, the study highlights both commonalities and regional specificities in economic organization and social stratification. The analysis demonstrates that while the regional economy was fundamentally agrarian, distinct zonal specializations emerged: livestock farming dominated the mountainous regions, whereas arable agriculture prevailed in the plains. Artisanal production reached varying degrees of sophistication, particularly in wool processing—yielding cloth, carpets, rugs, felt, and saddlebags—and metallurgy, with highlanders renowned for manufacturing bladed weapons and firearms. Commercial activity evolved primarily through barter, characterized by the exchange of agricultural surplus for handcrafted goods. Key trading centers included Terek for Dagestani populations and Vladikavkaz for the Ingush. In Dagestan, commercial expansion was further supported by road construction and the establishment of exchange houses, with Derbent playing a pivotal role as a maritime trade link to Astrakhan. The analysis further delineates the heterogeneous social structures of the region. In Dagestan, established feudal relations created a hierarchy comprising rulers (*shamkhals*, *khans*), free *uzdens*, dependent peasantry, and slaves. In contrast, Chechen and Ingush societies were characterized by the disintegration of traditional clan systems, consisting primarily of free community members with a limited slave population. The study also addresses the consequences of Tsarist military expansion, which subjected the local population to intensified oppression through land confiscation, the destruction of settlements and agriculture, and economic blockades. These punitive measures severely disrupted regional economic development and precipitated armed resistance. The article concludes that while the peoples of the Northeast Caucasus shared a common economic foundation in agriculture and handicrafts, their social trajectories diverged significantly, ranging from the feudal stratification of Dagestan to the transforming tribal structures of the Chechens and Ingush.

Keywords: economy; social stratification; feudal oppression; arrival of tsarist troops; punitive expeditions

For citation: E.M. Dalgat. Social and Economic Situation of the Northeast Caucasus in The First Half of the Nineteenth Century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 457-464. doi.org/10.32653/CH214457-464

© Dalgat E.M., 2025
© Seferbekov M.R., translation, 2025
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025

Первая половина XIX в. – особый период в истории народов Северо-Восточного Кавказа. По Гюлистанскому мирному договору 1813 г. Дагестан и Закавказье были присоединены к Российской империи, де-юре. Но де-факто это произошло гораздо позднее, после победы России в длительной и кровопролитной Кавказской войне.

Что представлял из себя Северо-Восточный Кавказ? Его народы давно привлекали внимание российских и европейских путешественников. Среди них можно назвать И.Г. Гербера, посетившего Восточный Кавказ в первой трети XVIII в.

Представляют большой интерес работы, появившиеся в первой половине XIX в. Подготовка к войне по присоединению к Российской империи Северо-Восточного Кавказа, сделала актуальным изучение этого региона и народов, его населяющих. Военному руководству империи до начала военных действий необходимо было получить информацию о том, какие там имеются дороги, смогут ли по ним передвигаться войска, какое количество из местного мужского населения смогут оказать им сопротивление с оружием в руках. И эту информацию собирали офицеры [1, с. 5].

Собранная в эти годы информация о народах Северо-Восточного Кавказа является ценным источником для изучения истории их экономического и социального развития. Среди авторов первой половины XIX в., оставивших ценные сведения по исследуемой нами проблеме, можно отметить А.М. Буцковского [2], Н.Ф. Ртищева [3], С. Броневского [4] Н.Ф. Грабовского [5], У. Лаудаева [6].

В работах этих и многих других авторов имеется ценная информация о природно-климатических и географических условиях обитания народов Северо-Восточного Кавказа, влиявших на развитие экономики, сословных отношений.

Эти работы использовали в качестве источников последующие поколения историков и этнографов, исследовавших социально-экономическое развитие народов Северо-Восточного Кавказа в XIX в. Таких работ много, хотелось бы отметить некоторые из них. В частности, это работы Х-М.О. Хашаева [7; 8], И.Р. Нахшунова [9], Р.М. Магомедова [10], Б.Г. Алиева [11, с. 182], М-З.О. Османова [12, с. 59], А.И. Хасбулатова [13]. Проблема социально-экономического развития народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. получила освещение и в обобщающих трудах [14; 15; 16].

На характер и темпы развития народов и государств влияют природно-климатический и географический факторы. В частности, они влияют на экономическое, политическое, культурное и историческое развитие того или иного народа, а также на его социальную структуру, демографический рост. Северо-Восточный Кавказ представлял собой страну природно-климатических контрастов. Большая его часть представляла собой горы, некоторые из них были покрыты вечными снегами и ледниками.

В Дагестане вдоль Каспийского моря проходила Приморская низменность. Местами ее ширина достигала всего 2–3 км, например, в районе Дербента. Это позволило в VI в. персидскому правителю из династии Сасанидов Хосрову I Ануширвану перекрыть этот проход, построив оборонительный комплекс, мощные стены которого от крепости Нарын-кала на склоне горы доходили до Каспийского моря.

Значительная часть Дагестана была расположена на северо-восточных склонах Большого Кавказа, занята отрогами Главного Кавказского хребта. Поверхность Дагестана представляла собой сложную картину. Вся его территория делилась на четыре зоны, первая – приморская низменность, о которой мы писали. Вторая – Предгорный Дагестан, далее – Внутренний Горный Дагестан, и, наконец, – Высокогорный Дагестан. Главными реками были Сулак на севере и Самур – на юге. Они играли большую роль в хозяйственной жизни населения Дагестана.

В исследуемое время чеченцы жили, как и дагестанцы, и в горах, и на равнине. В горах чеченская территория располагалась на восточной части Северного Кавказа.

Как и Дагестан, Чечня делилась на четыре зоны: Равнинную, Предгорную, Горную и Высокогорную.

Чеченцы граничили с кабардинцами, осетинами, дагестанцами, грузинами. Самыми суровыми условия жизни были в высокогорье, где скалистые горы большую часть года были покрыты снегом.

В схожих суровых условиях жили и ингуши. Н.Ф. Грабовский отмечал, что ингуши хуже, чем другие народы Терской области, наделены землей, которая представляла собой скалистые гребни без растительности [5, с. 35].

Тяжелые условия жизни в горах, нехватка земли для ведения хозяйства привели к тому, что, начиная с XVIII в. ингуши и чеченцы стали массово переселяться с гор на плодородные равнинные земли. Это повлияло на их образ жизни и общественно-экономический уклад.

Несколько иначе обстояло дело в Дагестане. Его народы ещё в далеком прошлом приспособились к тяжелым условиям хозяйствования, создавая террасные поля, занимаясь отгонным скотоводством. Более того, горцы использовали особенности рельефа, как стратегическое преимущество. Аулы строились на отвесных скалах, гребнях гор, что делало их фактически крепостями, недоступными для завоевателей.

Природно-климатический фактор сформировал и характер, менталитет жителей Северо-Восточного Кавказа. Он был одним у горцев, живших в высокогорье, другим у жителей равнины.

Суровые природно-климатические условия, жестокая среда обитания на протяжении веков сформировали у горцев Кавказа работоспособность, выносливость, терпение. Чтобы выжить и прокормиться в горах требовались высшее напряжение не только физических, но и моральных сил.

Наряду с природно-климатическими условиями на социально-экономическое развитие народов Северо-Восточного Кавказа влиял и географический фактор. Северо-Восточный Кавказ, и Дагестан в том числе, расположен на территории, через которую проходил «прикаспийский коридор» вдоль западного побережья Каспийского моря. Этот путь, по которому миллионы лет тому назад древние люди из Передней Азии через Дагестан мигрировали в Юго-Восточную Европу. Поэтому этот регион Кавказа привлекал внимание многих завоевателей. Это и римские легионеры, и Сасанидский Иран, и арабы, и татаро-монголы, и войска Надир-шаха.

Таким образом, природно-климатические условия, географический фактор на протяжении веков сильно влияли на развитие Северо-Восточного Кавказа, на развитие экономики населявших его народов. Базой их экономической жизни было сельское хозяйство с его основными отраслями – земледелием и скотоводством.

Надо отметить, что по мнению дагестанских этнографов, в XIX в. в Дагестане, особенно в его горной части, продолжали существовать традиции хозяйствования, сформировавшиеся еще в древности. В высокогорном Дагестане преобладало скотоводство, преимущественно овцеводство, но существовало и земледелие, хотя и в незначительных объемах. На равнине господствовало земледелие и разведение необходимого для вспашки земли крупного рогатого скота [12, с. 59].

Несмотря на то, что в Горном Дагестане было развито скотоводство, крестьяне стремились иметь хотя бы небольшой участок пашни, наличие которого было признаком благополучия семьи [17, с. 234].

Таким образом, земледелие и скотоводство в разных соотношениях были развиты во всех частях Дагестана.

В первой половине XIX в. в плоскостном и в предгорном Дагестане постепенно увеличивались площади под посевами зерновых за счет расчистки земель от лесов и организации искусственного орошения. Здесь сажали в основном озимую пшеницу, ячмень, просо, кукурузу и рис.

Помимо этих культур в Южном Дагестане, шамхальстве Тарковском, Засулакской Кумыкии сеяли марену, корни которой использовали для окраски хлопчатобумажных тканей и шерстяных ниток для производства ковров.

Благодаря развитию в России хлопчатобумажной промышленности возросла потребность в красящих веществах, поэтому наряду с голландским крапом стали употреблять и дагестанскую марену.

Русские фабриканты высоко оценили качество дагестанской марены. Поскольку мареноводство приносило большие доходы, оно вытеснило посеvy зерновых культур, садоводство, виноградарство. Развитие мареноводства приносило большие доходы не только их владельцам плантаций, но и давала работу отходникам из горных аулов, которые трудились здесь с весны и до сбора урожая осенью.

Царская администрация уделяла внимание развитию в Дагестане садоводства и виноградарства. В Южном, приморском Дагестане сажали виноградные лозы крымских и французских сортов. В горной части садоводство получило развитие по речным долинам.

Центрами горно-долинного садоводства были лезгинские села – Ахты, Касумкент, даргинские – Хаджалмахи, Куппа, другие села Цудахарского союза сельских обществ, села Кайтага, аварские села – Игали, Гидатль, Аракань, Ботлих, Агвали, многие селения табасаранцев, кумыков и т.д.

Жители предгорных и горно-долинных сел обменивали фрукты на зерно, выращенное жителями равнины. Для этого фрукты на осле доставляли на крупные базары в Карабудахкенте, Губдене, Нижнем Дженгутае, Какашуре и т.д. В первой половине XIX в. фрукты реализовывались только на внутреннем рынке Дагестана.

Определенное развитие в исследуемый период получило огородничество. Овощи выращивали для собственного потребления.

В силу особых природно-климатических условий в Дагестане сложился особый вид скотоводства, когда овец летом пасли в горах, а на зиму перегоняли на равнину, так называемая отгонная система, сформировавшаяся еще в древности.

Поскольку отгонное животноводство требовало больших усилий, владельцы небольших стад объединялись. Они строили кошары для скота, платили арендную плату за пользование кутанами, заготавливали корм на случай особенно холодной зимы. Такое объединение нескольких владельцев скота называлось «кош». Чабаны пользовались у дагестанцев большим уважением за их тяжелую, но столь необходимую для хозяйства работу.

Как и у других народов Северо-Восточного Кавказа у чеченцев было развито земледелие. Земли, годной для пахоты было мало, поэтому приходилось вырубать леса, которых много на чеченской территории, а затем пахать и засеивать землю. Все это требовало больших усилий.

Дагестанцы, жившие в горных районах, традиционно создавали на склонах гор террасы, на которые приносили землю с речных долин и укладывали тонким слоем на подготовленную площадку. Над созданием террас трудилось не одно поколение горцев, поэтому их очень берегли, очищали от камней, строили подпорные стенки, чтобы дождевые потоки не смывали землю.

Среди традиционных занятий чеченцев важное место занимало садоводство. Продажа фруктов была одним из источников дохода чеченцев. Понимая это, царские генералы, стремясь ослабить население Чечни, не только уничтожали населенные пункты, но и безжалостно вырубали сады [16, с. 395].

Важное значение в традиционных занятиях чеченцев имело животноводство. Здесь разводили крупный рогатый скот, коровы давали молоко, на волах перевозили различные грузы, пахали землю. В горных районах и на равнине разводили овец. Определенное развитие в Чечне получило коневодство, но поскольку покрытая лесами Чеченская равнина оставляла мало места для больших табунов, которым требовались обширные степные пастбища, чеченцы покупали лошадей в Кабарде [18, с. 43].

В XIX в. в Чечне сложилась хозяйственная специализация: в горах занимались овцеводством, а на равнине – земледелием, садоводством и овцеводством.

В исследуемое время у всех народов Северо-Восточного Кавказа в разной степени были развиты кустарные промыслы и ремесленное производство. У ингушей преимущественно были развиты шерстяные промыслы, у чеченцев – металлообработка. Часть произведенных изделий шла на нужды семьи, часть продавалась на базарах.

После переселения чеченцев и ингушей на равнину сельское хозяйство и ремесло стали более продуктивными, что способствовало развитию торговли. «Главным торговым центром для ингушей, – писал Н.Ф. Грабовский, – служит Владикавказ» [19, с. 32]. Крупным торговым центром был Терский городок. География торговли расширилась после того, как были построены крепости Кизляр и Моздок. Активно шла торговля в крупных чеченских селах Гудермес, Дарго, Чечен-Аул, казачьих станицах. Между жителями Северо-Восточного Кавказа и русским населением активно развивалась торговля, в которой были заинтересованы обе стороны. Но этому препятствовали ограничительные меры, введенные русскими властями. Так, с желающих торговать требовали специальные билеты, без которых было запрещено заниматься торговлей. С конца XVIII – начала XIX вв. эти меры ужесточились особенно в отношении чеченцев. Экономически несли потери и горцы и русские, жившие по Тереку. Просьбы чеченцев к кавказским властям не препятствовать им беспошлинно торговать с русскими удовлетворены не были [16, с. 400].

Тем не менее, с начала XIX в. наблюдается хозяйственно-экономическое сближение между русскими и чеченцами [20, с. 93].

Развитию торговли в Дагестане способствовало строительство дорог и открытие меновых дворов. Особое значение для горцев имел Амираджиуртовский меновой двор, куда ежегодно прибывало около 3 тыс. дагестанцев и евреев. Они привозили сюда продукцию сельского хозяйства, ремесленные изделия и приобретали здесь фабричные ткани, зеркала, стеклянную посуду, бумагу, мыло, чай и т.д.

В дагестанской торговле большую роль играл город Дербент, у которого было морское сообщение с Астраханью. После того, как в 1848 г. было создано общество «Кавказ и Меркурий», осуществлявшее рейсы по Каспийскому морю и Волге, роль Дербента еще больше возросла.

На пароходах из Дербента в Астрахань вывозили в большом количестве марену, которая затем попадала на Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде, где ее покупали русские фабриканты – владельцы хлопчатобумажных фабрик. Вывозили также вино, орехи, ремесленные изделия и т.д. Из Астрахани в Дербент везли фабрично-заводскую продукцию – посуду из стекла и фарфора, изделия из металла, а также чай, сахар и многое другое.

В горных и предгорных районах центрами торговли были базары в крупных аулах Ахты, Кумух, Хунзах, где население обменивало сельхоз продукцию и ремесленные изделия на российскую фабрично-заводские товары, строевой лес и т.д. Больше всего базаров было в даргинских селениях. Информации о количестве базаров в Дагестане в первой половине XIX в. нет.

Какой была сословная структура у народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в.?

В исследуемый период в Дагестане существовало два класса: феодалы и крестьянство. К классу феодалов относились феодальные владетели, в их числе: шамхал Тарковский, князья Засулакской Кумыкии, ханы Аварский, Казикумухский, Мехтулинский, Кюринский, уцмий Кайтагский, владетели Табасарана, султаны Цахурский и Утамышский, правитель Дербентского владения, а также кумыкские бии как самостоятельные феодальные владетели бийликов. К сословным группам класса феодалов относились: *беки, чанка-беки, карачи-беки, чанки, сала уздени* или *первостепенные уздени*, а также мусульманское духовенство [21].

Класс крестьянства делился на несколько групп: на свободных и зависимых *узденей, райятов, чагаров* и патриархальных рабов.

Наиболее многочисленный слой крестьянского населения в нагорной части Дагестана составляли уздени. В отличие от равнинной части в нагорном Дагестане не произошло деление *узденей* на группы, формально они считались равными между собой лично свободными крестьянами [14, с. 61].

В равнинной части Дагестана и в предгорье крестьянство делилось на категории, находившиеся в разной степени зависимости от феодалов. Это *догерек-уздени (круглые уздени)* и *азат-уздени* (вольнотпущенники), *чагары* – крепостные крестьяне. На самой низкой ступени социальной лестницы находилось небольшое количество рабов, взятых в плен во время набегов феодалов на соседние области. В начале XIX в. в Дагестане работорговля еще сохранялась, но после присоединения к России уже в первой четверти XIX в. рабство здесь сильно сократилось.

Несколько иной, чем в Дагестане, была социальная структура у других народов Северо-Восточного Кавказа. По этому вопросу существуют разные мнения у авторов XIX и XX вв.

Социальная стратификация чеченцев, по мнению многих авторов исследуемого периода, включала свободных *узденей*, зависимых *лаев* и *ясырей*, духовенство. Ведущее место занимало узденство. По мнению А.П. Берже, чеченцы образуют один класс – вольных людей – узденей. Он считал, что между ними не существует никаких феодальных привилегий и зависимых отношений [22, с. 71].

Несколько иной точки зрения придерживался Э.А. Борчашвили. По его мнению, уже в начале XIX в. в чеченском обществе существовали феодальные формы эксплуатации, которым подвергались ранее свободные крестьяне. Они были лишь частично свободными общинниками, хотя и называвшими себя узденями [20, с. 157].

В исследуемый период у чеченцев и ингушей определенное влияние на разные стороны жизни общества оказывало мусульманское духовенство. Но в сравнении с Дагестаном и Кабардой его влияние было не столь сильным.

На наш взгляд, это объясняется тем, что проникновение и распространение ислама в Чечне произошло только в XVI–XVIII вв., т.е. достаточно поздно по сравнению с Дагестаном. Кроме того, социальная стратификация, т.е. расслоение общества, была слабо выраженной, здесь все еще шло разложение родового строя.

На низшей ступени социальной лестницы у чеченцев, как и у дагестанцев, находились рабы. Как правило, это были люди, похищенные во время набегов на чужие территории, т.е. были иноземцами. Чеченцы считали пленников лучшей военной добычей. Рабов разделяли на *лаев*, которые были в неволе уже давно, и власть хозяев над ними была полной, и на *ясырей*, попавших в плен сравнительно недавно и надевавшихся, что вскоре будут выкуплены, отношение к ним было лучше, чем к *лаям*.

У ингушей, по сведениям авторов XVIII – первой половины XIX вв., князей не было, а для управления обществ избирались старшины из знатных фамилий. Профессор И.А. Гильденштедт, в 70-е годы XVIII в. побывавший на Северо-Восточном Кавказе, писал о том, что у ингушей дворянства нет,

но старшин и судей они, как правило, избирают из нескольких известных и богатых ингушских родов. Причем, они судили и управляли ингушским обществом, опираясь на старинные обычаи [25, с. 83].

Таким образом, Россия, которая со второй половины XVIII в. быстро продвигалась на Северный Кавказ с целью завоевать его, столкнулась с народами, основным занятием которых были земледелие и скотоводство, находившихся на разных этапах социального развития, у одних развивались феодальные отношения, у других шло разложение родового строя.

В Дагестане в это время шла борьба дагестанских *узденей* и *райатов* за ликвидацию феодальных повинностей. В этих условиях русский царизм поддерживал феодалов. Видя в феодалах свою социальную опору, они охраняли их привилегии, что приводило к укреплению власти феодалов и усилению ими эксплуатации крестьян. Это происходило по всему Дагестану, даже в его горной части, в которой социальное расслоение было выражено меньше. Здесь феодалы стали все более решительно наступать на права свободных общинников.

Таким образом, с приходом России на Северный Кавказ феодальное сословие усилило свои позиции. И.И. Покровский, исследовавший кавказские войны и имамат Шамиля, приходит к выводу, что царизм использовал дагестанских феодалов. С одной стороны, он поддержал экономическую зависимость крестьянства от феодалов, сохранил феодально-зависимые отношения. С другой стороны, феодалы были лишены политической власти. В отличие от некоторых народов Кавказа, дагестанские феодальные владетели не были приравнены к русскому дворянству. Дворянское звание было присвоено только шамхалу Тарковскому, который имел пророссийскую ориентацию и способствовал утверждению царизма в Дагестане [26, с. 201]. Шамхальский дом издавна имел тесные связи с Российской империей.

До прихода на Северо-Восточный Кавказ российских войск местное население боролось против эксплуатации местными феодалами. После их прихода жизнь горцев стала еще тяжелее, поскольку их посева, сады уничтожались, дома разрушались, земли захватывались. Помимо этого, их обязывали перевозить грузы для царской армии, строить дороги, по которым войска могли продвинуться глубже в горы. При А.П. Ермолове была введена торгово-экономическая блокада горных территорий. Было запрещено перегонять скот на кутаны, уходить на заработки, продавать продукты своего труда, чтобы вынудить горцев покориться новой власти, но это не произошло.

Таким образом, с одной стороны, крестьянство испытывало феодальный гнет, с другой – национально-колониальное угнетение.

Рассмотрев социально-экономическое положение на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX в., мы пришли к следующим выводам:

1. Все народы, жившие на этой территории – дагестанцы, чеченцы, ингуши – в основном занимались земледелием и животноводством, а также кустарными промыслами. Суровые природно-климатические условия привели к тому, с начала XVIII в. чеченцы и ингуши стали переселяться на равнинные земли.

2. Народы Северо-Восточного Кавказа различались в развитии социальных отношений, разной была социальная стратификация. В Дагестане существовали развитые социальные отношения, были феодальные владетели – шамхалы, ханы и т.д. Крестьянство делилось на свободное *узденство* и зависимых *райатов*. У чеченцев и ингушей шло разложение родового строя, основная масса населения представляла собой свободных общинников. Таким застала Россия социально-экономическое положение народов, когда пришла на Северо-Восточный Кавказ.

3. Чтобы покорить горцев царские власти захватывали земли, уничтожали посева, сады, разрушали дома, ввели торгово-экономическую блокаду гор, что тяжело сказалось на жизни населения. Но горцы продолжали бороться за свою независимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Далгат Э.М. Историография дагестанского аула XIX – начала XX вв. Махачкала, 2020.
2. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958.

REFERENCES

1. Dalgat EM. *Historiography of the Dagestan Aul in the 19th – Early 20th Centuries*. Makhachkala, 2020. (In Russ)
2. Butskovsky AM. Extracts from the description of the Caucasian province and adjacent mountain regions. 1812. *History, Geography and Ethnography of Dagestan in the 18–19th Centuries*. Moscow, 1958. (In Russ)

3. Ртищев Н.Ф. Сведения о Дагестане. 1813г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX в. М., 1958.
4. Бронеvский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. М., 1823.
5. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // ССКГ Вып. III. Тифлис, 1870.
6. Лаудаев У. Чеченское племя. // ССКГ. Вып. XI. Тифлис, 1872.
7. Хашиаев Х-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
8. Хашиаев Х-М.О. Занятие населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
9. Нахшунув И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.
10. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957.
11. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999.
12. Османов М.-З.О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – нач. XX в. М., 1990.
13. Хасбулатов А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX – нач. XX вв.). М., 2006.
14. История Дагестана. Т. 2. М., 1968.
15. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 1988.
16. История Чечни с древнейших времен до конца XIX в. Т. 1. Грозный, 2008.
17. История Дагестана. Т. 1. М., 1967.
18. Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX-XX вв. М., 2005.
19. Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1876.
20. Борчашвили Э.А. Общественный строй и классовые отношения в Чечено-Ингушетии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Тбилиси, 1974.
21. Алиев Б.Г. Структура класса феодалов и формы феодального землевладения в Дагестане в XVIII – первой половине XIX вв. М., 2011.
22. Берже А.П. Чечня и чеченцы // КОИРГО. Тифлис, 1859.
23. Максимов Е. Чеченцы (Историко-географический и статистико-экономический очерк) // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893.
24. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008.
25. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 72, 73 годах. СПб., 1809.
26. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009.
3. Rtishchev NF. Information about Dagestan. 1813. *History, Geography and Ethnography of Dagestan in the 18–19th Centuries*. Moscow, 1958. (In Russ)
4. Bronevsky SM. *The Latest Geographical and Historical News about the Caucasus*. Part 1. Moscow, 1823. (In Russ)
5. Grabovsky NF. Economic and domestic life of the inhabitants of the Gorsky section of the Ingush district. *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue III. Tiflis, 1870. (In Russ)
6. Laudaev U. The Chechen tribe. *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue XI. Tiflis, 1872. (In Russ)
7. Khashaev Kh-MO. *Social System of Dagestan in the 19th Century*. Moscow, 1961. (In Russ)
8. Khashaev Kh.MO. *Occupations of the Population of Dagestan in the 19th Century*. Makhachkala, 1959. (In Russ)
9. Nakhshunov IR. *Economic Consequences of the Annexation of Dagestan to Russia*. Makhachkala, 1956. (In Russ)
10. Magomedov RM. *Socio-Economic and Political System of Dagestan in the 18th – Early 19th Centuries*. Makhachkala, 1957. (In Russ)
11. Aliev BG. *Unions of Rural Communities of Dagestan in the 18th – First Half of the 19th Century*. Makhachkala, 1999. (In Russ)
12. Osmanov M-ZO. *Forms of Traditional Animal Husbandry of the Peoples of Dagestan in the 19th – Early 20th Centuries*. Moscow, 1990. (In Russ)
13. Khasbulatov AI. *Agrarian Reforms in Chechnya and Ingushetia and Their Consequences (19th – Early 20th Centuries)*. Moscow, 2006. (In Russ)
14. *History of Dagestan*. Vol. 2. Moscow, 1968. (In Russ)
15. *History of the Peoples of the North Caucasus from Ancient Times to the Present Day*. Vol. 1. Moscow, 1988. (In Russ)
16. *History of Chechnya from Ancient Times to the End of the 19th Century*. Vol. 1. Grozny, 2008. (In Russ)
17. *History of Dagestan*. Vol. 1. Moscow, 1967. (In Russ)
18. Akhmadov YaZ., Khasmagomadov EKh. *History of Chechnya in the 19–20th Centuries*. Moscow, 2005. (In Russ)
19. Grabovsky NF. The Ingush (their life and customs). *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue IX. Tiflis, 1876. (In Russ)
20. Borchashvili EA. *Social System and Class Relations in Checheno-Ingushetia at the End of the 18 – First Half of the 19th Centuries*. Tbilisi, 1974. (In Russ)
21. Aliev BG. *Structure of the Feudal Class and Forms of Feudal Landownership in Dagestan in the 18th – First Half of the 19th Centuries*. Moscow, 2011. (In Russ)
22. Berzhe AP. Chechnya and the Chechens. *Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Tiflis, 1859. (In Russ)
23. Maksimov E. The Chechens (Historical-Geographical and Statistical-Economic Essay). *Terek Collection*. Issue 3. Book 2. Vladikavkaz, 1893. (In Russ)
24. Klapproth J. *Description of Travels in the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808*. Nalchik, 2008. (In Russ)
25. Gildenstedt I.A. *Geographical and Statistical Description of Georgia and the Caucasus from the Journey of Academician Mr. I.A. Gildenstedt through Russia and the Caucasian Mountains in 1770, 1772, 1773*. Sainte-Petersburg, 1809. (In Russ)
26. Pokrovsky NI. *Caucasian Wars and the Imamate of Sham-il*. Moscow, 2009. (In Russ)

Поступила в редакцию 09.09.2025
 Принята в печать 03.10.2025
 Опубликована 15.12.2025

Received 09.09.2025
 Accepted 03.10.2025
 Published 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214465-480>

Исследовательская статья

Алибеков Хизри Гаджиевич
к.и.н. научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;
alibekovkhizri@gmail.com

Абдулмажидов Рамазан Султанович
к.и.н., научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;
ramazana@yandex.ru

Аникеева Татьяна Александровна
к.филол.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;
tatiana.anikeeva@gmail.com

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ: ЖУРНАЛ УНЧУКАТЛИНСКОГО СЕЛЬСКОГО СУДА (1898–1900 гг.)

Аннотация. Статья посвящена комплексному источниковедческому и текстологическому анализу уникального исторического документа – журнала (*дафтара*) сельского суда дагестанского селения Унчукатль за период с ноября 1898 по май 1900 г. Этот манускрипт, содержащий 520 записей, является ценнейшим источником по микроистории, позволяющим детально реконструировать правовые, экономические и социальные аспекты повседневной жизни дагестанского аула на рубеже XIX–XX веков. В ходе исследования проведен статистический анализ тематического распределения сделок и детально изучены ключевые категории документов. Установлено, что более половины всех записей (55,9%) составляют долговые обязательства, что свидетельствует о высоком уровне монетизации экономики и развитых кредитных отношениях. Значительная доля процентных займов и сделок с залогом (преимущественно земли) указывает на формирование в селе торгово-ростовщической прослойки. Особый интерес представляют случаи, когда кредиторами выступали не только частные лица, но и вся сельская община (*джама'ат*) и даже мечеть, что объясняется особенностями интерпретации норм шариата в отношении бумажных денег. Одним из важнейших выводов исследования является фиксация активного участия женщин в хозяйственной жизни: они выступали полноправными субъектами правоотношений в качестве кредиторов, покупателей и продавцов, что ставит под сомнение стереотипы об их экономической изолированности. В статье также анализируются договоры купли-продажи, найма, регистрации браков, завещания и признания прав собственности. Присутствие записей на русском языке, сделанных представителями имперской администрации, демонстрирует глубокую интеграцию аула в правовое пространство Российской империи и взаимодействие традиционных норм с имперским законодательством.

Ключевые слова: Дагестан; сельский суд; даftar; правовая культура; адат; шариат; социально-экономические отношения; долговые обязательства; книжная культура

Для цитирования: Алибеков Х.Г., Абдулмажидов Р.С., Аникеева Т.А. Договорные отношения в дагестанском ауле: журнал Унчукатлинского сельского суда (1898–1900 гг.) // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 4. С. 465-480. doi.org/10.32653/CH214465-480

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214465-480>

Research paper

Khizri G. Alibekov
Cand. Sci., Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
alibekovkhizri@gmail.com

Ramazan A. Abdulmazhidov
Cand. Sci., Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ramazana@yandex.ru

Tatiana A. Anikeeva
Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
tatiana.anikeeva@gmail.com

CONTRACTUAL RELATIONS IN A DAGESTANI AUL: THE JOURNAL OF THE UNCHUKATL RURAL COURT (1898–1900)

Abstract. This article provides a comprehensive source study and textual analysis of a unique historical document: the journal (*defter*) of the rural court of the Dagestani village of Unchukatl, covering the period from November 1898 to May 1900. Containing 520 entries, this manuscript is an invaluable source for microhistory, allowing for a detailed reconstruction of the legal, economic, and social aspects of daily life in a Dagestani aul at the turn of the 20th century. The study includes a statistical analysis of the thematic distribution of transactions and a detailed examination of key document categories. It was found that debt obligations constitute more than half of all records (55.9%), indicating a high level of economic monetization and developed credit relations. A significant share of interest-bearing loans and transactions involving collateral (primarily land) points to the formation of a merchant-lender stratum in the village. Of particular interest are cases where creditors included not only private individuals but also the entire rural community (*jama'at*) and even the mosque, a practice explained by specific interpretations of Sharia law regarding paper currency. One of the most significant findings is the active participation of women in economic life; they acted as full-fledged legal subjects—creditors, buyers, and sellers—challenging stereotypes of their economic isolation. The article also analyzes contracts of sale, employment, marriage registration, wills, and recognition of property rights. The presence of Russian-language entries made by representatives of the imperial administration demonstrates the deep integration of the aul into the legal space of the Russian Empire and the interaction of traditional norms with imperial legislation.

Keywords: Dagestan; rural court; daftar; legal culture; adat; sharia; socio-economic relations; debt obligations; book culture

For citation: Alibekov Kh.G., Abdulmazhidov R.S., Anikeeva T.A. Contractual Relations in a Dagestani Aul: The Journal of the Unchukatl Rural Court (1898–1900). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 465-480. doi.org/10.32653/CH214465-480

Введение

Исследования правовой культуры Дагестана конца XIX – начала XX вв. довольно многочисленны. Изучение адатных кодексов началось уже во второй половине XIX в. А.Н. Комаровым [1], М.М. Ковалевским, Ф.И. Леонтовичем и др., продолжилось в советское время и в современный период. Значительный вклад в изучение адатов народов Дагестана внесли Х.-М. Хашаев [2], А.С. Омаров [3], М.А. Агла-ров [4] В.О. Бобровников [5; 6], Т.М. Айтберов [7] и др. В последние два десятилетия изучение правовых документов Дагестана связано с исследованием отдельных правовых дискурсов, вопросов полемики между алимами, сборников адатов, а также изучением частной и деловой переписки дагестанцев [8].

Настоящее исследование посвящено источниковедческому и текстологическому анализу уникального исторического документа – журнала (*дафтара*) сельского суда селения Унчукатль Казикумухского округа Дагестана¹ за период с ноября 1898 по май 1900 г.² Он является одним из наиболее полных сохранившихся до наших дней подобных правовых памятников рубежа XIX–XX вв. (такие сборники, в неполном виде, также есть в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН), и, соответственно, они практически не введены в научный оборот. Изучение судебных дафтаров позволит получить гораздо более полную и объективную картину правоприменительной практики в Дагестане в имперский период.

Как известно, в Дагестанской области вплоть до 1917 г. действовала система военно-народного управления, которая предполагала особый порядок судопроизводства. В сельских обществах функционировали суды первичной инстанции, которым предписывалось иметь особые судебные книги, где должны были фиксироваться выносимые приговоры и договорные акты. Царская администрация на Кавказе старалась строго контролировать правоприменительную практику в регионе. Сохранилось множество архивных документов, в которых чиновники кавказской администрации сетовали на небрежность и халатность сельских судей (кадиев) при ведении регистрационных книг.

Для лучшего понимания характера и содержания правоотношений в рассматриваемой рукописи следует привести краткие сведения о самом Унчукатле, который ныне входит в состав Лакского района РД. В 1869 г. в ауле, по данным переписи населения, насчитывался 151 двор³. По некоторым данным в Унчукатле в 1911 г. было открыто медресе, а в 1913 г. – светская школа⁴. Жителями селения Унчукатль были многие известные *алимы* и книжники – например, Хаджжи Мирза б. ‘Абд-Аллах ал-Хумчукати, являвшийся учеником Мухаммада ал-Кудуки и Мухаммада ал-Убри, Мухаммад ал-Хумчукати ал-Гумуки (переписчик) и др. [подробнее см.: 9; 10]. Выходцы из селения Унчукатль с давних пор славятся своей предприимчивостью и активной торговой деятельностью.

Исследуемый манускрипт, охватывающий пятнадцать месяцев из жизни дагестанского аула на рубеже XIX–XX веков, представляет собой ценный источник для изучения правовых, экономических и социальных отношений в сельской общине, уже находящейся под влиянием Российской империи, и в то же время сохраняющей элементы традиционного уклада. Он также являет собой яркий пример внешнего воздействия на развитие книжной культуры Дагестана. После включения этого региона в правовое пространство Российской империи возникла новая традиция кодификации различных правовых актов в виде специального сборника – *дафтара*.

В условиях недостатка прямых письменных источников, отражающих повседневную жизнь дагестанского села имперского периода, данный журнал является исключительным свидетельством, позволяющим реконструировать механизмы функционирования местного судопроизводства, выявить основные виды хозяйственных сделок, проанализировать вовлеченность различных слоев населения

1 В 2024 г. Гадис Абдуллаевич Гаджиев, судья Конституционного суда Российской Федерации (1991–2023), передал рукопись в дар ИИАЭ ДФИЦ РАН, через нашего коллегу, д.и.н., зав. отделом археологии Муртазали Серажутдиновича Гаджиева, за что авторы выражают им глубокую признательность. В свою очередь, Гадис Абдуллаевич получил ее от известного в Дагестане ювелира и коллекционера антиквариата Алила Шамильевича Ахмедова.

2 ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, ф. 14, оп. 1, № 3126.

3 Известно, что за участие в восстании 1877 г. многие унчукатлинцы были отправлены в ссылку, где многие из них погибли; таким образом, можно предположить, что к исследуемому периоду (1898–1900 гг.) количество домов было меньше.

4 История села Унчукатль // Дагестанское село Унчукатль. Лакский район. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://web.archive.org/web/20131208143649/http://unchukatl.ru/history2.php> (дата обращения: 15.09.2025 г.).

в экономическую деятельность, а также определить специфику долговых обязательств, купли-продажи, найма и семейных отношений. Кроме того, подобный *дафтар* свидетельствует об уровне образованности и грамотности в селении.

Для обработки и первичной классификации 520 документов, содержащихся в рукописи, применялся комбинированный подход. Статистический подсчет и тематическое распределение сделок были выполнены с помощью современных нейросетевых моделей, что позволило значительно ускорить обработку данных. Все полученные количественные результаты были тщательно верифицированы авторами вручную для обеспечения максимальной точности.

Анализ включает в себя: источниковедческое описание манускрипта, текстологическое изучение ключевых документов, а также статистический анализ тематического распределения сделок и критическую оценку социально-экономических процессов, отраженных в этих записях. Особое внимание уделяется выявлению особенностей правоприменительной практики, взаимодействию традиционных норм и внешних влияний, а также роли женщин в правовых отношениях. Представленные данные, наряду с подробными таблицами и их интерпретацией, призваны расширить наше понимание истории Дагестана и специфики функционирования сельских общин на периферии Российской империи в конце XIX столетия.

1. Источниковедческое описание манускрипта

Манускрипт представляет собой книгу с твердой картонной обложкой формата 17,5×22 см. На верхней обложке имеется надпись на арабском языке:

دفتر معاملات محكمة قرية همچقط
من نياير ١٨٩٨ إلى ٣٠ ماي ١٩٠٠

которая переводится как «Журнал деловых отношений сельского суда Унчукатля. С ноября 1898 до 30 мая 1900 года».

Содержание журнала написано на арабском языке размашистым канцелярским *насхом* на бумаге, на которой стоит штемпель: «Фабрика Сергеева [сорт] № 7». Общий объем книги составляет 224 страницы. Нумерация листов имеет свои особенности: она начинается с № 102 и продолжается по убыванию до № 4. Затем следует новая пагинация, также по убыванию, с № 18 до № 6. Отсутствуют несколько последних и первая страницы в начале, предположительно, не содержавшие текста. Кроме того, 4 листа с текстом вырваны между листом № 4 и листом с новой пагинацией № 18, что приводит к потере документов за 1900 г. под номерами 26–46.

Страницы с новой пагинацией отличаются более желтым оттенком бумаги и, очевидно, были включены в журнал позднее, поскольку не прошнурованы вместе с основной частью. В верхнем левом углу обложки имеется сургучная гербовая печать с незначительными повреждениями. На первой странице, в правом нижнем углу, находится та же печать, но полностью сохранившаяся. На ней значится надпись: «печ. управления Казикумухского округа». Печать нанесена на узел нитки, которой сшита книга, что подтверждает её официальный статус. На этой же странице содержится текст на русском языке: «Во всей книге пронумерованных, прошнурованных и казенною печатью припечатанных всего сто два листа (102 л.) Ноября 18 дня, 1898 года. Сел. Кумух. За И.Д. (исполняющий делами. – прим. Х.А.) Начальника Казикумухского Округа, Помощник его, Шт. Ротмистр Пацхверия»⁵.

В журнале присутствуют дополнительные записи на русском языке, фиксируя итоги документооборота:

На 12 листе (сторона Б), по окончании последнего документа, датированного 1898 г., указано: «С 1 ноября по 28 декабря 1898 г. поступило 50 сделок. И.Д. Вицхинского наибо»⁶ с последующей подписью.

На 96 листе (сторона А), между документами от 24 декабря 1899 г. и 1 января 1900 г., содержится запись: «В 1899 году поступило всего 381 сделка. И.Д. Вицхинского наибо...» и подпись.

На первой странице (лист № 100, сторона А) новой пагинации также имеется запись на русском: «Перешито сюда восемнадцать листов 22 февраля 1400 – И.Д. Нач. Вицх. Участ.» с подписью.

Журнал содержит в общей сложности 520 документов. Нумерация документов начинается с № 354

5 Александр Дмитриевич Пацхверия (Пацхверов), 1860 г.р., из потомственных дворян г. Тифлис. Был назначен помощником начальника Казикумухского округа в 1898 г. В 1901 г. был назначен помощником начальника Даргинского округа.

6 Унчукатль входил в Вицхинское наибство Казикумухского округа.

и завершается № 404 для 1898 г. После этого следует упомянутый русский текст на листе № 12. Документы за следующий год начинаются с новой нумерации № 1 и заканчиваются № 381 к концу 1899 г., после чего также следует русский текст. Для 1900 г. нумерация документов вновь начинается с № 1 и завершается № 113. Как уже отмечалось, отсутствие 4 листов приводит к пробелу в нумерации документов за 1900 г. (№ 26–46).

Таким образом, несмотря на незначительные утраты, рукопись представляет собой уникальный и хорошо сохранившийся документ, раскрывающий жизнь и деловые отношения дагестанского села на протяжении пятнадцати месяцев. Следует подчеркнуть, что 15 месяцев – это относительно короткий период, однако интенсивность записей (520 документов) компенсирует этот временной лимит, представив разнообразный и плотный срез социально-экономической жизни дагестанского селения.

Каждый документ завершается датировкой по юлианскому календарю, подписью суда, расшифровываемой как أهل محكمة همچقط «члены суда Унчукатля», и шестью круглыми гербовыми печатями: пять фиолетовых печатей принадлежат сельским судьям с легендой: «¹⁷ СУДЬЯ УНЧУГАТЛ. СЕЛЬ. СУДА КАЗИКУМУХ. ОК. Д. ОБ.», а одна черная – с легендой: «УНЧУГАТЛИНСК. СЕЛЬСК. СУДА КАЗИКУМ. ОК.». Следует отметить, что по «Положению о сельских обществах» количество судей в сельских судах Дагестана должно было быть нечетным. После печатей часто следуют оригиналы подписей лиц, участвовавших в сделках, а также свидетелей. Почерк большинства этих подписей неровный, что указывает на отсутствие у их обладателей навыков письма и «срисовывание» своего имени на арабском (см. рис. № 1).

подавляющее большинство документов упоминают имена двух свидетелей, которые всегда являются мужчинами, в соответствии с требованием шариата. Примечательно, что не менее половины всех действующих лиц в документах – женщины, что свидетельствует о широком вовлечении женщин в общественную и экономическую жизнь села в этот период.

Документы отражают широкий спектр правовых взаимоотношений между жителями селения Унчукатль, а также между ними и соседними общинами: долговые отношения, купля-продажа, найм, аренда, завещания/*вакф*, наследство, брак и многое другое. Тематика документов представлена в Таблице 1 с абсолютными и относительными значениями.

2. Документы по тематике содержания

Анализ 520 документов журнала позволяет выделить следующие основные тематические категории, представленные в Таблице 1:

Таблица 1. Тематическое распределение документов журнала сельского суда Унчукатля (1898–1900 гг.)

Тематика документа	Количество документов	Доля (%)
Долговые документы	291	55,96
Купля-продажа	136	26,15
Найм	34	6,54
Регистрация брака	21	4,04
Завещания/ <i>вакф</i>	15	2,88
Признание прав	15	2,88
Прочее (обмен, аренда, отказ от наследства, штрафы, разрешение споров и т.д.)	8	1,54
Всего	520	100,00

Комментарий к Таблице 1: как видно из таблицы, более половины всех документов (55,96%) относятся к долговым отношениям, что подчеркивает их широкую распространенность в хозяйственно-

⁷ Цифры меняются в соответствии с порядковым номером судьи.

экономической жизни села. Купля-продажа занимает второе место, составляя более четверти всех сделок (26,15%). Документы, касающиеся найма, брака, завещаний и признания прав, представлены в значительно меньших объемах, но также важны для понимания повседневной жизни общины. Категория «Прочее» включает в себя различные, реже встречающиеся виды документов, такие как обмен, аренда, отказ от наследства, разрешение споров и фиксация штрафов.

3. Детальный анализ долговых документов

Как видно из Таблицы 1, более половины документов относятся к долговым отношениям, что свидетельствует об их чрезвычайно важной роли в хозяйственно-экономической деятельности Унчукатля.

Таблица 2. Детализация долговых документов

Тип долгового документа	Количество документов	Доля от всех долговых (%)	Доля от всех документов (%)
Всего долговых документов	291	100,00	55,96
Долг (без указания процентов/залога)	123	42,27	23,65
Долг под процент	63	21,65	12,12
Долг с залогом	50	17,18	9,62
Долг под процент с залогом	33	11,34	6,35
Возврат долга (включая через родственников/наибов)	16	5,50	3,08
Поручительство за долг/должника	4	1,37	0,77
Признание долга	2	0,69	0,38

Комментарий к Таблице 2: большая часть долговых документов (более 42%) не содержит явных указаний на проценты или залог, что может свидетельствовать о распространенности беспроцентных займов, возможно, основанных на личных или общинных связях. Однако значительная доля процентных займов (21,65%) и займов с залогом (17,18%), а также их комбинации (11,34%), указывает на развитую систему кредитования, в которой присутствовали элементы ростовщичества и обеспечения обязательств. Отдельно фиксировались возвраты долгов, иногда через посредников (наибов или родственников), а также поручительства.

Интересен тот факт, что нередко долговые отношения происходят между близкими членами семьи, что указывает на сложную внутреннюю экономику домохозяйств. Так, один из документов гласит:

وأنا معم بن محمد الهمچقطي مدين لابنتي فطم ابنة معم المذكور ستين منات والتزمت آدائها إليها متى طلبت والشهود على ذلك قربان محمد ابن محاد وأستارباك بن مرزی الحياكي ولتصديقه رسمنا هذا في 19 نيابر سنة 1898
أهل محكمة همچقط

«Я, Ма'ама, сын Мухаммада ал-Хумчукати, должен своей дочери Фатиме, дочери упомянутого Ма'ама, шестьдесят рублей (манат). Он обязуется отдать долг, когда она потребует. Свидетели: Курбан-Мухаммад, сын Махада и Устарбак, сын Мирзы ал-Чайаки⁸. В подтверждение этого мы оформили это 19 января 1898 года. Члены суда Унчукатля» (л. 2а).

В другой записи сообщается: «Мы, четыре сестры: Патимат, Муминат, Хафсат и Марьям, дочери Хасил 'Али ал-Хумчукати, даем в долг нашей сестре Аминат, дочери упомянутого Хасил 'Али, 30 рублей. Она обязуется их вернуть по окончании этого года...» (л. 4б-5а).

Треть долговых сделок (32,99 %, если суммировать долги под процент и долги под процент с залогом от общего числа долговых документов) связана с процентами. Относительно большая доля ростовщи-

⁸ Чаях – упраздненное село в Лакском районе РД.

чества в долговых отношениях связана не только с вовлечением Дагестана в этот период в экономику России и товарно-денежные отношения, но и, возможно, отражает кризис в хозяйственно-экономической системе дагестанского аула. Процентом в подавляющих случаях назначается 12 копеек за каждый рубль, реже 2 дирхама (?) за каждый рубль. Кредиторами в большинстве случаев выступают одни и те же жители общины, что говорит о формировании в этот период торгово-ростовщической прослойки.

Однако в некоторых случаях кредитором (будь то кредиты с процентом или без) выступает вся община села в лице конкретного ее представителя. Например, в одном документе указывается: «Мухаммад, сын ‘Абдулкадыра ал-Хумчукати, должен общине (*джама‘ат*) Унчукатля сорок рублей с прибылью 8 копеек за каждый рубль в течение года. Он обязуется вернуть их в руки другого представителя (*вакил*) [общины] Мухаммада, сына Мусы ал-Хумчукати, по окончании года. Свидетели: ‘Али, сын Мухаммада, и Устарбак, сын Мирзы. Для подтверждения этого мы оформили это 25 июля 1899 года» (л. 38а).

Интересно то, что в журнале зафиксированы случаи, когда кредитором выступает даже сельская мечеть, при этом в одном случае речь идет о процентном кредите (рис. № 1):

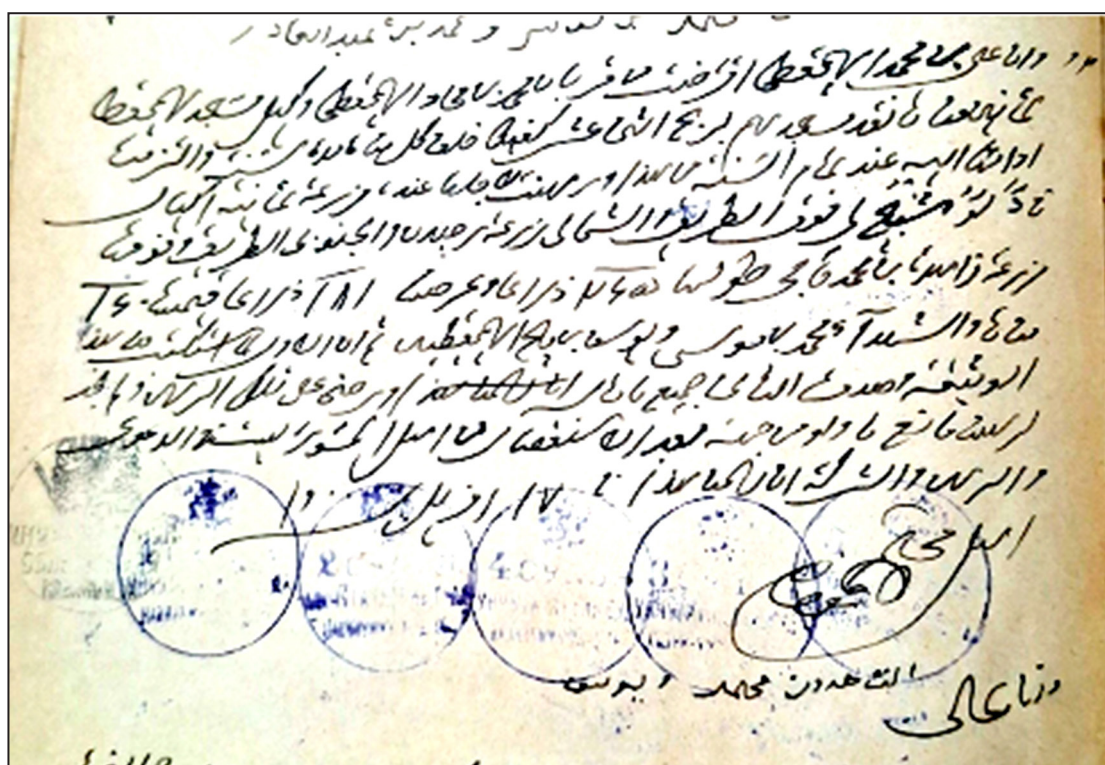


Рис. № 1.

«Я – ‘Али, сын Мухаммада ал-Хумчукати, взял в долг у Курбан-Мухаммада, сына Махада ал-Хумчукати, – представителя мечети Унчукатля – восемьдесят рублей из наличных денег их мечети с прибылью двенадцати копеек за каждый рубль в течение года. Я обязуюсь вернуть их ему по окончании этого года. Для этого я закладываю свой посевной участок в размере восьми мерок...» (л. 108а). Такое отношение к процентному кредиту со стороны мечети, возможно, объясняется тем, что в начале появления бумажных денег (ассигнаций) дагестанские богословы, как и богословы шафиитской правовой системы на Ближнем Востоке, не признавали наличные деньги в качестве признаваемой шариатом наличности (*накд шар‘и*). Следовательно, запрет, налагаемый исламом на ростовщичество, мог обходиться таким путем⁹.

Также следует отметить, что широкое распространение долговых отношений под процент, которые зачастую происходили между близкими родственниками, вероятно, было вызвано тем, что жители селения Унчукатль активно занимались торговой деятельностью, которая сопровождалась привлече-

⁹ Признаваемой шариатом наличностью (*накд шар‘и*) считались лишь деньги из золота и серебра, но не бумажные деньги (ассигнации). См.: [11, с. 185].

нием дополнительного капитала, в том числе путем займа средств у ближайших родственников. Жители села использовали данную возможность для получения прибыли от кредитования различных торговых операций.

Залог как форма обеспечения встречается в 28,52% (суммируя долги с залогом и долги под процент с залогом от всех долговых) долгов как для процентных, так и для беспроцентных. В подавляющем большинстве залогом выступает посевной участок (*мазра'а*). Реже в залог закладывают дом или часть дома, сады и пастбища (*мар'а*). Размер посевного участка определяли с помощью количества мерок зерна, которые можно посеять на нем, как это указывается в предыдущем документе. Размер же пастбища определялся количеством грузов осла, т.е. тюков сена, получаемых с этого пастбища. Залоговый участок описывался в подробностях: его месторасположение указывалось с привязкой к участкам соседей с четырех сторон, также описывались размер и стоимость участка.

Пример такого подробного описания залогового участка приведен в документе, где долговые отношения происходят между отцом и сыном:

وأنا محمد بن أحمد الكماشي اقترضت ابني مَعًا بن محمد المذكور اثني وأربعين منات والتزمت أداؤها إليه عند تمام السنة من هذا ورهنت لأجلها عنده مزرعة ثلاثة أكبال ونصف كيل في سُخْخ على حدها الغربي مزرعة پرحمد بن محمد والشرقي حجيو بن أحمد والشمالي زحي بن محمد والجنوبي براحمد طولها 150 ذراعا وعرضها 40 ذراعا قيمتها 35 مناة ومزرعة كيل أخرى في كُشْنُخ على حدها الغربي مزرعة زحي بن محمد والشرقي والشمالي مزرعة پرحمد بن محمد والجنوبي مزرعة شنتر بن داود طولها 80 ذراعا وعرضها 20 ذراعا قيمتها 25 منات ومزرعة كيلين في موضع قربانل يُخْخ على الغربي مزرعة أبكر بن إسحاق والشرقي مزرعة أحمد بن عمر الكماشين والشمالي مزرعة عمر بن علي الهمقطي طولها 80 ذراعا وعرضها 20 ذراعا قيمتها 20 مناة والشهداء محمد بن أحمد ومحمد بن محمد الكماشين ثم إن الأول لم استكتب من هذه الوثيقة وصدق الثاني جميع ما قاله ورضي على تلك الرهن ولم نجد لرهنها مانع ما ولو من جهة بعد الاستفصال من أهل المشورة ليست في الدعوى والرهن والشركة إنا رسمنا هذا
في 28 إيون سنة 1899
أهل محكمة حمققت

«Я – Мухаммад, сын Ахмада ал-Камаша, – взял в долг у моего сына Ма'и, сына упомянутого Мухаммада, сорок два рубля. Я обязуюсь выплатить их по окончании этого года. Для [обеспечения] долга я закладываю в залог посевной участок в размере трех с половиной мерок (*кайл*) в [местности] Шуних. С запада от него находится участок Пирахмада, сына Мухаммада, с востока участок Хаджиява, сына Ахмада, с севера Цаххая, сына Мухаммада, с юга участок Пирахмада. Длина участка – 150 локтей, ширина – 40 локтей. Его стоимость – 35 рублей. Также закладываю другой участок в размере одной мерки в [местности] Кушних. С запада прилегает участок Цаххая, сына Мухаммада, с востока и севера участок Пирахмада, сына Мухаммада, с юга участок Шансира (?), сына Давуда. Длина участка 80 локтей, ширина – 20 локтей. Его стоимость – 25 рублей. Также участок размером двух мерок зерна в местности Курбанул Юхах. С запада прилегает участок Абакара, сына Исхака, с востока участок Ахмада, сына 'Умара – оба аль-Камаша, с севера участок 'Умара, сына 'Али ал-Хумчукати. Его длина – 80 локтей, ширина – 20 локтей, стоимость – 20 рублей. Свидетели: Мухаммад, сын Ахмада, и Махад, сын Мухаммада – оба ал-Камаша. Далее, в виду того, что первый потребовал написать этот документ, а второй подтвердил все то, что он сказал, и согласился с этим залогом, а мы не нашли каких-либо препятствий для этого залога после того, как изучили вопрос с членами совета: залоговое имущество не находится в оспаривании, не является залогом в другой сделке и не имеет совладельцев – мы написали это 28 июля 1899 года. Члены суда Унчукатля» (л. 39б-40а).

Как видно из документа, залоговым имуществом выступают сразу три участка общей стоимостью 80 рублей, тогда как долг составляет всего 42 рубля. Необходимость залога, превышающего стоимость самого долга в два раза, не совсем ясна, тем более, когда речь идет о близких родственниках. Это может указывать на стремление кредитора обеспечить максимальную гарантию возврата, либо на оценочную стоимость, которая могла варьироваться.

Если акт купли-продажи происходил в долг, то в журнале, как правило, регистрировалась заемная запись, а не сделка купли-продажи. К таким документам относятся долги за продажу различных товаров: овец, лошадей, меда, проса и т.д.

Возврат долга, признание долга, поручительства за долг или должника – это еще один вид долговых документов, которые фиксировались в этом журнале. В документах о возврате долга нередко указывалось, что долг возвращает близкий родственник заемщика. Также в некоторых случаях в подобных документах указывалось, что долг получен через вицхинского наиба Гасана Гузунова (1854–1940).

4. Купля-продажа

Купля-продажа занимает второе место по частоте упоминаний в журнале.

Таблица 3. Детализация документов купли-продажи

Объект купли-продажи	Количество документов	Доля от всех актов купли-продажи (%)	Доля от всех документов (%)
Всего документов купли-продажи	136	100,00	26,15
Участок (посевной, пастбище)	61	44,85	11,73
Лошадь	42	30,88	8,08
Дом/Часть дома/Сарай	11	8,09	2,12
Отсек склада в мельнице	7	5,15	1,35
Корова/Бык	7	5,15	1,35
Доля в имуществе (пастбища, дома)	4	2,94	0,77
Осел/Ослица	3	2,21	0,58
Сад	1	0,74	0,19

Комментарий к Таблице 3: Основным объектом купли-продажи в селе Унчукатль были земельные участки (44,85%), что подчеркивает аграрный характер экономики. На втором месте стоит скот, в основном лошади (30,88%), что указывает на их важность как рабочего скота и средства передвижения. Недвижимость, такая как дома, сараи и отсеки склада в мельнице, также активно продавалась, нередко частями или долями.

Продаваемый объект в документе также подробно описывался. Вот, например, как фиксируется продажа отсека склада в мельнице:

باع شيخ بن محمد الهمقطي من جهته ووكيلا من شركائه محمد بن يوسف ومريم ابنة قنبده وطمات ومؤنات وأمنة وحفصات بنات حسلي وطم ابنة حسين الهمقطين مكدهم المشتركة بينهم الكائنة في بيدرة قيّدار على حدّها الجنوبي مكدهم عبد الفتاح والشمالي مكدهم حجي بن محمد والشرقي موضع الجماعة والغربي البيدرة قدرها ذراعين مع نصيب البيدرة لعبد الفتاح بن قيّدار حاجي الهمقطي بسبعة عشر منات وأنه قبل ذلك ونقد الثمن تماما إلى يد الوكيل المذكور والشهداء على ذلك شيخ بن سليمان ومحمد بن علي الهمقطين ثم لما لم نجد لبيعها مانع ما ولو من جهة بعد الاستفصال من أهل المشورة ليست في الدعوى والرهن والشركة إنا رسمنا هذا في 10 ذكابر سنة 1898

«Шейх, сын Мухаммада ал-Хумчукати, осуществил продажу со своей стороны и, будучи уполномоченным со стороны совладельцев: Мухаммада, сына Юсуфа, Марьям, дочери Канбуда, Патимат, Муминат, Аминат и Хафсат, дочерей Хасил 'Али, и Фатимы, дочери Хусейна, – все они ал-Хумчукати – их отсека в складе (*макдис*), общего между ними, и расположенного в мельнице Кайидара. С юга прилегает отсек 'Абдулфаттаха, с севера отсек Хаджи, сына Мухаммада, с востока место общины, с запада – мельница. Ее размер – два локтя, а также долю в мельнице. [Он продал их] 'Абдулфаттаху, сыну Кайидарахаджи ал-Хумчукати, за семнадцать рублей. Он принял это и полностью выплатил сумму в руки упомянутого представителя. Свидетели этому: Шейх, сын Сулеймана, и Мухаммад, сын 'Али ал-Хумчукати. Затем, в виду того, что мы не обнаружили какого-либо препятствия для осуществления продажи даже после тщательного исследования с членами совета: объект не оспаривается другими, не находится в залоге и не является собственностью [других] совладельцев – мы оформили это 10 декабря 1898 года» (л. 7а).

Как и в случае с недвижимостью, подробно описывался продаваемый скот. Наиболее распространенным активом была лошадь. Также встречаются упоминания продажи коровы, ослов, быков и т.д. Описывались внешние характеристики продаваемого животного. В одном случае при продаже лошади Г. Гузунова в журнале даже нарисовали рисунок метки на животном (рис. № 2):

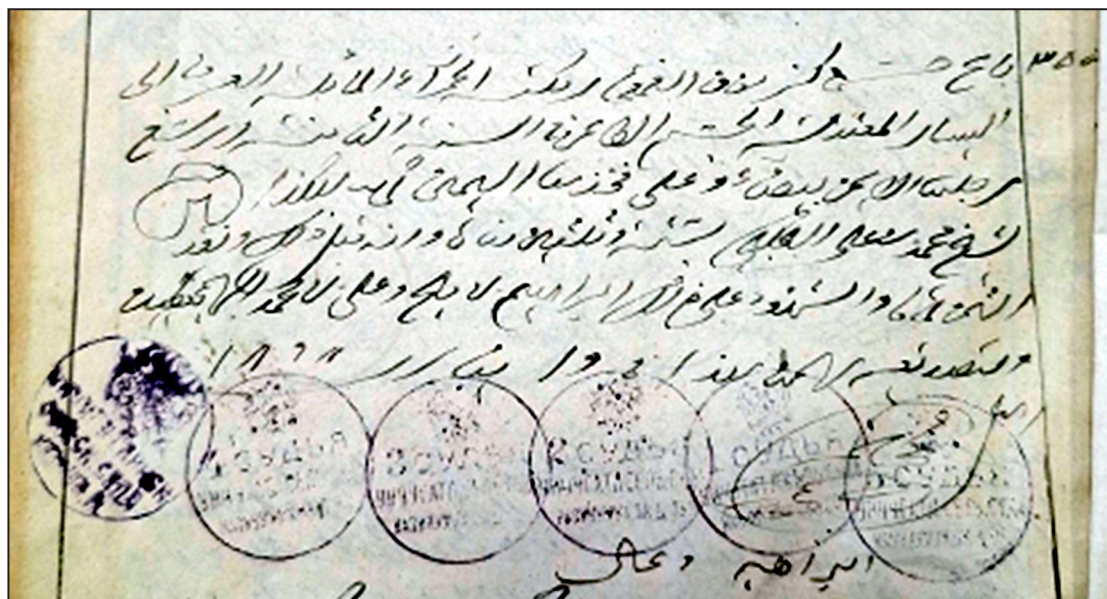


Рис. № 2.

«Хасан Кузунов ал-Гумуки продал свою красную кобылу, грива которой лежит налево, среднего телосложения, на восьмом году жизни, запястье правой ноги белое, а на правом бедре вот такая отметка (здесь изображен рисунок. – прим. Х.А.), Шейхмухаммаду, сыну 'Али ал-Баджали (?), за тридцать шесть рублей. Он принял это и расплатился полностью. Свидетели: Ибрахим, сын Пилха (?), и 'Али, сын Мухаммада ал-Хумчукати. Для подтверждения этого мы оформили это 19 ноября 1898 г.» (л. 2а).

Как и в случае долговых отношений, договоры купли-продажи иногда заключались между близкими родственниками – членами одной семьи, что является интересным штрихом в истории дагестанского аула, указывая на внутренние перераспределения имущества. К примеру, в одном из документов говорится, что «Хури, дочь Мухаммада ал-Хумчукати, продала посевной участок размером в две мерки зерна в [местности] Аках, по четырем сторонам которого находятся пастбища Хасана, сына 'Али ал-Хумчукати, его длина 67 локтей, ширина – 45, своему сыну Иба, сыну Вали ал-Хумчукати, за тридцать рублей...» (л. 37б). При этом не следует исключать, что подобные договоры между близкими родственниками носили фиктивный характер, а в действительности таким образом перераспределялось имущество в пользу конкретных наследников.

К этому же виду документов можно отнести договоры обменов и аренды, которые происходили гораздо реже и объектами которых всегда были земельные участки. В одном случае документ представляет собой договор субаренды пастбища: «Муса, сын Мата ал-Хумчукати, признал в нашем присутствии, что он сдал в аренду пастбище, арендованное у Чута, сына Мухаммада ал-Хумчукати, и расположенное в [местности] Варран-Сану, которое называется Карух-Унутули, Муртаза'али, сыну Мухаммада ал-Мухи, за тринадцать рублей. И что он получил за эту плату лишь десять рублей, а оставшееся осталось [в долг] ...» (л. 97а).

5. Найм

Найм является третьей по частоте категорией документов, отражая активные трудовые отношения в общине.

Таблица 4. Детализация документов найма

Вид найма	Количество документов	Доля от всех документов найма (%)	Доля от всех документов (%)
Всего документов найма	34	100,00	6,54

Найм на сельскохозяйственные работы / общие работы	22	64,71	4,23
Найм пастуха	3	8,82	0,58
Найм пристава/исполнителя села	2	5,88	0,38
Найм сапожника	1	2,94	0,19
Изготовление одежды	1	2,94	0,19
Вид работы не указан	5	14,71	0,96

Комментарий к Таблице 4: Наиболее распространенным видом найма является найм на сельскохозяйственные или общие работы, что ожидаемо для аграрного общества. Также фиксируется найм специализированных работников, таких как пастухи, сапожники и даже сельские исполнители/приставы. Важно отметить, что найм часто подразумевал работу вне родного села, иногда с оплатой транспортных расходов, что свидетельствует о миграции рабочей силы.

Договоры найма на работу обычно заключались на сезонный период для той или иной работы, и в них указывались сумма оплаты, которой чаще всего выступали деньги и одежда, иногда расходы на транспортировку к месту работы, и период работы. Довольно часто нанимались люди из других селений. При этом могли ставиться дополнительные условия: если работник покинет работу раньше оговоренного срока, то он лишался оплаты. Пример такого договора приведен в документе:

فإن عليك بن حج بدة الهمجقطي استأجر اربهن بن دبدان الدرقي ليعمل في بيته إلى أوسط خريف هذه السنة بأجرة خمسة وعشرين منات وجميع لباس سوى فروة وعباء وقلنسوة ثم إنه إن هرب من عنده قبل تمام المدة بلا عذر ما لا يكون له شيء ما من الأجرة وإن أخرجه بلا سب تكون له تمام الأجرة وإن اربهن قبل ذلك والشهداء موسى بن معم ومحمد بن علا الهمجقطين ولتصديقه رسمنا هذا في 22 فورال سنة 1900 أهل محكمة همجقط

«Алибак, сын Хаджибудда ал-Хумчукати, нанял Ирбахина, сына Дабадана ад-Дараки, чтобы он работал в его доме до середины осени этого года за двадцать пять рублей и всю одежду кроме тулупа, плаща и головного убора. Далее, если он убежит до окончания срока, не имея на то какой-либо уважительной причины, то ему ничего не полагается из оплаты. Если же он (Алибак) выгонит его без причины, то он получит полную сумму. Ирбахин принял это. Свидетели: Муса, сын Ма'амы и Мухаммад, сын Али (?) ал-Хумчукати. Для подтверждения этого мы оформили это 22 февраля 1900 года» (л. 100а).

В другом документе содержится договор найма сельского исполнителя (или пристава). Документ помогает понять специфику задач и деятельности сельского должностного лица. Он гласит: «Муса, сын Ма'амы ал-Хумчукати – представитель общины Унчукатля – нанял Устарбака, сына Мирзы ал-Чаяки, в качестве пристава (*шарит*), т.е. чавуша (*جوش*), в их селении, чтобы управлять приставскими делами в селении, доводить послания в Камаша¹⁰, также доводить ... (اليطاف؟) до Камаша и Гуккала, и взыскивать штрафы, установленные у нас для порядка, с тех, чей скот потравит охраняемые места. [Он нанял его] за сорок рублей на год. Он принял это. Он вручил ему пять рублей, остальное ему будут выдавать в конце каждого месяца по три рубля. Свидетели: Са'ид, сын Юсуфахаджи, и Хаджимирза, сын Хусейна ал-Хумчукати. Для подтверждения этого мы оформили это 26 апреля 1899 года» (л. 26б). Стоит отметить, что оба актора в договоре довольно часто упоминаются в этом журнале в качестве свидетелей или представителей общины, что показывает, что на эту должность назначался преимущественно человек из своего окружения.

Еще один документ, где тот же представитель селения заключает договор найма с сельским пастухом, разъясняет задачи пастуха: «Муса, сын Ма'амы ал-Хумчукати – представитель селения Унчукатля – нанял Мухаммада, сына Махада ал-Курли (*القرلي*), в качестве пастуха ослят и телят селения Унчукатля за плату, равную половине мерке зерна с каждого, кто имеет этот скот – отдельных жителей Унчукатля. Также ему полагается от селения еда. Он начинает с начала весны и до середины осени. Он принял это и обязался пасти так, чтобы община была довольна им. Далее, если он убежит до указанного срока, то ничего не получит из платы. Он принял это [условие]. Свидетели: Хаджимирза, сын Хусейна, и Умма (Амир?), сын Хаджибудда ал-Хумчукати. Для подтверждения этого мы оформили это 15 февраля 1899 года» (л. 16а).

¹⁰ Камаша – ныне село в составе Лакского района РД.

Во многих случаях из документов о найме понимается, что место работы, куда нанимается человек, находится не в селении, а в другом месте или населенном пункте. Это выражалось словами: «... чтобы он отправился вместе с ним...». Пример этого приводится в документе, где конкретизируется, куда именно отправятся работник и работодатель: «Мухаммад, сын 'Исы ал-Хумчукати, нанял Мухаммада, сына Джабраила ал-Канади, для того, чтобы он отправился с ним на работу и работал с ним до начала лета за тридцать пять рублей. Расходы на путь: из Анжи до местожительства и от местожительства до Анжи ложатся на наймодателя. Мухаммад принял это. Наймодатель Мухаммад обязуется привезти его на родину до истечения десяти дней с ближайшего лета. Свидетели: 'Абдал, сын Хаджибудда, и Кайта, сын 'Абдуллаха ал-Хумчукати. Для подтверждения этого мы оформили это 6 сентября 1899 года» (л. 69а).

6. Завещание/вакф

Документы, содержащие акты завещания (*васийа*), также встречаются в журнале.

Таблица 5. Детализация документов о завещаниях и вакфе

Вид документа	Количество документов	Доля от всех документов по данной тематике (%)	Доля от всех документов (%)
Всего завещаний/вакфов	15	100,00	2,88
Завещание общине (джама'ату)	9	60,00	1,73
Завещание сыну/дочери	2	13,33	0,38
Завещание кадио мечети	2	13,33	0,38
Не указан получатель	2	13,33	0,38

Комментарий к Таблице 5: Завещания были привязаны к смерти завещателя, и завещалось не более трети его имущества – как того требует шариат. Большинство завещаний были адресованы общине села (60%), что свидетельствует об ее исключительной значимости в социально-экономической деятельности жителей Унчукатля. Иногда завещатель мог указать, как именно джамаат должен потратить деньги, например, на общинные нужды или ритуалы.

Так, в одном из документов говорится:

أوصت عيش ابنة صالح الهمقطي ثلثة وسبعون منات للجماعة الهمقظية لأكلها على عادة القرية للمائدة وزُبْنٌ ولأجل قراءة القرآن في المقبرة ولذبح الثور يوم الموت ولنصب الحجر على قبرها ولختم القرآن عند الجنازة والشهداء على ذلك يوسف بن محمد وأميرخان المغرب ولتصديقه رسمنا هذا في 19 نيابر سنة 1898

«'Айша, дочь Салиха ал-Хумчукати, завещала семьдесят три рубля унчукатлинской общине (*джама'ату*) для того, чтобы по обычаю села накормили [общину], накрыли стол на тридцать [человек] (*зубиннин*)¹¹, прочли Коран у ее могилы, закололи быка в день ее кончины, установили камень на ее могиле и прочли весь Коран возле ее тела (*джаназа*). Свидетели: Юсуф, сын Мухаммада, и Амирхан-ссылный. Для подтверждения этого мы оформили это 19 ноября 1898 года» (л. 4а).

Что касается дарения в *вакф*, то они встречаются в журнале довольно редко.

7. Регистрация брака

Таблица 6. Детализация документов о регистрации брака

Аспект регистрации брака	Количество документов	Доля от всех актов регистрации брака (%)	Доля от всех документов (%)
Всего документов о браке	21	100,00	4,04

¹¹ Использован термин из лакского языка, означающий «тридцать».

Указан махр/садак	21	100,00	4,04
Указана одежда как часть махра	12	57,14	2,31
Зафиксирован долг жениха невесте (в т.ч. после брака)	4	19,05	0,77

Комментарий к Таблице 6: Регистрация брака, безусловно, должна была фиксироваться в подобном журнале. Однако удивительно, что в журнале нет ни одного документа о разводе. Известно, что в других подобных журналах такие события также отражались. Возможно, разводы регистрировались в другом месте или не требовали фиксации в данном *дафтаре*.

Во всех документах о браке указывался факт бракосочетания между женихом и невестой, почти всегда назывался опекун невесты (*вали*), который выдавал ее замуж. Во всех документах упоминается размер брачного дара (*садак*, *махр*), который жених платил невесте. При этом часто в качестве брачного дара наряду с деньгами была и одежда для невесты. Упоминаемая одежда обязательно оценивалась в рублях, чтобы в случае развода супруга могла потребовать от мужа свое право.

В некоторых случаях, сразу или спустя некоторое время после регистрации брака, в журнале также фиксировался долг жениха перед невестой, который должен был быть выплачен до конца года. В одном случае документ о долге жениха перед невестой был записан через день после регистрации брака. При этом жених, по-видимому, за один день успел задолжать своей новоиспеченной жене еще деньги сверх долга за *махр*:

فإن شيخ بن محمد الهمچقطي زوج موليته ابنته البكر ابيبب ابنة شيخ المذكور بإذن صريح منها لعاليل بن جني الهمچقطي بصداق ثلاثين منات وفيها 5 منات لقطع الإذن وثوي حرير جيد مع خمارين إبرسيمين قيمتها 05 مناة وإن عاليل قبل ذلك وفق إيجابه والشهداء حج بده بن محمد وأسد الله بن جرين الهمچقطين ولتصديقه رسمنا هذا في 25 إيون سنة 1899

«Шейх, сын Мухаммада ал-Хумчукати, женил свою подопечную, свою дочь-девственницу Абибаба, дочь упомянутого Шейха, с её ясно выраженного согласия, на 'Алиле, сыне Джаная ал-Хумчукати, за брачный дар в тридцать рублей. Из них 5 рублей за разрешение [выйти за этого жениха?], а также два куска шёлка высшего качества с двумя шёлковыми платками стоимостью 50 рублей. 'Алил принял это согласно его предложению. Свидетели: Хаджибудда, сын Мухаммада, и Асадуллах, сын Чарина ал-Хумчукатийайн¹². Для подтверждения этого мы оформили это 25 июня 1899 года» (л. 39а).

На следующей странице имеется уже документ о долге этого жениха перед невестой:

«Я – 'Алил, сын Джаная ал-Хумчукати, должен моей невесте Абибаба, дочери Шейха ал-Хумчукати, сто рублей. Я обязуюсь выплатить их ей по окончанию этого года. Свидетели: Хаджибудда, сын Мухаммада, и 'Абдуллах, сын Ша'бана ал-Хумчукати. Для подтверждения этого мы оформили это 26 июня 1899 года» (л. 39б).

8. Признание прав

Документы о признании прав освещают наиболее разнообразные случаи.

Таблица 7. Детализация документов о признании прав

Тип признания прав	Количество документов	Доля от всех документов по данной тематике (%)	Доля от всех документов (%)
Всего документов о признании прав	15	100,00	2,88
Признание права на проход	3	20,00	0,58

¹² Нисба в двойственном числе означает, что оба свидетеля относятся к селению Унчукатль.

Признание права на строительство	2	13,33	0,38
Признание права собственности (на скот, утварь, землю)	5	33,33	0,96
Отказ от наследства	3	20,00	0,58
Признание долга (не в долговых документах)	1	6,67	0,19
Разбирательство о присвоении денег	1	6,67	0,19

Комментарий к Таблице 7: Права, как правило, были связаны с земельными спорами между соседями, либо представляли собой право на имущество или право на пользование чем-либо. Документы о признании прав собственности (на скот, утварь, землю) составляют наибольшую долю, что свидетельствует о значимости четкого юридического закрепления владения в сельской общине. Отдельно выделяются случаи отказа от наследства, которые носят уникальный характер.

Пример документа, в котором житель признает права соседа на проход через его участок, следующий:

أقرّ لدينا زكريا بن إبراهيم الهمقطي بأن لإبراهيم بن محمد الهمقطي ممر للذهاب إلى داره من الموضع التي بنى فيها خلائه وأنه التزم إزالة تلك الخلاء من تلك الموضع لتخليّة الممر له متى طلب بلا قول ولا دعوى ما بعد ولتصديقه رسمنا هذا في 19 نيار سنة 1898

«Закария, сын Ибрахима ал-Хумчукати, признал перед нами, что Ибрахим, сын Мухаммада ал-Хумчукати, может проходить в свой дом через место, где он построил уборную. Он обязуется снести ее с этого места, чтобы освободить ему дорогу, когда он потребует это, и не будет впоследствии оспаривать это» (л. 4а).

Очевидно, что во многих случаях отказ от своих прав на что-то происходил за определенную плату, однако в документах этот факт, по-видимому, фиксировался не всегда. Следующий документ сообщает сумму платы за отказ от своего права:

«Курбан и 'Али, сыновья Мухаммада ал-Хумчукати, дают Мухаммаду, сыну Курбана ал-Хумчукати, право для строительства стены поверх стены их большого дома, для установления столбов на нем и для постройки строения выше этого за пятнадцать рублей. Они не будут впредь оспаривать или притязать на это. Мухаммад принял это и выплатил полную сумму...» (л. 56а).

В некоторых случаях признание прав на имущество происходило между близкими родственниками. Это можно объяснить вероятным опасением, что после смерти человека данное имущество будет оспариваться другими наследниками. Вот, например, документ, в котором отец признает право дочери на корову:

«Хасан, сын Мусы ал-Хумчукати, признал в нашем присутствии и потребовал записать, что маленькая корова, черного цвета и 4 годов жизни, стоимостью 9 рублей, является собственностью его дочери Патимат, дочери упомянутого Хасана. И что он не имеет никаких прав на нее, она является ее полной собственностью ...» (л. 14а-14б).

Еще один интересный документ сообщает о признании владельцем отсека в складе внутри мельницы права на то, что сторожа и работники мельницы имеют право проходить через его склад:

«Мухаммад, сын Мухаммада ал-Хумчукати, признал в нашем присутствии, что сторожа (*шурата*) мельницы Мударриса-Мухаммада и Будда, сыновей 'Абдулкадыра, а также другие сторожа-унчукатлинцы, имеют право проходить через его склад, расположенный в этой мельнице со стороны склада 'Али, сына Исбудда. Это для того, чтобы работник в этой мельнице мог пройти к месту справления нужды. Но на это нет прав у других» (л. 46б).

К этому же виду относится отказ наследника от наследства. К нему относятся три документа в журнале, касающиеся одного и того же человека. Речь идет о некоем Чалме, сыне Мухаммада, из-за бегства которого в Османскую империю власти потребовали написать отказную от наследства от его родственников: Хаджи, сына Мухаммада, и 'Алила, сына Иман'али. Первый документ датируется 1 июня 1899 года, в котором говорится следующее:

وانا حجي بن موسى الهمچقطي سلمت هذه الفدفسكة مستكتبة من محكمة همچقط بأني خرجت بالكلية من وارثية چلم بن محمد الهمچقضية الهارب إلى ولاية عثمانية ولا أطلب من تركته شيء ما ولا أكون مدّعيا مع أحد ما في خصوص ذلك قط ولتصديقه رسمنا هذا في 1 إيون سنة 1899

«Я – Хаджи, сын Мусы ал-Хумчукати, вручил эту подписку, попросив у суда Унчукатля записать, что я полностью выхожу из круга лиц наследников Чалма, сына Мухаммада ал-Хумчукати, убежавшего в Османское государство. Я не буду требовать ничего из его наследства и никогда не буду спорить с кем-либо по этому поводу. Для подтверждения этого мы оформили это 1 июня 1899 года» (л. 32б).

27 августа того же года ‘Алил, сын Иман’али, подписывает точно такой же документ (л. 64а). 24 июня 1900 г. Хаджи, сын Мусы, вновь подписывает такой документ (л. 98а). Речь, по-видимому, идет о человеке, сбежавшем за границу за некое преступление (или, возможно, имевшего непогашенные долги перед государством), и имущество которого подлежало конфискации, в связи с чем власти потребовали у потенциальных наследников подписать отказ от наследства.

Заклучение

Проведенный источниковедческий и текстологический анализ журнала сельского суда селения Унчукатль за 1898–1900 гг. позволил выявить ключевые аспекты правовой, экономической и социальной жизни дагестанского аула на рубеже веков. Манускрипт, несмотря на незначительные утраты, является уникальным источником микроистории, предлагая детальный срез повседневных взаимодействий, которые редко отражаются в официальной статистике или крупных административных отчетах, но широко представлены в эпистолярных памятниках.

Более половины (почти 56% всех записей) составляют разнообразные долговые документы, что может говорить о высокой степени монетизации экономики и активном развитии кредитных отношений. Присутствие процентных займов и займов с залогом, наряду с формированием торгово-ростовщической прослойки, подтверждает тезис о вовлечении региона в новые экономические реалии. Особого внимания заслуживает фиксация случаев, когда кредиторами выступали община или даже сельская мечеть. Это было возможным из-за определенной интерпретации шариатских норм относительно бумажных денег и свидетельствует об определенной гибкости правовой и религиозной систем в их адаптации к новым экономическим реалиям.

Активное участие женщин в деловых операциях – они выступают в качестве кредиторов, продавцов, покупателей и наследниц – является одним из наиболее значимых результатов исследования данного *дафтара*, который ставит под сомнение устоявшиеся представления о минимальной роли женщины в хозяйственно-экономической жизни Дагестана. При этом экономический статус и правовая субъектность женщин требуют дальнейших исследований.

Документы о купле-продаже (26% записей) демонстрируют преобладание сделок с земельными участками и скотом, что подчеркивает аграрную основу экономики села. Найм (6,5%), включая найм пастухов, сапожников и даже сельских должностных лиц, отражает дифференциацию труда и мобильность населения. Отсутствие записей о разводах при наличии подробных актов регистрации браков поднимает вопросы о юрисдикции и практиках оформления семейных отношений в данном суде.

Особый интерес представляет собой то, что в *дафтаре* имеются записи должностных лиц на русском языке: это показывает сильное влияние имперской власти на делопроизводство сельской общины. На подобное влияние царской власти также указывают документы в виде отказа от наследства беглеца, скрывшегося в Османской империи. Подробное описание объектов сделок, включая детализацию земельных участков, скота и даже меток на животных, свидетельствует о стремлении к правовой точности, желая избежать дальнейших споров.

В целом, *дафтар* сельского суда Унчукатля представляет собой уникальный документ, в котором отразилась жизнь дагестанского аула конца XIX в. во всей ее сложности и динамике. Это ценный

источник для исследования имперского влияния на дагестанские общины, их правовой и социально-экономической деятельности, в особенности, для изучения роли различных слоев населения, в том числе женщин, в повседневной жизни села.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00781, <https://rscf.ru/project/25-18-00781/>.

Acknowledgments. The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-00781, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00781/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комаров А.В. Адааты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.
2. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. / Сост. Х-М.О. Хашаев. М.: Наука, 1965. 279 с.
3. Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы / Сост. А.С. Омаров. Махачкала, 1968. 340 с.
4. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988. 238 с.
5. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие (очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М.: Вост. лит., 2002. 368 с.
6. Бобровников В.О. Правовой словарь арабоязычных памятников дагестанского ‘адата XIV–XX вв. (некоторые итоги изучения исламских дискурсов) // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 2. С. 291–315.
7. Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Ч. I–II. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1999.
8. Абдулмажидов Р.С., Магомедова З.А. Обзор исследований дагестанских арабоязычных источников в постсоветский период // Восток (Oriens). 2021. № 5. С. 239–249.
9. Мусаев М.А. Материалы к биографии Мухаммада, сына Мусы ал-Кудуки (часть первая) // Вестник Института ИАЭ. 2014. № 3. С. 61–70.
10. Алибеков Х.Г. Колофон в дагестанской письменной традиции и его характеристика как исторического источника. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2024.
11. Джираб ал-Мамнун / пер. с арабского и коммент. Х.Г. Алибекова; науч. руководитель проекта А.А. Гусейнов; отв. ред. А.К. Аликберов; науч. ред. Ш.Ш. Шихалиев, Т.А. Аниеева. М.: Наука – Вост. лит., 2024. 414 с.

Поступила в редакцию 26.09.2025
Принята в печать 03.12.2025
Опубликована 15.12.2025

REFERENCES

1. Komarov AV. *Adats and legal proceedings according to them. Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue 1. Tiflis, 1868. (In Russ)
2. *Monuments of Customary Law of Dagestan of the XVII–XIX Centuries, comp. Kh-M.O. Khashaev*. Moscow: Nauka, 1965. (In Russ)
3. *From the History of the Law of the Peoples of Dagestan: Materials and Documents, comp. A.S. Omarov*. Makhachkala, 1968. (In Russ)
4. Aglarov MA. *The Rural Community in Mountainous Dagestan in the XVII – Early XIX Centuries*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)
5. Bobrovnikov VO. Muslims of the North Caucasus: Custom, Law, Violence (Essays on the History and Ethnography of the Law of Mountainous Dagestan). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. (In Russ)
6. Bobrovnikov VO. Legal dictionary of Arabic-language monuments of Dagestani ‘adat of the XIV–XX centuries (some results of the study of Islamic discourses). *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2020; 16(2): 291–315. (In Russ)
7. Aitberov TM. *Anthology on the History of Law and State of Dagestan in the XVIII–XIX Centuries. Parts I–II*. Makhachkala: Dagestan State University Press, 1999. (In Russ)
8. Abdumazhidov RS., Magomedova ZA. Review of studies of Dagestani Arabic-language sources in the post-Soviet period. *Vostok (Oriens)*. 2021; 5: 239–249. (In Russ)
9. Musaev MA. Materials for the biography of Muhammad, son of Musa al-Quduki (part one). *Herald of the Institute of HAE*. 2014; 3: 61–70. (In Russ)
10. Alibekov KhG. *The Colophon in the Dagestani Written Tradition and Its Characterization as a Historical Source. PhD diss. in History*. Moscow, 2024. (In Russ)
11. *Jirab al-Mamnun*, trans. from Arabic and comm. by Kh.G. Alibekov; project supervisor A.A. Guseynov; exec. ed. A.K. Alikberov; scientific eds. Sh.Sh. Shikhaliev, T.A. Anikeeva. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2024. (In Russ)

Received 26.09.2025
Accepted 03.12.2025
Published 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214481-491>

Research paper

Shamil Sh. Shikhaliev
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia;
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
shikhaliev74@mail.ru

THE SCHOLARLY PERSONA IN DAGESTANI ARABIC BIOGRAPHICAL LITERATURE

Abstract. This article explores the construction of scholarly personas in 20th-century Arabic biographical and hagiographical literature from Dagestan. Drawing on the conceptual framework of persona as formulated by Mineke Bosch and further developed by Herman Paul, the study treats persona not as a fixed social role or stereotype, but as a culturally embedded repertoire of scholarly virtues, practices, and dispositions. Paul's tripartite model – micro, meso, and macro levels of scholarly identity – serves as a useful heuristic, though this article privileges the meso-level: the articulation of time- and place-specific ideals of scholarly subjectivity. However, the Dagestani case reveals that such models are often shaped less by institutional norms than by ethical preferences, such as the valorization of Sufi piety, legal expertise, or rational inquiry. Through close textual analysis of four key Arabic works – *Nuzhat al-adhhān* by Nadhīr al-Durgilī, *Tarājim 'ulamā' Dāghistān* by 'Alī Kayaev, *Ṭabaqāt al-khwājagān* by Shu'ayb al-Bāghinī, and *Sirāj al-sa'ādāt* by Ḥasan al-Qaḥī – the article demonstrates the plural and contested nature of scholarly ideals in Dagestani Islam. Al-Durgilī constructs a harmonized model of the ideal Muslim scholar, while Kayaev adopts a critical stance, selectively praising or censuring figures based on rationalist or ethical criteria. Sufi authors such as al-Bāghinī and al-Qaḥī frame scholarly legitimacy around spiritual charisma, ecstatic experience, and miracles. By juxtaposing these works, the article reveals how different genres (biography vs. hagiography), authorial intentions, and theological commitments shape the representation of scholarly identity. In doing so, it contributes to broader debates on Islamic intellectual history, the social production of religious authority, and the localization of Islamic scholarly ideals in the North Caucasus.

Keywords: scholarly persona; Islamic biographical literature; Dagestan; hagiography; intellectual history; Islamic manuscript culture

For citation: Shikhaliev Sh.Sh. The scholarly persona in Dagestani Arabic biographical literature. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 481-491. doi. [org/10.32653/CH214481-491](https://doi.org/10.32653/CH214481-491)



Шихалиев Шамиль Шихалиевич
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
shihaliev74@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ УЧЁНОГО В ДАГЕСТАНСКОЙ АРАБОЯЗЫЧНОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается формирование научных персон в арабоязычной биографической и агиографической литературе Дагестана XX в. Основываясь на концепции персоны, предложенной Минеке Бош и развитой Германом Полом, автор рассматривает научную персону не как фиксированную социальную роль или стереотип, а как культурно обусловленный репертуар научных добродетелей, практик и диспозиций. Трёхуровневая модель, предложенная Полом – микро-, мезо- и макроуровни научной идентичности, – используется в качестве аналитического инструмента, при этом основной акцент в статье сделан на мезоуровень, то есть на артикуляцию локальных и временно обусловленных моделей научной субъективности. При этом дагестанский материал показывает, что указанные модели формируются не столько в рамках институциональных норм, сколько под влиянием этических предпочтений – таких, как акцент на суфийской этике, правоведческой компетенции или рационалистическом подходе к знанию. Путём текстологического анализа четырёх ключевых сочинений – «Нузхат ал-азхан» Надзира ад-Дургили, «Тараджим ‘улама’ Дагистан» Али Каяева, «Табакат ал-хваджаган ан-Накш-бандиййа» Шу‘айба ал-Багини и «Сирадж ас-са‘адат» Хасана ал-Кахи – в статье демонстрируется множественность и конкуренция представлений об идеале учёного в дагестанской исламской письменной традиции. Если у ад-Дургили образ учёного унифицирован и идеализирован, то Каяев придерживается критического подхода, избирательно одобряя или порицая персонажей на основании рационалистических и этических критериев. В суфийской литературе, представленной ал-Багини и ал-Кахи, легитимность научной персоны строится на духовной харизме, переживании экстатического опыта и чудотворствах (*карамат*). Сопоставительный анализ этих текстов позволяет выявить, каким образом жанровая специфика (биография vs. агиография), авторские интенции и теологические установки влияют на конструирование образа учёного. Тем самым статья вносит вклад в исследование исламской интеллектуальной истории, механизмов формирования религиозного авторитета и локальных моделей учёности в исламском обществе Северного Кавказа.

Ключевые слова: научная персона; исламская биографическая литература; Дагестан; агиография; интеллектуальная история; исламская рукописная культура

Для цитирования: Шихалиев Ш.Ш. Репрезентация учёного в дагестанской арабоязычной биографической литературе // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 4. С. 481-491. doi.org/10.32653/CH214481-491

Introduction: Scholarly Persona

The figure of the scholar has long held a central place in the Islamic intellectual tradition, not only as a transmitter of knowledge but also as a moral exemplar whose conduct embodies the ideals of piety, learning, and social responsibility. In the Dagestani context, biographical and hagiographical literature composed in Arabic reflects this enduring concern with scholarly character, not merely by recounting individual life stories but by articulating models of scholarly subjectivity – idealized templates of what it meant to be a scholar in specific historical and cultural settings.

To conceptualize these representations, this study draws on the notion of the scholarly persona as developed by Herman Paul and Mineke Bosch. Bosch defines persona as “a cultural identity that simultaneously shapes the individual in body and mind and creates a collective with shared and recognizable physiognomy” – a formation that occupies the space between individual biography and institutional roles [1, p. 15]. Persona should not be equated with stereotypes or social roles; rather, it denotes a shared way of thinking, judging, and conducting scholarly work.

Herman Paul further refines this concept within the context of intellectual history and the philosophy of science, distinguishing between three analytical levels: the micro-level, which pertains to the articulation of scholarly identity in individual texts; the macro-level, which encompasses widely accepted ideals of scholarly conduct; and the meso-level, where time- and place-specific models shape particular scholarly styles and competencies [3, p. 3; 4, pp. 3–6].¹ The present study aligns primarily with Paul’s meso-level analysis, focusing on how Dagestani biographical writings construct and transmit distinct, culturally embedded models of scholarly behavior.

In contrast to Paul’s emphasis on methodological and institutional norms, this article approaches persona through the lens of more abstract scholarly preferences, such as an emphasis on Sufi ethics, a commitment to legal reasoning, or a rationalist orientation in the natural sciences. From this perspective, persona refers to the repertoire of traits, skills, and moral dispositions that a scholar is expected to embody within a given cultural model. Accordingly, multiple personae may coexist within a single tradition, and the same behavioral model may cultivate divergent scholarly types.

Through a close reading of several 20th-century Dagestani Arabic biographical and hagiographical works – including *Nuzhat al-adhhān* by Nadhīr al-Durgilī, *Tarājim ‘ulamā’ Dāghistān* by ‘Alī Kayaev, and *Ṭabaqāt al-khwājagān* by Shu‘ayb al-Bāghinī – this article explores how different authors mobilize narrative, emotional tone, and evaluative commentary to craft images of the ideal Muslim scholar. While some authors, such as al-Durgilī, present a unified and idealized scholarly model across disciplines, others adopt a more discriminating approach, explicitly endorsing some scholars while critiquing others. In the case of Sufi hagiographies, the ideal scholarly persona is inseparable from sanctity and charismatic authority, manifest in miraculous acts (*karamāt*) and emotional intensity. This inquiry thus sheds light on the plural and often contested nature of the scholarly persona in Dagestan, a region whose Islamic intellectual history is shaped by local pedagogical practices, Sufi affiliations, and reformist impulses.

I suggest that biographical and hagiographic literature (*tarājim*, *ṭabaqāt*, *manāqib*) extends beyond mere descriptions of individual life stories. In the context of examining the Muslim subjectivity, biographical authors portray the ideal Muslim persona, or, in the case of following below Dagestani biographical and hagiographic literature, the ideal scholarly persona. In biographical works, authors craft a portrayal of the scholarly persona but through the accounts of others. In the subsequent discussion, I will explore several Arabic-written biographical dictionaries and hagiographic works of Dagestani scholars from the 20th century.

¹ For more details about the scholarly persona, see: [5, pp. 135–154; 6, pp. 348–371; 2, pp. 33–54].

Harmonised model of the ideal Muslim scholar by Nadhīr al-Durgilī

The first one is Nadhīr al-Durgilī's *Nuzhat al-adhhān fī tarājim 'ulamā' Dāghistān* which covers the biographies of over two hundred Dagestani scholars between the 11th and 20th centuries.² These biographies are arranged in chronological order, starting with 11th-century Derbend scholars and finishing with Nadhīr al-Durgilī's own contemporaries. Al-Durgilī evidently finished *Nuzhat al-adhhān* at some point after 1931, as transpires from a passage relating the biography of the Tatar scholar Bayazid Khayrullin [10, pp. 240–251], where al-Durgilī writes as follows: “In 1319 [1901–02] Bayazīd Mullā b. Khairallāh came to Dagestan, where he settled down in the city of Anjī [Makhachkala] and became an imām and mu'adhdhin for the residents of Tatar and Kazan origin. As of this day, in 1349 [1930–31] he is still alive and resides in the city of Anjī with his family”.³

The draft of the work is held in Muḥammad-Said Saidov's archive at the Institute of History in Makhachkala. This draft is notable for including the biographies of several scholars which are not included in his main edited work, and for appending some strikingly critical comments about the individuals in question. For instance, regarding a scholar by the name of Ghazanūf al-Gubdānī (1871–1942) he writes as follows: “He held fanatical beliefs and was hardened in his convictions... He never completed his education, or he would have become one of the pearls of his time”.⁴ When describing the life of the above-mentioned Bayazid, Nadhīr writes: “Bayazīd Mullā b. Khairallāh is not very skilled in Arabic, but he draws knowledge from the Tatar books written in his own language”.⁵ In relation to his contemporary Abū Sufyān Akaev, Nadhīr al-Durgilī writes as follows: “He wrote a book called *Du'ā' majmū'*, which contains multiple lies, as many scholars know. The Tatar scholar Ismā'īl Gasprinsky wrote a negative review of this book and published it in his newspaper *Terjimān*: It would have been better if Abū Sufyān had never published his book”⁶

In making such comments, al-Durgilī shows himself to be capable of sharp critical judgments. Strikingly, however, he omitted these entries from the main edited text of *Nuzhat al-adhhān*, where Nadhīr al-Durgilī is entirely positive about all the individuals under discussion. In this latter telling, nearly all the scholars were accomplished major Muslim scholars who penetrated into “the subtleties of sciences”. This discrepancy in coverage and tone between his draft and edited text can be explained as follows.

Al-Durgilī used his drafts and biographical notes about Dagestani scholars as his supplementary materials. Since he was using these drafts for his own work on the main text, he allowed himself some critical comments about certain scholars. But his completed work was probably intended for a wide audience. In this context, scholarly biographies were more than just a source of information for his contemporaries and future scholars. The biographies of scholars cited in *Nuzhat al-adhhān* were evidently meant to serve as edifying exemplars that everyone who studied Islamic sciences should strive to emulate. Al-Durgilī clearly intended the *Nuzhat al-adhhān* to be a didactic message to all those who would read his book in the future. Towards this end, all the scholars whose biographies are included in *Nuzhat al-adhhān* are presented as ideal figures. Indeed, the biographies in *Nuzhat al-adhhān* serve to articulate distinct ideal scholarly persona reflecting a range of various models: legalists, a Sufis, linguists, scholars with an in-depth knowledge of logic, exact or occult sciences. Thus, in al-Durgilī's understanding, his completed work on the biographies of Dagestani scholars would serve both as a source of knowledge, including historical information, but also as an articulation of the image of an ‘ideal Muslim’ as personified by various scholars (lawyers, linguists, madrasa teachers and so on), each of whom is carefully disassociated from any of the negative characteristics that he mentions in his drafts. Any individuals towards whom in his drafts he is more generally critical, meanwhile, he omits from the final text.

It is evident that al-Durgilī in his work presents a broader concept of the ‘ideal Muslim,’ which transcends any particular scholarly category. In his perspective, the ideal Muslim is inherently a scholar, with specialization

2 Nadhīr b. Muḥammad al-Durgilī, *Nuzhat al-adhhān fī tarājim 'ulamā' Dāghistān*. Institute of History, Makhachkala, Muḥammad-Said Saidov's collection, Inv. 1, no. 95. The manuscript was translated into German and Russian, and published, see: [8, 9].

3 Nadhīr b. Muḥammad al-Durgilī, *Tarājim 'ulamā' al-dāghistāniyyin*, fols. 35b–36a.

4 Ibid., fols. 55b–56a.

5 Ibid., fol. 35b.

6 Ibid., fol. 44a

in a specific domain of knowledge – be it law, linguistics, or poetry – being of secondary importance. The paramount criterion is the scholar's ability to deduce ethical and moral precepts from sacred texts, discerning between what conforms to *sharī'a* law and what is prohibited, thereby fostering personal morality and adherence to Islamic principles.

Selectively Approach by 'Alī Kayaev

Another work of biography that was produced at much the same time as al-Durgilī's *Nuzhat al-adhhān* was *Tarājim 'ulamā' Dāghistān*, by 'Alī Kayaev. Three versions of this study have survived in Arabic, Lak and Azeri Turkic respectively, with the two latter ones written in Arabic characters. The Arabic and Lak versions of this work are housed within the collection now possessed by his grandson, Ilias Kayaev.⁷ The Turkic version of his work is preserved at the Institute of History.⁸

In writing his book, he drew upon written sources, collected letters and amateur biographical essays, interviewed elders, and analysed the data he collected based on a critical approach to his collected sources. The structure of 'Alī Kayaev's work is similar to that of al-Durgilī's. The biographies of Dagestani scholars are here arranged in chronological order.

In his work, 'Alī Kayaev generally focuses on the positive qualities of the scholars whom he describes, but unlike the edited text of al-Durgilī's *Nuzhat al-adhhān* he also adds some critical comments about certain individuals. Thus, when recounting the lives of several Dagestani theologians and characterizing them as accomplished specialists in the fields of law, astronomy, mathematics, and logic, 'Alī Kayaev writes as follows: "*Saīd al-Harakānī would occasionally drink alcohol and allowed rulers to use it until they were lightly inebriated, despite the fact that these rulers did not stop at this and reached extreme stages of intoxication in their use of alcoholic beverages... Although Shaytān-'Abdallāh al-Ṣughūrī reached great heights and perfection in astronomy and mathematics sciences, he was nevertheless fond of alcoholic beverages, did not have the willpower to restrain himself, and went so far in his craving for alcohol that he had to sell household utensils. He would then sink so low as to steal whatever came into his hands from his wife's belongings and to sell them in order to buy alcohol... 'Abd al-Ḥalīm al-Tsuishī, like his teacher Saīd al-Harakānī, drank alcohol in moderation and issued a fatwā that allowed this. He made a habit of drinking alcohol before the start of lessons, then would anoint himself with fragrances and begin the lesson. He said that alcohol made him more active in teaching... Najm al-Dīn al-Ḥūtsī spent most of his time working with poetry and literature so that he reached considerable heights in this compared to his contemporaries. His poetry is very eloquent and demonstrates that he was greatly talented, indeed one of the best versifiers among numerous Dagestani poets. At the same time, he was engaged in literary and poetic plagiarism. I heard from many of those who read and analysed his poetry that Najm al-Dīn used to steal from the works of ancient poets, especially from the collection by the well-known al-Abyūrdī [d. 1113]. He selected whatever he liked, sometimes borrowing the text itself and sometimes its meaning, presenting them as his own compositions.*"⁹

This inclusion of negative material might seem to imply that 'Alī Kayaev had a more censorious outlook than Nadhīr al-Durgilī, who as we saw above was careful to omit any such criticisms from his own final text.

Simultaneously, within Kayaev's work, there is a discernible inclination towards certain scholars whose biographies he portrays with a profound emotive touch. His narratives are most extensive and emotionally charged when he discusses scholars specializing in the natural sciences, such as mathematics, astronomy, chemistry, and medicine.¹⁰ Concurrently, Kayaev provides a more detailed account of the biography of the afore-mentioned Muḥammad al-Quduqī, adorning him with commendatory epithets and conferring upon him the title of an 'eminent scholar,' a distinction rarely bestowed upon others. For instance, Kayaev writes: "*Al-Quduqī stood as an outstanding luminary in the sphere of rational and traditional sciences. Brilliant proficient in Arabic, Islamic jurisprudence, the theory of Islamic law, arithmetic, geometry, algebra,*

7 'Alī b. 'Abd al-Ḥamīd al-Ghumuqī, *Tarājim 'ulamā' Dāghistān*. Makhachkala, private collection of Ilias Kaiaev, nos. 9 (in Arabic), 188 (in Lak).

8 'Alī b. 'Abd al-Ḥamīd al-Ghumuqī, *Terājim-i 'ulemā-i Dāghistān* (in Turkic). Archive of the Institute of History, Makhachkala, *Fund* 25, *Inv.* 1, no. 1. This manuscript was translated into Turkish, see: [14].

9 'Alī b. 'Abd al-Ḥamīd al-Ghumuqī, *Tarājim 'ulamā' Dāghistān*, fols. 55a, 69a, 79b, 139a.

10 *Ibid.*, fols. 4b–5a, 9a–11b, 17b, 34a–35b.

astronomy, philosophy, and logic, he was also a craftsman of scientific instruments like astrolabes and sine quadrants. Moreover, al-Quduqī assumed a pivotal role in orchestrating the dissemination of knowledge within his community. Scholars from diverse domains gravitated towards him, their numbers rivalling that which congregated around any other scholar of his era, with none in Dagestan attaining his scholarly eminence."¹¹

Kayaev's interest to personality al-Quduqī can be explained by al-Quduqī's ideas concerning the theory of Islamic law, his critique of adherence to legal schools, and his endorsement of *ijtihād*, a parallel that Kayaev meticulously highlights in his work: "*The eminent scholar al-Quduqī, during his pilgrimage to Mecca, encountered shaykh Ṣāliḥ al-Yamanī, who had emancipated himself from the yoke of taqlīd, selectively adopting the rulings of four legal schools (madhhab) in harmony with fundamental principles while eschewing innovations. Al-Quduqī became his student and acquired a wealth of knowledge from him. Al-Quduqī was profoundly impressed by shaykh Ṣāliḥ's methodology, path, and ideas, which he embraced with fervor. Upon his return to Dagestan, al-Quduqī brought back several new books by his newfound mentor. Al-Quduqī initiated a call to action for scholars, encouraging them to embrace independent reasoning and the study of sciences, all the while grounding their analysis in the foundational sources – the Qur'ān and hadīths – scrutinizing them in light of shari'a principles, and selecting what aligned with these norms. Consequently, al-Quduqī became the first among Dagestani scholars to rouse himself from the dormancy of taqlīd and instruct his contemporaries to employ their intellect, encouraging intellectual freedom for the discernment of truth from falsehood. Regrettably, his call resonated with but a few, while the majority countered it with refutation and aversion, owing to their frail confidence in their own intellect and their exaggerated reverence for madhhab they ardently followed.*"¹²

In contrast to al-Durgilī, Kayaev displayed little inclination to present the biographies of all Muslim scholars as embodying the image of the 'ideal Muslim scholar.' Consequently, he reserved the prerogative to selectively designate those deserving of the status of an ideal scholarly persona and those who fell short.

I suggest that these differences between al-Durgilī's and Kayaev's works reflect the two men's differing priorities. Whereas al-Durgilī sought to present all those scholars whose lives he regarded as offering examples to be emulated by his readership, 'Alī Kayaev, by contrast, adopted a discerning approach in his biographical narratives. He delineated scholars who should not serve as examples, alongside those whom he deemed worthy of emulation. As a consequence, Kayaev's work encompasses two contrasting archetypes: ordinary scholars, symbolized by adherents of *taqlīd* who opposed al-Quduqī's notions of intellectual freedom and do not exemplify the 'ideal Muslim,' and the ideal scholarly persona, embodied by al-Quduqī, his disciples and scholars in the natural sciences. When narrating the biography of al-Quduqī, 'Alī Kayaev unmistakably conveys his endorsement of the concept of *ijtihād*, which involves the hermeneutical interpretation of the Qur'ān and Sunna.

In other words, unlike al-Durgilī, Kayaev posits that merely being a scholar is insufficient to aspire to the status of an 'ideal Muslim.' The emotional resonance in the portrayal of the biographies of scholars specializing in the natural sciences distinctly shapes the archetype of the ideal scholarly persona, with a pronounced emphasis on rationalism.

Critiquing *taqlīd* and prioritizing rationalism, both in the domain of Islamic jurisprudence and the natural sciences, forms the defining feature of Kayaev's representation of the ideal scholarly persona. Emphasis upon rationalism, accompanied by an advocacy for the hermeneutical comprehension of the Qur'ān and Sunna, aligns with the reformists model of Islam.

Scholarly Legitimacy in Hagiography: Charisma and Miracles

The biographical works discussed above all contain references to certain scholars being Sufis or shaykhs. But none of these above authors focuses specifically on Sufism. The earliest text that is specifically dedicated to the lives and miracles of Sufi shaykhs is the afore-mentioned treatise *Ṭabaqāt al-kh^wajagān al-Naqshbandiyya*

¹¹ Ibid., fol. 6a

¹² Ibid.

by Shu‘ayb al-Bāginī [15, pp. 149–160].¹³ In this work, al-Bāginī recounts in chronological succession the biographies of shaykhs following the Naqshbandi chain of spiritual transmission within his branch (*silsila*). At the same time, he also notes the biographies of shaykhs and scholars who were somehow related to the Naqshbandi shaykhs mentioned in the text.

The third part of the book is original and contains al-Bāginī’s biographical accounts of various shaykhs of his own branch who lived in the North Caucasus and Transcaucasia. Alongside these biographies, he also recounts certain historical events that took place in the North-East Caucasus, about which he freely expresses his opinions.

While recounting the biographies of the Dagestani Sufi shaykhs, Shu‘ayb al-Bāginī was unable to avoid mentioning also those scholars who were not Sufis but still enjoyed considerable authority in Dagestan. Given that al-Bāginī’s original purpose in producing the work was to compile the biographies of Naqshbandi shaykhs, the lives of these other Dagestani scholars who had nothing to do with Sufism were in a sense extraneous to the main logic of the text. Shu‘ayb al-Bāginī found an ingenious way out: in the midst of his narrative, he abruptly introduces a unique categorization for scholars who, while not Sufis, held significant authority in Dagestan, and he bestows upon them the title of ‘shaykhs among scholars’. He also wrote about those who were not affiliated with the Naqshbandi branch, as well as those who declared themselves to be shaykhs without having the authority to do so. He writes as follows: “*The rest of the Dagestani shaykhs are divided into three categories. The first are the shaykhs among scholars, who were not connected to Sufism but reached the knowledge of God through their deep study of sciences and strict adherence to the canons of Islam, the cleanliness of their bodies, thoughts, and asceticism. The second ones are those who did not possess deep religious knowledge but approached God because of their irrepressible love of God (jadhba). The third ones are those who pretend to be shaykhs (tashayyakha), but have no religious knowledge that could guide them in their everyday life, or a genuine shaykh to lead and guide them in the ṭarīqa. They are lost and lead many others astray; they are hypocrites, liars... and those who follow them are like those who worship idols.*”¹⁴

In the first category of scholars he includes such individuals as the afore-mentioned Muḥammad al-Quduqī, Abū Bakr al-‘Aymakī and others who were not Sufis.¹⁵ In his second category, al-Bāginī lists the famous Qādiri shaykh Kunta-hājji as well as Dagestani Khalwati shaykhs who died before the author’s lifetime. In his opinion, these shaykhs did not possess deep knowledge and were not linked by the chain of spiritual continuity (*silsila*) with the Naqshbandi branch, but were nevertheless holy because of their irrepressible love of God, their obedience, humility, asceticism, and impeccable conduct.¹⁶ In the third category, meanwhile, comprising what he calls ‘false shaykhs’, he includes certain followers of shaykh Kunta-hājji, as well as a number of Dagestani Naqshbandi shaykhs from a parallel, rival branch.¹⁷

In constructing and organising the *Ṭabaqāt al-khwajaḡān al-Naqshbandiyya*, Shu‘ayb al-Bāginī draws on entirely different principles from those informing the biographical works by Nadhīr al-Durgilī and ‘Alī Kayaev that we discussed above. He does not, for instance, distinguish between Dagestanis and scholars of other origins; the continuity of the Sufi branch is more important to him than the origins of certain scholars or shaykhs. For this reason, we see a very broad geography in his work, including the Sufi shaykhs of Central Asia, the Ottoman Empire, Shirvan, Azerbaijan, Iran, and the Volga-Ural region. As far as al-Bāginī is concerned, the location or origins of individual shaykhs or their affiliation with this or that legal school is irrelevant.

Another difference between Shu‘ayb al-Bāginī’s work and the other biographical works is its focus on emotions and even sensory perceptions. In this regard, his description of his own emotions following the death of his father is quite telling. Besides, in his work al-Bāginī describes instances of shyness when confronted by others, profound shock when witnessing the miracles (*karamāt*) performed by the shaykhs, the palpable hostility and anger directed towards the shaykhs by Dagestani imperial officials, the deep reverence accorded to the shaykhs, the sensory delight and warmth experienced during the practice of Sufi rituals, a profound fear of God resulting in tears, and numerous other sentiments.

The emotionally charged narrative is clearly more typical of the genre of hagiography, with its signifiers of how a reader is expected to respond to mystical demonstrations of divine will, than of the biographical works

13 Shu‘ayb b. Idrīs al-Bāginī, *Ṭabaqāt al-khwajaḡān al-Nakshbandiyya wa sādāt al-mashā’ikh al-khālidiyya al-maḥmūdiyya*. Damascus: Dār al-nu‘mān lil-‘ulūm, 1996.

14 Shu‘ayb b. Idrīs al-Bāginī, *Ṭabaqāt al-khwajaḡān al-Naqshbandiyya wa sādāt al-mashā’ikh al-khālidiyya al-maḥmūdiyya*, 397

15 Ibid., 397–415

16 Ibid., 416–418.

17 Ibid., 419–421.

by Nadhīr al-Durgilī or ‘Alī Kayaev. For instance, al-Durgilī’s various biographical accounts embedded into a historical narrative serve as straightforward examples of an ‘ideal Muslim scholar’, without any expressive embellishments. Al-Durgilī does not attempt to influence readers’ emotions, and instead simply recounts the lives of the people whom he discusses, highlighting the shaykhs’ achievements in certain subjects, and thereby conveying a sense of what any Muslim can achieve and should strive for. By investing his hagiography with emotional power, Shu‘ayb al-Bāginī is thus choosing a very different course of action from these other two authors.

Another Dagestani hagiographical text that covers the biographies of Sufi shaykhs is *Sirāj al-sa‘ādāt fi siyar al-sādāt* by the afore-mentioned Ḥasan al-Qaḥī,¹⁸ who was the successor of shaykh Shu‘ayb al-Bāginī. The author completed his work on 2 Sha‘bān 1338 / 20 April 1920, approximately at the same time when Nadhīr al-Durgilī and ‘Alī Kayaev were writing their own biographical essays.

The *Sirāj al-sa‘ādāt* is in large part an abbreviated retelling of Shu‘ayb al-Bāginī’s *Ṭabaqāt al-khwajagān al-Naqshbandiyya*. Therefore, al-Qaḥī’s work can predominantly be viewed as a compilation. When describing the life of shaykh al-Bāginī, he repeats nearly verbatim the autobiographical material that al-Bāginī wrote down in *Ṭabaqāt al-khwajagān al-Nakshbandiyya*. Meanwhile, here we can see one scholar’s autobiography, al-Bāginī, becoming a biography when narrated by another scholar, al-Qaḥī.

Unlike Shu‘ayb al-Bāginī, Ḥasan al-Qaḥī chose to omit the biographies of all shaykhs unrelated to the specific spiritual lineage (*silsila*) to which he himself belonged. What further sets al-Qaḥī’s work apart is the dedicated section that delves into the biographies of two shaykhs who personally granted him the *ijāza*, ‘Abd al-Raḥmān al-‘Asawī (d. 1904) and Sayfallāh-qāḍī Bashlarov; this is a feature not found in al-Bāginī’s work.

Although al-Qaḥī presumably had the opportunity of producing a full biography of his teacher Sayfallāh-qāḍī Bashlarov, since they were both in frequent correspondence and in personal communication [18, pp. 60–71; 19, pp. 171–175], he nevertheless offers only a very concise summary of Bashlarov’s life. He omits to mention a range of factual biographical data about Bashlarov, such as his date of birth, his studies at different madrasas, his exile, or his career as a doctor, and gives only the bare minimum of information concerning Bashlarov’s Sufi path. For the most part, Bashlarov’s biography as told by Ḥasan al-Qaḥī consists of descriptions of miracles performed by shaykh Bashlarov himself. Drawing on letters from Bashlarov that he had collected and copied into a separate book,¹⁹ Ḥasan al-Qaḥī tells the story of Bashlarov’s miracles as recounted by Bashlarov himself.

Thus, Sayfallāh-qāḍī Bashlarov wrote to him in his letters that he had had dreams about God, angels, prophets, including Adam, Ibrāhīm, Nūḥ, Mūsā, ‘Īsā, and repeatedly Prophet Muḥammad, with the latter offering him a glass of milk, walking him home and praying with him in his dreams.²⁰ Ḥasan al-Qaḥī presents these dreams of Bashlarov as testimony to the shaykh’s high level of sanctity, and proof that shaykh Bashlarov was following the way of legitimate *ṭarīqa*. At the same time, however, he relates some of Bashlarov’s dreams as warnings for the reader not to stray from the path of righteousness, and as evidence of both the truth of their own branch of *ṭarīqa* and the error of alternative, rival branches. Let us consider, for instance, a dream described by Sayfallāh-qāḍī in his letter to Ḥasan al-Qaḥī: “On the night between Saturday and Sunday of 17 October, I had a dream that I was performing the Friday prayer in the mosque with other people. While I was seated and recited ‘al-Taḥiyya’, people interrupted their Friday prayer without finishing it and arose. As for me, I did not interrupt it and continued to pray. At the end I heard: “May God accept [your prayers] for the sake of Sayfallāh’s sanctity”. After the prayer ended, I turned back to see what had made Muslims interrupt their prayer. Someone said: “Our shaykh Muḥammad-hājjī al-Kikunī has come to the mosque, and this is why we arose, interrupting our prayer.” Then I understood that these people were most ignorant in their religion, for they had interrupted a mandatory prayer for no reason. Then I saw Muḥammad-hājjī sitting in the mosque, who greeted me warmly and embraced me. We spoke long together, and I made him understand that his disciples (*murīds*) had behaved inappropriately when they interrupted their prayer. He agreed with me.”²¹

This passage is instructive for several reasons. Muḥammad-hājjī al-Kikunī (1836-1913) [21, pp.21–36; 22, pp. 22–35], who appears in Bashlarov’s dream, was a shaykh of a parallel Khālidiyya branch of the

18 Ḥasan b. Muḥammad al-Qaḥī al-Dāghistānī, *Sirāj al-sa‘ādāt fi siyar al-sādāt*. Makhachkala: Dār al-risāla, 2012.

19 Mir Khālīd Sayfallāh b. Ḥusayn al-Nitsubakrī, *Maktūbāt Khālīd Saif Allāh ilā fuqarā’ ahl Allāh*. Damascus: Dār al-nu‘mān lil-‘ulūm, 1998.

20 Ḥasan b. Muḥammad al-Qaḥī al-Dāghistānī, *Sirāj al-sa‘ādāt fi siyar al-sādāt*, 196..

21 *Ibid.*, 217.

Naqshbandiyya brotherhood, whose legitimacy was questioned by both Shu‘ayb al-Bāginī and Ḥasan al-Qaḥī himself who belonged to the other, Maḥmūdiyya branch of the same brotherhood [23, pp. 43–56]. In Bashlarov’s recounting of the dream as reported by Ḥasan al-Qaḥī, the fact that shaykh al-Kikunī’s disciples interrupted a mandatory prayer is evidence that al-Kikunī’s branch is illegitimate. The fact that Bashlarov pointed out how inappropriate it was for shaykh al-Kikunī to interrupt the prayer and that the latter agreed with Bashlarov’s argument also indicates that al-Kikunī essentially acknowledged his own illegitimacy. As for the warm reception given by al-Kikunī to Bashlarov, as well as his prayer to God to accept their prayer for the sake of shaykh Bashlarov’s sanctity, this detail serves to communicate to readers that shaykh Bashlarov stood at a far higher spiritual and moral level than al-Kikunī. Thus the account of this dream, like those of all the dreams described by Bashlarov and recounted by Ḥasan al-Qaḥī, serves to demonstrate to the readers the image of an ideal shaykh, who is so true of heart that he is able to commune with God, angels, prophets, and most Islamic authorities.

Thus, the hagiographic works mostly focus on one scholarly persona: that of an ideal Sufi shaykh, whose legitimacy and righteousness are founded on the miracles or special metaphysical abilities demonstrated by a shaykh as a result of his special sanctity and/or his adherence to that particular *ṭarīqa* which the author in question regards as authoritative and legitimate.

The hagiographic works by Shu‘ayb al-Bāginī and Ḥasan al-Qaḥī articulate their vision of an ideal Sufi persona by drawing the readers’ attention to the performance of miracles. The miracles performed by shaykhs and described in hagiographic works serve in these hagiographic narratives as manifestations of divine grace and favour; indeed, Ḥasan al-Qaḥī explicitly states that a shaykh’s performance of miracles is a direction reflection of his sanctity.²² The various miracles described by Shu‘ayb al-Bāginī and Ḥasan al-Qaḥī in their works are quite typologically diverse, and include clairvoyance, the ability to become invisible, the ability to tame wild beasts, the ability to turn one material object into another, the ability to move through time and space, the ability to produce food during a bad harvest, and the power to heal the sick.

Thus, in the hagiographic works by Dagestani shaykhs, miracles served to express the image of an ideal Muslim, who has acquired the ability of making supernatural things happen (moving through time and space, turning one object into another) as a result of his struggle against his inner vices and his impeccable obedience to his instructors’ requests. In the Sufi hagiographic works by Dagestani Sufis, the shaykhs serve as an example of what they believed to be an ‘ideal Muslim.’

When we compare biographical and hagiographic works, we can also point out their authors’ different views when it comes to the acquisition and dissemination of knowledge in the most general sense. Thus, Nadhīr al-Durgilī and ‘Alī Kayaev considered it necessary to add to their biographical works the names of scholars who had become accomplished in the learning of various fields of knowledge: linguistics, law, logic, rhetoric, medicine, natural sciences. Shu‘ayb al-Bāginī included in his *Ṭabaqāt al-kh^wajagān* the biographies not just of Sufi shaykhs, but also of those scholars who reached high degrees of the knowledge of God due to their profound expertise in various subjects. As for Ḥasan al-Qaḥī, he dedicated his work to the description of just the lives of shaykhs of his own branch (*silsila*), and spoke of the negative experience of those who followed the Sufi way but simultaneously studied other subjects as well.

Conclusion

The analysis of extant works dedicated to the biographies of Dagestani scholars and Sufi shaykhs allows us to draw the following conclusions. While all these works were written in a genre which the European Orientalist and Muslim traditions would define as ‘biography’, the approaches selected by the authors operating within this genre are somewhat different. Nadhīr al-Durgilī, constructed his text on the chronological principle and included the biographies of all the scholars representing different areas of knowledge. Nadhīr al-Durgilī’s work omits mention of any unpleasant episodes in the lives of these scholars, whom he presents as having attained profound knowledge in various different areas of study. ‘Alī Kayaev, despite using a structure similar to that employed by Nadhīr al-Durgilī, nevertheless also includes critical notes with regard to certain scholars. Shu‘ayb al-Bāginī structures his work around his main Sufi branch, describing the lives of Sufi shaykhs along the chain

22 Ḥasan b. Muḥammad al-Qaḥī al-Dāghistānī, *Sirāj al-sa‘ādāt fi siyar al-sādāt*, 194.

of Naqshbandi continuity. At the same time, he deviates from the main topic somewhat in his work as he also provides information about shaykhs from other brotherhoods or even non-Sufi scholars. With reference primarily to the work by Shu‘ayb al-Bāginī, Ḥasan al-Qaḥī rejects everything that is not directly related to the chain of Naqshbandi shaykhs with which he aligned himself. But while the works by Nadhīr al-Durgilī and ‘Alī Kayaev contain hardly any description of supernatural deeds performed by shaykhs, the works by al-Bāginī and al-Qaḥī primarily focus on these miracles.

It is quite clear that all of these authors had their own purposes and notions of their own potential audiences who they address in their text. For Nadhīr al-Durgilī, Shu‘ayb al-Bāginī, and Ḥasan al-Qaḥī, the purpose of their work is to evoke for their readers the image of an ideal scholarly persona. Whereas Nadhīr al-Durgilī presents as ideal exemplars those who attain mastery in a wide range of sciences, Shu‘ayb al-Bāginī and Ḥasan al-Qaḥī identify such exemplars only among practitioners of Sufism. At the same time, it is obvious to Shu‘ayb al-Bāginī that the ‘proper’ image or Muslim persona can exist in other *ṭarīqas* as well, and can even be demonstrated by those scholars who reached the degree of knowledge of God because of their profound knowledge. In this respect, his notion of an ideal scholarly persona is close to the view of Nadhīr al-Durgilī. However, Shu‘ayb al-Bāginī excludes from this image all those who claim to belong to a certain brotherhood without possessing a true spiritual bond and permission to teach obtained directly from their shaykh. Ḥasan al-Qaḥī is more categorical in his own work and excludes anyone who had no relation to his particular branch of *ṭarīqa*.

As for ‘Alī Kayaev, it appears that he did not set out to portray an image of an ideal scholarly persona. Instead, he attempted to depict the biography of various scholars, highlighting both their positive and negative qualities. In his narrative Kayaev tried to focus more clearly on his own brand of historical objectivity: he is critical of his sources and compares spoken testimonies about scholars collected by him with the extant written evidence.

At the same time, one distinctive aspect of Kayaev’s work reveals his personal preferences and demonstrates his concept of the ideal scholarly personas. Thus, Kayaev offers more comprehensive and detailed biographies of scholars specialising in the natural sciences, while reducing the coverage and, at times, omitting the biographies of certain scholars who were Sufi shaykhs or engaged in occult practices. Furthermore, it becomes evident that he permits himself to express emotions, often speaking with enthusiasm, as is the case with his portrayal of Muḥammad al-Quduqī. This suggests that despite Kayaev’s primary aim of delivering an unbiased narrative, factual and historical account, nevertheless, he inadvertently and contextually identifies individuals who epitomise ideal scholarly personas – those who adhered to rationalistic principles.

Acknowledgements. The article was written within the framework of the project P 37154-G (FWF–Der Wissenschaftsfond) “Probing the Horizons of a Dagestani Polymath: ‘Alī al-Ghumūqī and His Library (1878–1943)”.

REFERENCES

1. Mineke Bosch. Persona and the Performance of Identity: Parallel Developments in the Biographical Historiography of Science and Gender, and the Related Uses of Self Narrative. *L’Homme*. 2013; 24(2): 11–22.
2. Mineke Bosch. Scholarly Personae and Twentieth-Century Historians. Explorations of a Concept. *Low Countries Historical Review*. 2016; 131(4): 33–54.
3. Herman Paul (ed.). *How to Be a Historian: Scholarly Personae in Historical Studies, 1800–2000*. Manchester: Manchester University Press, 2019.
4. Herman Paul. Introduction: Scholarly Personae: What They are and Why They Matter. In: *How to Be a Historian: Scholarly Personae in Historical Studies, 1800–2000*. 2019, pp. 1–7.
5. Herman Paul. Sources of the Self: Scholarly Personae as Repertoires of Scholarly Selfhood. *BMGN: Low Countries Historical Review*. 2016; 131(4): 135–154.
6. Herman Paul. What is a Scholarly Persona? Ten Theses on Virtues, Skills, and Desires. *History and Theory*. 2014; 53(3): 348–371.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bosch, Mineke. Persona and the Performance of Identity: Parallel Developments in the Biographical Historiography of Science and Gender, and the Related Uses of Self Narrative // *L’Homme*. 2013. №24 (2). P. 11–22.
2. Bosch, Mineke. Scholarly Personae and Twentieth-Century Historians. Explorations of a Concept // *Low Countries Historical Review*. 2016. № 131(4). P. 33–54.
3. Herman Paul (ed.), *How to Be a Historian: Scholarly Personae in Historical Studies, 1800–2000*. Manchester: Manchester University Press, 2019.
4. Herman Paul. Introduction: Scholarly Personae: What They are and Why They Matter // *How to Be a Historian: Scholarly Personae in Historical Studies, 1800–2000*. 2019. P. 1–7.
5. Herman Paul. Sources of the Self: Scholarly Personae as Repertoires of Scholarly Selfhood // *BMGN: Low Countries Historical Review*. 2016. № 131 (4). P. 135–154.
6. Herman Paul. What is a Scholarly Persona? Ten Theses on Virtues, Skills, and Desires // *History and Theory*. 2014. № 53(3). P. 348–371.

7. Nadhīr b. Muḥammad al-Durgilī. *Nuzhat al-adhhān fī tarājīm ‘ulamā’ Dāghistān*. Makhachkala: Institute of History, Muḥammad-Said Saidov’s collection, Inv. 1, no. 95.
8. Kemper M., Shikhsaidov A. *Muslim Culture in Russia and Central Asia: Vol. 4: Die Islamgelehrten Dagestans und ihre arabischen Werke: Naḍīr ad-Durgilīs (st. 1935) Nuzhat al-aḍhān fī tarājīm ‘ulamā’ Dāghistān*. Islamkundliche Untersuchungen, 259, Band 259. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004.
9. Kemper M., Shikhsaidov A., Bustanov A. *Nazir ad-Durğeli, Uslada umov v biografiakh dagestanskikh uchenykh: dagestanskіe uchenye 10-20 vv. i ikh sochineniia. Progulka umov v biografiakh dagestanskikh uchenykh*. Moscow: Mardzhani Publ., 2012.
10. Minnullin I., Minvaliev A. *Sufizm v sovetskom Tatarstane: k postanovke problem. Gasyrlar avazy (Ekho vekov). Nauchno-dokumental’nyi zhurnal*. 2007; 1: 240–251.
11. Nadhīr b. Muḥammad al-Durgilī. *Tarājīm ‘ulamā’ al-dāghistāniyyīn*. Makhachkala: Institute of History, Muḥammad-Said Saidov’s Collection, Inv. 5, no. 509.
12. ‘Alī b. ‘Abd al-Ḥamīd al-Ghumuqī. *Tarājīm ‘ulamā’ Dāghistān*. Makhachkala: Ilias Kayaev’s Private Collection, nos. 9 (in Arabic), 188 (in Lak).
13. ‘Alī b. ‘Abd al-Ḥamīd al-Ghumuqī. *Terājīm-i ‘ulemā-i Dāghistān* (in Turkic). Archive of the Institute of History, Makhachkala, Fond 25, Inv. 1, No. 1.
14. Kayaev A. *Terācim-i ulemā-yı Dağıstan: Dağıstan bilginleri biyografileri*. eds by Tübā İşinsu Durmuş and Hasan Orazayev. Ankara: Grafiker Yayınları, 2012.
15. Musaev M.A., Shikhaliev Sh.Sh.. *Chudotvorstva sviatykh v dagestanskikh araboizychnykh sufiiskikh biograficheskikh sochineniiax nachala 20 veka. Pax Islamica*. 2011; 2(7): 149–160.
16. Shu‘ayb b. Idrīs al-Bāḡinī. *Ṭabaqāt al-khwajagān al-Nakshbandiyya wa sādāt al-mashā’ikh al-khālidiyya al-maḥmūdiyya*. Damascus: Dār al-nu‘mān lil-‘ulūm, 1996.
17. Ḥasan b. Muḥammad al-Qaḥī al-Dāghistānī. *Sirāj al-sa‘ādāt fī siyar al-sādāt*. Makhachkala: Dār al-risāla, 2012.
18. Kemper M. *Khālidiyya Networks in Dagestan and the Question of Jihād. Die Welt des Islams*. 2002; 42(1): 41–71.
19. Shikhaliev Sh., Kemper M. *Sayfallah-Qadi Bashlarov: Sufi Networks between the North Caucasus and the Volga-Urals*. In: *The Piety of Learning. Islamic Studies in Honor of Stefan Reichmuth*, ed. by Michael Kemper, Ralf Elger. Leiden – Boston: Brill, 2017, pp. 166–198.
20. Mir Khālīd Sayfallāh b. Ḥusayn al-Nitsubakrī. *Maktūbāt Khālīd Saif Allāh ilā fuqarā’ ahl Allāh*. Damascus: Dār al-nu‘mān lil-‘ulūm, 1998.
21. Bobrovnikov V. *Dagestan in transnational Sufi Networks: Sheikhs from Kikuni and their shrine in Turkey. Vostok (Oriens)*. 2018; 5: 21–36.
22. Yarosh O. *Globalization of redemptive sociality: al-Ahbash and Haqqaniyya transnational Sufi networks in West Asia and Central-Eastern Europe. Journal of Eurasian Studies*. 2019; 10(1): 22–35.
23. Shikhaliev Sh. *Sufi Practices and Muslim Identities in Naqshibandi and Shadhili Lodges in Northern Dagestan*. In: *Islam and Sufism in Dagestan*, ed. by Moshe Gammer. Sastamala: Finnish Academy of Science and Letters, 2009, pp. 43–56.
7. *Nadhīr b. Muḥammad al-Durgilī, Nuzhat al-adhhān fī tarājīm ‘ulamā’ Dāghistān*. Institute of History, Makhachkala, Muḥammad-Said Saidov’s collection, *opis’* 1, no. 95.
8. *Michael Kemper, Amri Shikhsaidov. Muslim Culture in Russia and Central Asia: Vol. 4: Die Islamgelehrten Daghestans und ihre arabischen Werke: Naḍīr ad-Durgilīs (st. 1935) Nuzhat al-aḍhān fī tarājīm ‘ulamā’ Dāghistān // Islamkundliche Untersuchungen, 259, Band 259. (Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004).*
9. *Назир ад-Дурғели. Услава умов в биографиях дагестанских ученых: дагестанские ученые X-XX вв. и их сочинения / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. Москва: Издательский дом «Марджани», 2012.*
10. *Миннуллин И., Минвалеев А. Суфизм в советском Татарстане: к постановке проблемы // Гасырлар авазы (Эхо Веков). Научно-документальный журнал. 2007. № 1. С. 240-251.*
11. *Nadhīr b. Muḥammad al-Durgilī. Tarājīm ‘ulamā’ al-dāghistāniyyīn*. Institute of History, Makhachkala, Muḥammad-Said Saidov’s collection, *opis’* 5, no. 509.
12. *‘Alī b. ‘Abd al-Ḥamīd al-Ghumuqī. Tarājīm ‘ulamā’ Dāghistān*. Makhachkala, private collection of Ilias Kaiaev, nos. 9 (in Arabic), 188 (in Lak).
13. *‘Alī b. ‘Abd al-Ḥamīd al-Ghumuqī. Terājīm-i ‘ulemā-i Dāghistān* (in Turkic). Archive of the Institute of History, Makhachkala, *fond 25, opis’* 1, no. 1.
14. *Ali Kayaev. Terācim-i ulemā-yı Dağıstan: Dağıstan bilginleri biyografileri*, eds by Tübā İşinsu Durmuş, and Hasan Orazayev. Ankara: Grafiker Yayınları, 2012.
15. *Musaev M.A., Shikhaliev Sh.Sh. Чудотворство святых в дагестанских арабоязычных суфийских биографических сочинениях начала XX века // Pax Islamica. №2(7). С. 149–160.*
16. *Shu‘ayb b. Idrīs al-Bāḡinī. Ṭabaqāt al-khwajagān al-Nakshbandiyya wa sādāt al-mashā’ikh al-khālidiyya al-maḥmūdiyya*. Damascus: Dār al-nu‘mān lil-‘ulūm, 1996.
17. *Ḥasan b. Muḥammad al-Qaḥī al-Dāghistānī. Sirāj al-sa‘ādāt fī siyar al-sādāt*. Makhachkala: Dār al-risāla, 2012.
18. *Michael Kemper. Khālidiyya Networks in Daghestan and the Question of Jihād // Die Welt des Islams. 2002. №42 (1). P. 41–71.*
19. *Shamil Shikhaliev, Michael Kemper. Sayfallah-Qadi Bashlarov: Sufi Networks between the North Caucasus and the Volga-Urals // The Piety of Learning. Islamic Studies in Honor of Stefan Reichmuth*, ed. by Michael Kemper, Ralf Elger. Leiden – Boston: Brill, 2017. P. 166–198.
20. *Mir Khālīd Sayfallāh b. Ḥusayn al-Nitsubakrī. Maktūbāt Khālīd Saif Allāh ilā fuqarā’ ahl Allāh*. Damascus: Dār al-nu‘mān lil-‘ulūm, 1998.
21. *Bobrovnikov V. Dagestan in transnational Sufi Networks: Sheikhs from Kikuni and their shrine in Turkey // Vostok (Oriens). 2018. № 5. P. 21–36.*
22. *Oleg Yarosh. Globalization of redemptive sociality: al-Ahbash and Haqqaniyya transnational Sufi networks in West Asia and Central-Eastern Europe // Journal of Eurasian Studies. 2019. № 10 (1). P. 22–35.*
23. *Shamil Shikhaliev. Sufi Practices and Muslim Identities in Naqshibandi and Shadhili Lodges in Northern Daghestan // Islam and Sufism in Dagestan*, edited by Moshe Gammer. Sastamala: Finnish Academy of Science and Letters, 2009. P. 43–56.

Received 28.05.2025
Accepted 25.08.2025
Published 15.12.2025

Поступила в редакцию 28.05.2025
Принята в печать 25.08.2025
Опубликована 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214492-501>

Исследовательская статья

Хабутдинов Айдар Юрьевич
профессор, доктор исторических наук
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Казань, Россия
aikhabutdinov@mail.ru

Денисов Денис Николаевич
кандидат исторических наук, преподаватель
Оренбургского государственного аграрного университета, Оренбург, Россия
dingez56@yandex.ru

ОПЫТ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ «ЛИФТОВ» БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ МУСУЛЬМАН- ТАТАР ОКРУГА ОРЕНБУРГСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе роли благотворительных обществ мусульман-татар округа Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) и Северного Кавказа в начале XX в. как социальных «лифтов» для формирования российской элиты Нового времени из числа представителей мусульманских народов России. Актуальность исследования состоит в изучении механизмов интеграции мусульман в России в общероссийскую государственную, образовательную и культурную элиту с целью упрочения основ российской государственности. Задачами исследования является анализ системы образования школ благотворительных обществ и их стипендиальных программ; результатов деятельности этих обществ на примерах обученных и финансово поддержанных ими деятелей в сферах политики, просвещения, литературы, гуманитарных наук и здравоохранения. Территориально в округе ОМДС мы сосредоточились преимущественно на анализе опыта Оренбургской губернии. Опыт Северного Кавказа мы исследуем на примере обществ, действовавших на территории современных республик Дагестан, Кабардино-Балкария и Северная Осетия-Алания. Благотворительные общества Владикавказ, Темир-Хан-Шуры (ныне Буйнакск) и Оренбурга создали школы для детей по подготовке их для поступления в правительственные средние учебные заведения. Статья основана на использовании сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов, методов синхронного и диахронного анализа, периодизации, классификации. Основные результаты исследования показывают, что выпускники школ и участники стипендиальных программ благотворительных обществ включали в себя общественных деятелей (минимум трех членов Всероссийского Учредительного собрания и одного из ключевых министров Горской республики), деятелей просвещения, литературы, гуманитарных наук, здравоохранения среди мусульманских народов Северного Кавказа, татар и башкир. Таким образом, благотворительные общества мусульман ОМДС и Северного Кавказа в начале XX в. действительно сыграли ключевую роль для формирования российской элиты Нового времени из числа представителей мусульманских народов России.

Ключевые слова: мусульманские благотворительные общества; «Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области»; «Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области»; «Оренбургское Общество попечения об учащихся мусульманах»; Попечительский совет вакуфа Ахмад-бая Хусаинова

Для цитирования: Хабутдинов А.Ю., Денисов Д.Н. Опыт создания социальных «лифтов» благотворительными обществами мусульман-татар округа Оренбургского магометанского духовного собрания и Северного Кавказа в начале XX века // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 4. С. 492-501. doi.org/10.32653/CH214492-501

© Хабутдинов А.Ю., Денисов Д.Н., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214492-501>

Research paper

Aydar Yu. Khabutdinov,
Professor, Dr. Sci.
V.M. Lebedev Russian State University of Justice, Kazan, Russia
aikhabutdinov@mail.ru

Denis Nikolaevich Denisov,
Cand. Sci., Lecturer
Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia
dingez56@yandex.ru

CHARITABLE SOCIETIES OF MUSLIM TATARS AS INSTRUMENTS OF SOCIAL MOBILITY: ORENBURG MOHAMMEDAN SPIRITUAL ASSEMBLY DISTRICT AND THE NORTH CAUCASUS, EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. This study examines the mechanisms by which Muslims in Russia were integrated into the all-Russian state, educational, and cultural elite, thereby contributing to the consolidation of Russian statehood. Its primary aim is to assess the role of Muslim Tatar charitable societies under the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA) and similar organizations in the North Caucasus during the early twentieth century as social mobility that facilitated the emergence of a modern Russian elite drawn from Russia's Muslim populations. The specific objectives are to examine the educational systems and scholarship programs operated by these charitable societies and to evaluate their impact through the subsequent careers of beneficiaries in politics, education, literature, the humanities, and healthcare. Geographically, the analysis focuses on Orenburg province within the OMSA jurisdiction and, for the North Caucasus, on societies active in the territories of present-day Dagestan, Kabardino-Balkaria, and North Ossetia–Alania. Key institutions considered include those in Vladikavkaz, Temir-Khan-Shura (now Buinaksk), and Orenburg, which established schools to prepare Muslim children for entry into state secondary educational institutions. The article employs comparative-historical and problem-chronological methods, together with synchronous and diachronic analysis, periodization, and classification. The principal findings demonstrate that graduates and scholarship recipients of these societies included prominent public figures (among them at least three members of the All-Russian Constituent Assembly and one key minister of the Mountain Republic), as well as figures in education, literature, the humanities, and healthcare among the Muslim peoples of the North Caucasus, Tatars, and Bashkirs. Thus, early twentieth-century Muslim charitable societies in the Omsk region and the North Caucasus played a critical role in forming a modern Russian elite from among Russia's Muslim communities.

Keywords: Muslim charitable societies; Society for the Dissemination of Education and Technical Information among the Highlanders of the Tersk region; Society for the Education of Muslim Natives of the Dagestan region; Orenburg Society for the Care of Muslim Students; Akhmad-bai Khusainov's Waqf Board of Trustees

For citation: Khabutdinov A.Yu., Denisov D.N. Charitable societies of Muslim Tatars as instruments of social mobility: Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly district and the North Caucasus, early twentieth century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 492-501. doi.org/10.32653/CH214492-501

Введение

В этой статье мы продолжаем сравнительно-сопоставительный анализ институтов мусульман округа Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) и мусульман Северного Кавказа. В предыдущей статье мы анализировали проекты религиозной автономии в начале прошлого века, которые в общем не были осуществлены, так как требовали обеспечения на уровне властей всей России или как минимум единой религиозной автономии на уровне Северного Кавказа, что также было связано и с общероссийскими процессами [1].

Применение институционального подхода дало возможность для проведения анализа другого института, который был массовым для российских мусульман – благотворительных обществ. В ходе создания вначале региональных словарей, а затем сводного 8-томного варианта энциклопедического словаря «Ислам в Российской Федерации» были написаны статьи, посвященные благотворительным обществам мусульман округа Оренбургского магометанского духовного собрания. Стало понятно, что эти общества существовали не только в Волго-Уральском регионе и столицах, но и на территориях российского Северо-Запада, Центральной России, южной России (Ростов-на-Дону и Астраханская губерния), Сибири и Дальнего Востока. В ходе создания словаря «Ислам в Крыму» по нашей просьбе Д.И. Абибуллаевой была написана статья, посвященная 6 благотворительным обществам мусульман Крыма, первое из которых начало действовать в 1897 г. [2, с. 18–21].

Следующим регионом для анализа этой темы стал Северный Кавказ. 11 декабря 2023 г. на XX Фаизхановских чтениях тема благотворительных обществ российских мусульман стала ключевой на секции «Вопросы подготовки энциклопедического словаря “Ислам в Российской Федерации»». Д.Н. Денисов представил доклад «Благотворительные организации мусульманских народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в.», подготовленный на основе анализа деятельности Благотворительного общества мусульман-татар округа Оренбургского магометанского духовного собрания и мусульман Северного Кавказа». Ранее были опубликованы статьи, посвященные «Обществу просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» в г. Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск Республики Дагестан) Х.М. Доного [3, с. 427–430] и Черкесскому благотворительному обществу в Екатеринодаре (ныне Краснодаре) А.К. Бузарова [4, с. 31–41].

Роль благотворительных обществ в подготовке профессиональных кадров

Для первого тома энциклопедического словаря «Ислам в Российской Федерации» (2026, в печати) были подготовлены статьи, посвященные благотворительным обществам мусульман всей территории современной РФ, разбитые по регионам, согласно их перечню, закрепленному в статье 65 Конституции РФ. В раздел «Благотворительные общества Республики Дагестан» была добавлена статья: «Общество просвещения кумыкского народа Хасав-Юртовского округа» [5, с. 265]; в разделе «Благотворительные общества Кабардино-Балкарской республики» помещена статья «Благотворительное общество для распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» [6, с. 266–267]; в разделе «Благотворительные общества Северо-Осетинской республики» статьи: «Владикавказское благотворительное мусульманское общество "Муруват"» [7, с. 271], «Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области» (смешанный религиозный состав) [8, с. 271–273], «Общество пособия бедным персидско-подданным в г. Владикавказе и Терской области «Химмат» [9, с. 273], «Общество просвещения ингушского народа Назрановского округа Терской области» [10, с. 273–274]; в разделе: «Благотворительные общества Чеченской республики» статья «Общество распространения просвещения среди чеченцев» [11, с. 275–276]; в разделе «Благотворительные общества Ставропольского края» статья «Ставропольское мусульманское благотворительное общество» [12, с. 279]. Таким образом, к одной статье про мусульманское благотворительное общество на территории Северокавказского федерального округа (Краснодар входит в состав Южного

федерального округа) в сводном варианте словаря «Ислам в Российской Федерации» добавились еще восемь статей, в которых раскрывается деятельность обществ в 5 субъектах Северо-Кавказского федерального округа. Тем самым, данная статья носит обобщающий характер. Она анализирует материалы региональных словарей серии «Ислам в Российской Федерации» (2006–2024), а также первого тома сводного словаря «Ислам в Российской Федерации», где помещены обобщающая статья по мусульманским благотворительным обществам, действовавшим на территории современной РФ, а затем статьи, посвященные конкретным мусульманским благотворительным обществам.

В 1914 г. отмечалась деятельность 87 мусульманских благотворительных обществ на территории Российской империи, ряд из них возник и в последующие годы. По своей географии, целям, составу, времени деятельности они были весьма различны. Анализ их деятельности заслуживает, как минимум, монографического исследования. В рамках подготовки региональных, а затем сводного варианта словаря «Ислам в Российской Федерации» мы подготовили статьи, посвященные абсолютному большинству этих обществ, включая практически все стабильно действующие городские общества. В данной статье мы сконцентрируемся на двух взаимосвязанных аспектах: системе образования для учащихся, ориентированных на обучение в русских средних и высших учебных заведениях, и системе стипендий для этих учащихся. В качестве анализа результатов этой деятельности мы приведем краткие данные о деятелях, которые получили такое образование. Таким образом, мы исследуем не развитие образования мусульманскими благотворительными обществами в целом, а именно подготовку для обучения в правительственных учебных заведениях и результаты этой деятельности.

Важным аспектом является концентрация на мужчинах, так как в Российской империи средние и высшие учебные заведения для мужчин и женщин существовали отдельно: право на высшее образование с признанным государством дипломом в вузах женщины получили на ряде факультетов с 1915–16 учебного года, на всех остальных с 1916–17 учебного года.

Благотворительные общества обычно рассматриваются как светский институт, не имеющий отношение к религиозной традиции. Однако имам-хатиб Первой соборной мечети г. Казани Ш. Марджани в 1876 г. добился принятия «Проекта правил для управления имуществом медресе прихода 1-й соборной мечети г. Казани» [13, с. 27–32]. Тем самым уже Ш. Марджани ориентировал коллегиальный орган на решение вопросов мусульманского образования. С точки зрения мусульманской догматики одним из пяти столпов ислама является *закят*, доходы от которого традиционно направлялись на помощь неимущим. Российским имперским законодательством вакфы для округа ОМДС не признавались [14, с. 129–130]. Капиталы мусульман округа ОМДС были сосредоточены, прежде всего, в городах, поэтому устойчивость финансового положения общины напрямую зависела от благосостояния баев, которые выступали в функциях *мутавалли* (попечителей) приходов [14, с. 139–140].

Начавшие возникать в конце XIX в. благотворительные общества были феноменом прежде всего городской жизни, так как ставили своей целью поддержку членов *уммы* в условиях городов. Цели обществ прописывались прежде всего в уставах, поэтому остановимся на этих нормативных документах. Первоначально речь шла прежде всего о материальной поддержке. Это четко видно в уставе Касимовского мусульманского благотворительного общества 1897 г., где утверждалось: «Общество имеет целью доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных мусульман города Касимова без различия пола, возраста и состояний мусульманского вероисповедания» (п. 1). В пункте 2 детально расписывался функционал общества, который включал в себя снабжение одеждой, пищей и приютом неимущих, выдачу в крайних случаях денежных пособий; содействию к приисканию нуждающимся занятий или службы, к приобретению ими для работы материалов и инструментов и к выгодному сбыту изделий бедных тружеников; снабжению бедных больных медицинскими пособиями, ... а также помещением таких больных за счет Общества в больницы и содействием к погребению умерших; определением престарелых и немощных в богадельни, дома призрения и т. п., и малолетних в сиротские дома, приюты, убежища, ремесленные и учебные заведения; доставлением неимущим средств возвращения на родину. Единственный пункт, связанный даже не с образованием, а просвещением, говорит о занятии общества: «Е) распространением в народе книг нравственного содержания» [15, с. 3–4]. Эти же положения дословно повторяет и устав Троицкого мусульманского благотворительного общества 1898 г. [16, с. 1].

Аналогично в утвержденном в 1896 г. уставе «Астраханского попечительства о бедных татарах города Астрахани» об образовании упоминается только в пунктах д) (частично): «устройство... ремесленных

школ, столовых для бедных и т. п. благотворительных учреждений; и е) «содействие к образованию бедных детей, а также к улучшению внутренних и внешних условий обучающихся татарских школах при мечетях» [17, с. 3–4]. Тем самым, в своем первоначальном варианте уставы мусульманских благотворительных обществ говорят именно о помощи неимущим, сокращая таким образом самую функциональную сферу *закята*.

Однако вопрос об ориентации средств мусульманской благотворительности в виде *закята* на нужды просвещения был поставлен уже в начале 1890-х гг. В 1892 г., во время отсутствия муфтия ОМДС М. Султанова, состоялось первое совещание по вопросам реформы школы и просвещения. В его кулуарах оренбургскому баю Гани Хусаинову удалось получить *фетву* от казья ОМДС Габдуррашида Ибрагимова на направление средств *закята* на школу [18, с. 133].

Превращение образования в ключевой пункт уставной деятельности мусульманских благотворительных обществ происходит в период Революции 1905–1907 гг. При этом сам населенный пункт мог оставаться тем же. В уставе Касимовского общества мусульман (1908) обозначается, что «Общество имеет целью улучшение и развитие культурной, правовой и экономической жизни мусульман и распространение современного просвещения в городе Касимове и уезде его» (п. 1).

В разделе а) пункта 2 указывается, что

«Сообразно со своей целью Общество:

а) содействует улучшению существующих школ, мектебов, медресе, с соблюдением установленных узаконений, открывает новые училища как образовательного, так и профессионального характера, учебные мастерские, образцовые фермы, полевого, садового и молочного хозяйства»;

б) издает на татарском языке популярные брошюры и книги образовательного, педагогического, сельскохозяйственного и юридического содержания, с соблюдением существующих относительно сего общих узаконений...» [19, с. 3–4].

Тем самым, речь идет о повышении уровня образования и возможности для вертикальной мобильности. Создание частных школ для мусульман, дающих возможность для поступления в правительственные учебные заведения, было характерно для благотворительных обществ как Волго-Уральского региона, так и Северного Кавказа. В обоих регионах речь идет о подготовке к поступлению в средние правительственные учебные заведения, что открывало возможность для поступления в вузы, то есть социальной мобильности. Здесь наиболее близкими аналогами были школы «Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области» (г. Владикавказ, 1882), «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» (г. Темир-Хан-Шура, ныне Буйнакск, 1906) и «Оренбургского общества попечения об учащих мусульманах» (1912).

«Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области» обладало смешанным религиозным и этническим составом. Хотя ведущую роль в Горском обществе играли осетины, включая мусульман этой национальности (Т.К. Дударов, И.Т. Кусов, Э.Б. Кусов, И.Г. Тхостов, Д.Т. Шанаев, И.Д. Шанаев), в его руководство также входили представители даргинского (М.М. Далгат), лезгинского (Ю.Д. Дагиров), чеченского (М.О. Омаров, А.М. Чермоев), балкарского (А.А. Урусбиев), кумыкского (М. Османов, М.М. Шейх-Али) народов. Своей деятельностью оно оказало значительное влияние на развитие образования и просвещение горцев Северного Кавказа самых разных национальностей. В рамках празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина в 1899 г. Общество выступило с инициативой и в 1902–1903 гг. построило за 25 тыс. руб. 2-этажное кирпичное здание Горско-Пушкинского общежития на Крепостной ул. (ныне ул. Церетели) для 60 мальчиков из осетин, ингушей, чеченцев, кабардинцев, балкарцев и кумыков, обучавшихся в учебных заведениях Владикавказа [8, с. 271].

«Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» в г. Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) в 1906 г. купило за 3500 руб. дом, где открыло школу для подготовки мусульман к поступлению в средние учебные заведения г. Темир-Хан-Шуры с общежитием на 12 бесплатных воспитанников, «по одному человеку от каждой народности, населяющей Дагестанскую область». В 1907 г. в подготовительной школе Общества обучались 13 человек, в 1909 г. – 37, в 1910 г. – 29, в 1911 г. – 31, в 1912 г. – 54. Затем она была преобразована в русско-мусульманское училище на правах одноклассных начальных училищ Министерства народного просвещения. В нём преподавались на русском языке – русский язык, арифметика, геометрия, русская история, естественная история, география и законоведение; на кумыкском языке – кумыкский («местный татарский»), арабский язык и мусульманское

вероучение. В 1913 г. тут занимался 91 ученик (62 мальчика и 29 девочек). Одним из педагогов училища был общественно-политический и религиозный деятель, автор первых букварей и учебников на кумыкском языке М.-К. Д. Дибиров [4, с. 292–293].

Согласно своему уставу «Оренбургское Общество попечения об учащихся мусульманах» открывает частную приготовительную школу. Эта «школа имеет целью готовить мусульманских детей для поступления в правительственные учебные заведения; в школе будут преподаваться следующие предметы: вероучение, русский язык, арифметика, родной (татарский) язык и рисование» [20, с. 3–4]. Общество получало пожертвования из различных регионов Российской империи: г. Екатеринбург, Омска, Верного (ныне Алма-Ата), Коканда и т.д. Это свидетельствует о том, что с самого начала Общество переросло узкие региональные рамки и приобрело общероссийский характер [21, с. 280].

Вторым важнейшим компонентом для обеспечения среднего и высшего образования в правительственных учебных заведениях была выдача стипендий благотворительными обществами.

«Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области» выдавало пособия бедным горцам для получения образования в правительственных средних и высших учебных заведениях: Владикавказской и Пятигорской гимназиях, Владикавказском ремесленном училище, Тифлисской фельдшерской школе, Московском техническом училище, Томском технологическом институте, Донском политехническом институте, Тифлисском учительском институте, Московском и Киевском коммерческих институтах, Санкт-Петербургском лесном институте, Харьковском ветеринарном институте, Санкт-Петербургском, Московском, Киевском, Харьковском, Дерптском, Томском университетах и др. В 1887 г. оно оказало финансовую помощь 16 учащимся, в 1896 г. – 31, в 1905 г. – 33, в 1906 г. – 114, в 1907 г. – 72, в 1908 г. – 115, в 1909 г. – 36, в 1910 г. – 97, в 1911 г. – 67. В общей сложности за 1882–1913 гг. оно потратило на пособия учащимся 35892 руб. [8, с. 272]. Отметим, что здесь речь идет только о правительственных средних и высших учебных заведениях.

«Благотворительное общество для распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», созданное в 1907 г., выдавало пособия бедным кабардинцам и балкарцам для получения образования в правительственных средних и высших учебных заведениях: Нальчикском реальном училище, Моздокском городском училище, Чугуевском военном училище, Санкт-Петербургском политехническом институте, Санкт-Петербургском университете и др. [6, с. 267]. Отметим, что здесь также речь идет только о правительственных средних и высших учебных заведениях, включая военные.

«Общество просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» выдавало пособия бедным дагестанцам для получения образования в правительственных учебных заведениях [4, с. 293].

«Оренбургское Общество попечения об учащихся мусульманах» выдавало безвозмездные пособия или беспроцентные ссуды мусульманам, поступающим или уже обучающимся на различных курсах, в начальных, средних и высших учебных заведениях различных городов Российской империи, практически все из них находятся на территории современной России [21, с. 280]. В Попечительский совет вакуфа Ахмад-бая Хусаинова (брата Гани-бая) в Оренбурге доходы направлялись на выплату 26 стипендий для обучения мусульманских юношей в средних и высших учебных заведениях России. Две стипендии выделялись на хадж, но фактически предназначались для продолжения образования в мусульманских учебных заведениях Ближнего Востока (см. ниже), что продолжалось до начала Первой мировой войны в 1914 г. [22, с. 290–291].

Стипендиаты благотворительных обществ

Постараемся дать обобщение результатам деятельности благотворительных обществ мусульман-татар округа Оренбургского магометанского духовного собрания (прежде всего Оренбургской губернии) и мусульман Северного Кавказа в развитии общегосударственного образования и обеспечении социальной мобильности российских мусульман, что проявилось в их карьерном росте и реализации в обществе. Мы проанализируем результаты этой деятельности не по этническому или региональному, а прежде всего по профессиональному признаку. Мы исследуем такие профессиональные группы как юристы и общественные деятели; деятели системы образования и культуры; деятели системы здравоохранения.

Относительно юристов и общественных деятелей мы видим достаточно большую степень различия между Волго-Уральским регионом и Кавказом. Вероятно, это было вызвано целым рядом факторов, включая отсутствие земств на Северном Кавказе; отсутствие там же аналогов Татарских Слобод с их развитой экономической и общественно-политической инфраструктурой Нового времени. Для перспектив юридической карьеры российских мусульман в регионе в начале прошлого века важное значение имело то, что «Кавказское наместничество, которое охватывало и основную часть территории Северного Кавказа, не имело четко выстроенной судебной системы» [23, с. 30]. К тому же, население региона, кроме Закатальской области, было отстранено от выборов в Государственную Думу Российской империи, согласно избирательному закону от 3 июня 1907 г.

В 1917 г. членами Всероссийского Учредительного собрания стали два стипендиата Оренбургского общества попечения об учащихся мусульманах, которые получили юридическое образование: Шакир Зарифович Мухамедьяров и Мухаммад-Назип (Наджиб) Латыпович Хальфин [21, с. 280]. М.-Н. Хальфин, в 1917–1918 гг. был членом исполкома Казанского губернского Милли Шуро, он был избран депутатом Учредительного собрания от Казанской губернии по списку губернского Милли Шуро. Ш. Мухамедьяров прошел во всероссийский парламент Самарского округа по аналогичному списку [24, с. 283–285, 321]. Сын великого улема, казья ОМДС (1890–1906) и председателя ЦДУМ (1921–1936) муфтия Ризы Фахредина Габдул-Ахад Ризаэтдинович Фахретдинов (1892–1938) был стипендиатом Попечительского совета вакуфа А.Г. Хусаинова в Оренбургском реальном училище¹. Он был избран депутатом Учредительного Собрания от Оренбургской губернии по списку Башкирского Шуро (автономистов). Стипендиатом «Троицкого общества взаимного вспоможения приказчиков» стал студент юридического факультета Харьковского университета Мухаммад-Наджиб Курбангалеев, который был членом бюро при Мусульманской фракции Гос. Думы в 1915–1917 гг., председателем Магариф назараты (ведомства просвещения) Милли Идарэ в 1918 г. [25, с. 360]. Стипендиат Попечительского совета вакуфа А. Г. Хусаинова Мухамет-Камиль Гильманович Каримов (1891–1949) закончил юридический факультет Казанского университета в 1913 г., работал помощником присяжного поверенного в Оренбурге, с 1916 был избран депутатом Оренбургской городской Думы и Миллет Меджлисе, осенью 1917 г. возглавил Оренбургское губернское Милли Шуро². Стипендиат Попечительского совета вакуфа А.Г. Хусаинова Галимзян Шарафутдинович Шараф (1896–1950) окончил Казанское реальное училище в 1915 г., в 1917–1918 гг. был депутатом Миллет Меджлисе, председателем Коллегии по осуществлению Урало-Волжского Штата (КУВШ), в годы Советской власти был языковедом-преподавателем³.

Стипендиатом «Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области» был председатель Ингушского исполнительного комитета в 1917 г., министр финансов Горской республики в 1917–1920 гг. В.-Г.И. Джабагиев (1882–1961). После окончания Владикавказского реального училища он поступил на сельскохозяйственный факультет Дерптского политехнического института, продолжил образование в Германии в Йенском университете, где изучал естественные науки, земледелие и экономику сельского хозяйства [25, с. 113–114].

Проанализируем деятелей культуры и просвещения. Стипендиатами «Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области» были основоположник ингушской поэзии Т.Д. Беков (1873–1938); просветитель, издатель, редактор первого осетинского журнала «Зонд» («Знание»), автор первого осетинского букваря А.А. Кануков (1866–1918); первый председатель Осетинского историко-филологического общества, первый руководитель архивной службы Северной Осетии, зав. облоно, филолог, литературовед и фольклорист Г.А. Дзагуров (1888–1979); зав. отделом народного образования Владикавказского округа, организатор и первый директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований, ректор Горского педагогического института Б.А. Алборов (1886–1968) и др. [8, с. 272].

Среди стипендиатов «Благотворительного общества для распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» были основоположник кабардинской драматургии, педагог и лингвист Т.А. Шеретлоков (1884–1937); педагог и общественный деятель, первый зав. отделом народного образования Кабардинского и Кабардино-Балкарского облисполкомов, разработчик кабардинского алфавита на латинице, автор учебника и словаря Б.Л. Хуранов (1890–1928) [6, с. 266, 267].

1 Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. И-295. Оп. 8. Д. 1316. Л. 2–29 об.

2 Там же.

3 Там же.

Деятельность татарских и башкирских-стипендиатов была весьма широкой, поэтому приведем здесь наиболее характерные примеры, иллюстрирующие заботу татар Южного Урала о подготовке следующих поколений педагогов. Так, Троицкое мусульманское благотворительное общество оплачивало обучение в Уфимском учительском институте М.-Г.Н. Мухамедова (1886–1950), который в 1917–1918 гг. возглавлял Уфимское губернское отделение Магариф назараты (ведомства просвещения) Милли Идарэ, в 1918–1921 гг. был директором 3-годичных Уфимских мусульманских педагогических курсов до их преобразования в Башкирский педтехникум [26, с. 4]. Стипендиатом Троицкого общества приказчиков в Стамбульском педагогическом институте был Х.Х. Зайни (1890–1968), который в 1922–1925 гг. работал директором Троицкого татарского педтехникума, а в 1934–1937 гг. – деканом географического факультета Уфимского педагогического института [27, с. 360]. За счёт стипендии Хусаинова Казанский учительский институт окончил зав. мусульманской секцией Самарского губернского отдела народного образования в 1918–1919 гг., зав. отделом дошкольного образования Наркомата просвещения Башкирии в 1920–1922 гг., зав. издательским отделом Башкниги в 1922–1924 гг., декан биолого-химического факультета Казанского педагогического института в 1937 г. М.З. Сафин (1893–1937) [28, с. 135].

В условиях слабой развитости системы здравоохранения в России, усугубленных последствиями Первой мировой и Гражданской войн, голода и эпидемий ключевое значение приобретало формирование кадров медицинских работников. Среди стипендиатов-организаторов системы здравоохранения в национальных областях и республиках можно отметить. Во-первых, стипендиата Попечительского совета вакуфа А.Г. Хусаинова Фатыха Гарифовича Мухамедьярова (1884–1950). Он окончил в 1917 г. медицинский факультет Казанского университета, был одним из организаторов Мусульманского социалистического комитета в Казани. Будучи беспартийным, он возглавлял наркомат здравоохранения Татарской АССР в 1922–1927 гг. [29, с. 306]. Во-вторых, стипендиатом «Благотворительного общества для распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» был заведующий медико-санитарным отделом Нальчикского окружного революционного комитета, организатор советской санитарно-эпидемиологической службы в Кабардино-Балкарии И.М. Абаев (1888–1933) [6, с. 267]. В-третьих, стипендиатом «Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области» был первый зав. отделом здравоохранения Ингушской автономной области М.И. Тулатов (1869–1934) [8, с. 272].

Среди стипендиатов Попечительского совета вакуфа А.Г. Хусаинова можно выделить еще одну группу: лиц, получавших стипендию на религиозное образование и (или) ставших религиозными деятелями. Самый известный из них – Якуб Сулейманович Шинкевич (1884–1966), бывший стипендиатом на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, который прервал обучение в 1914 г. в связи с уходом на фронт. Он был первым муфтием Польши в 1925–1944 гг. [30, с. 181–202]. Стипендию на хадж, а реально – на обучение в медресе Ближнего Востока, получили историк и публицист Габдулбари Абдуллоевич Баттал (1880/82–1969) и педагог-методист, один из разработчиков башкирского алфавита на кириллице, Закир Насырович Аюханов (1889–1961). Первый учился в медресе «Гирфания» в г. Медина (тогда Османская империя, сейчас Саудовская Аравия) и университете ал-Азхар в Каире [31, с. 49], второй – в университете ал-Азхар в Каире в 1911–1914 гг. [32, с. 16–17].

Заключение

Авторы данной статьи провели анализ мусульманских благотворительных обществ округа ОМДС и Северного Кавказа. Ранее ими были созданы статьи в серии энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации» по конкретным мусульманским благотворительным обществам Северного Кавказа, что увеличило их численность с 2 до 10. Благодаря этому появилась возможность для системного сравнения подобных обществ кавказского региона с обществами округа ОМДС. В данной статье мы показали на конкретных примерах, что мусульманские благотворительные общества округа ОМДС и Северного Кавказа обладали общими целями в сфере просвещения. Это привело к созданию подготовительных школ и принятию стипендиальных программ для обучения в правительственных средних и высших учебных заведениях Российской империи.

Выпускники школ и участники стипендиальных программ благотворительных обществ включали в себя общественных деятелей, деятелей просвещения, литературы, гуманитарных наук,

здравоохранения среди мусульманских народов Северного Кавказа, татар и башкир. общественных деятелей. Они во многом создали основу для региональной национальной элиты в сферах управления, культуры, просвещения и науки как в период Революции 1917 г., так и в первые годы Советского режима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабутдинов А.Ю., Имашева М.М. Проекты религиозной автономии мусульман Европейской России и Сибири и Северного Кавказа в начале XX в. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 18. 2022. №4. С. 962–974. DOI: 10.32653/CH184962-974
2. Абибуллаева Д.И. Благотворительные мусульманские общества Крыма // Ислам в Крыму. Энциклопедический словарь / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов, сост. и отв. ред. И.В. Зайцев. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. VIII. М.: Медина, 2024. С. 18–21.
3. Доного Х.М. Роль «общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. Ч.2 С. 427–430.
4. Бузаров А.К. Екатеринодарское Черкесское благотворительное общество (1912). 100 лет со дня создания первой адыгской общественной организации // Памятные даты по Республике Адыгее на 2012г. Майкоп, 2011. С. 34–41.
5. Денисов Д.Н. Общество просвещения кумыкского народа Хасав-Юртовского округа // Ислам в Российской Федерации. Энциклопедический словарь. Т. 1. / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2026. С. 265. (в печати)
6. Денисов Д.Н. Благотворительное общество для распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа // Ислам в Российской Федерации. Энциклопедический словарь. Т. 1. / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2026. С. 266–267. (в печати).
7. Денисов Д.Н. Владикавказское благотворительное мусульманское общество «Муруват» // Ислам в Российской Федерации. Энциклопедический словарь. Т. 1. / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2026. С. 271. (в печати).
8. Денисов Д.Н. Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области // Ислам в Российской Федерации. Энциклопедический словарь. Т. 1. / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2026. С. 271–273. (в печати).
9. Денисов Д.Н. «Общество пособия бедным персидско-подданным в г. Владикавказе и Терской области «Химмат» // Ислам в Российской Федерации. Энциклопедический словарь. Т. 1. / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2026. С. 273. (в печати).
10. Денисов Д.Н. Общество просвещения ингушского народа Назрановского округа Терской области // Ислам в Российской Федерации. Энциклопедический словарь. Т. 1. / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2026. С. 273–274. (в печати).
11. Денисов Д.Н. Общество распространения просвещения среди чеченцев // Ислам в Российской Федерации. Энциклопедический словарь. Т. 1. / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов. М.: Издательский дом «Медина», 2026. С. 275–276. (в печати).
12. Денисов Д.Н. Ставропольское мусульманское благотворительное общество // Ислам в Российской Федерации. Энциклопедический словарь. Т. 1. / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов. – М.: Издательский дом «Медина», 2026. С. 279. (в печати).
13. Салихов Р.Р. Татарская буржуазия России и трансформация традиционной мусульманской благотворительности во второй половине XIX–начале XX вв. // Ислам и благотворительность. Казань, 2006. С. 27–32.
14. Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: ИД Марджани, 2013. 337 с.
15. Устав Касимовского мусульманского благотворительного общества. Касимов: тип. Н. и М. Рюминых, 1897. 34 с.

REFERENCES

1. Khabutdinov AYu., Imasheva MM. Projects of religious autonomy for Muslims of European Russia, Siberia, and the North Caucasus at the beginning of the 20th century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2022; 18(4): 962-974. DOI: 10.32653/CH184962-974.
2. Abibullaeva DI. Charitable Muslim societies of Crimea. *Islam in Crimea. Encyclopedic Dictionary*. Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov, comp. and ed. in chief I.V. Zaitsev. Series "Islam in the Russian Federation". Issue VIII. Moscow: Medina Publ., 2024: 18-21. (In Russ)
3. Donogo KhM. The role of the "Society for the Enlightenment of Native Muslims of the Dagestan Region". *Kazan Pedagogical Journal*. 2015; 6(2): 427-430. (In Russ)
4. Buzarov AK. Ekaterinodar Circassian Charitable Society (1912). 100 years since the creation of the first Adyghe public organization. *Memorable Dates of the Republic of Adyghea for 2012*. Maykop, 2011: 34-41. (In Russ)
5. Denisov DN. Society for the Enlightenment of the Kumyk People of the Khasav-Yurt District. *Islam in the Russian Federation. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1. Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov. Moscow: Medina Publ., 2026, p. 265 (in press). (In Russ)
6. Denisov DN. Charitable Society for the Dissemination of Education among Kabardians and Highlanders of the Nalchik District. *Islam in the Russian Federation. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1. Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov. Moscow: Medina Publ., 2026: 266-267 (in press). (In Russ)
7. Denisov DN. Vladikavkaz Muslim Charitable Society "Muruvat". *Islam in the Russian Federation. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1. Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov. Moscow: Medina Publ., 2026: 271 (in press). (In Russ)
8. Denisov DN. Society for the Dissemination of Education and Technical Knowledge among the Highlanders of the Tersk Region. *Islam in the Russian Federation. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1. Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov. Moscow: Medina Publ., 2026: 271-273 (in press). (In Russ)
9. Denisov DN. Society for Assistance to Poor Persian Subjects in the City of Vladikavkaz and the Terek Region "Himmat". *Islam in the Russian Federation. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1. Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov. Moscow: Medina Publ., 2026: 273 (in press). (In Russ)
10. Denisov DN. Society for the Enlightenment of the Ingush People of the Nazran District of the Terek Region. *Islam in the Russian Federation. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1. Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov. Moscow: Medina Publ., 2026: 273-274 (in press). (In Russ)
11. Denisov DN. Society for the Dissemination of Enlightenment among the Chechens. *Islam in the Russian Federation. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1. Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov. Moscow: Medina Publ., 2026: 275-276 (in press). (In Russ)
12. Denisov DN. Stavropol Muslim Charitable Society. *Islam in the Russian Federation. Encyclopedic Dictionary*. Vol. 1. Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov. Moscow: Medina Publ., 2026: 279 (in press). (In Russ)
13. Salikhov RR. Tatar bourgeoisie of Russia and the transformation of traditional Muslim charity in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Islam and Charity*. Kazan, 2006: 27-32. (In Russ)
14. Khabutdinov AYu. *Institutions of the Russian Muslim Community in the Volga-Ural Region*. Moscow: Mardjani Publ., 2013. (In Russ)

16. Устав Троицкого мусульманского благотворительного общества. Троицк: Типография и фабрика каучуковых изделий А.Б. Бреслина и Ш. Сосновского, 1898. 20 с.
17. Устав Астраханского попечительства о бедных татарах города Астрахани [Утв. 22 февр. 1896 г.]. Казань, 1905. 16 с.
18. *Хабутдинов А.Ю.* Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII – XIX веках. Казань: Иман, 2000. - 160 с.
19. Устав Касимовского общества мусульман. Касимов: тип. П. Колобаева и М. Нальмова, 1908. 22 с.
20. Учебный план, программа и таблица еженедельных уроков пригособительной школы Оренбургского общества попечения об учащихся мусульманах. Оренбург: Типография газ. «Вакт», 1913. С. 3–4.
21. *Денисов Д.Н.* Оренбургское общество попечения об учащихся мусульманах // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь / кол. авт.; сост. А.Н. Старостин, ответ. редактор Д.З. Хайретдинов. М.-Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 280.
22. *Денисов Д.Н.* Попечительский совет вакуфа А.Г. Хусайнова // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь / кол. авт.; сост. А.Н. Старостин, ответ. редактор Д.З. Хайретдинов. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. V. М. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 290–291.
23. *Сердюк А.В.* Судебная реформа 1864г.: Особенности реализации на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX вв.). специальность 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. «Российский государственный университет правосудия». М., 2015. 33 с.
24. *Хабутдинов А.Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. Казань: Идель-Пресс, 2001. 383 с.
25. *Долгиева М.Б., Араханова Л.Я.* Культурно-просветительское движение в Ингушетии во второй половине XIX – начале XX вв. // Современная научная мысль. 2018. № 4. С. 44–54.
26. Отчёт Троицкого мусульманского благотворительного общества за 1913 г. Троицк: Электро-типография «Энергия», 1914. 14 с.
27. *Денисов Д.Н.* Троицкое общество приказчиков // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь. / кол. авт.; сост. А.Н. Старостин, ответ. редактор Д.З. Хайретдинов. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. V. М.-Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 360.
28. *Рахимкулова М.Ф.* *Медресе «Хусайния»* в Оренбурге. Оренбург: Яна Вакыт, 1997. – 254 с.
29. Мухамедьяров Фатых Гарифович // Татарская энциклопедия. Т. 4. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. С. 306.
30. *Усманова Д.* Ученый, муфтий и политик – три «жизни» Якуба Шинкевича // *Tatars in the history and culture of Lithuania from the 14th to the 21st centuries. The Latest Researches.* Vilnius: Vilniaus Universiteto Leidykla, 2023. Pp. 181–202.
31. *Гизатуллин Р.Н., Хабутдинов А.Ю.* Баттал Габдулбари Абдулович // Ислам на Урале. Энциклопедический словарь / кол. авт.; сост. А.Н. Старостин, ответ. редактор Д.З. Хайретдинов. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. V. М.-Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009. С. 49–50.
32. *Хабутдинов А.Ю.* Аюханов // Ислам в Башкортостане. Энциклопедический словарь / кол. авт.; главный редактор Д.В. Мухетдинов, ответ. редакторы А.Ю. Хабутдинов, М.Н. Фархшатов. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. IX. М.: ИД «Медина», 2023. С. 16–17.
15. *Charter of the Kasimov Muslim Charitable Society.* Kasimov: Typography of N. and M. Ryuminykh, 1897. (In Russ)
16. *Charter of the Troitsk Muslim Charitable Society.* Troitsk: Typography and Rubber Products Factory of A.B. Breslin and Sh. Sosnovsky, 1898. (In Russ)
17. *Charter of the Astrakhan Guardianship of Poor Tatars of the City of Astrakhan* [Approved 22 February 1896]. Kazan, 1905. (In Russ)
18. *Khabutdinov AYu. Millet of the Orenburg Spiritual Assembly in the Late 18th – 19th Centuries.* Kazan: Iman, 2000. (In Russ)
19. *Charter of the Kasimov Muslim Society.* Kasimov: Typography of P. Kolobaev and M. Nalmov, 1908. (In Russ)
20. Curriculum, program and table of weekly lessons of the preparatory school of the Orenburg Society for the Care of Muslim Students. Orenburg: Vakt Typ. Newspaper, 1913: 3-4. (In Russ)
21. *Denisov DN. Orenburg Society for the Care of Muslim Students. Islam in the Urals. Encyclopedic Dictionary.* Collective of authors; comp. A.N. Starostin, ed. in chief D.Z. Khairetdinov. Series "Islam in the Russian Federation". Issue V. Moscow–Nizhny Novgorod: Medina Publ., 2009: 280. (In Russ)
22. *Denisov DN. Board of Trustees of the Waqf of A.G. Khusainov. Islam in the Urals. Encyclopedic Dictionary.* Collective of authors; comp. A.N. Starostin, ed. in chief D.Z. Khairetdinov. Series "Islam in the Russian Federation". Moscow–Nizhny Novgorod: Medina Publishing House, 2009; 5: 290-291. (In Russ)
23. *Serdyuk AV. Judicial Reform of 1864: Peculiarities of Implementation in the North Caucasus (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries).* Abstract of dissertation. Russian State University of Justice. Moscow, 2015. (In Russ)
24. *Khabutdinov AYu. Formation of the Nation and Main Directions of Development of Tatar Society in the Late 18th – Early 20th Centuries.* Kazan: Idel-Press, 2001. (In Russ)
25. *Dolgieva MB., Arakhanova LYa. Cultural and educational movement in Ingushetia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Modern Scientific Thought.* 2018; 4: 44-54. (In Russ)
26. *Report of the Troitsk Muslim Charitable Society for 1913.* Troitsk: "Energiya" Electro-Typography, 1914. (In Russ)
27. *Denisov DN. Troitsk Society of Prikazchiks. Islam in the Urals. Encyclopedic Dictionary.* Collective of authors; comp. A.N. Starostin, ed. in chief D.Z. Khairetdinov. Series "Islam in the Russian Federation". Moscow–Nizhny Novgorod: Medina Publ., 2009; 5: 360. (In Russ)
28. *Rakhimkulova MF. Madrasa "Khusainiya" in Orenburg.* Orenburg: Yana Vakyt, 1997. (In Russ)
29. *Mukhamedyarov Fatykh Garifovich. Tatar Encyclopedia.* Vol. 4. Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2008: 306. (In Russ)
30. *Usmanova D. Scholar, Mufti and Politician – Three "Lives" of Yakub Shinkevich. Tatars in the History and Culture of Lithuania from the 14th to the 21st Centuries. The Latest Researches.* Vilnius: Vilniaus Universiteto Leidykla, 2023: 181-202. (In Russ)
31. *Gizatullin RN., Khabutdinov AYu. Battal Gabdulbari Abdulovich. Islam in the Urals. Encyclopedic Dictionary.* Collective of authors; comp. A.N. Starostin, ed. in chief D.Z. Khairetdinov. Series "Islam in the Russian Federation". Issue V. Moscow–Nizhny Novgorod: Medina Publ., 2009: 49-50. (In Russ)
32. *Khabutdinov AYu. Ayukhanov. Islam in Bashkortostan. Encyclopedic Dictionary.* Collective of authors; chief ed. D.V. Mukhetdinov, ed. in chief A.Yu. Khabutdinov, M.N. Farkhshatov. Series "Islam in the Russian Federation". Moscow: Medina Publ., 2023; 9: 16-17. (In Russ)

Received 15.01.2025
Accepted 17.02.2025
Published 15.12.2025

Поступила в редакцию 15.01.2025
Принята в печать 17.02.2025
Опубликована 15.12.2025

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214502-514>



Исследовательская статья

Глазов Константин Анатольевич
младший научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
paradoxsochi@yandex.ru

Кудин Михаил Иванович
внештатный научный сотрудник
Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований
им. Т.М. Керашева, Майкоп, Республика Адыгея
mikhail-sochi@mail.ru

Кизилов Андрей Сергеевич
к. пед. н, старший научный сотрудник
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
kiziloff2014@mail.ru

АНТРОПОМОРФНЫЕ БАРЕЛЬЕФЫ НА ДОЛЬМЕНЕ В ГРУППЕ «ЧУМАКИ», БОЛЬШОЙ СОЧИ: ПРИМЕНЕНИЕ 3-D ТЕХНОЛОГИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье приведены результаты исследования барельефной сюжетной композиции, изображенной на фасадной плите составного дольмена группы «Чумаки», расположенного в бассейне р. Цусхвадж Лазаревского района Большого Сочи. Барельеф состоит из трех антропоморфных фигур, изображенных в танце. Центральная фигура изображена с опущенными руками. Два крайних персонажа изображены в зеркальных позах – одна рука каждой фигуры протянута в сторону центрального изображения, вторая согнута в локте и опущена вниз. Композиция сюжетно перекликается с барельефами дольмена Капибге-1 (Большой Сочи) и с изображениями на блоках двора дольмена в Джубге, выполненных в технике пикетажа. Анализ поз «близнецов» находит параллели с петроглифами как на дольменах Кавказа, так и в памятниках эпохи бронзы от Закавказья до Крыма, что может говорить о единых мифологических сюжетах, бытовавших в древности. Находка дополнила список дольменных памятников Большого Сочи с антропоморфными и геометрическими изображениями в барельефной технике, что, возможно, является характерным «почерком» местной «школы». Обнаружение изображений стало возможным благодаря применению цифровых технологий, включающих фотограмметрию и последующую 3-D обработку с использованием теневой и бликовой картины в косых лучах виртуальных источников света с применением градиентных процедурных карт. Это позволяет четче проявить барельефные изображения и выявить плохо сохранившиеся фрагменты. Применение этой технологии открывает новые возможности обнаружения изображений на давно известных памятниках.

Ключевые слова: дольмен; историко-культурное наследие; барельефные петроглифы; антропоморфные изображения; фотограмметрия; 3D-обработка; Черноморское побережье Кавказа; р. Цусхвадж; дольменная группа «Чумаки»

Для цитирования: Глазов К.А., Кудин М.И., Кизилов А.С. Антропоморфные барельефы на дольмене в группе «Чумаки», Большой Сочи: применение 3-D технологий исследования // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 4. С. 502-514. doi.org/10.32653/CH214502-514

© Глазов К.А., Кудин М.И., Кизилов А.С., 2025
© Сефербеков М.Р., перевод, 2025
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214502-514>

Research paper

Konstantin A. Glazov
Junior Researcher
Subtropical Research Center of the RAS, Sochi, Russia
paradoxsochi@yandex.ru

Mikhail I. Kudin
Freelance Researcher
Kerashev Adygean Institute for Humanitarian Research, Maikop, Adygea
mixail-sochi@mail.ru

Andrey S. Kizilov
Cand. Ped. Sci., Senior Researcher
Subtropical Research Center of the RAS, Sochi, Russia
kiziloff2014@mail.ru

APPLICATION OF 3D TECHNOLOGIES IN REVEALING ANTHROPOMORPHIC BAS-RELIEFS ON CHUMAKI GROUP OF DOLMENS, GREATER SOCHI

Abstract. This article presents the findings of a study on a bas-relief composition adorning the facade slab of a dolmen from the Chumaki dolmen group, situated in the Tsushvadh River basin within the Lazarevsky district of Greater Sochi. The bas-relief depicts three anthropomorphic figures engaged in a dance. The two flanking figures are depicted in symmetrical, mirror-image poses, with one arm extended toward the central figure and the other bent at the elbow and lowered. The central figure has both arms hanging downward. This compositional motif bears resemblance to the bas-reliefs of the Kapibge-1 dolmen (Greater Sochi) and to the pecked images on the blocks of the dolmen courtyard in the village of Dzhubga. Analysis of the poses of these “twins” reveals parallels with petroglyphs and engravings on dolmens across the Caucasus, as well as with Bronze Age monuments spanning a broad region from Transcaucasia to Crimea – evidence suggesting the persistence of shared mythological narratives in antiquity. This discovery augments the inventory of dolmens in the Greater Sochi region featuring anthropomorphic and geometric motifs executed in bas-relief, potentially indicative of a distinctive stylistic “signature” associated with a local “school.” Identification of the composition was enabled by digital technologies, including photogrammetry and subsequent 3D modeling that leverages shadow and highlight patterns under simulated oblique illumination via gradient procedural textures. Such methods enhance the visibility of bas-relief imagery and uncover poorly preserved elements. In turn, these techniques afford novel opportunities for revealing previously undetected motifs on well-documented monuments.

Keywords: dolmen; historical and cultural heritage; bas-relief petroglyphs; anthropomorphic images; photogrammetry; 3D modelling; Black Sea coast of the Caucasus; Tsushvadh River; Chumaki dolmen group

For citation: Glazov K.A., Kudin M.I., Kizilov A.S. Application of 3d technologies in revealing antropomorphic bas-reliefs on Chumaki group of dolmens, greater Sochi. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 502-514. doi.org/10.32653/CH214502-514

© Glazov K.A., Kudin M.I., Kizilov A.S., 2025
© Seferbekov M.R., translation, 2025
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025

Введение

Проводимая в рамках государственного задания (№ FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2) работа по учету археологических памятников Большого Сочи предусматривает фиксацию объектов, создание электронной базы данных, реестра, каталога и археологической ГИС района. На данном этапе исследование проводится по наиболее знаковым классам археологических объектов региона – дольменам и средневековым христианским храмам. Целью работы является формирование информационного продукта, востребованного органами охраны памятников историко-культурного наследия (ИКН), власти, научными организациями, пользователями территорий, на которых расположены объекты, и прочими заинтересованными структурами для обеспечения охранных мероприятий, контроля и предотвращения уничтожения памятников в условиях бурного развития региона, их изучения и популяризации, а также использования наиболее интересных объектов в историко-культурных маршрутах. В рамках реализации данной работы, проводимой совместно с Сочинским национальным парком, поэтапно вводится в научный оборот информация по неизвестным или слабоизученным объектам ИКН. В частности, в период 2021–2023 гг. были опубликованы данные о дольменной макрогруппе хребта Мизегух, расположенной в междуречье рр. Макопсе – Неожиданная – Аше на территории Сочинского национального парка, включающей 34 объекта [1; 2; 3]. В 2023 г. в процессе подготовки материала по каталогизации объектов района на корытообразном дольмене группы Капибге-1 был выявлен комплекс уникальных зоо- и антропоморфных барельефных изображений, отражающих мифологические сюжеты со сценами загонной охоты на оленей и танца трех парных фигур [4] (рис. 1).

Найденные барельефы значительно расширили немногочисленный список объектов дольменной культуры, на которых были обнаружены зоо- и антропоморфные изображения. Впервые они были зафиксированы в 2006 г. Западно-Кавказской экспедицией ИИМК РАН под руководством В.А. Трифонова на блоках ограждения дворика дольмена, расположенного на территории «д/о Джубга». На нижнем блоке фриза были найдены изображения шести расположенных в ряд фигур, иллюстрирующих некий древний мифологический сюжет, а на другом блоке дворика – две зеркально-симметричные антропоморфные фигуры «близнецов». На противоположной стороне этого же блока изображена еще одна антропоморфная фигура без головы с одной рукой на поясе и второй, вытянутой прямо [5, с. 115–118, рис. 4].

Вторым объектом можно назвать дольмен А группы Шизе IV, на плите которого Северо-Кавказской экспедицией ИА РАН в 2007 г. было обнаружено изображение «пляшущих человечков» [6, с. 296].

Обнаруженные в 2023 г. барельефные изображения на фасаде дольмена DK155 группы Капибге-1 дополнили этот ряд. Важным принципиальным отличием этой композиции является то, что она была выполнена в барельефной технике с многочисленными деталями, в то время как все предыдущие изображения были врезанными, а фигуры – схематичными.

Важным практическим результатом данной находки стал широкий общественный резонанс, который запустил процесс постановки этого памятника на охрану и включения его в Единый реестр памятников ИКН.

Данная находка заставила по-новому взглянуть на концепцию оформления главного фасада дольменов и технику исполнения изображений. Это потребовало разработки технологии выявления частично утраченных низких барельефов, а также пересмотра алгоритма осмотра и описания памятников. В него был добавлен обязательный пункт, предусматривающий тщательный осмотр знаковых поверхностей дольмена, прежде всего плоскости главного фасада, в косом свете мощного фонаря с целью выявления элементов сохранившегося рукотворного рельефа для принятия решения о дальнейшем подробном исследовании. Данная методика позволила выявить на ряде памятников Большого Сочи участки с практически полностью уничтоженными эрозией полосами и зигзагами, что свидетельствует о том, что декоративное оформление знаковых поверхностей дольмена было явлением не исключительным, а довольно часто используемым, а факт отсутствия упоминания подобных элементов в описании дольменов в научной литературе обусловлен лишь их плохой сохранностью вследствие эрозии поверхности. Это открывает новые возможности в исследовании дольменного изобразительного искусства и изучении мифологии народов Кавказа эпохи бронзы.

Разработанная методика выявления изображений принесла свой результат в январе 2025 г., когда на уже известном дольмене группы «Чумаки» бассейна р. Цусхвадж на лицевой поверхности фасадной плиты была обнаружена еще одна барельефная композиция, состоящая из трех антропоморфных фигур, изображенных в танце.

Материалы и методы

Для выявления и исследования наскальных изображений в классической археологии, начиная с XX в., применяются различные контактные методы, включающие протирку пигментами, снятие слепков и пр., что предусматривает непосредственное воздействие на объект исследования и может вызвать ускорение процессов разрушения исследуемой поверхности и нанести непоправимый ущерб памятнику [7; 8]. Поэтому в последнее время все чаще начинают внедряться новые технологии бесконтактного исследования, такие как лазерное сканирование и фотограмметрия [9]. При этом фотограмметрия обладает важным преимуществом в полевых исследованиях, так как не требует использования сложного и дорогостоящего оборудования, а качество итогового результата при соблюдении необходимых требований к съемке не уступает лазерному сканированию.

Данная технология является неотъемлемой частью нашей работы по каталогизации археологических памятников региона, так как используется, прежде всего, для получения качественных чертежей [10; 11]. Модификация данной технологии с учетом опыта применения фотограмметрии и 3-D сканирования в исследовании петроглифов Севера и Центральной и Восточной Евразии [12; 13; 14] позволила разработать методику исследования поверхности применительно к дольменным памятникам.

Суть метода состоит в первичной диагностике рельефа поверхности в косых лучах мощного фонаря. При обнаружении в теневой картине следов декоративной обработки проводится тщательная съемка участка камерой высокого разрешения с близкого расстояния (около 40 см) перпендикулярно к исследуемой поверхности и перекрытием кадров в 60–80%. Для обеспечения фиксированного расстояния до поверхности и соблюдения необходимого угла съемки камера устанавливается на короткий монопод, развернутый упором к объекту. Передвигая упор по поверхности, осуществляется контроль направления съемки и величины перекрытия соседних кадров. Серия снимков содержит обычно 200–400 кадров, в зависимости от исследуемой площади.

Дальнейшая обработка материала предусматривает несколько этапов:

- получение с помощью Agisoft Metashape итоговой 3-D модели поверхности разрешением 3–5 млн полигонов, первичное исследование объекта с отключенной текстурой и с применением карты высот;
- импорт 3-D модели в трехмерный редактор 3DsMax, масштабирование объекта, настройка искусственных источников света, подбор материала (равномерной текстуры) с заданными оптическими свойствами для формирования нужной теневой и бликовой картины, исследование теневой картины путем изменения положения источника света и угла падения лучей;
- подключение к объекту градиентной процедурной карты, настройка ее параметров для получения масштабированной карты высот, получение совмещенной теневой и стратиграфической картины, исследование участков, уничтоженных эрозией, на предмет сохранившихся следов изображений;
- расшифровка и отрисовка изображений.

Применение данной методики позволяет четче проявить барельефные изображения и выявить плохо сохранившиеся фрагменты.

Результаты и обсуждение

Проводимая работа по фиксации археологических памятников позволила сформировать реестр и археологическую ГИС, включающую на начало 2025 г. 417 дольменов, расположенных на территории Сочи. В рамках формирования каталога в 2024 г. исследовался бассейн р. Цусхвадж.

Бассейн р. Цусхвадж является третьим районом Большого Сочи по численности дольменов, уступая в этом отношении только долинам рек Аше и Пезуапсе. Он насчитывает 67 памятников (16% от общего

количества дольменов Большого Сочи), составляющих 12 дольменных групп и 7 одиночных объектов, образующих три макроансабля: Виноградное ущелье, среднее течение р. Цусхвандж и район Солоницкого хребта. Каждый из этих макроансамблей характеризуется своими локальными особенностями и типологическим распределением конструктивных вариантов [15, с. 38–49] (рис. 2).

Макроансабль «Виноградное» был опубликован в 2024 г. [16], а по среднему течению р. Цусхвандж в 2024–2025 г. велась наработка материала. В январе 2025 г., при исследовании памятников группы «Чумаки» совместно с группой волонтеров, краевед В.В. Снытко обратил внимание на выпуклый участок в виде креста на фасаде составного разрушенного дольмена с двориком DS350. Первичное исследование с помощью фонаря показало наличие над входным отверстием барельефной композиции из трех антропоморфных персонажей, изображенных в танце.

Развал дольмена DS350 расположен в 110 м к востоку от компактно стоящей группы DP84, DP85 и DS86. Объект был обнаружен М.И. Кудиным и Н.В. Кондряковым в 2008 г. Памятник полуразрушен, частично сохранилось два блока камеры, фасадная плита и предпортальный дворик. Остальные детали и конструкции, возможно, сохранились под почвой. Дольмен стоит на площадке из ломаного камня, ограниченной с трех сторон крепидой из крупных блоков песчаника, лучше сохранившейся с юго-восточной стороны перед двориком. С западной стороны в границы крепиды включена курганообразная насыпь размером 2,5²Древу – изображения на сосуде майкопско-новосвободненской общности с р. Пишиш [18, с. 70, рис. 4.1]; петроглифы в Гегамских горах (Армения) [19, рис. 16].

Оленю – изображения в Гегамских горах (Армения) [19, с. 67–68, рис. 18] (рис. 6, 11).

Человеку – плита дольмена А группы Шизе IV [6, с. 296, рис. 2] (рис. 6, 10) и рассматриваемая композиция на дольмене группы «Чумаки» (рис. 6, 12).

О сюжетной и смысловой интерпретации композиции мы можем судить лишь предположительно, учитывая семантику многочисленных аналогичных композиций с симметрично расположенными антропоморфными фигурами, относящихся к различным территориям и древним культурам.

Изучавший их А. Голан убедительно показал, что центральный персонаж такой трехэлементной композиции, как правило, связывается с Великой Богиней, даже если и был заменен другими ее символами: осью/центром мира, Древом жизни, колонной [20, с. 160].

Не останавливаясь подробно на анализе семантики изображений, стоит отметить, что само расположение барельефного изображения в архитектурной композиции памятника позволяет сделать определенные выводы. Фигуры танцующих близнецов на стене главного фасада, отделяющего камеру дольмена, принадлежащую миру мертвых, от мира живых, маркируют область границы между мирами. Общими чертами близнецных мифов всех народов являются их принадлежность к разным мирам [21, с. 67]. Это позволяет предположить, что рассматриваемые изображения, расположенные в лиминальной зоне над входным отверстием памятника, использовались в качестве психопомпов и апотропея.

Стоит также отметить разнообразие техники нанесения антропоморфных изображений на дольменные памятники. Это полихромная роспись (Новосвободная), гравировка (дольмен Джубга, Шизе IV), барельефы (Капибге 1, Чумаки).

А. Голан отмечал удивительную устойчивость трехэлементной композиции, состоящей из женской фигуры посередине и двух мужских по обеим сторонам, и связанного с ней сакрального мотива [20, с. 159]. Неизменность этого мотива проявляется и в деталях, в частности, в позах зеркальных мужских фигур, даже созданных спустя тысячелетия. Таковы, например, бронзовые фигурки Диоскуров с затонувшего корабля у г. Хайфа [22, р. 46–47, fig. 13c], барельефные изображения близнецов на дольменообразном мавзолее на р. Кяфар [23, с. 130, илл. 16].

Таким образом, сходство антропоморфных сюжетов на памятниках эпохи бронзы от Закавказья до Крыма может быть еще одним подтверждением гипотезы В.А. Трифонова, что в этот период горный Крым и Кавказ, вероятно, входили в одну культурную провинцию [5, с. 124].

Заключение

Подводя итог, хотелось бы остановиться на вопросе – насколько же распространены такие изображения и каковы перспективы обнаружения новых памятников, имеющих декоративное оформление?

Анализируя обстоятельства находок барельефных изображений на дольменах групп «Капибге 1» и «Чумаки», мы можем отметить, что в обоих случаях дольмены были известны давно, но на рисунки никто не обращал внимания вследствие их слабой заметности, малой высоты рельефа поверхности и наличия пятен лишайника, дополнительно маскирующих композицию. Оба изображения были найдены благодаря целенаправленному обследованию рельефа поверхности фасада в косых лучах мощного фонаря. Поэтому редкость подобных объектов может объясняться, в том числе и тем, что системная работа по их поиску до этого не проводилась.

В настоящее время, в рамках формирования каталога дольменных памятников Большого Сочи, осмотр поверхности в косых лучах фонаря является обязательным пунктом в алгоритме исследования объекта. При малейших подозрениях на наличие декора производится фотограмметрическая съемка с последующей 3-D обработкой. Использование новых цифровых технологий позволяет анализировать даже незначительные неровности рельефа и выявлять участки с почти утраченными изображениями. Это уже позволило выявить несколько объектов с остатками декора, в том числе и выполненного в барельефной технике, что может говорить о ее широком применении в изобразительном искусстве того времени.

Другим фактором, объясняющим редкость обнаружения изображений, является эрозия поверхности. Надо понимать, что песчаник, из которого сделано подавляющее количество дольменов Большого Сочи, имеет разную структуру на поверхности и внутри. После обработки фасада, нанесения изображений, зашлифовки, вследствие окисления начинается процесс формирования кристаллизованного, прочного, тонкого поверхностного слоя, под которым сохраняется более мягкая первичная структура. Влага, поступающая через микротрещины наружной «корки», в процессе многократных циклов заморозки-разморозки вызывает отшелушивание поверхностного слоя и уничтожение декоративного оформления памятника. В случае барельефов на дольмене DK155 группы «Капибге 1», изображения спасло наличие нависающего козырька перекрытия, а на дольмене DS 350 группы «Чумаки» они сохранились из-за того, что фасадная плита сильно наклонена вперед.

Оценить процессы эрозии мы можем по объектам, датировки обнажения поверхности которых точно известны. Например, в случае дольмена группы «Верхняя Мамедка» в бассейне р. Куапсе, мы знаем, что очистка нижней части фасада от оползневого грунта была проведена в 2004 г., на основании чего можем оценить степень разрушения атмосферной эрозией надземной и подземной поверхностей (рис. 7).

Таким образом, выявление декоративных изображений можно ожидать под нависающими козырьками перекрытий сохранившихся дольменов, на разрушенных памятниках, фасадная плита которых лежит лицом вниз, либо на подкурганых сооружениях. Учитывая, что в относительно целом виде по сей день возвышаются лишь 20–30% дольменов [24, с. 4], именно разрушенные памятники, возможно, дадут новые находки. Обследование таких объектов, казавшихся ранее неинтересными с точки зрения архитектуры и бесперспективными для дальнейшего исследования, в свете новых технологий приобретает большой интерес. Применение разработанной методики выявления и 3-D обработки открывает большие перспективы в изучении декоративного оформления и мифологических сюжетов, бытовавших в эпоху бронзы.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ СИЦ РАН FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2

Acknowledgments. The study was funded by the state assignment research of FRC SSC RAS FGRW-2024-0002, project No. 124022000096-2

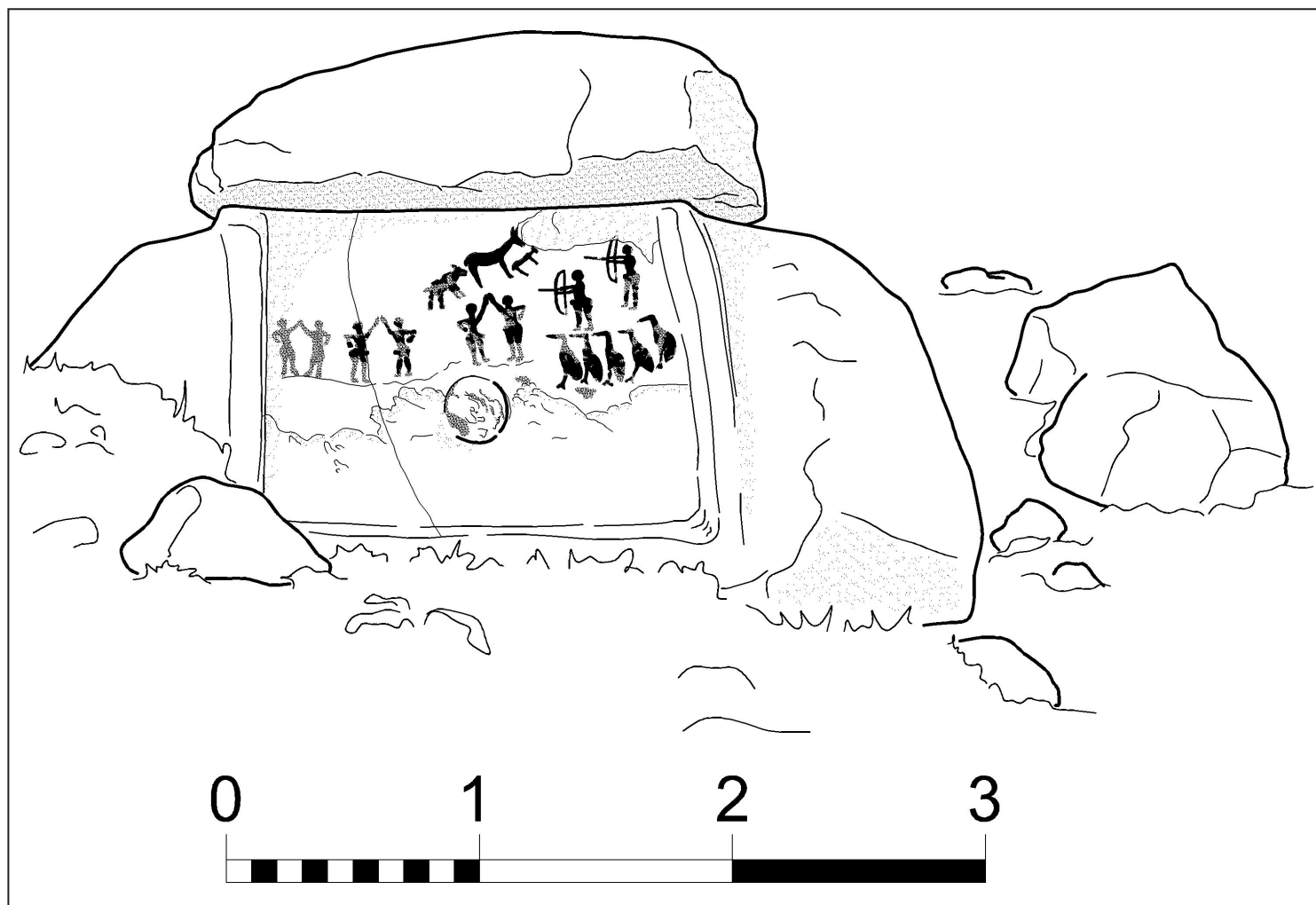


Рис. 1. Фасад дольмена группы Капибге-1 с барельефной композицией

Fig. 1. Facade of the dolmen of the Kapibge-1 group with a bas-relief composition

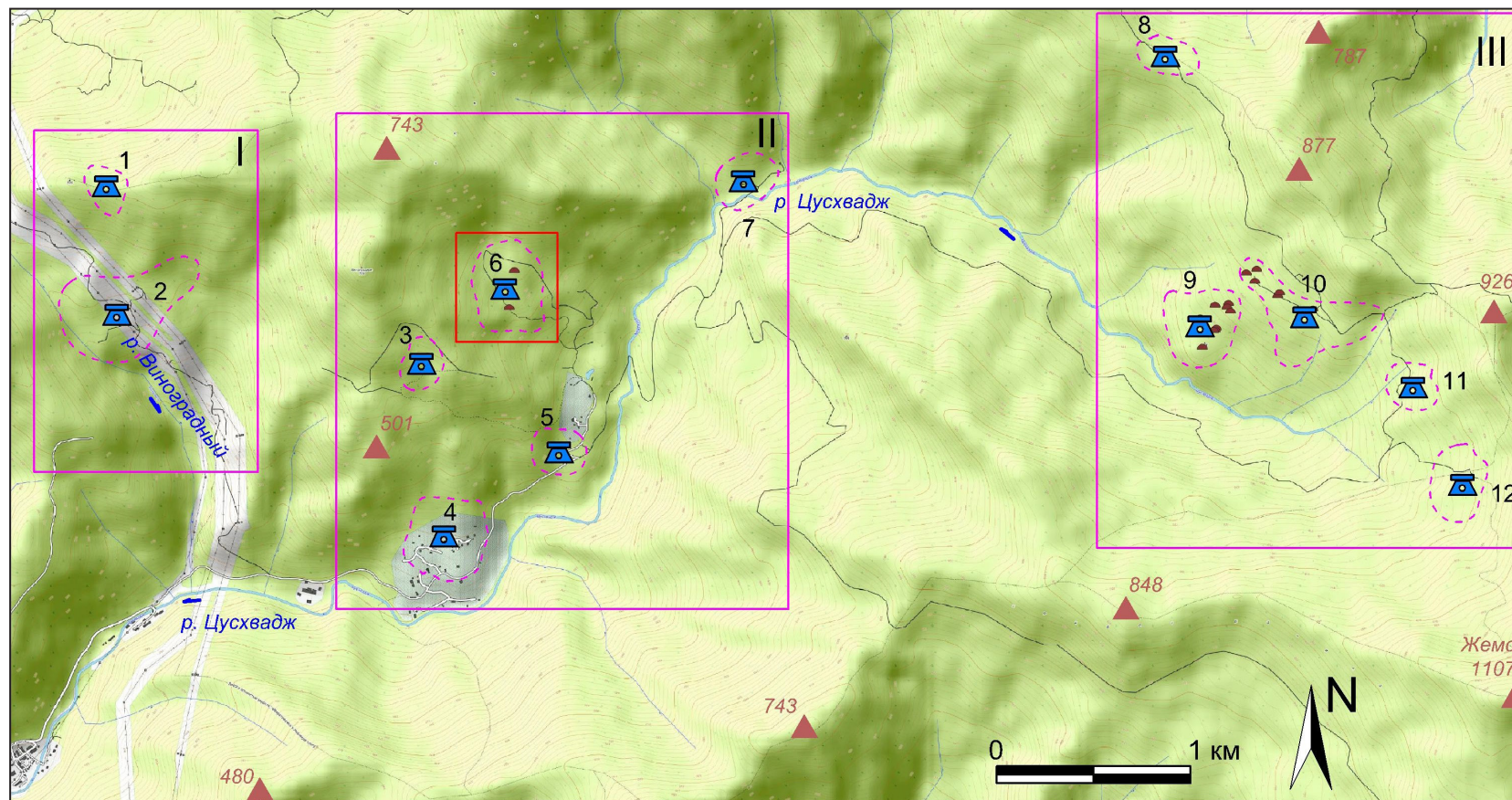


Рис. 2. Карта дольменных памятников бассейна реки Цусхвадж.

Дольменные макроансамбли: I – Виноградное ущелье; II – среднее течение р. Цусхвадж; III – Солоницкий хребет. Дольменные группы: 1 – «Ландыши»; 2 – «Виноградное»; 3 – «Бианки»; 4 – «1-й дачный»; 5 – одиночный «2-й дачный»; 6 – «Чумаки»; 7 – «Пасека Котенко»; 8 – одиночный «Солоницкий хребет»; 9 – «группа 14»; 10 – группы «Солоницкий хребет – 1, 2, 3, 4»; 11 – одиночный «Дорога»; 12 – «Газопровод»

Fig. 2. Map of dolmen monuments of the Tsushvadzh river valley.

Dolmen macro-ensembles: I – Vinogradnoe gorge; II – the middle course of the Tsushvadzh River; III – Solonitsky ridge. Dolmen groups: 1 – "Landishi"; 2 – "Vinogradnoe"; 3 – "Bianki"; 4 – "1st dachny"; 5 – single "2nd dachny"; 6 – "Chumaki"; 7 – "Kotenko's Apiary"; 8 – single "Solonitsky ridge"; 9 – "group 14"; 10 – "Solonitsky ridge" groups – 1, 2, 3, 4"; 11 – single "Road"; 12 – "Gas Pipeline"

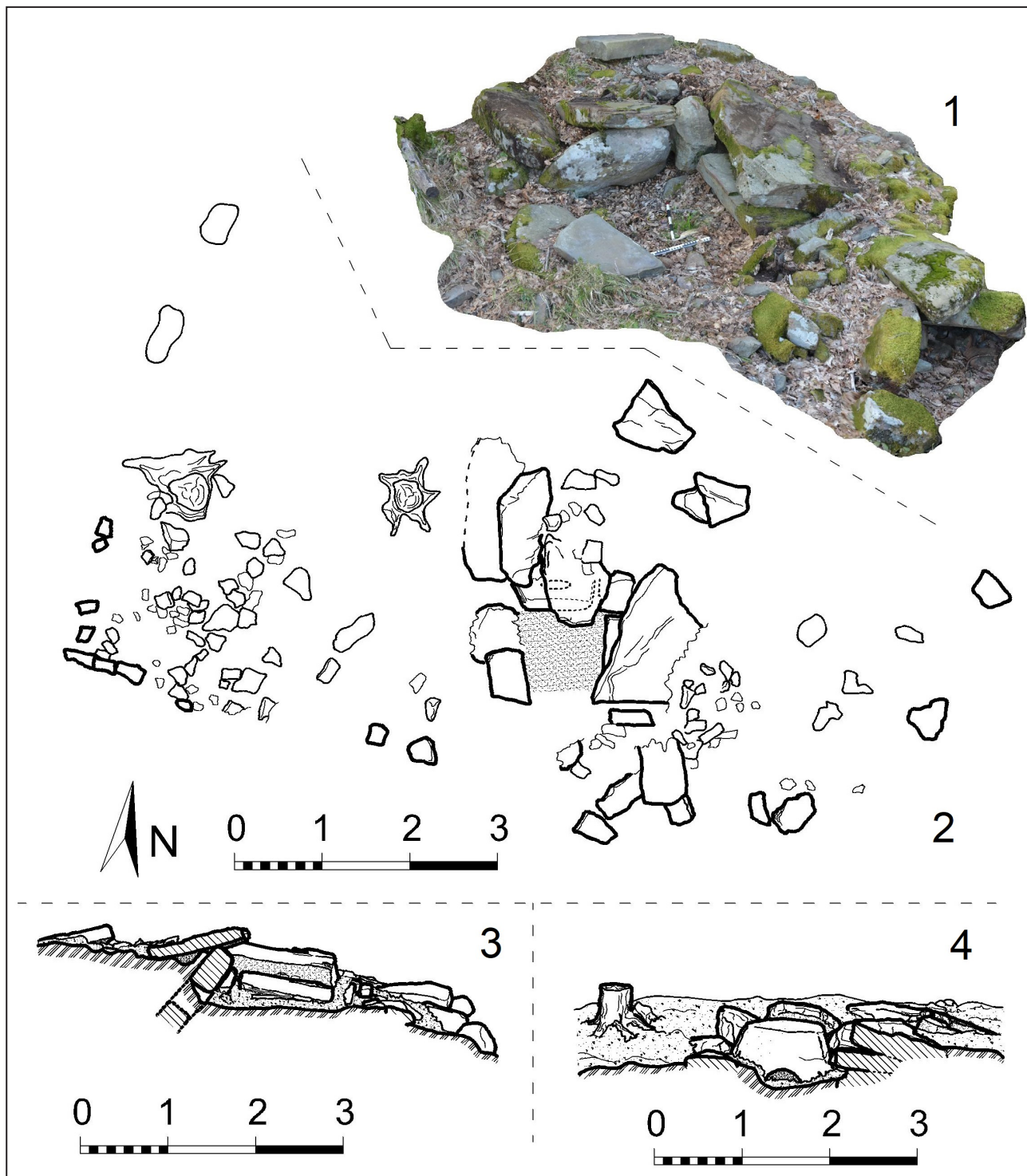


Рис. 3. Составной дольмен DS350 дольменной группы «Чумаки».
1 – общий вид; 2 – план памятника; 3 – продольный разрез; 4 – фасадная проекция

Fig. 3. Composite dolmen DS155 of the dolmen group "Chumaki".
1 – general view; 2 – plan of the monument; 3 – longitudinal section; 4 – facade projection

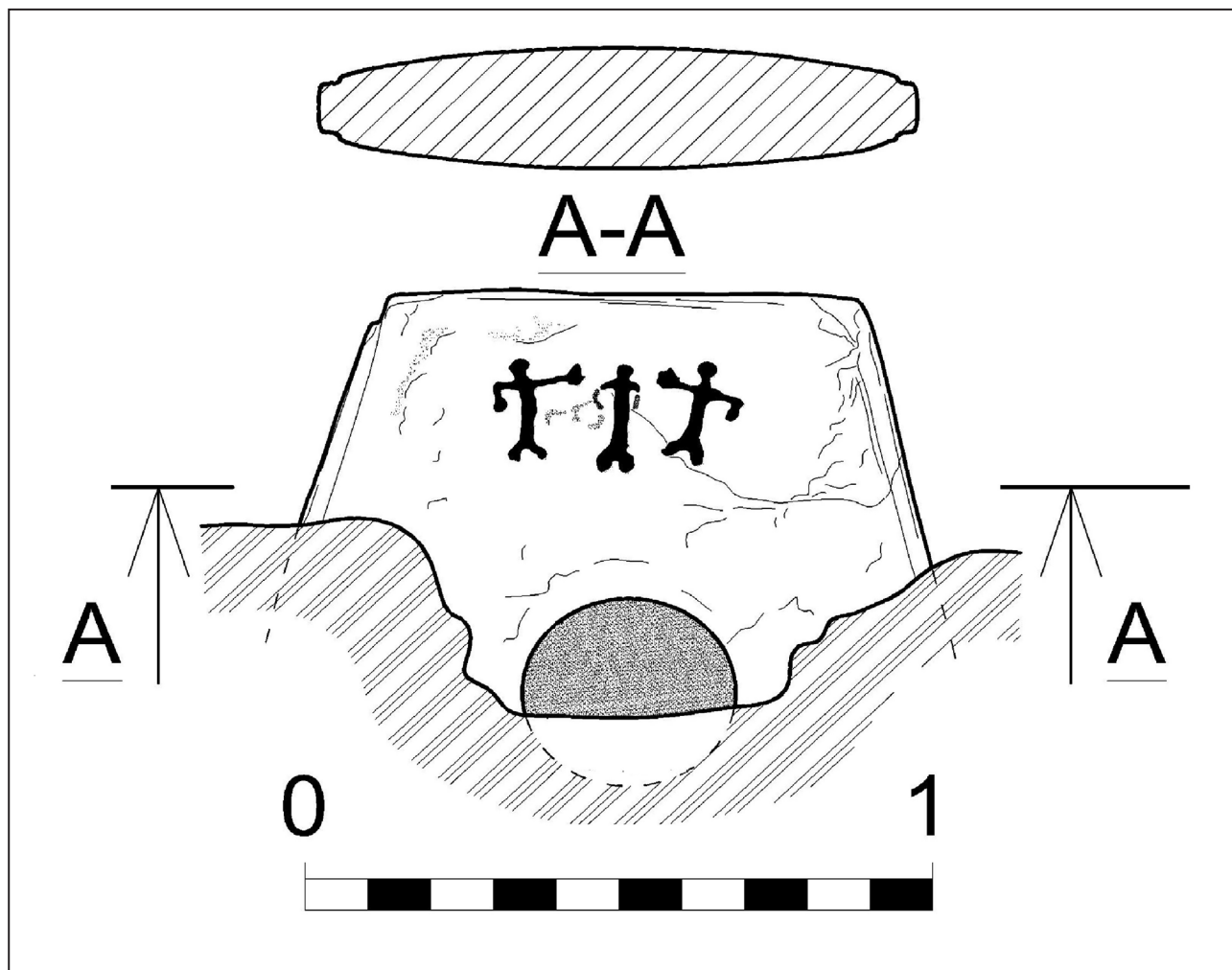


Рис. 4. Составной дольмен DS350 дольменной группы «Чумаки». Общий вид фасада с барельефной композицией

Fig. 4. DS350 composite dolmen of the Chumaki dolmen group. General view of the facade with a bas-relief composition

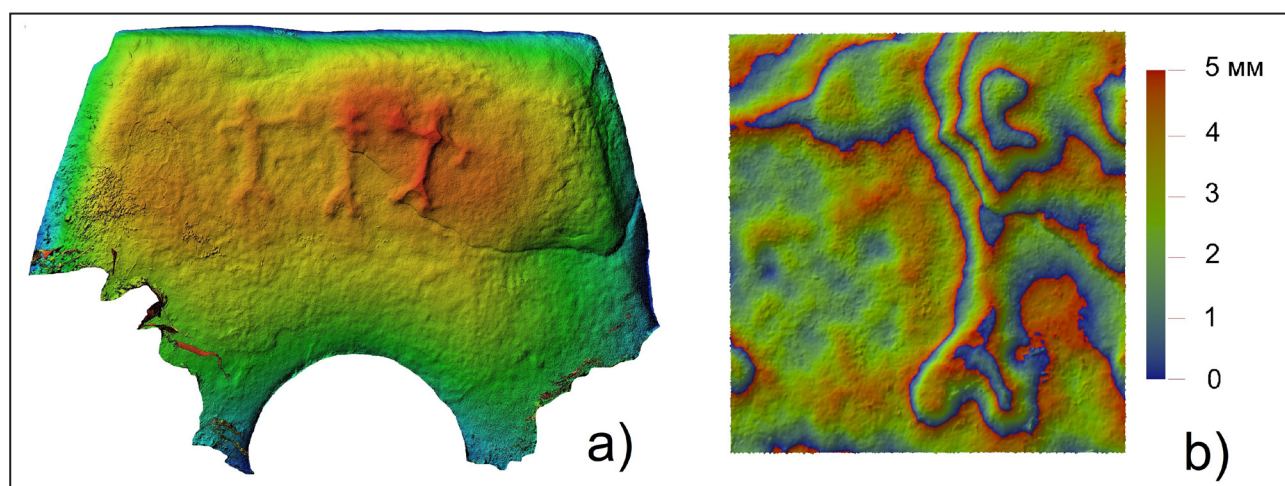


Рис. 5. 3-D обработка барельефной композиции на фасадной плите дольмена DS350. а – обработка при помощи карты высот, б – обработка с помощью процедурной градиентной карты

Fig. 5. 3-D processing of the bas-relief composition on the facade plate of the DS350 dolmen. a – processing using a height map, b – processing using a procedural gradient map

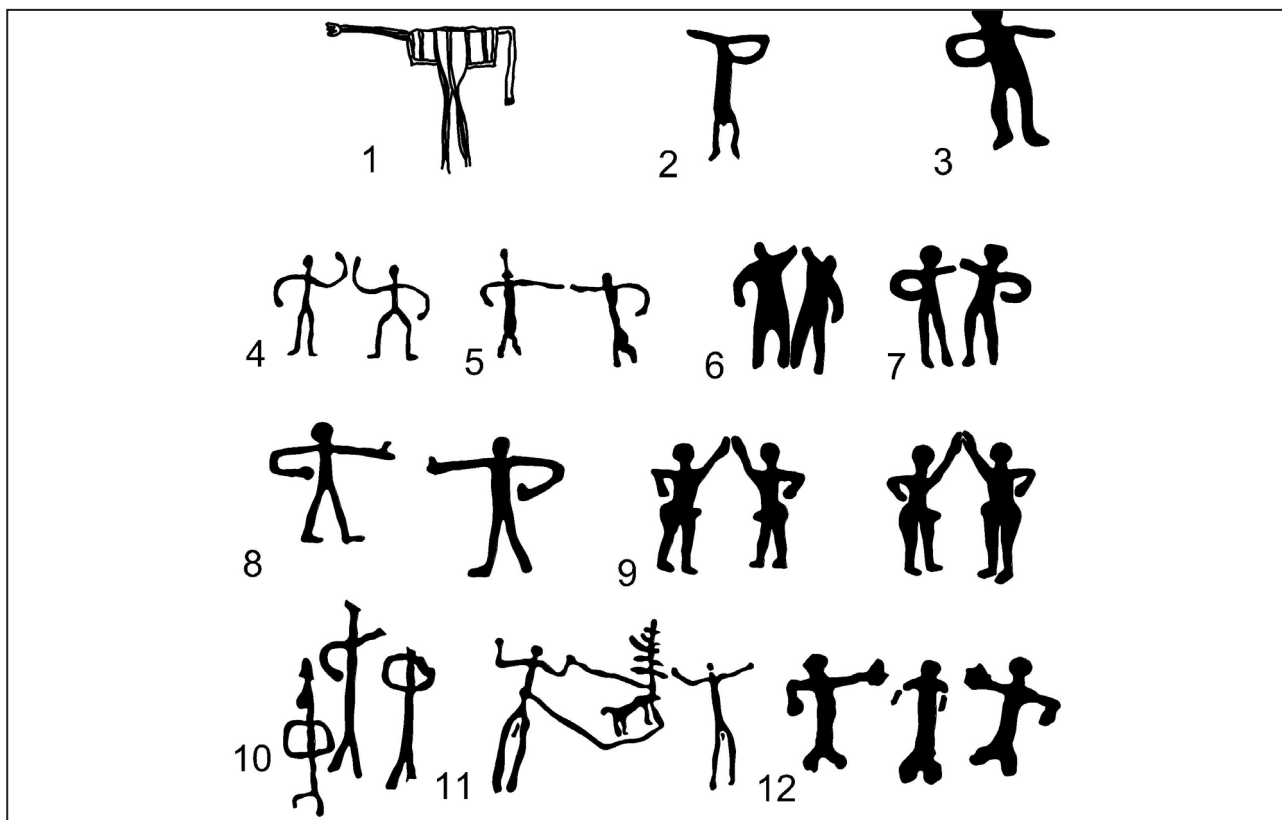


Рис. 6. Композиционные и стилистические аналогии в позах антропоморфных фигур с различных памятников эпохи бронзы от Закавказья до Крыма: 1–3 – одиночные фигуры, 4–9 – парные фигуры, 10–12 – парные фигуры с центральным элементом: 1 – гробница №28 из урочища Клады, полихромная роспись [17, с. 206]; 2, 3 – блоки дворака дольмена в Джубге, гравировка [5, с. 118]; 4, 5 – наскальные изображения, Гегамские горы, гравировка [19, с. 68, рис. 1, 5], 6, 7 – антропоморфные стелы, Ак-Чокрак, Верхоречье, горный Крым, барельефы [5, с. 121, рис. 5, 2, 5, 3.], 8 – фриз блока дворака дольмена в Джубге, гравировка [5, с. 117, рис. 4], 9 – фасад дольмена группы Капибге-1, барельеф [4, с. 351, рис. 5], блок дольмена А группы Шизе IV, гравировка [6, с. 296, рис. 2], 11 – наскальные изображения, Гегамские горы, гравировка [19, с. 68, рис. 16], фасадная плита составного дольмена группы Чумаки, барельеф

Fig. 6. Composition and stylistic analogies in the poses of anthropomorphic figures from various monuments of the Bronze Age from South Caucasus to Crimea: 1–3 – single figures, 4–9 – doubles figures, 10–12 – doubles figures with a central element: 1 – tomb No. 28 from the Klady tract polychrome painting [17, p. 206]; 2, 3 – blocks of the dolmen courtyard in Dzhubga, engraving [5, p. 118]; 4, 5 – rock carvings, Gegham Mountains, engraving [19, p. 68, fig. 1.5], 6, 7 – anthropomorphic steles, Ak-Chokrak, Verkhorechye, mountainous Crimea, bas-reliefs [5, p. 121, Fig. 5.2, 5.3.], 8 – frieze of the courtyard block of the dolmen in Dzhubga, engraving [5, p. 117, fig. 4], 9 – facade of the dolmen of the Kapibge-1 group, bas-relief [4, p. 351, Fig. 5], block of dolmen A of the group Schize IV, engraving [6, p. 296, fig. 2], 11 – rock carvings, Gegham Mountains, engraving [19, p. 68, fig. 16], facade plate of the composite dolmen of the Chumaki group, bas-relief

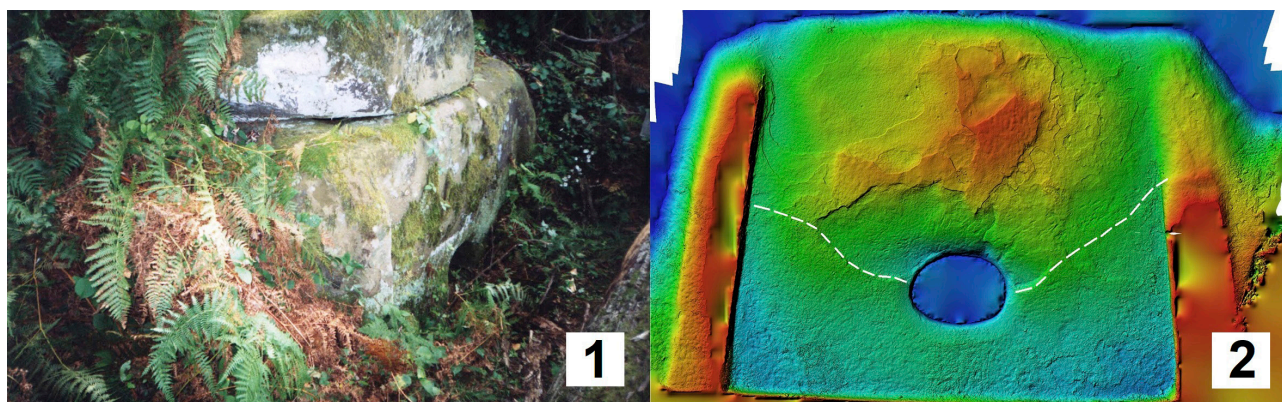


Рис. 7. Эрозия открытых и закрытых участков поверхности фасада дольмена группы «Верхняя Мамедка» (долина р. Куапсе, г. Сочи): 1 – уровень земли до расчистки (фото 2003 г.); 2 – различие состояния поверхностей, подверженной эрозии (над пунктиром) и законсервированной под землей (под пунктиром)

Fig. 7. Erosion of open and closed sections of the facade of the Verkhnyaya Mamedka dolmen (Kuapse River Valley, Sochi): 1 – the ground level before clearing (photo from 2003); 2 – the difference in the condition of surfaces subject to erosion (above the dotted line) and preserved underground (below the dotted line)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Глазов К.А., Кудин М.И., Марков Д.Н. Дольменная группа «Волчьих ворот» в бассейне р. Неожиданная (р. Мыжышчгуху). Вопросы археологии Адыгеи. Сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2021. С. 82–99.
2. Глазов К.А., Кудин М.И., Марков Д.Н. Северо-западная часть дольменного макроансамбля хребта Мизегух // Вопросы археологии Адыгеи. Сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2022. С. 93–116.
3. Глазов К.А., Кудин М.И., Марков Д.Н. Северо-восточная и восточная часть дольменного макроансамбля хребта Мизегух // Вопросы археологии Адыгеи. Сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2023. С. 67–87.
4. Глазов К.А., Кудин М.И., Кизилов А.С. Барельефные изображения на дольмене группы Капибге-1 в окрестностях Большого Сочи // История, археология и этнография Кавказа. 2024. №20 (2). С. 342–353.
5. Трифонов В.А. Дольмен Дзубга на Черноморском побережье Кавказа // Записки Института истории материальной культуры. 2014. № 10. С. 104–131.
6. Гей А.Н. Исследования дольменных памятников Западного Кавказа в 2005–2007 гг. // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 294–298.
7. Дэвлет М.А. О методике полевого изучения наскальных изображений // Краткие сообщения Института археологии. 1990. Вып. 202. С. 83–89.
8. Заика А.Л. Методика полевых исследований петроглифов: Учебно-методическое пособие (Сибирская археологическая полевая школа). Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2006. 43 с.
9. Лихачев В.А. Документирование петроглифов Канозера: от контактных методик к фотограмметрии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2021. № 2. С. 145–164.
10. Trebeleva, G., Glazov, K., Kizilov, A., Kizilova, A., Yurkov, V., Yurkov G. Advanced Technologies Used in Digitizing the Cultural Heritage of Northwestern Colchis: The Experience of the Markul Expedition // Appl. Sci. 2022. № 12. P. 2052.
11. Глазов К.А. Применение GIS-технологий и фотограмметрии в исследовании дольменов на примере макрогруппы Мизегух // Дольмены Западного Кавказа: новые и традиционные подходы к изучению. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Майкоп, 17 октября 2023 г.) (Ред.-сост. Голубев Л.Э.) Майкоп: ИП Магарин О.Г., 2023. С. 104–112.
12. Лихачев, В. А. Петроглифы Канозера: новые фигуры панели Каменный 4 // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3. № 2. С. 132–138.
13. Свойский Ю.М., Леванова Е.С., Романенко Е.В., Конакова Е.С. Исследование моделей эстампажей амурских петроглифов из коллекции МАЭ РАН // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 2(64). С. 279–298.
14. Парфенов В.А., Журавлев А.А., Галущкин А.А., Ронгонен С.Л. Применение технологии 3D-сканирования для оцифровки и создания физических копий эстампажированных памятников // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2021. № 58. С. 115–128.
15. Глазов К.А. Количественное и типологическое распределение дольменов на территории Большого Сочи // Известия Субтропического научного центра РАН. 2023. № 2. С. 38–49.
16. Глазов К.А., Кудин М.И., Марков Д.Н. Каталогизация дольменного макроансамбля «Виноградное» в бассейне р. Цусквадж // Вопросы археологии Адыгеи. Сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2024. С. 23–45.
17. Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). (Тр. ИИМК РАН;

1. Glazov KA., Kudin M.I., Markov D.N. Dolmen group "Volkhye Vorota" in the basin of Unexpected river (Myzhshchguh river). *Issues of archeology of Adygea (2021): Collection of scientific papers*. Maikop: Publishing house Magarin O.G. 2021: 82-99. (In Russ)
2. Glazov KA., Kudin MI., Markov DN. The north-western part of the dolmen macro-ensemble of the Mizeguh ridge. *Questions of the archeology of Adygea. Collection of scientific papers*. Maikop: Publishing house of Magarin O.G. 2022: 93-116. (In Russ)
3. Glazov KA., Kudin MI., Markov DN. The northeastern and eastern part of the dolmen macroensemble of the Mizegukh ridge. *Questions of archeology of Adygea. Collection of scientific papers*. Maikop: Magarin O.G. 2023: 67-87. (In Russ)
4. Glazov KA., Kudin MI., Kizilov AS. Bas-relief images on the dolmen of the Kapibge-1 group in the vicinity of Greater Sochi. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2024; 20: 342-353. (In Russ)
5. Trifonov VA. Dolmen Dzhubga on the Black Sea coast of the Caucasus. *Notes of the Institute of the History of Material Culture*. 2014;10: 104-131. (In Russ)
6. Gey AN. Research of dolmen monuments of the Western Caucasus in 2005–2007. *Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal*. Vol. I. Moscow: IA RAS, 2008: 294-298. (In Russ)
7. Devlet MA. On the methodology of field study of rock carvings. *Brief communications of the Institute of Archeology*. Moscow: Nauka. 1990;202: 83-89. (In Russ)
8. Zaika AL. *Methods of field research of petroglyphs: An educational and methodical manual*. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University, 2006. (Siberian Archaeological Field School). (In Russ)
9. Likhachev VA. Documentation of Canozera petroglyphs: from contact techniques to photogrammetry. *Problems of history, philology, culture*. 2021; 2: 145-164. (In Russ)
10. Trebeleva G., Glazov K., Kizilov A., Kizilova A., Yurkov V., Yurkov G. Advanced Technologies Used in Digitizing the Cultural Heritage of Northwestern Colchis: The Experience of the Markul Expedition. *Appl. Sci*. 2022; 12: 2052.
11. Glazov KA. The use of GIS technologies and photogrammetry in the study of dolmens on the example of the Mizeguh macrogroup. *Dolmens of the Western Caucasus: new and traditional approaches to the study. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Maykop, October 17, 2023)*. (Ed.-comp. Golubev L.E.). Maikop: IP Magarin O.G. 2023: 104-112. (In Russ)
12. Likhachev VA. Petroglyphs of Kanozera: new figures of the Kamenny 4 panel. *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Natural Sciences and Humanities*. 2024; 3(2): 132-138. (In Russ)
13. Svosky YuM., Levanova ES., Romanenko EV., Konakova ES. A study of models of prints of Amur petroglyphs from the collection of the MAE RAS. *Problems of history, philology, culture*. 2019; 2(64): 279-298. (In Russ)
14. Parfenov VA., Zhuravlev AA., Galushkin AA., Rongonen SL. Application of 3D scanning technology for digitization and creation of physical copies of framed monuments. *Scientific proceedings of the St. Petersburg Academy of Arts*. 2021; 58: 115-128. (In Russ)
15. Glazov KA. Quantitative and typological distribution of dolmens in the territory of Greater Sochi. *Proceedings of the Subtropical Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2023; 2: 38-49. (In Russ)
16. Glazov KA., Kudin MI., Markov DN. Cataloguing of the dolmen macroanamble "Vinogradnoe" in the basin of the river. Tsukvadzh. *Issues of archeology of Adygea (2024): Collection of scientific papers*. Maikop: Publishing house of Magarin O.G. 2024: 23-45. (In Russ)
17. Rezepkin AD. *Novosvobodnenskaya culture (based on materials from the Klady burial ground)*. St. Petersburg: Nestor-

Т. XXXVII). СПб.: Нестор-История, 2012. 342 с., 206 табл. ил. (16 цв. табл.)

18. Корневский С.Н. О понятиях «цивилизация, протоцивилизация» и знаках на керамике в культурах Подунавья, Кавказа и Переднего Востока в V-III тыс. до н.э. // Краткие сообщения Института археологии. 2013. №230. С.63–84.

19. Абрамян Л.А. Демирханян А.Р. Мифологема близнецов и мировое дерево // Историко-филологический журнал. 1985. № 4. С. 66–84.

20. Голан А. Миф и символ. М., 1993. 375 с.

21. Куприянова Е.В. Божественные близнецы: происхождение и развитие архетипа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2019. №48. С. 66–77.

22. Galili E., Rosen B. Protecting the ancient mariners, cultic artifacts from the holy land seas // *Archaeologia Maritima Mediterranea. An International Journal on Underwater Archaeology*. 2015. №12. Pp. 35–101.

23. Охонько Н.А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. Ставрополь: Дизайн студия Б, 2021. 246 с.

24. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения) // Советская археология». 1973. № 1. С. 3–23.

Istoriya, 2012 (Tr. IIMK RAS; Vol. XXXVII). 342 p., 206 tab. ill. (16 color tables) (In Russ)

18. Korenevsky SN. On the concepts of "civilization, protocivilization" and signs on ceramics in the cultures of the Danube region, the Caucasus and the Near East in the V-III millennium BC. *Brief communications of the Institute of Archeology*. 2013; 230: 63-84. (In Russ)

19. Abrahamyan LA. Demirkhanyan AR. The mythologeme of twins and the world tree. *Historical and Philological Journal*. 1985; 4: 66-84. (In Russ)

20. Golan A. *Myth and symbol*. Moscow, 1993: 375. (In Russ)

21. Kupriyanova EV. Divine twins: the origin and development of the archetype. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. Kemerovo: Publishing House of KemGUKI, 2019, No.48: 66-77 (In Russ)

22. Galili E., Rosen B. Protecting the ancient mariners, cultic artifacts from the holy land seas. *Archaeologia Maritima Mediterranea. An International Journal on Underwater Archaeology*. 2015; 12: 35-101.

23. Okhonko NA. *The Kafar Mausoleum of the 11th century Alan ruler and issues of its interpretation*. Stavropol: Design Studio B, 2021: 246. (In Russ)

24. Markovin VI. Dolmens of the Western Caucasus (some results of the study). *Soviet Archaeology*. 1973; 1: 3-23. (In Russ)

Поступила в редакцию 27.02.2025

Принята в печать 06.04.2025

Опубликована 15.12.2025

Received 27.02.2025

Accepted 06.04.2025

Published 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214515-537>

Исследовательская статья

Будайчиев Арсен Лахманович
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
arseneihae@yandex.ru

Сайпудинов Мурад Шахбанович
научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
haosta@mail.ru

БАНОЧНЫЕ СОСУДЫ КУРО-АРАКСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДАГЕСТАНА: ТИПОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы типологического и технико-технологического анализа баночных сосудов из памятников раннего бронзового века Дагестана, относящихся к куро-аракской культурно-исторической общности. Типология баночных сосудов осуществлена по их показательным морфологическим признакам – форма тулова, венчика, наличие ручек. В результате анализа сосудов выделяется шесть типов, среди которых в типе II представлены два подтипа (А, Б). В исследовании приводятся аналогии и параллели сосудам баночного типа не только сопредельных с Дагестаном регионов Кавказа, но более отдаленных регионов (Восточная и Центральная Анатолия, Северо-Западный Иран), где также представлены памятники куро-аракской культурно-исторической общности с сосудами подобного типа. Применение методики технико-технологического анализа баночных сосудов, разработанной А.А. Бобринским, позволило получить информацию о применявшихся рецептах (составах) формовочных масс. Рассматриваемые сосуды из памятников Горного Дагестана изготавливали по одному основному рецепту составления формовочной массы: глина + шамот + органический раствор. Для сосудов Приморского Дагестана зафиксировано использование двух рецептов составления формовочной массы: глина + шамот + навоз (77,8%); глина + шамот + органический раствор (22,2%). В ходе проведенного исследования удалось реконструировать гончарные традиции производства баночных сосудов. Они оказались различными. Это говорит об определенном различии, либо о существовании в Горном Дагестане более древней, возможно энеолитической, гончарной технологической традиции в условиях смешения с традициями куро-аракских гончаров Приморского Дагестана. Результаты исследования могут быть использованы при изучении керамики куро-аракской общности Кавказа и Ближнего Востока.

Ключевые слова: куро-аракская культурно-историческая общность; ранний бронзовый век; Горный Дагестан; Приморский Дагестан; керамика; технико-технологический анализ

Для цитирования: Будайчиев А.Л., Сайпудинов М.Ш. Баночные сосуды куро-аракских памятников Дагестана: типология и технология // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 4. С. 515-537. doi.org/10.32653/CH214515-537

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214515-537>



Research paper

Arsen L. Budaichiev
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
arseneihae@yandex.ru

Murad Sh. Saipudinov
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center, RAS, Makhachkala, Russia
haosta@mail.ru

JAR VESSELS FROM THE KURA-ARAXES SITES IN DAGESTAN: A TYPOLOGICAL AND TECHNOLOGICAL STUDY

Abstract. This article presents a typological and technological analysis of jar vessels from Early Bronze Age sites in Dagestan associated with the Kura-Araxes cultural-historical community. The jars are classified according to key morphological features: body shape, rim form, and the presence of handles. This classification yields six types, with Type II further divided into two subtypes (A and B). Analogies and parallels for these jars are drawn not only from regions of the Caucasus adjacent to Dagestan but also from more distant areas, including Eastern and Central Anatolia and Northwestern Iran, where Kura-Araxes sites have produced similar vessels. Applying the technical and technological analysis method developed by A.A. Bobrinsky, we obtained data on the recipes (compositions) of the molding pastes used for these jar vessels. Vessels from sites in Mountainous Dagestan were produced using a single primary recipe: clay + chamotte + organic solution. In contrast, vessels from Primorsky Dagestan employed two recipes: clay + chamotte + manure (77.8%) and clay + chamotte + organic solution (22.2%). These findings enabled the reconstruction of pottery traditions in jar production, which proved to be distinct between the two regions. This distinction suggests the persistence in Mountainous Dagestan of an older, possibly Eneolithic, technological tradition in pottery-making, alongside influences from the Kura-Araxes potters of Primorsky Dagestan. The results of this study can contribute to investigations of Kura-Araxes pottery across the Caucasus and the Middle East.

Keywords: Kuro-Araxes cultural and historical community; Early Bronze Age; Mountainous Dagestan; Primorsky Dagestan; pottery; technical and technological analysis

For citation: Budaichiev A.L., Saipudinov M.Sh. Jar Vessels from The Kura-Araxes Sites in Dagestan: A Typological and Technological Study. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 515-537. doi.org/10.32653/CH214515-537

Введение

Среди многообразных типов керамической посуды, представленных на дагестанских памятниках куро-аракской культурно-исторической общности (далее – КИО) раннего бронзового века, одно из ведущих мест занимают сосуды баночной формы, которые с этого времени становятся традиционной формой керамической посуды. По своим морфологическим характеристикам баночные сосуды представляют широкоустные изделия открытого типа с широким плоским дном, с прямыми вертикальными, плавно расширяющимися кверху стенками или редко – со слегка суживающимися или немного выпуклыми стенками в центральной части тулова. Как правило, эти сосуды снабжены разнотипными ручками.

Самые ранние образцы баночных сосудов различных типов в Дагестане известны еще на раннеземледельческих памятниках – это Чохская неолитическая стоянка и энеолитические поселения Гинчи и Чинна [1, с. 16, 27, рис. 3, 13, 6, 18; 2, с. 69, 75, 117, рис. 13, 5, 11, 15, 16, 19, 19, 8]. Такая же картина наблюдается на Южном Кавказе, где на памятниках неолита – энеолита начинают встречаться сосуды баночной формы (поселения Шорсу, Кюль-тепе, Акнашен-Хатунарх и др.) [3, fig. 9: 3, 1, 4, 6, 12–14; 4, с. 140, рис. 5, 8–9; 5, с. 31–32, рис. 3, 4, 4, 8, 11, 14, 15; 5, 2, 6]. Данный факт указывает на то, что сосуды баночного типа относятся к одной из архаичных форм глиняной посуды (наряду с мисками/чашами и горшкообразными сосудами), встречающейся в памятниках Кавказского региона.

Настоящая публикация основана на материалах как бытовых (поселения Великент II, Галгалатли, Геме-тубе II, Кабаз-кутан II, Мекеги, Сигитма, Чиркей, Шаракурн), так и погребальных (Великентский I (катакомба 8), Великентский II (катакомба 1), Великентский III (катакомба 1), Гонабский, Карабудахкентский II могильники и могильник Щебоха) памятников, расположенных в разных физико-географических и природно-климатических зонах Дагестана (рис. 1), из которых происходит довольно большое количество сосудов баночной формы различного формата, как археологически целых, так и во фрагментарном состоянии. Некоторые из них в виду их малых размеров ($h = <10$ см, $d_{\text{венчика}} = <10$ см) и наличия ручек мы относим к категории кружек, которые в данной публикации не рассматриваются.

Типология

В основе типологии рассматриваемых баночных сосудов лежат их яркие морфологические черты, а именно форма тулова и венчика, а также наличие, местоположение того или иного типа ручек.

Тип I – одноручные сосуды с прямыми вертикальными стенками и плавно отогнутым, часто невыраженным венчиком. Сосуды данного типа имеют практически равные пропорции по соотношению диаметра устья и дна (иногда устье чуть превосходит ширину дна), что придает им форму невысокого цилиндра. Соотношение дна/устья по отношению к высоте составляет 1:0,9–1. Данного типа баночные сосуды малочисленны, они представлены, главным образом, в ранних Великентских катакомбах (около 10 экз.) (рис. 2, 2–4). В Горном Дагестане (пос. Мекеги) представлен лишь один образец подобного типа сосуда – с невыраженным, плавно отогнутым венчиком, снабженный одной ленточной ручкой, расположенной под закраиной банки (рис. 2, 1).

Тип II – сосуды с немного расширяющимся к устью туловом, с выраженным, иногда не профилированным венчиком. Плавное расширение тулова, как правило, начинается с придонной части, и лишь у некоторых образцов небольшого размера (например, баночные сосуды из Шаракурнского поселения (рис. 3, 9) оно начинается в средней части, придавая сосуду раструбовидную форму. У этого типа диаметр устья превосходит диаметр дна (соотношение 1:1,2–1,4). Этот тип является самым многочисленным и широко распространенным среди данной категории сосудов и представляет собой, можно сказать, «классическую» форму сосудов баночного типа, происходящих с памятников раннего бронзового века Дагестана. Встречаются как как крупные ($h = >20$ см), так и меньшего размера ($h = 10–15$ см) сосуды этого типа, снабженные как одной, так и двумя ручками разных типов. Выделяются два подтипа.

Подтип А – сосуды с профилированным коротким отогнутым венчиком, снабженные одной, реже двумя, ленточными ручками с усиками, расположенными часто у закраины сосуда, в некоторых случаях чуть ниже нее. Подобные подтипы сосудов баночной формы являются характерными для памятников равнинно-предгорного Дагестана: Великентский I могильник (катакомба 8) (рис. 2, 5–8), поселение Геме-тубе II [2, рис. 22, 10, 13] Карабудахкентский II могильник [6, рис. 8].

Подтип В – сосуды с невыраженным, отогнутым наружу венчиком. Встречаются как высокие ($h = 18–20$ см) двуручные, так низкие одноручные баночные сосуды, представленные в памятниках Горного (поселения Галгалатли, Мекеги, могильник Щебоха) и Приморского (Великентского I могильника, катакомба 8) Дагестана (рис. 3, 1–3, 5–6, 8). Для упомянутого поселения Галгалатли также характерны невысокие баночные сосуды, снабженные псевдоручками в виде горизонтальных выступов, расположенных чуть ниже закраины (рис. 3, 4, 7).

Тип III – сосуды с немного выпуклым в средней части туловом (рис. 4). Все известные сосуды этого типа происходят из ранних великентских катакомб и имеют различные размеры. Одним из показательных образцов разбираемого типа банок является двуручный сосуд приземистой формы с отогнутым кососрезанным венчиком, наружную часть основания венчика опоясывает узкий желобок (рис. 4, 5). Также желобки располагаются на спинках усовидного типа ленточных ручек. Определенное сходство с описанным типом имеет обломок сосуда округлобокой формы со слегка загнутым внутрь венчиком, происходящий из поселения Сигитма (рис. 4, 6).

Тип IV – редкой формы баночные сосуды с немного вогнутым в средней части туловом и отогнутым наружу выраженным венчиком. Такой формы сосуды встречены на поселениях Великент II и Кабаз-кутан II (рис. 5). Один из целых сосудов этого типа снабжен псевдоручкой в виде круглого цилиндрического налепа в верхней части тулова (рис. 5, 1). Аналогичного типа ручки имеют фрагменты баночных сосудов из поселений Кабаз-кутан II и Геме-Тубе II [7, рис. 6, 5–6; 2, рис. 22, 13]. Близкое сходство с подобного типа баночными сосудами мы обнаруживаем на Чиркейском поселении Тад-Шоб, на котором была найдена большая одноручная широкоустная кружка ($d_{\text{венчика}} = 15$ см) с широким плоским выступающим дном и сильно отогнутым венчиком, вследствие чего в средней части тулова образуется своеобразная небольшая вогнутость; тулово сосуда покрыто многорядным врезным зигзагообразным пояском [8, рис. 10, 2]. Подобного типа баночные сосуды были встречены на поселении Трели в Грузии [9, p. 67–68, fig. 95, 3].

Последние два типа происходят из катакомбы 8 Великентского могильника I, в которой было обнаружено около 500 керамических сосудов различных форм и размеров, среди которых к баночным сосудам относятся свыше 60 образцов, как целых, так и фрагментированных.

Тип V – небольшой ($h = 9,5$ см), приземистой формы баночный сосуд с широким плоским дном ($d = 9,3$ см), с суживающимися кверху стенками и плавно отогнутым наружу венчиком ($d = 8$ см), образующим S-образный профиль (рис. 5, 7). Сосуд снабжен псевдоручками в виде расположенных на противоположных сторонах роговидных налепов с маленькими вертикальными сквозными отверстиями для тесьмы.

Тип VI – баночный сосуд ($h = 12$ см), с почти цилиндрическим туловом, с сужающимися к устью плечиками и резко отогнутым коротким венчиком ($d = 10$ см; $d_{\text{дна}} = 9,5$ см) (рис. 5, 8). Сосуд снабжен псевдоручками в виде имитаций полушарного типа ручек с узкими сквозными горизонтальными отверстиями.

Аналогии и параллели

Ближайшие аналогии и параллели рассматриваемым баночным сосудам с территории Дагестана мы находим на памятниках куро-аракской КИО Южного Кавказа.

В первую очередь следует упомянуть многослойное Нахичеванское поселение Кюль-тепе, из слоев раннего бронзового века которого происходят серо- и чернолощенные баночные сосуды цилиндрической формы, снабженные полушарными ручками, расположенными в средней части тулова [10, с. 132, табл. XXI, 2]. Близкие аналогии описанным сосудам типа I представлены в материалах курганов Дашлытепе и Османбозу [9, fig. 60, 6; 11, с. 77, рис. XXIX, 7].

В погребальных памятниках Северо-Западного Азербайджана присутствуют как одноручные, так и двуручные баночные сосуды малых форм, с расходящимися стенками, которые почему-то именуется «ковшами» [11, с. 76, рис. XXIX, 1–4]. Аналогичные по форме сосуды из поселений Армавир-блур, Заглик интерпретируются Б.А. Куфтиным как кружки [12, с. 91–92, табл. XX, 2, 4, рис. 50], за исключением одного широкоустного низкого сосуда с ручкой, который он называет «глиняным ковшом (или чашей с ручкой)»¹ из сел. Алигрех [12, с. 99, табл. XX, 1, рис. 54a]. Р.М. Мунчаев в своих работах [6, с. 164–165, рис. 5, 6–7, 9, 7, 1, 8; 13, с. 87, табл. VIII, 8–13] относил разноразмерные сосуды подобного типа к горшкам и кружкам баночной формы. В Квемо-Картлийском регионе Грузии² (поселение Самшвилде) также встречаются небольшие двуручные сосуды баночного типа [9, fig. 60, 4].

Упомянутые кружки и сосуды баночной формы из южнокавказских памятников имеют практически близкие параллели и аналогии некоторым образцам дагестанских баночных сосудов типа II. Как и в Закавказском регионе, разнообразные горшки баночной формы представлены в бытовых памятниках Северо-Восточного Кавказа (поселения Луговое, Сержень-Юрт) и подразделяются на два основных типа – конусовидные и цилиндрические [13, с. 108, 110, табл. XXVII, 1, 2, рис. 32; 14, с. 358, рис. 77, 4].

Немного подробнее остановимся на материалах приурмийского поселения Яник-тепе (Северо-Западный Иран), на котором представлено несколько типов керамических сосудов баночной формы. Самой типичной формой является двуручный баночный сосуд с выделенным отогнутым утолщённым венчиком и вздутым в нижней части туловом [9, fig. 58, 2]. Подобного типа сосуды представлены и на прилегающей территории в памятниках на юго-восточных склонах Малого Кавказа [15, с. 84, табл. 54, 4]. Отличительная особенность указанных сосудов от Великентских сосудов типа III – низкое расположение вздутой, т.е. наибольшего расширения тулова. Среди сосудов баночного типа из поселения Яник-тепе выделяется экземпляр приземистой формы с широким выступающим дном, сильно отогнутым разложистым венчиком и вогнутым в средней части туловом, что придает сосуду дуговидную профилировку [16, рис. 36, 9; 17, рис. 25, 9]. Поверхность горшка покрыта геометрической росписью. Данный сосуд по своей морфологии имеет сходство с кружкой из Чиркейского поселения [8, рис. 10, 2]. Таким образом, можно констатировать, что различного размера сосуды баночной формы широко представлены в регионах бытования куро-аракской общности.

В эпоху ранней бронзы баночные сосуды получили распространение и за пределами ареала отмеченной культурно-исторической общности. Так, например, среди материалов некрополя Шах-Тепе (Северо-Восточный Иран) представлены небольшие по размеру ($h = 7,5–10,7$ / $max. 14,2$ см) сосуды баночной формы, украшенные росписью из чередующихся между собой штрихованных, решетчатых и зигзагообразных полос. Некоторые из них имеют определенное сходство с рассматриваемыми баночными сосудами куро-аракской общности. Это двуручные сосуды с цилиндрическим корпусом, баночки с расширяющимися кверху стенками и так называемые сосуды с «дуговидной профилировкой» [18, р. 150–151, 154–155, 158, 160–161, 163, 188–189, fig. 203, no. 950, р. 204, no. 818, р. 205, no. 822, р. 210, no. 541, р. 211, no. 505, р. 212, no. 427, р. 225, no. 1695–1696, р. 226, no. 1075, р. 227, no. 1032, р. 228, no. 1031, р. 233, no. 987, р. 245, no. 1626, р. 246, no. 1629, р. 255, no. 1433, р. 364–365, 367–368].

Вопросы декора баночных сосудов

На рассматриваемых баночных сосудах из памятников Дагестана (как и всей куро-аракской КИО) орнамент представлен лишь на единичных экземплярах. Он однороден и представлен в виде оконтуривающего донную часть врезного пояса из ломанных линий, образующих зигзагообразный орнамент-шеvron, на двух сосудах – на баночной форме кружке и баночном сосуде типа III из катакомбы 8 Великентского I могильника (рис. 4, 2), а также на упомянутом выше баночном сосуде типа III из Чиркейского поселения Тад-Шоб, на котором подобный орнамент из двух рядов поясков шеврона расположен в средней части тулова [8, рис. 10, 2]. Отмечу, что на поселении Гюзелова (Северо-Восточная Анатолия) был найден сосуд баночного типа, у которого утолщённая придонная часть оформлена ана-

1 В то же время Т.И. Ахундов продолжал относить подобной формы баночные сосуды к ковшам.

2 В достаточном количестве баночные сосуды представлены и на других знаковых куро-аракских памятниках данного региона. Упомянем также поселение Илто, на котором подобные разноразмерные сосуды являются основной формой керамики [26, с. 51].

логичным орнаментом в виде шеврона [9, p. 67–68, fig. 59, 8]. Он по форме тулова (сужение в средней части) типологически близок сосудам типа IV из Великентского поселения II.

Вместе с тем заметим, что врезной орнамент в виде опоясывающего шеврона является типичным и для других форм керамических сосудов и практически повсеместно встречается на памятниках куро-аракской КИО [9, fig. 115].

На рассматриваемых сосудах спорадически встречается также декор в виде различных рельефных налепов, среди которых особо отметим налепной валик, имитирующий изображение змеи на баночном сосуде типа III, также происходящего из катакомбы 8 Великентского I могильника (рис. 4, 1). Аналогичный змеевидный декор присутствует на горшке со вздутым туловом из синхронной катакомбы 1 Великентского могильника II [19, рис. 44, 1]. В памятниках куро-аракской КИО керамика с подобным типом украшения за пределами Дагестана нам не известна. В уже упомянутом могильнике Шах-тепе (в слое конца эпохи ранней бронзы) был выявлен яйцевидной формы сосуд с рельефным изображением по тулову ползущей вверх змеи [18, p. 205, fig. 409]. Отличительная особенность данного рельефа от изображения на рассматриваемых сосудах заключается в его реалистичном исполнении. Изображения ползущих и извивающихся змей по стенкам керамических сосудов также хорошо известны по среднеазиатским памятникам эпохи бронзы (Алтын-депе, Ак-депе) [20, с. 151].

В посткуро-аракскую эпоху, а именно в поздних Великентских катакомбах, в деталях декора бронзовых украшений (булавки, якоревидные подвески и др.) в обязательном порядке присутствуют имитации изображений змеи [21, с. 13, 15, 17, рис. 3, 5, 1–7, 13, 6, 2, 10–12, 7, 1–3, 8–22, 24, 27; 22, рис. 16, 29]. Но в тоже время этот элемент, несущий декоративную и религиозно-идеологическую нагрузку, совершенно не представлен на керамических сосудах этих же погребальных сооружений. В более поздние эпохи (ранний железный век, албано-сарматское и раннесредневековое время) в Дагестане встречаются сосуды со «змеиным» декором. Самые ранние истоки стилизованного изображения змеи на керамических изделиях, в том числе и на баночных сосудах, мы находим на неолитических памятниках Южного Кавказа (поселения Кюльтепе и Дангреули гора) [23, с. 31–32, рис. 5, 6].

Следующим типом рельефного декора является повернутый концами вниз налепной трезубец, изображенный в верхней части баночного сосуда из Гонобского могильника. Аналогичного типа рельефные трезубцы встречены также на некоторых куро-аракских памятниках (поселение Сигитма и Карабудахкентский могильник II) равнинно-предгорной зоны Дагестана [8, рис. 14, 22, 6, рис. 5, 1–2]. Подобные налепы представляют своего рода стилизованные изображения рогов быка или букраний (хотя в классическом варианте он представляет двузубец). На поселение Сугют (приморская часть Южного Дагестана) раннего бронзового века представлены различные вариации букраниев – как с обращенными вверх концами трезубца, так и повернутыми вниз. За пределами Дагестана подобные рельефные налепы встречаются на поселениях Самшвилде, Серкер-тепе [9, fig. 38, 3; 24, табл. XIII, 6, XV, 6] и др. В данной статье не будем подробно останавливаться на этих религиозно-идеологических элементах декора керамики – это тема отдельной работы. Подытоживая, отметим, что стилизованные изображения змей и бычьих рогов-букраний являются одними из элементов, отражающих раннеземледельческие культы, распространенные в культурах бронзового века.

Говоря о декоре рассматриваемых сосудов, упомянем и налеп в виде круга/кольца, представленный, в частности, на двуручном баночном сосуде со вздутым в средней части туловом (тип III), происходящий из Великентского I могильника (к.8) (рис. 4, 3). Кольцевые налепы на нем располагаются в верхней части сосуда в пространстве между ручками. Аналогичные округлые налепы можно встретить на упомянутых уже поселениях Сугют (Южный Дагестан) и Серкер-тепе (Северо-Восточный Азербайджан) [24, табл. XIII, 5].

К вопросу функционального назначения

Как уже отмечалось выше, сосуды баночной формы в зависимости от их пропорций классифицируются как кружки и, собственно, сосуды баночного типа. Традиционно в дагестанской археологической литературе разноразмерные сосуды баночной формы (в которые, как правило, включали и сосуды типа кружек) относили к столовой керамике. Но поднимается вполне резонный вопрос о функциональном назначении самих сосудов баночной формы. В.М. Котович сосуды этого типа из напластований

периода среднего бронзового века Верхнегунибского поселения относил к кухонной посуде в связи с наличием следов нагара на некоторых из этих фрагментов [25, с. 153]. О.А. Абибуллаев на основании выявленных остатков зерна внутри одного из сосудов такой формы пришел к выводу, что, возможно, близкие по своей форме керамические изделия использовались для хранения продуктов [10, с. 71]. С мнением исследователя можно согласиться, основываясь на том, что на рассматриваемых памятниках встречались и относительно крупные ($h = >20$ см) баночные сосуды с широким устьем ($d = >20$ см), не имевшие следов воздействия огня, которые вполне могли предназначаться для кратковременного хранения сыпучих или иных продуктов, а не для приема пищи. Заметим, что эти сосуды существенно уступают по размерам крупным стационарным тарным сосудам-хранилищам, рассчитанным на несколько десятков литров и на долговременное хранение. Можно с определенной уверенностью говорить, что крупные сосуды баночной формы с высокими вертикальными стенками относятся к одной из разновидностей тарной керамики. В связи с этим весьма символично условное изображение змеи на одном из сосудов, вероятно, выполняющее своего рода роль оберега-охранителя содержимого. В пользу того, что сосуды баночной формы относятся к тарной керамике, может свидетельствовать упоминавшийся выше двуручный сосуд из поселения Яник-тепе, изображение которого в публикациях отечественных авторов сопровождается вместе с изображением дисковидной крышки над сосудом [16, рис. 36, 16; 17, рис. 25, 16; 26, табл. 9, 14] – характерной детали керамических емкостей для хранения продуктов питания.

Самым крупным из известных нам баночных сосудов является экземпляр из поселения Бет Йерах (Хирбет-Керак), относящегося к куро-аракской КИО и имеющий высоту 50 см [27, р. 263, fig. 5e]. Из дагестанских экземпляров самый крупный образец имеет высоту около 30 см, происходит из катакомбы 8 Великентского могильника I (хранится в Археологических фондах Института ИАЭ ДФИЦ РАН).

В памятниках гинчинской культуры среднего бронзового века представлено несколько типов разноразмерных сосудов баночной формы, некоторые из которых продолжают традиции керамики этой категории раннего этапа бронзового века Горного Дагестана (поселение Галгалатли) [28, с. 99–100, рис. 91, 1, 10, 11; 8, рис. 17, 3–5, 12]. По всей видимости, к керамике тарного назначения можно отнести баночные сосуды вытянутой формы с высокими стенками и обмазанной поверхностью, происходящие с памятников указанной культуры Юго-Восточной Чечни [28, с. 100, рис. 91, 3, 4].

В катакомбах Приморского Дагестана среднего бронзового века (поздние Великентские катакомбы) представлены образцы керамической посуды, условно относящиеся к сосудам баночного типа, но и значительно отличающиеся от типичных баночных форм предшествующего периода³. Но в этих же погребальных памятниках встречены несколько кружек баночной формы, аналогичные таковым предыдущей эпохи [22, с. 64–65, рис. 10, 8, 13, 11], что можно рассматривать как преемственность в традициях гончарного производства.

В этом аспекте весьма актуальным представляется изучение и сравнение технико-технологической составляющей гончарного производства двух периодов, которые являются важнейшими этапами в истории гончарного производства региона.

Результаты технико-технологического анализа

Основным объектом изучения стали баночные сосуды с памятников, относящихся к куро-аракской КИО середины IV – середины III тыс. до н.э. Рассматриваемая керамика изучалась на основе методики технико-технологического анализа, разработанной А.А. Бобринским [29; 30, с. 5–106; 31]. Микроскопический анализ проводился с использованием бинокулярного микроскопа Sunshine SZM45T.

Для технико-технологического анализа были отобраны две серии образцов: целые сосуды и крупные обломки баночных сосудов. К первой серии относятся баночные сосуды, происходящие из памятников Горного Дагестана: из поселения Галгалатли – 3 сосуда, из поселения Мекеги – 1 сосуд, из поселения Сигитма – 2 сосуда и могильника Щебоха – 3 сосуда. Во вторую серию вошли баночные сосуды из памятников Приморского Дагестана: из поселения Кабаз-Кутан II – 5 сосудов и из Великентского I могильника – 4 сосуда.

³ Они представлены небольшими приземистыми безручными сосудиками с профилированными стенками и уступчато-выделенной шейкой [22, с. 67, рис. 10, 3, 13, 5].

Баночные сосуды из памятников Горного Дагестана были изготовлены из сильно ожелезненного (100% образцов) (табл. 1) и сильно запесоченного (77,8% образцов) (табл. 2) глинистого сырья с искусственной примесью шамота, идентичного по составу теста тесту самих сосудов (рис. 8, 1–2), со средним размером частиц от 1,5 до 2 мм. Концентрация шамота варьируется от 1:3 до 1:5. Интересно, что в баночном сосуде из поселения Галгалатли в шамоте из сильно ожелезненной глины присутствует шамот из слабо ожелезненной глины (рис. 8, 2). В поселениях Сигитма, Галгалатли и в могильнике Шебоха был отмечен шамот со следами лощения (рис. 8, 1). Во всех рассмотренных сосудах зафиксировано использование в формовочной массе органического раствора (100% образцов) (табл. 3). Органический раствор фиксируется на поверхности сколов в виде аморфных, округлых пустот или трещин размером от 0,7–1,2 мм до 4–5 мм, а также в месте нахождения шамота стенки этих пустот покрыты бесцветной матовой пленкой с блеском (рис. 8, 3–4).

По свежим изломам на целых сосудах и по крупным фрагментам удалось установить, что строительным элементом для конструирования сосуда служил лоскутный налеп (рис. 6, 4–5). Баночные сосуды из поселений Мекеги, Галгалатли и могильника Шебоха изготавливались по программе емкостного начина – данный способ удалось зафиксировать в четырех сосудах. Для емкостного начина характерно раздельное изготовления дна и стенок (емкости сосуда). Признаками емкостного начина послужила сильная деформация стенок в месте соединения со дном, а также наличие дополнительного скрепляющего жгута в месте соединения стенок со дном с внутренней стороны сосуда (рис. 6, 4–5, 7–8). Интересно и то, что в двух случаях на сосудах из поселений Галгалатли и Мекеги дно, изготовленное отдельно, заложено с внешней стороны (рис. 6, 7–8).

При обработке внешней и внутренней поверхности зафиксировано четыре механических способа обработки поверхностей: лощение, ручное заглаживание, заглаживание пучком травы, полирование (табл. 4). Следует отметить, что одни и те же участки поверхности сосуда могли подвергаться разным способам обработки: заглаживанию пучком травы с последующим лощением; ручному заглаживанию с последующим лощением и дополнительным смачиванием поверхности; лощению с последующим полированием (рис. 6, 1–3). Зафиксированы несколько способов лощения: вертикальное; вертикальное под углом; горизонтальное; горизонтально-дуговое с частым перекраиванием. Чаще всего внешняя поверхность сосудов лощилась и заглаживалась вручную в соотношении соответственно 45,5% и 36,4%, в то время как внутренняя поверхность чаще лощилась (54,5%) и в меньшей степени заглаживалась (27,3%). Можно осторожно предположить, что в этом явлении наблюдается приобретенный опыт, показывающий важность лощения внутренней поверхности сосуда для повышения его влагоустойчивости.

В поселении Галгалатли и могильнике Шебоха зафиксировано по одному баночному сосуду, характеризующимся обмазыванием внешней и внутренней поверхности дополнительным слоем глины толщиной до 2 мм с последующим заглаживанием (могильник Шебоха) и лощением (поселение Галгалатли) (рис. 8, 5, 6). Следует отметить, что названные памятники расположены недалеко друг от друга в единой геоморфологической зоне и их насельники могли обладать близкими гончарными навыками.

Анализ цветовой характеристики изломов позволил выделить три вида обжига сосудов:

вид 1 – обжиг в окислительной среде при высокотемпературном режиме со средней выдержкой последующего остывания, с равномерным прокалом стенок как с внешней, так и с внутренней стороны до 1,5–2 мм, со светло-коричневыми, оранжевыми краевыми слоями; граница между цветовыми слоями резкая, середина излома темно-коричневого цвета;

вид 2 – обжиг в восстановительной среде без доступа кислорода; цвет черепка равномерный темно-серого цвета;

вид 3 – обжиг, характеризующийся приобретением сосудом пятнистой поверхности светло-коричневых, оранжевых, темно-серых цветов с прокаливанием стенок только с внешней стороны местами до 1–1,5 мм. Данный вид обжига характерен при не контролируемом горении топлива с резкими высокими подъемами температуры при «очаговом» обжиге.

Важно отметить, что два последних вида обжига зафиксированы только на поселение Галгалатли.

Баночные сосуды из памятников Приморского Дагестана. Гончары при изготовлении керамики использовали сильно ожелезненные (100%) (табл. 1) глины слабой (55,6%) и средней запесоченности (44,4%) (табл. 2). Единственным случаем, зафиксированным в сосуде из Великентского I могильника, была естественная примесь с единичным включением овальной формы красно-бурого железняка

размером до 1 мм (рис. 9, 1). В остальных сосудах естественные включения размером выше 0,3 мм не наблюдаются, что может говорить о предварительном отмучивании сырья перед использованием.

Минеральной искусственной примесью в составлении формовочной массы в 100% использован шамот (рис. 9, 2–4) (табл. 3). Шамот зафиксирован двух видов: 1) когда его просеивали через сито с верхней градацией частиц со средним размером 1,0–1,5 мм перед добавлением в глину (рис. 9, 3) и 2) когда шамот добавлялся в формовочную массу сразу после дробления, т.е. он не был калиброванным (рис. 9, 4). В анализируемой керамической посуде поселения Кабаз-Кутан II и Великентского I могильника, расположенных относительно близко, был отмечен шамот с лощеной поверхностью (рис. 9, 2). Как правило, сырье шамота аналогично составу формовочной массы исследуемых сосудов. Концентрация шамота определена как 1:4.

Следующей естественной добавкой был навоз мелкого рогатого скота. Он наблюдался в 77,8% рассмотренных сосудов (рис. 9, 5). На свежих изломах он фиксируется по характерным отпечаткам в виде полых округлых пустот размером 0,2×1 мм, образовавшихся после выгорания сильно измельченной растительности, а также по отпечатку с бороздками размером 0,3–0,7 мм. В 22,2% образцов встречено использование органического раствора (рис. 9, 6).

Конструирование всех рассмотренных сосудов проводилось с помощью лоскутного налепа по донно-емкостной программе (рис. 7, 1–6). Применялись специальные формы-основы, на которые снаружи налеплялась глина. Данное утверждение также подтверждается ранее проведенным исследованием керамики с поселения раннего бронзового века Ново-Гапцах в Приморском Дагестане [32, с. 15–28].

В ходе микроскопического анализа внешней и внутренней поверхности было зафиксировано два способа обработки поверхностей: лощение и ручное заглаживание. Внешняя поверхность в 100% случаев лощилась, в то время как для обработки внутренней поверхности гончары отдавали предпочтение ручному заглаживанию (55,5%), а внутреннему лощению подвергались 45,5% сосудов. Чаще всего использовалось вертикальное лощение для внешней поверхности, иногда горизонтальное, при обработке же внутренней применялось только горизонтальное лощение (табл. 4).

Судя по цвету поверхности и изломов изученных сосудов, можно выделить два вида обжига:

вид 1 – обжиг в восстановительной среде без доступа кислорода к поверхности; для таких сосудов характерен темно-серый цвет и поверхности, и излома;

вид 2 – равномерный обжиг в окислительной среде (в горне), при котором поверхность сосудов приобретала светло-коричневый цвет, с оранжевых цветов краевыми слоями толщиной 2–3 мм, в середине излома имела темно-серый цвет.

Выводы

В результате технико-технологического анализа баночных сосудов с памятников Горного Дагестана и Приморского Дагестана удалось реконструировать некоторые различия в технологии изготовления керамики у гончаров рассматриваемых памятников куро-аракской КИО раннего бронзового века этих двух геоморфологических зон.

В памятниках Горного Дагестана для изготовления баночных сосудов предпочтение отдавалось сильно запесоченному, сильно ожелезненному сырью с естественными примесями красно-бурого железняка, с размером частиц 0,5–0,7 мм, с включениями сланца размерами 1,5–2,0×1 мм, с наличием плотных песчаных фракций размером 2–3 мм. В то время как баночные сосуды из памятников Приморского Дагестана изготавливались из слабо и средне запесоченных, сильно ожелезненных глин с предварительным отмучиванием глины, т.е. удалением естественных примесей. Эти факты могут свидетельствовать о разных представлениях у местных гончаров при выборе исходного пластичного сырья для изготовления баночных сосудов, что, очевидно, было обусловлено наличием того или иного природного сырья в равнинной и горной зонах.

Баночные сосуды из памятников Горного Дагестана изготавливали по одному основному рецепту составления формовочной массы: глина + шамот + органический раствор. Для сосудов Приморского Дагестана зафиксировано использование двух рецептов составления формовочной массы: глина + шамот + навоз (77,8%); глина + шамот + органический раствор (22,2%) (табл. 3).

Различия наблюдаются и в способах обработки поверхностей. Они проявлялись в том, что способы обработки внешней и внутренней поверхности баночных сосудов из памятников Горного Дагестана были более разнообразны – это ручное заглаживание, лощение, заглаживание пучком травы, полирование, а для баночных сосудов из памятников Приморского Дагестана в способах обработки поверхностей характерны только ручное заглаживание и лощение (табл. 4).

Использование лоскутного налёпа зафиксировано во всех рассмотренных сосудах. Различия наблюдаются в конструировании начинов. Для памятников горной зоны характерно использование емкостной программы конструирования сосудов, а для памятников равнинной зоны – по донно-емкостной программе. Следует указать что программы конструирования начинов являются наиболее устойчивыми среди навыков гончаров [29, с. 124–130].

Рассмотренные керамические баночные сосуды раннего бронзового века имеют определенную морфологическую параллель с традиционными деревянными баночными сосудами (мерками) XIX в., известными под различными названиями у народов Горного Дагестана: *ратль, сахъ, карси, мурд* (рис. 10, 1–3). Проведенный их сравнительный анализ позволил выявить интересную закономерность в технологии изготовления керамических баночных сосудов Горного Дагестана эпохи ранней бронзы и этнографических деревянных баночных сосудов. Так, стенки деревянных сосудов изготавливались путем вырезания или долбления обрубка древесного ствола с последующим вставлением днища – дна сосуда. По сути, данный способ демонстрирует емкостную программу конструирования, зафиксированную в археологических керамических сосудах у гончаров горной зоны Дагестана. Исследователи уже неоднократно отмечали определенные параллели в формах, изготовлении и декорировании этнографических и древних керамических и деревянных изделий, и, как представляется, отмеченная техника конструирования деревянного сосуда выглядит довольно архаичной.

В заключении отметим, что технико-технологический анализ позволил определить конкретные технологические особенности в традициях изготовления баночных сосудов, а также их различия у населения Приморского и Горного Дагестана раннего бронзового века. Выявленные традиции на примере одной категории керамических изделий – баночных сосудов – оказались различными, что может говорить об определенном культурном различии, либо о существовании в Горном Дагестане более древней, возможно уходящей корнями в энеолит, или иной (местной) гончарной технологической традиции в условиях смешения с традициями куро-аракских гончаров Приморского Дагестана. При этом отмечается типологическое сходство баночных сосудов этих двух геоморфологических зон.

Таблица 1. Запесоченность исходного пластичного сырья

Table 1. Sand content of raw plastic material

<i>Традиции отбора исходного пластичного сырья баночных сосудов</i>				
<i>Запесоченность</i>	<i>Керамика из памятников Горного Дагестана</i>		<i>Керамика из памятников Приморского Дагестана</i>	
ИПС	Количество	%	Количество	%
Слабая	1	11,1	5	55,6
Средняя	1	11,1	4	44,4
Сильная	7	77,8	–	–

Таблица 2. Ожелезненность исходного пластичного сырья

Table 2. Ferruginous content of raw plastic material

<i>Традиции отбора исходного пластичного сырья баночных сосудов</i>				
<i>Ожелезненность</i>	<i>Керамика из памятников Горного Дагестана</i>		<i>Керамика из памятников Приморского Дагестана</i>	
ИПС	Количество	%	Количество	%
Слабая	–	–	–	–

Средняя	–	–	–	–
Сильная	9	100	9	100

Таблица 3. Соотношение изготовления формовочных масс

Table 3. Composition of molding pastes

Рецепт формовочных масс	Традиции изготовления формовочных масс баночных сосудов	
	Керамика из памятников Горного Дагестана	Керамика из памятников Приморского Дагестана
Г + Ш + Н	–	7 / 77,8%
Г + Ш + ОР	9 / 100%	2 / 22,2%
Всего сосудов	9 / 100%	9 / 100%

Таблица 4. Соотношение приемов обработки поверхностей

Table 4. Surface treatment techniques ratio

Способ обработки поверхностей		Керамика из памятников Горного Дагестана		Керамика из памятников Приморского Дагестана	
		Количество	%	Количество	%
Внешняя поверхность	Ручное заглаживание	4	36,4	–	–
	Заглаживание пучком травы	1	9	–	–
	Лощение	5	45,5	9	100
	Полирование	1	9	–	–
Внутренняя поверхность	Ручное заглаживание	3	27,3	5	55,5
	Заглаживание пучком травы	1	9	–	–
	Лощение	6	54,5	4	45,5
	Полирование	–	–	–	–



Рис. 1. Карта Дагестана с обозначением памятников эпохи ранней бронзы

Fig. 1. Map of Dagestan showing Early Bronze Age sites

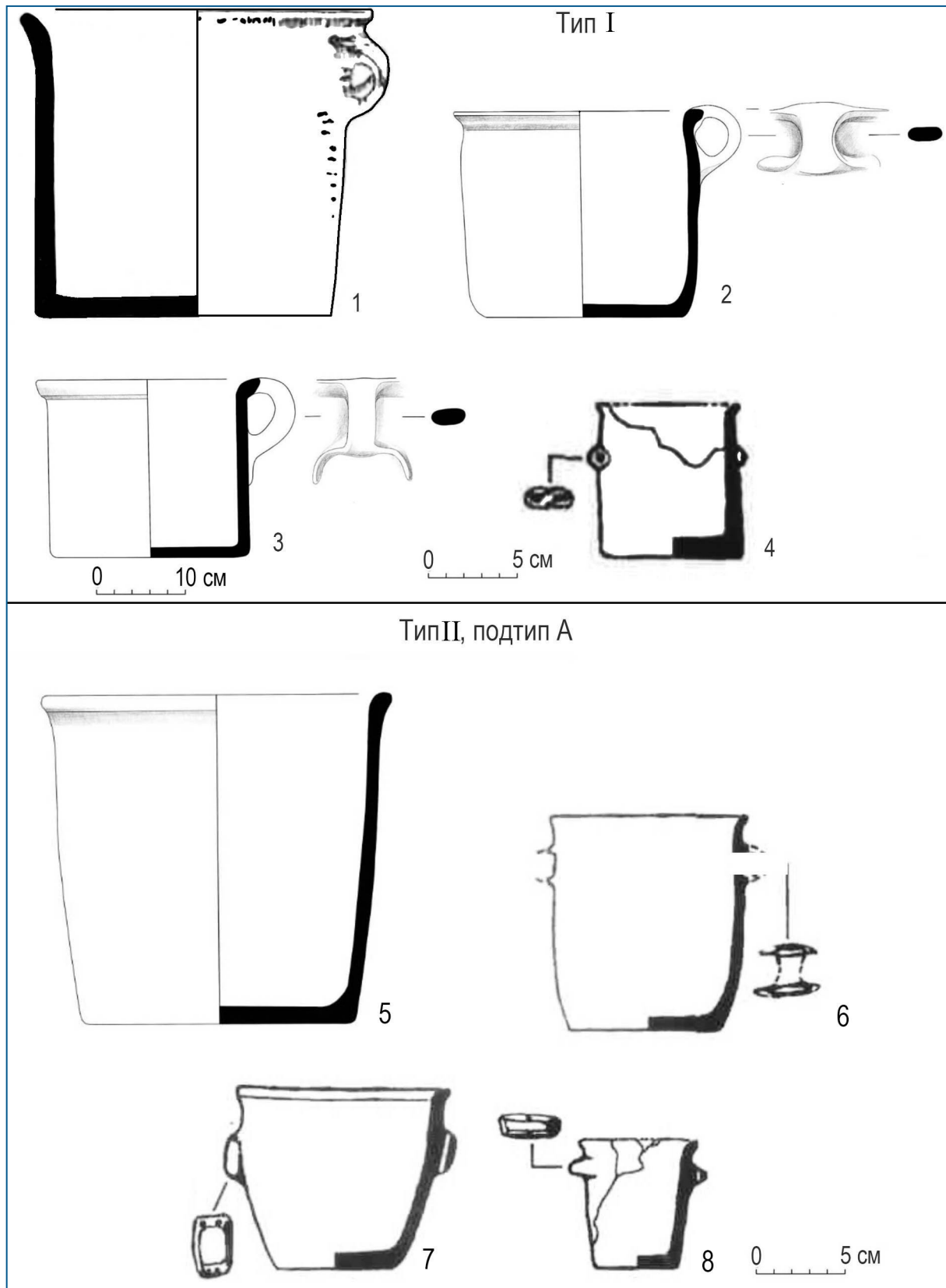


Рис. 2. Баночные сосуды типа I и типа II подтип А: 1 – поселение Мекеги; 2–8 – Великентский могильник I, к. 8

Fig. 2. Jars of Type I and Type II Subtype A: 1 – Mekegi settlement; 2–8 – Velikent I burial ground, catacomb 8

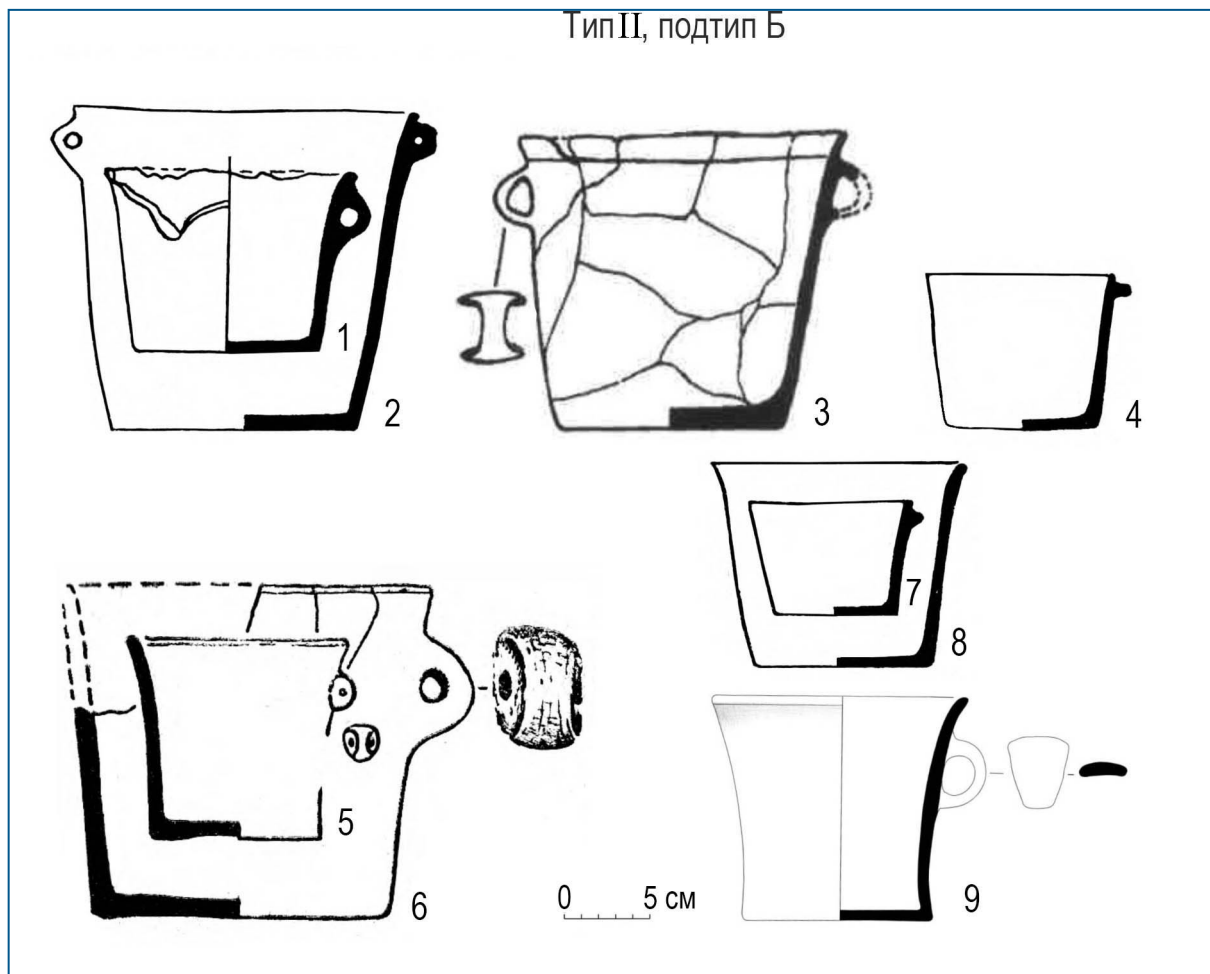


Рис. 3. Баночные сосуды типа II подтипа Б: 1-2, 4, 7-8 – поселение Галгалатли; 3 – Великентский могильник I, к. 8; 5-6 – могильник Шебоха; 9 – поселение Шаракун

Fig. 3. Jars of Type II Subtype B: 1-2, 4, 7-8 – Galgalatli settlement; 3 – Velikent I burial ground, catacomb 8; 5-6 – Shchebokha burial ground; 9 – Sharakun settlement

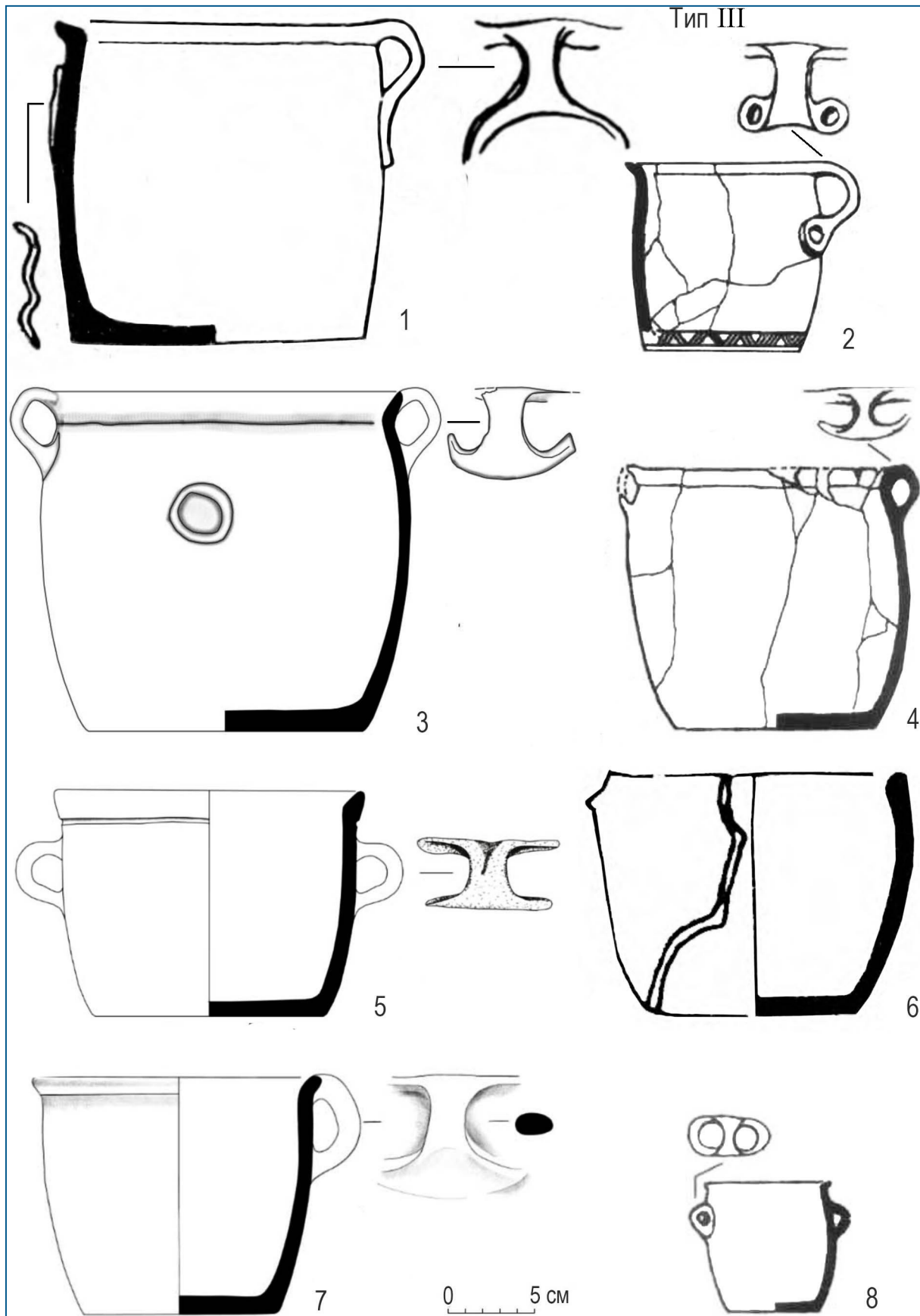


Рис. 4. Баночные сосуды тип III: 1-5, 7-8 – Великентский могильник I, к. 8; 6 – поселение Сигитма

Fig. 4. Jars of Type III: 1-5, 7-8 – Velikent I burial ground, catacomb 8; 6 – Sigitma settlement

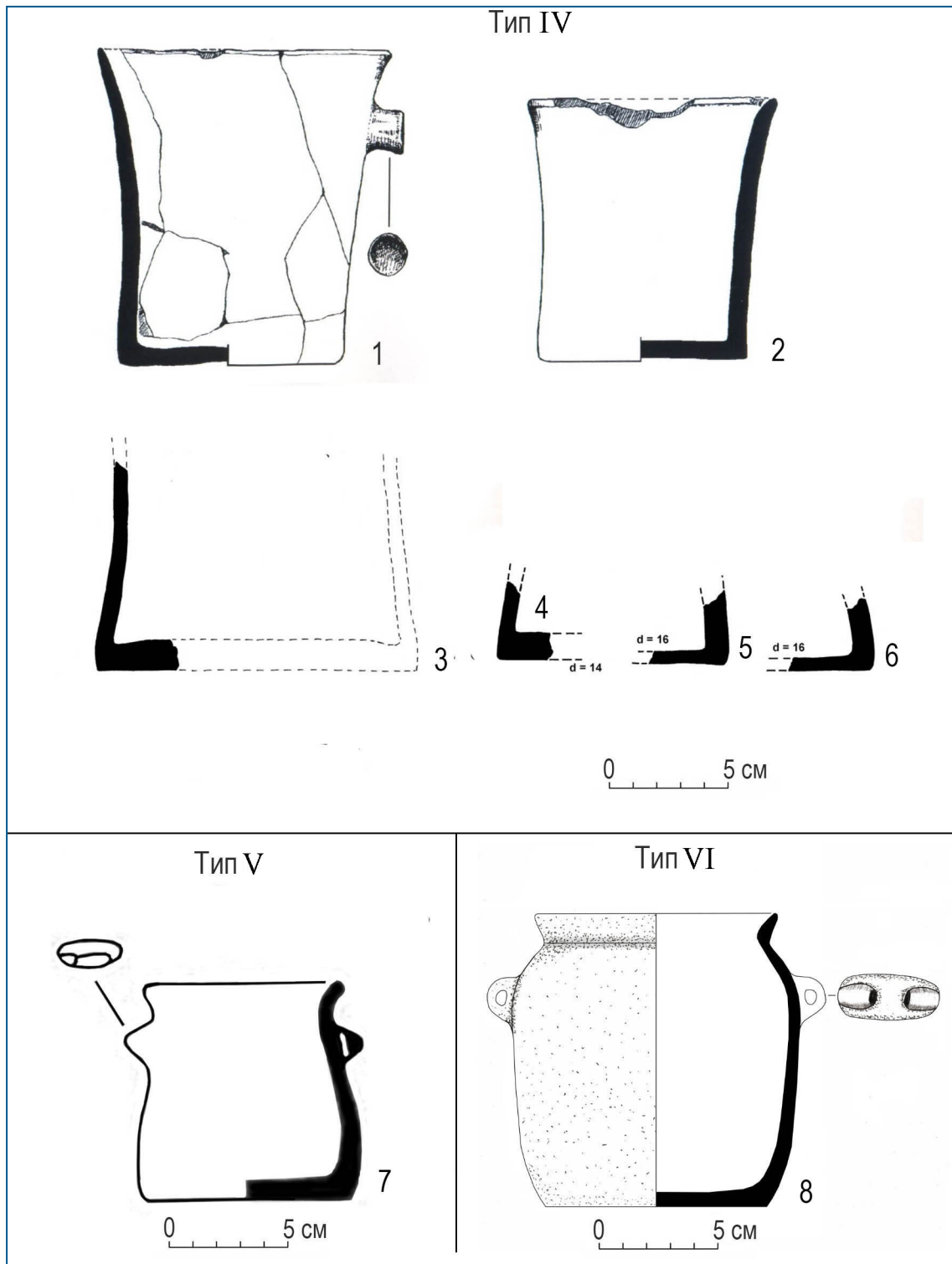


Рис. 5. Баночные сосуды Типа IV,V,VI: 1-2 – поселение Великент II; 3-6 – поселение Кабаз-Кутан II; 7-8 – Великентский могильник I, к. 8

Fig. 5. Jars of Types IV, V, and VI: 1-2 – Velikent II settlement; 3-6 – Kabaz-kutan II settlement; 7-8 – Velikent I burial ground, catacomb 8

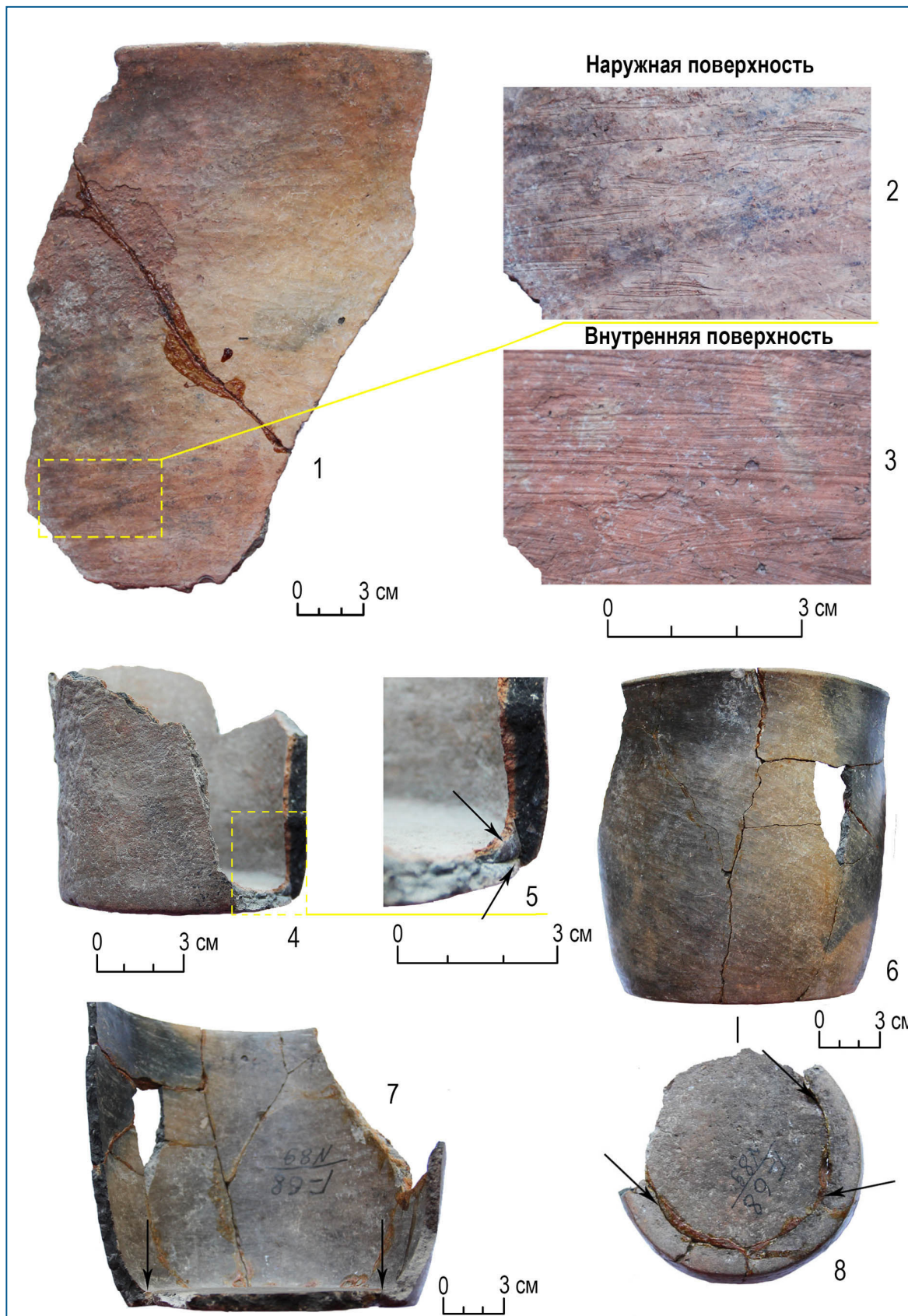


Рис. 6. Баночные сосуды из памятников раннего бронзового века Горного Дагестана:
 1-3, 6-8 – поселение Галгалатли I; 4-5 – могильник Щебоха

Fig. 6. Jars from Early Bronze Age sites in Mountainous Dagestan:
 1-3, 6-8 – Galgalatli I settlement; 4-5 – Shchebokha burial ground



Рис. 7. Баночные сосуды из памятников раннего бронзового века Приморского Дагестана:
1–6 – Великентский могильник I, к. 8; 7 – поселение Кабаз-кутан II

Fig. 7. Jars from Early Bronze Age sites in Primorsky Dagestan:
1–6 – Velikent I burial ground, catacomb 8; 7 – Kabaz-kutan II settlement

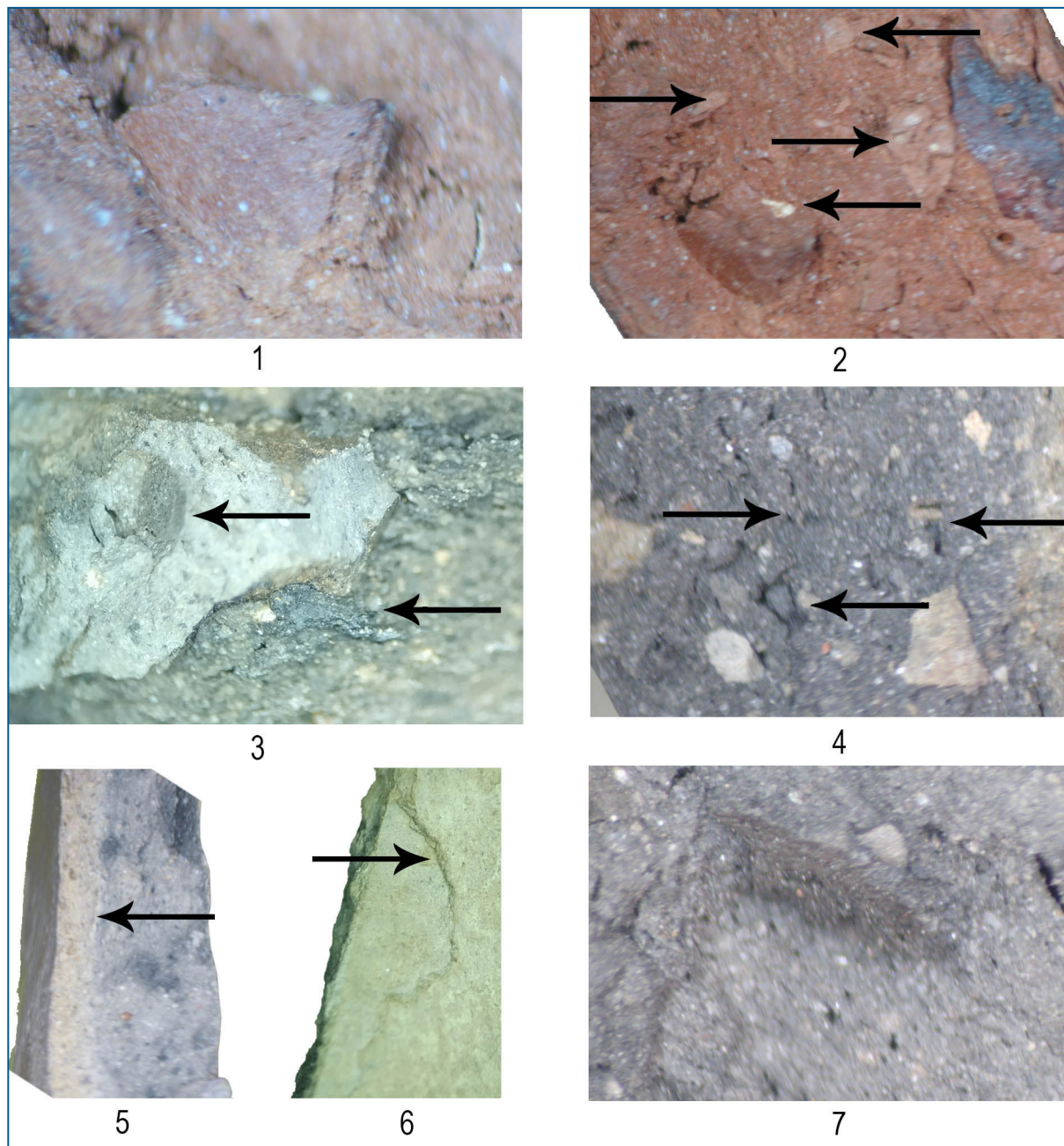


Рис. 8. Макрофотографии искусственных примесей в составе формовочной массы баночных сосудов из памятников раннего бронзового века Горного Дагестана: 1 – частица шамоты с лошением, увеличение (30X) – могильник Шебоха; 2 – частицы шамоты (стрелочкой указан шамот в шамоте из слабожелезистой глины, увеличение 20X) – поселение Галгалатли; 3–4, 7 – органические остатки в виде пор и пустот, увеличение (30X), 3 – поселение Мекеги, 4 – поселение Сигитма, 7 – поселение Галгалатли; 5–6 – обмазывание внешней поверхности дополнительным слоем жидкой глины увеличение (10X), 5 – поселение Галгалатли, 6 – могильник Шебоха

Fig. 8. Macro-photographs of artificial temper in the molding paste of jars from Early Bronze Age sites in Mountainous Dagestan: 1 – chamotte particle with burnishing, magnification $\times 30$ – Shchebokha burial ground; 2 – chamotte particles (arrow indicates chamotte within chamotte made from low-ferruginous clay, magnification $\times 20$) – Galgalatli settlement; 3–4, 7 – organic residues appearing as pores and voids, magnification $\times 30$: 3 – Mekegi settlement, 4 – Sigitma settlement, 7 – Galgalatli settlement; 5–6 – application of an additional thin clay layer (slip) to the exterior surface, magnification $\times 10$: 5 – Galgalatli settlement, 6 – Shchebokha burial ground

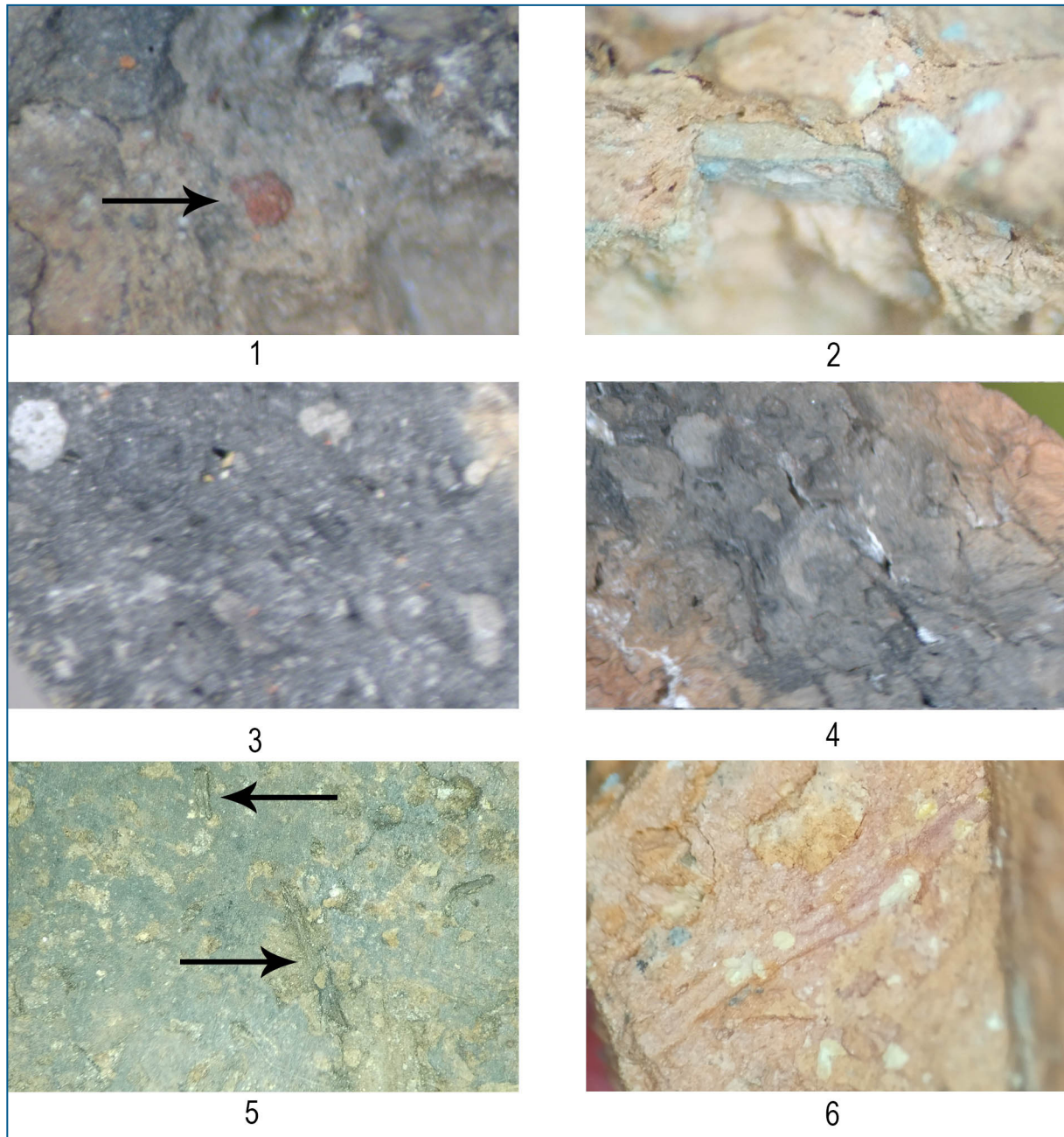


Рис. 9. Макрофотографии примесей в составе формовочной массы баночных сосудов из памятников раннего бронзового века Приморского Дагестана: 1 – естественное включение красно-бурого железняка, увеличение (30X) – Великентский могильник I, к. 8; 2 – частица шамота с лощением, увеличение (30X) – Великентский могильник I, к. 8; 3 – частицы шамота просеянные через сито с верхней градацией частиц со средним размером 1,0–1,5 мм, увеличение (20X) – Великентский могильник I, к. 8; 4 – частицы шамота не калиброванные, увеличение (20X), – поселение Кабаз-Кутан II; 5 – следы органических остатков после выгорания связанные с навозом МРС, увеличение (30X) – Великентский могильник I, к. 8; 6 – следы растительных остатков после выгорания, увеличение (30X) – Кабаз-Кутан II

Fig. 9. Macro-photographs of temper in the molding paste of jars from Early Bronze Age sites in Primorsky Dagestan:
 1 – natural inclusion of reddish-brown iron ore, magnification $\times 30$ – Velikent I burial ground, catacomb 8;
 2 – chamotte particle with burnishing, magnification $\times 30$ – Velikent I burial ground, catacomb 8; 3 – sifted chamotte particles (upper size limit averaging 1.0–1.5 mm), magnification $\times 20$ – Velikent I burial ground, catacomb 8; 4 – uncalibrated chamotte particles, magnification $\times 20$ – Kabaz-kutan II settlement; 5 – traces of burnt-out organic material associated with small cattle dung, magnification $\times 30$ – Velikent I burial ground, catacomb 8;
 6 – traces of burnt-out plant remains, magnification $\times 30$ – Kabaz-kutan II settlement



Рис. 10. Этнографические баночные сосуды Горного Дагестана, изготовленные из дерева:
 1–3 – фонды хранилища Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ

Fig. 10. Ethnographic wooden jar vessels from Mountainous Dagestan:
 1–3 – collections of the Institute of History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Centre,
 Russian Academy of Sciences

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Гаджиев М.Г. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981. С. 4–34.
2. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука, 1991. – 264 с.
3. Badalyan R.S., Harutyunyan A.A., Chataigner Ch., Le Mort F., Chabot J., Brochier J.E., Balasescu A., Radu V., Hovsepian R. The Settlement of Akhnashen-Khatunarkh, A Neolithic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004–2009 // TÜBA-AR. 13. 2010. P. 185–218.
4. Бахшалиев В.Б. Новые материалы неолита и энеолита из Нахчывана // Российская археология. № 2. 2015, С. 136–145.
5. Бахшалиев В., Марро К., Бертон Р., Кулиева З. Археологические раскопки на поселении Кюльтепе (2013–2016) // Проблемы археологии Кавказа и Передней Азии (неолит-поздняя бронза). Сборник, посвященный 90-летию известного археолога, члена-корреспондента Национальной Академии Наук Азербайджана И.Г. Нариманова (1927–2006). Баку, 2017, С. 26–41.
6. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Археологические памятники близ с. Карабудакхент // Материалы и исследования по археологии СССР. № 68. 1958. С. 147–175.
7. Будайчиев А.Л. О ручках керамических сосудов эпохи ранней бронзы Приморского Дагестана (вопросы типологии и хронологии) // История, археология и этнография Кавказа. 2021.Т. 17. № 1. С. 89–114.
8. Гаджиев М.Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, С. 6–42.
9. Sagona A.G. The Caucasian Region in the Early Bronze Age. // British Archaeological Reports Series 214. Oxford, 1984.
10. Абибуллаев О.А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982, 316 с.
11. Ахундов Т.И. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку: Элм, 2001, 336 с.
12. Куфтин Б.А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит. Махачкала: МавраевЪ, 2012. – 172 с. (репринтное издание).
13. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. № 100. 1961. 191 с.
14. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 416 с.
15. Исмаилзаде Г.С. Азербайджан в системе раннебронзово-культурной общности Кавказа. Баку: Nafta-Press, 2008. – 304 с.
16. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древнейшие культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970, 190 с.
17. Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX– II тыс. до н.э. (этапы культурного и социально-экономического развития). СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. – 312 с.
18. Arne T.J. Excavations at Shah Tepe, Iran. VII. Archaeology 9. Stockholm, 1945. – 480 p.
19. Магомедов Р.Г. Отчет об итогах полевых работ на Великентском комплексе памятников эпохи бронзы в 1995 г. Махачкала, 2001 // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 912/10164.
20. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984, 261 с.
21. Гаджиев М.Г., Корневский С.Н. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 7–27.
22. Магомедов Р.Г. Материалы к изучению эпохи бронзы в приморском Дагестане. Махачкала, 2000, 173 с.
23. Бахшалиев В., Марро К., Бертон Р., Кулиева З. Археологические раскопки на поселении Кюльтепе // Проблемы ар-
1. Gadzhiev MG. Pottery of mountainous Dagestan in the Early Metal Age. *Pottery of Ancient and Medieval Dagestan*. Makhachkala, 1981: 4-34. (In Russ)
2. Gadzhiev MG. *Early Farming Culture of the North-Eastern Caucasus: Eneolithic and Early Bronze Age*. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)
3. Badalyan RS., Harutyunyan AA., Chataigner Ch., Le Mort F., Chabot J., Brochier JE., Balasescu A., Radu V., Hovsepian R. The Settlement of Akhnashen-Khatunarkh, A Neolithic Site in the Ararat Plain (Armenia): Excavation Results 2004–2009. *TÜBA-AR*. 2010; 13: 185-218.
4. Bakhshaliyev VB. New materials of the Neolithic and Eneolithic from Nakhchivan. *Russian Archaeology*. 2015; 2: 136-145. (In Russ)
5. Bakhshaliyev V., Marro C., Berton R., Kulieva Z. Archaeological excavations at the settlement of Kültepe (2013–2016). *Problems of Archaeology of the Caucasus and Near East (Neolithic – Late Bronze Age)*. Collection dedicated to the 90th anniversary of the prominent archaeologist, Corr. Member of the NAS of Azerbaijan I.G. Narimanov (1927–2006). Baku, 2017: 26-41. (In Russ)
6. Munchaev RM., Smirnov KF. Archaeological monuments near the village of Karabudakhkent. *Materials and Studies in the Archaeology of the USSR*. 1958; 68: 147-175. (In Russ)
7. Budaychiev AL. On the handles of ceramic vessels of the Early Bronze Age in Primorsky Dagestan (issues of typology and chronology). *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2021; 17(1): 89-114. (In Russ)
8. Gadzhiev MG. Settlements of mountainous Dagestan in the Early Bronze Age. *Ancient and Medieval Settlements of Dagestan*. Makhachkala, 1983: 6-42. (In Russ)
9. Sagona AG. The Caucasian Region in the Early Bronze Age. *British Archaeological Reports International Series 214*. Oxford, 1984.
10. Abibullaev OA. *Eneolithic and Bronze Age in the Territory of the Nakhichevan ASSR*. Baku, 1982. (In Russ)
11. Akhundov TI. *North-Western Azerbaijan in the Eneolithic and Bronze Age*. Baku: Elm, 2001. (In Russ)
12. Kuftin BA. *Urartian "Columbarium" at the Foot of Ararat and the Kura-Araxes Eneolithic*. Makhachkala: Mavraev, 2012 (reprint edition). (In Russ)
13. Munchaev RM. The earliest culture of the North-Eastern Caucasus. *Materials and Studies in the Archaeology of the USSR*. 1961; 100. (In Russ)
14. Munchaev RM. *The Caucasus at the Dawn of the Bronze Age: Neolithic, Eneolithic, Early Bronze*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ)
15. Ismailzade GS. *Azerbaijan in the System of the Early Bronze Age Cultural Community of the Caucasus*. Baku: Nafta-Press, 2008. (In Russ)
16. Kushnareva KKh., Chubinishvili TN. *The Earliest Cultures of the South Caucasus*. Leningrad: Nauka, 1970. (In Russ)
17. Kushnareva KKh. *The South Caucasus in the 9th–2nd Millennia BCE (Stages of Cultural and Socio-Economic Development)*. Saint-Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1993. (In Russ)
18. Arne TJ. *Excavations at Shah Tepe, Iran. VII*. Archaeology 9). Stockholm, 1945.
19. Magomedov RG. Report on the results of field work at the Velikent complex of Bronze Age monuments in 1995. Makhachkala, 2001. Scientific Archive of IHAЕ DSC RAS. Fund 3. Inventory 3. File 912/10164. (In Russ)
20. Antonova EV. *Essays on the Culture of Ancient Farmers of the Near and Middle East*. Moscow, 1984. (In Russ)
21. Gadzhiev MG., Korenevsky SN. Metal of the Velikent catacomb. *Ancient Crafts, Trade and Commerce in Dagestan*. Makhachkala, 1984: 7-27. (In Russ)

хеологии Кавказа и Передней Азии (неолит-поздняя бронза). Баку-2017. С. 26–41.

24. Мусаев Д.Л. Серкертпе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку: Nafta-Press, 2006, 173 с.

25. Котович В.М. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы горного Дагестана. К истории дагестанских племен в конце III – II тысячелетий до н. э. Махачкала 1965, 173 с.

26. Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 8–57.

27. Greenberg R. Transcaucasia colors: Khirbet Kerak Ware at Khirbet Kerak (Tel Bet Yerah) // Les cultures des Caucase (VIe–IIIe millénaire avant notre ère). Paris: CNRS Editions, 2007. P. 257–268.

28. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура: Горы Дагестана и Юго-Восточной Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: ДНЦ РАН, 1998. - 380 с.

29. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. - 272 с.

30. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–106.

31. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 379 с.

32. Бобринский А.А., Цетлин Ю.Б., Гей И.А. Некоторые данные о технике и технологии куро-аракских гончаров по материалам поселения Ново-Гапсах в Дагестане // Российская археология. 2011. № 4. С. 15–28.

22. Magomedov RG. *Materials for the Study of the Bronze Age in Coastal Dagestan*. Makhachkala, 2000. (In Russ)

23. Bakhshaliyev V., Marro C., Berton R., Kulieva Z. *Archaeological excavations at the settlement of Kültepe. Problems of Archaeology of the Caucasus and Near East (Neolithic – Late Bronze Age)*. Baku, 2017: 26-41. (In Russ)

24. Musaev DL. *Serkertape – A Settlement of the Early Bronze Age*. Baku: Nafta-Press, 2006. (In Russ)

25. Kotovich VM. *The Verkhnegunib Settlement – A Bronze Age Monument of Mountainous Dagestan. On the History of Dagestani Tribes at the End of the 3rd – 2nd Millennia BCE*. Makhachkala, 1965. (In Russ)

26. Munchaev RM. Kura-Araxes culture. *Archaeology. The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia: Early and Middle Bronze Age of the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1994: 8-57. (In Russ)

27. Greenberg R. Transcaucasia colors: Khirbet Kerak Ware at Khirbet Kerak (Tel Bet Yerah). *Les cultures du Caucase (VIe–IIIe millénaire avant notre ère)*. Paris: CNRS Editions, 2007: 257-268.

28. Magomedov RG. *Ginchinsky Culture: Mountains of Dagestan and South-Eastern Chechnya in the Middle Bronze Age*. Makhachkala: DSC RAS, 1998. (In Russ)

29. Bobrinsky AA. *Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study*. Moscow: Nauka, 1978. (In Russ)

30. Bobrinsky AA. Pottery technology as an object of historical-cultural study. *Current Problems in the Study of Ancient Pottery*. Samara, 1999: 5-106.

31. Tsetlin YuB. *Ancient Pottery: Theory and Methods of Historical-Cultural Approach*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2012.

32. Bobrinsky AA., Tsetlin YuB., Gei IA. Some data on the technique and technology of Kura-Araxes potters based on materials from the Novo-Gapsakh settlement in Dagestan. *Russian Archaeology*. 2011; 4: 15-28.

Поступила в редакцию 17.04.2025

Принята в печать 01.07.2025

Опубликована 15.12.2025

Received 17.04.2025

Accepted 01.07.2025

Published 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214538-548>

Исследовательская статья

Перевозчикова Алла Александровна
старший специалист
Научно-исследовательский институт и музей антропологии
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
allarevik@gmail.com

Гончарова Наталия Николаевна
кандидат биологических наук, доцент
Кафедра антропологии, биологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
1455008@gmail.com

Березина Наталия Яковлевна
кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института и музея антропологии им. Д.Н. Анучина, Москва, Россия;
Медико-генетический научный центр имени академика Н.П. Бочкова, Москва, Россия
berezina.natalia@gmail.com

ДИНАМИКА ПРОДОЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ СКЕЛЕТА ЧЕЛОВЕКА ОТ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ДО РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3 (КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ)

Аннотация. Работа посвящена исследованию динамики продольных размеров скелета у населения Северного Кавказа на протяжении полутора тысяч лет (с VIII в. до н.э. по VII в. н.э.) на примере материалов поликультурного могильника Заюково-3 (республика Кабардино-Балкария). Работа направлена на реконструкцию длины тела и анализ морфологической изменчивости представителей трёх ключевых культурно-хронологических этапов функционирования могильника: западной кобанской культуры (VIII–V вв. до н.э.) предскифского времени, культурной группы памятников типа Подкумок-Хумара позднесарматского времени (I–III вв. н.э.) и раннего аланского времени (V–VII вв. н.э.). Методы исследования включали палеоантропологический анализ, реставрацию фрагментированных костных останков, остеометрию, реконструкцию длины тела, а также статистическую обработку полученных данных. Основные результаты выявили статистически значимые различия и сходства между группами. Установлено морфологическое сходство между мужчинами кобанского и аланского этапов, а также отсутствие достоверных различий в длине тела у женщин кобанской и сарматской групп. При этом для кобанской общности характерен выраженный половой диморфизм в пропорциях скелета. Мужчины сарматского этапа оказались наиболее низкорослыми (163 см) и морфологически обособленными. Реконструированная длина тела у кобанских мужчин составила 169 см, у аланских – 168 см. Полученные данные находят отклик в современных палеогенетических исследованиях, указывая на возможную биологическую преемственность между кобанским и аланским населением. Выводы работы подтверждают важность остеометрического анализа как одного из ключевых инструментов современных палеоантропологических исследований. Результаты свидетельствуют о сложной динамике биологического субстрата древнего населения Северного Кавказа, где прослеживается как преемственность представителей различных археологических культур, так и возможное влияние инокультурных компонент (сарматское время). Обнаруженные закономерности требуют дальнейшего подтверждения в рамках междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: Западная кобанская культура; позднесарматское время (памятники типа Подкумок-Хумара); аланы; Северный Кавказ; РЖВ; Средневековье; длина тела; морфологическая изменчивость; биологическая антропология

Для цитирования: *Перевозчикова А.А., Гончарова Н.Н., Березина Н.Я.* Динамика продольных размеров скелета человека от раннего железного века до раннего средневековья на примере материалов могильника Заюково-3 (Кабардино-Балкария) // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 4. С. 538-548. doi.org/10.32653/CH214538-548

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214538-548>

Research paper

Alla A. Perevozchikova
Senior Specialist
Research Institute and Museum of Anthropology
Moscow State University, Moscow, Russia
allarevik@gmail.com

Natalia N. Goncharova
Cand. of Biol. Sci., Assoc. Prof.
Dep. of Anthropology, Faculty of Biology
Moscow State University, Moscow, Russia
1455008@gmail.com

Natalia Ya. Berezina
Cand. of Biol. Sci., Senior Researcher
Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow, Russia;
Bochkov Medical and Genetic Research Center, Moscow, Russia
berezina.natalia@gmail.com

DIACHRONIC CHANGES IN LONG-BONE DIMENSIONS AND RECONSTRUCTED STATURE FROM THE EARLY IRON AGE TO THE EARLY MEDIEVAL PERIOD: EVIDENCE FROM THE ZAYUKOVO-3 CEMETERY (KABARDINO-BALKARIA)

Abstract. This study investigates changes in skeletal long-bone dimensions in North Caucasus populations over a span of approximately 1,500 years (from 8th century BC to 7th century AD), using materials from the Zayukovo-3 polycultural cemetery (Kabardino-Balkaria Republic, Russia) as a case study. The research aims to reconstruct stature and assess morphological variability among individuals from three key cultural-chronological phases of the site: the Western Koban culture of the pre-Scythian period (8th–5th centuries BC), the Podkumok-Khumara cultural group of the Late Sarmatian period (1st–3rd centuries AD), and the Early Alanian period (5th–7th centuries AD). Methods employed include paleoanthropological analysis, reconstruction of fragmented skeletal remains, osteometric measurement, stature estimation, and statistical processing of the resulting data. The analysis revealed statistically significant differences and similarities among the compared groups. Males from the Koban and Alanian stages displayed morphological similarity, while female stature showed no significant difference between the Koban and Sarmatian samples. The Koban population exhibited pronounced sexual dimorphism in skeletal proportions. Sarmatian males had the lowest mean stature (163 cm) and were morphologically distinct from the other groups. Reconstructed stature was 169 cm for Koban males and 168 cm for Alanian males. These results align with recent paleogenetic studies suggesting biological continuity between Koban and Alanian populations. The findings underscore the value of osteometric analysis in paleoanthropological research and highlight the complex biological dynamics of ancient North Caucasus populations. They indicate both long-term continuity across certain archaeological cultures and the potential impact of external components during the Sarmatian period. These patterns warrant further verification through interdisciplinary studies.

Keywords: West Koban archeological culture; Late Sarmatian period (Podkumok-Khumara-type monuments); Alans; North Caucasus; Early Iron Age; Middle Ages; stature reconstruction; morphological variability; biological anthropology

For citation: Perevozchikova A.A., Goncharova N.N., Berezina N.Ya. Diachronic Changes in Long-Bone Dimensions and Reconstructed Stature from the Early Iron Age to the Early Medieval Period: Evidence from the Zayukovo-3 Cemetery (Kabardino-Balkaria). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 538-548. doi.org/10.32653/CH214538-548

Введение

Заселение людьми Северного Кавказа происходило на протяжении тысячелетий. Главный Кавказский хребет служил природной границей и в то же время зоной контактов оседлых и кочевых племен. Процессы перехода от кочевого образа жизни к полукочевому или оседлому неизбежно приводили к метисации популяций во все исторические эпохи. Это, в свою очередь, сформировало многокомпонентный генофонд населения регионов. Процессы, связанные со сменой, или взаимозамещением, народов по-прежнему остаются нераскрытыми и требуют внимания биоархеологов, палеоантропологов и генетиков.

В связи со сложной динамикой смены населения на Северном Кавказе памятники этого региона часто представлены долговременными поселениями и многослойными погребальными комплексами. Феномен смены археологических культур в пределах одной территории на протяжении последовательных временных отрезков характерен для степей Предкавказья и предгорий Северного Кавказа. Несмотря на обилие археологических исследований и гипотез, разработанных крупными кавказоведами, по сей день остается множество нерешенных проблем, в частности, о происхождении и культурной принадлежности автохтонного населения Северного Кавказа.

К настоящему моменту большинством специалистов представители кобанской культурно-исторической общности (КИО) признаны в качестве одной из коренных групп региона [1]. Этап формирования культуры датируется в пределах середины XII – середины IX в. до н.э., а её угасание связано с влиянием скифо-сарматского мира во второй половине VII – начале IV вв. до н.э. [2]. Большая часть погребальных комплексов кобанской культуры могильника Заюково-3 относится к VII–V вв. до н.э., т.е. к финальному этапу её функционирования.

Вероятно, КИО сформировалась на основе локальных вариантов северокавказского субстрата [3] в эпоху бронзы [4] вблизи Кисловодска. Там были обнаружены поселения (XVI – X вв. до н.э.), хронологически связанные с последующими памятниками этого района, на которых выявлено сходство керамики с изделиями ранней кобанской культуры [1].

Открытым вопросом остается характер взаимодействия кобанской КИО с культурами скифо-сарматского круга. Так, для ряда исследователей наличие тесных контактов неоспоримо [5]. В то время как другие склонны считать, что кобанские памятники горно-предгорной полосы не связаны напрямую с кочевыми культурами [4].

Скифское время на Северном Кавказе заканчивается с приходом сарматских кочевых племен в III в. до н.э. [6], которые расселились двумя волнами: покорение сарматами равнинных территорий Прикубанья (IV в. до н.э. – I в. н.э.) и сарматизация Северного Кавказа (III–I вв. до н.э.) [7]. При изучении сарматских археологических памятников II – I вв. до н.э. прослеживаются черты кобанских погребальных сооружений VIII – IV вв. до н.э. [8] и общность керамики. В то же время, есть свидетельства военных конфликтов между кобанцами и сарматами [9].

Среди общностей сарматского времени на Северном Кавказе выделяется культурная группа памятников типа Подкумок-Хумара, получившая распространение преимущественно в горной местности в I в. до н.э. – IV в. н.э. Происхождение группы ассоциировано с миграцией населения равнинной и предгорной частей центральных и восточных зон Северного Кавказа [10]. В недавних работах предполагается сходство этого населения с сарматами – сванами [11]. Закат сарматского господства связывают с экспансией аланских племен в конце IV в. В результате культурной ассимиляции произошло формирование аланской культуры центральной зоны Северного Кавказа (V в. н.э. – первая половина VIII в. н.э.). Палеоантропологические исследования населения, оставившего культурную группу памятников типа Подкумок-Хумара, представлены слабо, в то время как именно этот период (III в. до н.э. – III в. н.э.) связан с проникновением сарматских племен в Предкавказье и на Кавказ.

На смену представителям сарматского времени приходят аланские племена, формирование которых дискуссионно. Возможно, что в нем принимали участие некоторые сарматские племена [12]. Однако по современным, в том числе палеогенетическим, исследованиям, предполагается, что формирование аланской КИО произошло в среднесарматское время на автохтонном северокавказском субстрате с включением позднесарматской генетической компоненты в результате миграций кочевников [13–14].

Процессы взаимодействия популяций требуют пристального внимания в наиболее чувствительные

этапы становления культур, а именно – в моменты их зарождения и угасания. Палеоантропологические методы позволяют проследить изменение морфологических особенностей представителей различных культур.

Материалы и методы

Материалом исследования служат кости индивидов, погребенных в границах могильника Заюково-3 (республика Кабардино-Балкария, с. Заюково). Раскопки ведутся при совместном сотрудничестве ГИМ, КБГУ и ИА РАН под руководством археологов А.С. Кадиевой и С.В. Демиденко. Погребальный комплекс датируется в пределах VIII в. до н.э. по VII в. н.э. [15]. Археологический памятник отличается сложной стратиграфией, многоэтапностью и поликультурностью. Материалы нашей работы относятся к наиболее представленным на некрополе культурно-историческим общностям:

- западной кобанской археологической культуре (VIII–V вв. до н.э.);
- культурной группе памятников типа Подкумок-Хумара (I–III вв. н.э.) заключительного этапа сарматской эпохи (далее в тексте КГП типа Подкумок-Хумара);
- аланской археологической культуре (V–VII вв. н.э.).

Палеоантропологический материал фрагментирован: более ранние погребения оказались разрушены как в результате более поздних захоронений, так и в результате грабежей. К настоящему моменту отреставрирована и исследована по различным методикам вся коллекция за 2014–2022 годы раскопок, переданная в фонды НИИ и Музея антропологии МГУ.

Половозрастные определения проводились по стандартным антропологическим методикам [16–19] (табл. 1).

Табл. 1. Половозрастные характеристики материала / Table 1. Sex and age-at-death characteristics of the material

	Муж.	Жен.	Неопр.
Западная кобань	16	18	15
Подкумок-Хумара	17	23	7
Аланы	19	13	5
Всего	136		

В рамках данного исследования использовались только наибольшие длины костей конечностей: плечевой (H1), локтевой (U1), лучевой (R1), бедренной (F1), большеберцовой (T1) и малоберцовой (F1) [17, 20]. По средним значениям длин этих костей были проведены кластерный анализ и многомерное шкалирование.

По полученным измерениям реконструирована длина тела представителей различных хронологических этапов. Реконструкция проведена с использованием различных формул. С учетом оценки высокорослости индивидов для каждой группы применена наиболее подходящая формула [21–23]. В зависимости от комплектности костяков реконструкция длины тела проводилась по разным длинам костей.

Сравнение длин тела представителей разных этапов проведено с помощью t-критерия Стьюдента. Для реализации статистической обработки использовался пакет программ “STATISTICA”, модуль Excel.

Результаты

По результатам кластерного анализа и многомерного шкалирования наиболее близки друг к другу оказались мужчины кобанского и аланского этапов функционирования могильника. Аналогичная степень морфологической близости наблюдается у мужчин и женщин группы КГП типа Подкумок-Хумара (позднесарматское время). Т.е. мы наблюдаем сходные морфологические показатели как внутри одной популяции (с учётом межполовых различий), так и для двух диахронных мужских групп, разделенных значительным временным интервалом (более 1000 лет) и относящихся к разным этапам функционирования могильника Заюково-3. Этот факт может объясняться преемственностью морфологии

мужских групп. Для большей обоснованности предположения необходим более представительный материал.

Мужчины сарматского этапа оказываются далеки как от кобанских, так и от аланских мужчин (рис. 1. А). Кроме того, обнаружен высокий уровень различий между мужчинами и женщинами кобанского этапа (рис. 1. В). Это может быть связано с выраженным половым диморфизмом в группе, различным генезисом мужской и женской частей популяции или быть следствием малого числа наблюдений. Мужчины и женщины сарматского этапа объединяются в один кластер, а также с женщинами кобанской культуры. Женщины аланского этапа обособляются, что заметно на графике многомерного шкалирования.

При сравнении между собой значений реконструированной длины тела представителей трех выборок были обнаружены достоверные различия в длине тела между представителями мужской части населения кобанского и сарматского этапов ($p < 0,05$) и отсутствие таковых при сопоставлении мужской части выборки кобанского и аланского этапов (рис.2). Также наблюдаются различия в длине тела между мужчинами сарматского и аланского этапов ($p < 0,05$). Что касается женской части выборок, то в этом случае достоверных различий между представительницами кобанского и сарматского этапов выявить не удалось (рис. 2). Женщины аланского этапа достоверно отличаются от двух других серий ($p < 0,05$).

Обсуждение

Первые попытки сформировать представление о внешнем облике представителей кобанской КИО по данным краниометрии были сделаны еще В.П. Алексеевым [24]. Позднее, в работе М.М. Герасимовой и Д.В. Пежемского, удалось показать [25], что краниологический тип кобанцев характеризуется преимущественно как долихокраний, узколиций, с выступающим носом и выраженной европеоидностью. Примечательно, что аналогичные черты в строении черепа наблюдаются и у раннего аланского населения (резкодолихокраний узколиций европеоидный тип с узким носом и высоким сводом черепа) [26]. К настоящему времени черты преемственности кобанцев и алан прослеживаются не только на морфологическом, но и на генетическом уровнях [27].

Остеометрических данных по представителям кобанской КИО еще меньше, чем краниометрических. На основании единичных исследований (Клин-Яр III) было показано, что длина тела мужчин кобанской культуры составляет 167,1 см, в то время как реконструируемая длина тела у женщин составила 154,3 см (на примере одного индивида) [28]. Полученные нами результаты (169 см мужчины, 162 см женщины) расходятся с данными предыдущих исследователей. Так, мужчин кобанского этапа некрополя Заюково-3 можно отнести к категории высокорослых, а женщин назвать среднерослыми. Кроме того, по результатам многомерных анализов мужчины и женщины кобанского этапа отличаются друг от друга и по пропорциям скелета. Возможно, это связано с различиями в их генетической основе, что требует дальнейших исследований.

Краниология представителей сарматского времени хорошо изучена: у большей части носителей сарматской археологической культуры обнаруживается мезобрахикраний антропологический тип [29]. Однако в среднесарматский период обнаруживается и долихомезокраний тип, широко распространенный в позднесарматский период [30].

В редких остеометрических исследованиях раннесарматского населения, оставившего могильники Нижнего Поволжья, сообщается о средней длине тела у мужчин в 164,2 см и 155,4 см – у женщин, подчеркивается среднерослость и крепкое телосложение [31]. Полученные авторами значения очень схожи с теми, что обнаружены в нашей работе для населения позднесарматского этапа (КГП типа Подкумок-Хумара) изученного могильника (163 см – у мужчин, 155,6 см – у женщин). Помимо прочего, по данным остеометрии подчеркивается сниженный половой диморфизм в раннесарматских группах [31], что вновь согласуется с результатами, полученными и в нашем исследовании. Более того, результаты нашего исследования оказываются близки к тем, что были получены Б.В. Фирштейн при исследовании сарматских серий Нижнего Поволжья еще в 70-х годах прошлого века. Автором были отмечены среднерослость и коренастость этих людей [32].

Население, оставившее КГП типа Подкумок-Хумара, относится к позднесарматскому этапу (I–III вв. н.э.) функционирования могильника Заюково-3. Палеоантропологические исследования представителей этой культуры единичны [33]. Так, в погребении IV в. н.э. могильника Левоподкумский 1

(Кисловодская котловина) были обнаружены останки индивида, принадлежавшего к упомянутой культуре. Его череп был отнесен к мезокранному типу европеоидного облика [33]. Носители археологической культуры КГП типа Подкумок-Хумара рассматриваются В.Ю. Малашевым в качестве сарматизированного автохтонного северокавказского населения [10]. Подчеркивается, что эта культурно-историческая общность являлась «предаланской». Вместе с тем, пропорции телосложения этих людей могут указывать на наличие доли степной компоненты в скелетной системе ввиду схожих пропорций и размеров длинных костей с данными по сарматам.

Половой диморфизм представителей КГП типа Подкумок-Хумара по реконструируемой длине тела выражен относительно слабо в сравнении с группой кобанского этапа и остаётся на сходном уровне с группой аланского времени. Однако, в рамках многомерных анализов женщины сарматского времени по своим пропорциям скелета тяготеют к мужчинам того же этапа, что может говорить в пользу наличия генетической близости. У двух других групп такой связи не обнаружено. Кроме того, группа сарматского времени является наиболее низкорослой, что может объясняться несколькими гипотезами, одна из которых – давление неблагоприятных внешних условий.

Несмотря на то, что начало эры характеризуется римским климатическим оптимумом (относительно стабильным теплым периодом с достаточным уровнем увлажнения) [34, 35], со II по III вв. н.э. (т.е. в пределах более узкого временного этапа) происходят довольно резкие локальные колебания климата, направленные в сторону похолодания и аридизации (здесь приводятся данные по палеоклимату Восточных Альп) [36]. Вероятно, что аналогичная турбулентность погодных условий в конце раннего железного века могла быть характерна и для территории Кабардино-Балкарии в виду сходной динамики ледяного покрова Северного Кавказа и Альп [34, 37]. Кроме того, при анализе донных отложений озера Каракель с территории Западного Кавказа, со второй половины II по IV вв. н.э. исследователями был отмечен резкий спад концентрации брома, что говорит о снижении температуры в регионе [38]. Низкие температуры, в свою очередь, негативно влияют на рост хряща и длину конечностей [39], что могло бы объяснить тенденции в наблюдаемой морфологической изменчивости и сближении пропорций мужчин и женщин сарматского этапа. Более того, доказано, что при выраженном негативном давлении среды (голод, чрезмерная физическая нагрузка, психоэмоциональный стресс) могут наблюдаться процессы матуризации женского скелета [40].

Иная гипотеза, объясняющая сниженный половой диморфизм в группе, связана с чрезмерной физической нагрузкой, как у мужчин, так и у женщин [41]. Так, при изучении останков представителей сарматского этапа (мужчин и женщин) констатируется развитый рельеф костных гребней, а также частые дегенеративно-дистрофические изменения позвоночного столба, в особенности – поясничного отдела, а также суставных поверхностей, не всегда ассоциируемых с возрастными изменениями (плечевой сустав, тазобедренный, коленный и голеностопный суставы).

По результатам остеометрии мужское население аланского этапа характеризуется среднерослостью. Значения длины тела мужчин аланского этапа очень близки к таковым у мужской части кобанской культуры и далеки от значений населения сарматского времени. Нам также не удалось показать морфологическое сходство аланских мужчин и женщин: в многомерном пространстве аланские женщины стоят особняком (рис. 1. А). Тем не менее, расстояние между женщинами и мужчинами аланского этапа не столь велико, как между мужчинами и женщинами кобанского этапа.

Несмотря на обилие исследований аланской археологической культуры и ее носителей, данных по остеометрии мало. На примере исследования древнего населения, оставившего Бесланский могильник, удалось определить, что средняя длина тела аланских мужчин составляла 165 см при очень большом индивидуальном разбросе (в отдельных случаях индивидуальная длина тела достигала более 190 см). Аналогичный показатель у женщин достигал около 155 см [42]. В нашем исследовании были получены иные значения (168 см и 162 см соответственно). Однако стоит отметить, что Бесланский могильник относится преимущественно к раннему этапу аланской культуры (II – IV вв. н.э.), в то время как аланский этап функционирования могильника Заюково-3 соответствует в основном V–VII вв. н.э. Следовательно, наблюдаемые различия могут быть обусловлены как хронологической, так и территориальной изменчивостью древнего аланского населения. Отметим, что античными авторами, в частности Аммианом Марцеллином в его «Римской истории» также была подчеркнута высокорослость алан [43].

Несколько слов стоит сказать о хронологической изменчивости длины тела среди мужчин и женщин. У женщин от эпохи раннего железного века к Средневековью фиксируется увеличение длины

тела. У мужчин закономерности представлены иначе: волнообразные изменения от эпохи к эпохе могут быть следствием смены населения, в частности, привнесением степной генетической компоненты. В то же время, известно значительное влияние внешних факторов на рост и развитие человека [44], а, следовательно, мы можем наблюдать эпохальные флуктуации длины тела древнего населения, связанные с изменением социальных и экологических условий проживания групп.

Вероятно, некоторые тенденции, полученные при изучении данных остеометрии, изменятся при увеличении численности выборок, тем не менее, обнаруженная траектория биологической преемственности не только среди ближайших в хронологической последовательности, но и разнесённых во времени культурно-исторических общностей, является ключевым вектором последующего изучения материалов памятника Заюково-3. Это весьма актуально, так как остается ряд вопросов, касающихся происхождения женщин кобанского, сарматского и аланского этапов функционирования могильника Заюково-3, для чего требуются дополнительные междисциплинарные исследования.

Заключение

По нашим данным, мы можем констатировать некоторое морфологическое сходство представителей западной кобанской и аланской археологических культур в границах могильника Заюково-3. Тем не менее, относительная близость представителей кобанской и аланской культур может быть связана не только с близким генетическим профилем групп, но и со сходными экологическими условиями, сформировавшими единый адаптивный тип.

На фоне сходства двух выборок выделяется население сарматского этапа (культурная группа памятников типа Подкумок-Хумара). Их особенности позволяют предполагать иную генетическую основу в сравнении с предшествующим и последующим населением. Это может быть ассоциировано с влиянием номадной компоненты. Выдвинутые предположения требуют дальнейшего изучения с применением расширенных сравнительных данных, палеогенетических и палеоантропологических методов исследований.

Благодарности. Авторы выражают глубокую признательность д.и.н., академику РАН Бужиловой А.П., к.б.н. Д.В. Пежемскому, к.и.н. А.Н. Абрамовой, а также к.б.н. наук А.Н. Бабенко за их ценные методические указания и комментарии к работе. Отдельную благодарность выражаем к.и.н. С.В. Демиденко, А.А. Кадиевой за предоставленные палеоантропологические материалы.

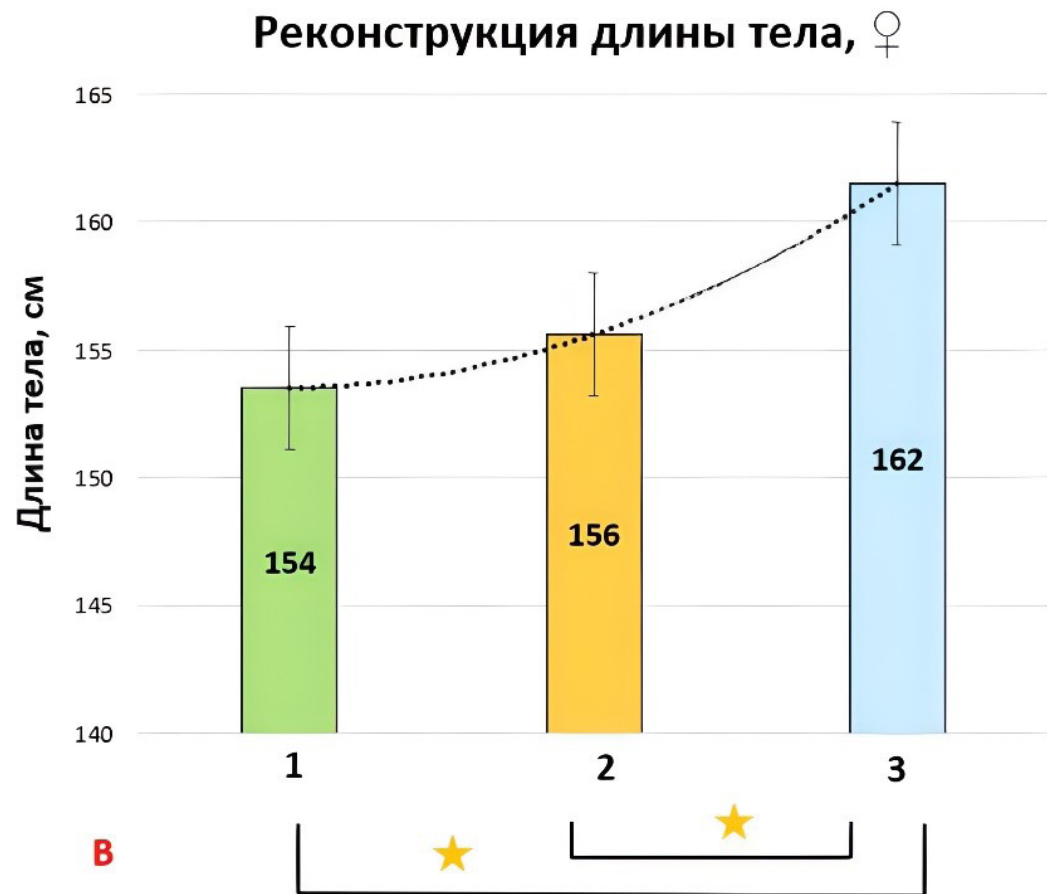
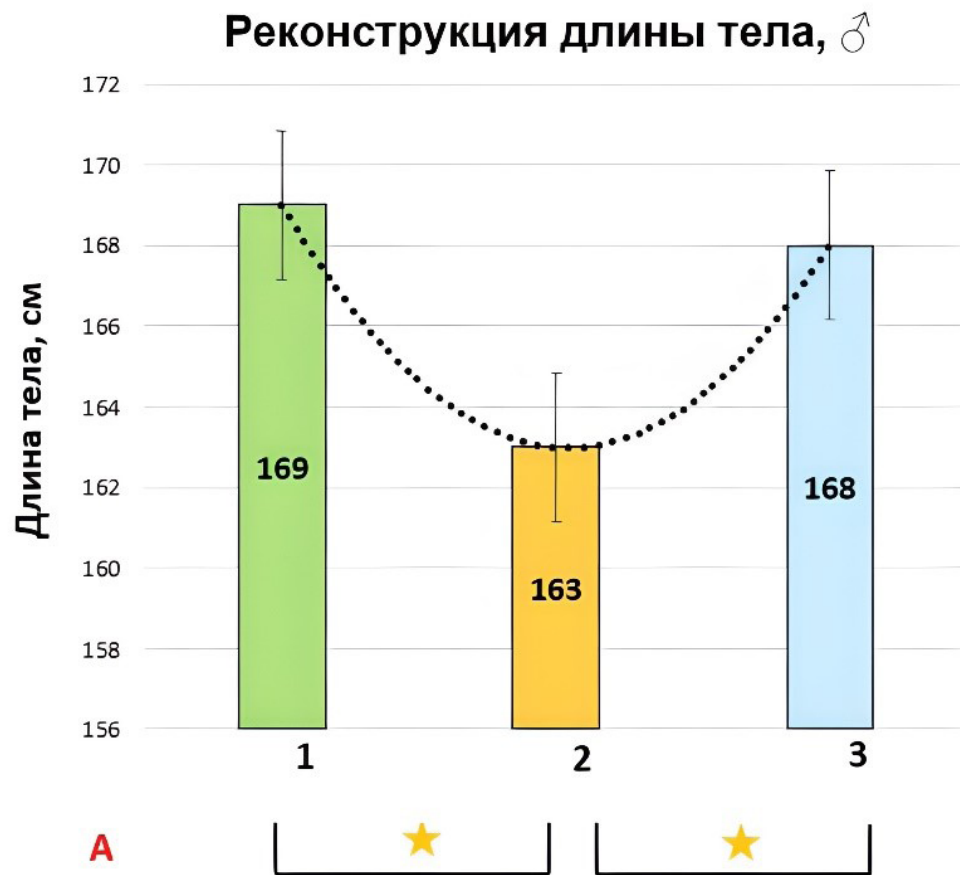
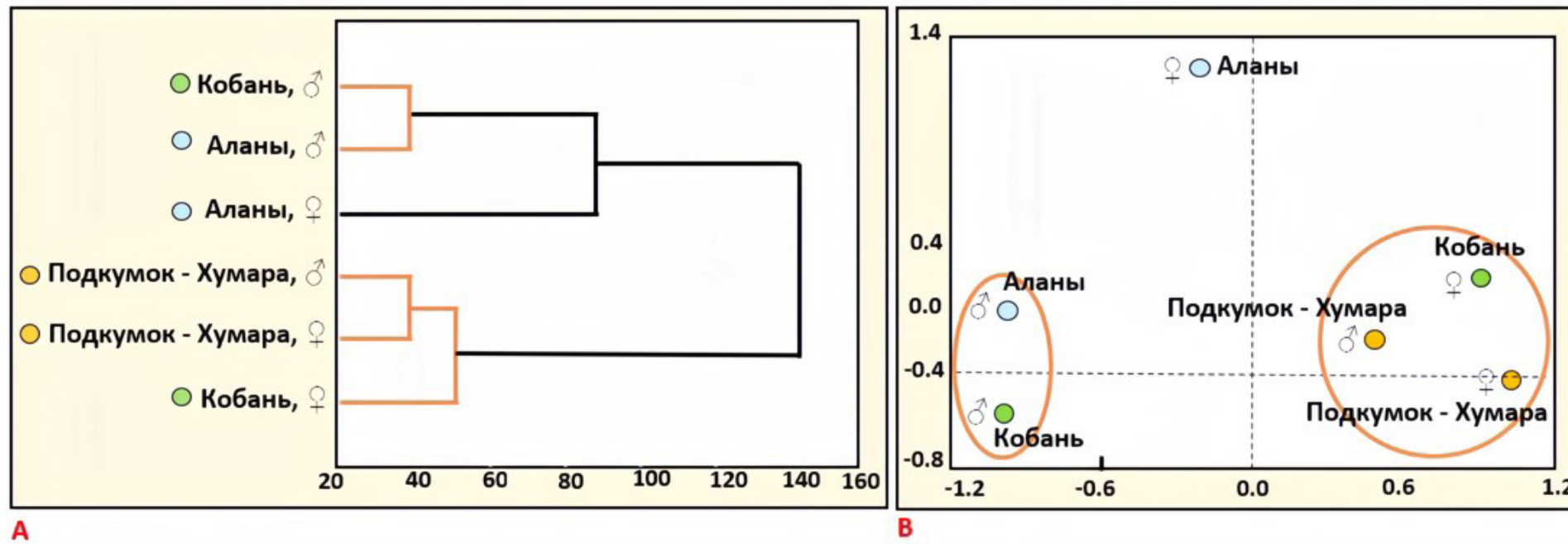
Подготовка материала, его реставрация, непосредственное исследование костного материала, а также интерпретация полученных результатов выполнены в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова (№124051500047-9) (А.А. Перевозчикова, Н.Я. Березина). Статистическая обработка, формулировка выводов и редакционная подготовка текста выполнены в рамках исследовательской темы «Формирование некоторых морфофункциональных особенностей человека в фило- и онтогенезе» кафедры антропологии МГУ и Государственного задания ФГБНУ МГНЦ им. академика Н.П. Бочкова (Н.Н. Гончарова).

Исследование проведено с использованием оборудования ЦКП МГУ «Технологии получения новых наноструктурированных материалов и их комплексное исследование», приобретенного МГУ по программе обновления приборной базы в рамках национального проекта «Наука».

Acknowledgements. The authors express their deep gratitude to A.P. Buzhilova (Doctor of Historical Sciences, Academician of the RAS), D.V. Pezhemsky (Candidate of Biological Sciences), A.N. Abramova (Candidate of Historical Sciences), and A.N. Babenko (Candidate of Biological Sciences) for their invaluable methodological advice and constructive comments on this work. Special thanks are extended to S.V. Demidenko (Candidate of Historical Sciences) and A.A. Kadieva for providing access to the paleoanthropological materials.

Preparation and restoration of the skeletal material, its direct examination, and interpretation of the results were carried out within the framework of the state assignment of Lomonosov Moscow State University (No. 124051500047-9) (A.A. Perevozchikova, N.Ya. Berezina). Statistical processing, formulation of conclusions, and editorial preparation of the manuscript were performed under the research programme “Formation of Certain Morphological and Functional Traits of Humans in Phylo- and Ontogenesis” of the Department of Anthropology, Moscow State University, and the state assignment of the N.P. Bochkov Research Centre for Medical Genetics (N.N. Goncharov).

The study utilised equipment of the MSU Core Shared Research Facility “Technologies for the Production of New Nanostructured Materials and Their Comprehensive Study,” acquired by MSU through the national project “Nauka”.



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Reinhold S. et al. Contextualising innovation. Cattle owners and wagon drivers in the North Caucasus and beyond // *Appropriating Innovations: Entangled Knowledge in Eurasia*. 2017. №5000(1500). P. 78–97.
2. Крупнов Е.И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // *Советская археология*. 1969. №. 1. С. 13.
3. Дударев С.Л., Савенко С.Н. К историографии феномена «Кобанская культура» // *Вестник Армави́рского государственного педагогического университета*. 2019. Вып.4. С. 67–84.
4. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы возникновения и развития кобанской культуры). М., 1996. – 163 с.
5. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.) // – Грозный, 1972.
6. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1993. – 240 с.
7. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / М. П. Абрамова, С. С. Бессонова, О. Д. Дашевская и др. ; отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. - 463.
8. Ковалевская В.Б. Кавказ-скифы, сарматы, аланы, I тыс. до н. э.-я тыс. н. э. М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005.
9. Ростунев В.Л., Березин Я.Б. Скифо-сарматский период на территории Северной Осетии // *Археология Северной Осетии*. Т. 2. 2007. С. ??
10. Малашев В.Ю. Памятники типа «Подкумок–Хумара» // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М., 2021. - 384 с.
11. Вдовченков Е.В. Родовая организация прежде всего кочевников и проблема ее заключения // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. Вып. 481. С. 97–103.
12. Скрипкин А.С. О Борисе Федоровиче Железничков. Материалы по археологии Волго-Донских степей. Сб. научных статей // Издательство Волгоградского университета. 2001. Вып. 1. С. 6–9.
13. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Тaus, 2009. - 465 с.
14. Коробов Д.С., Бульгина Е.С., Слободова Н.В., Шарко Ф.С., Недолужко А.В. Генетическое разнообразие населения Центрально-Кавказского региона в I тысячелетии до нашей эры – I тысячелетии нашей эры на основе митохондриальной ДНК // *Российская археология*. 2023. №1. С. 53–69.
15. Кадиева А.А., Демиденко С.В. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика) // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований*. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Вып. 2. С. 164–171.
16. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. – 128 с.
17. Алексеев В.П. Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. – 251 с.
18. Ubelaker D.H. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Chicago: Smithsonian institution. Adline Publishing company, 1978. – 172 p.
19. Rose J.C., Anton S.C., Aufderheide A.C., Buikstra J.E., Eisenberg L. et al. Skeletal database committee recommendations. Detroit: Paleopathology association, 1991. - 12 p.
20. Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Jena: Fischer, 1928. – 1816 p.
21. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1978. – 528 с.
22. Зубарева Е.Г. Морфологические особенности сарматского населения Нижнего Поволжья по данным остеологического анализа // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. 21(1). С. 8–19.

REFERENCES

1. Reinhold S. et al. Contextualising innovation. Cattle owners and wagon drivers in the North Caucasus and beyond. *Appropriating Innovations: Entangled Knowledge in Eurasia, 5000–1500 BCE*. 2017: 78-97.
2. Krupnov EI. On the refined dating and periodization of the Koban culture. *Soviet Archaeology*. 1969; 1: 13. (In Russ)
3. Dudarev SL., Savenko SN. On the historiography of the phenomenon “Koban culture”. *Bulletin of Armavir State Pedagogical University*. 2019; 4: 67-84. (In Russ)
4. Kozenkova VI. *Cultural-Historical Processes in the North Caucasus in the Late Bronze and Early Iron Ages (Key Problems of the Origin and Development of the Koban Culture)*. Moscow, 1996. (In Russ)
5. Vinogradov VB. *Central and North-Eastern Caucasus in the Scythian Times (7th–4th Centuries BCE)*. Grozny, 1972. (In Russ)
6. Abramova MP. *The Central Ciscaucasia in the Sarmatian Period (3rd Century BCE – 4th Century CE)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 1993. (In Russ)
7. Abramova MP. et al. *Steppe Regions of the European Part of the USSR in Scytho-Sarmatian Times. Archaeology of the USSR*. Moscow: Nauka, 1989. (In Russ)
8. Kovalevskaya VB. *The Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans, 1st Millennium BCE – 1st Millennium CE*. Pushchino: ONTI PNTs RAN, 2005. (In Russ)
9. Rostunov VL., Berezin YaB. Scytho-Sarmatian period on the territory of North Ossetia. *Archaeology of North Ossetia*. Vol. 2. 2007; 2: (In Russ)
10. Malashev VYu. Monuments of the Podkumok–Khumara type. *The Age of Horsemen in the North Caucasus: On the 90th Anniversary of Vera B. Kovalevskaya*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2021. (In Russ)
11. Vdovchenkov EV. Clan organization among nomads and the problem of its identification. *Bulletin of Tomsk State University*. 2022; 481: 97-103. (In Russ)
12. Skripkin AS. On Boris Fedorovich Zhelezchikov. *Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes. Collection of Scientific Articles*. Issue 1. Volgograd: Volgograd University Press, 2001; 1: 6-9. (In Russ)
13. Gabuev TA., Malashev VYu. *Early Alanian Monuments of the Central Regions of the North Caucasus*. Moscow: Taus, 2009. (In Russ)
14. Korobov DS. et al. Genetic diversity of the population of the Central Caucasus region in the 1st millennium BCE – 1st millennium CE based on mitochondrial DNA. *Russian Archaeology*. 2023; 1: 53-69. (In Russ)
15. Kadieva AA., Demidenko SV. Excavations of the archaeological complex near the village of Zayukovo (Kabardino-Balkarian Republic). *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*. 2017; 2: 164-171. (In Russ)
16. Alekseev VP., Debets GF. *Cranio-metry: Methodology of Anthropological Research*. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ)
17. Alekseev VP. *Osteometry: Methodology of Anthropological Research*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)
18. Ubelaker DH. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago: Aldine Publ., 1978.
19. Rose J.C. et al. Skeletal Database Committee Recommendations. *Paleopathology association*. Detroit, 1991.
20. Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung mit besonderer Berücksichtigung der anthropologischen Methoden; für Studierende, Ärzte und Forschungsreisende*. Fischer. Jena, 1928.
21. Roginsky YaYa., Levin M.G. *Anthropology*. 3rd ed. Moscow: Vysshaya Shkola, 1978. (In Russ)
22. Zubareva EG. Morphological features of the Sarmatian population of the Lower Volga region according to osteological analysis data. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. 2016; 21(1): 8-19. (In Russ)

23. Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дисс. ... канд. биол. наук : 03.03.02. М., 2011. - 326 с.
24. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР / Отв. ред. Г. Л. Хитъ. М.: Наука, 1984. - 208 с.
25. Герасимова М.М., Пежемский Д.В. Палеоантропология населения кобанской культуры // Население Юга России с древнейших времен до наших дней (Донские антропологические чтения) / отв. ред. чл.-корр. РАН Д.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. - 126 с.
26. Герасимова М.М. Городское население Западной Алании VIII–IX вв. н. э. (по краниологии могильника Мощевая балка) // Вестник антропологии. 2018. № 3(43). С. 95–111. EDN ZCICBN.
27. Sharko F.S., Boulygina E.S., Tsygankova S.V., Slobodova N.V., Rastorguev S.M., Krasivskaya A.A., Belinsky A.B., Härke H., Kadieva A.A., Demidenko S.V., Malashev V.Y., Shvedchikova T.Y., Dobrovolskaya M.V., Reshetova I.K., Korobov D.S., & Nedoluzhko A.V. Koban culture genome-wide and archeological data open the bridge between Bronze and Iron Ages in the North Caucasus // European journal of human genetics : EJHG. 2024. 32(11) P. 1483–1491.
28. Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B. [et al.] The human bones from Klin-Yar III and IV // Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery / Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Bonn: Habelt-Verlag, 2018. P. 134–183. EDN SJTGQC.
29. Балабанова М.А. Хозяйственно-культурный уклад и образ жизни сарматских племен по данным античных письменных источников // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2011. - Вып.1. - С. 6–12.
30. Балабанова М.А. Изменчивость антропологических типов сарматского населения Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. (1). С. 5–14.
31. Климова Г.В., Балабанова М.А. Физический тип ранних сарматов по остеологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья // Материалы XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. 2007. С. 154–155.
32. Фирштейн Б.В. Сарматы нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Антропологические данные о Великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 70–86.
33. Березина Н.Я., Фризен С.Ю., Коробов Д.С. Антропологические материалы из курганного могильника Левоподкумский 1 (Кисловодская котловина) // Вестник антропологии. 2014. № 1. С. 170–178.
34. Solomina O. et al. Glacier fluctuations during the past 2000 years // Quaternary Science Reviews. 2016. № 149. P. 61–90.
35. Holzhauser H., Magny M., Zumbühl H.J. Glacier and lake-level variations in west-central Europe over the last 3500 years // The Holocene. 2005. 15(6). P. 789–801.
36. McCormick M. et al. Climate change during and after the Roman Empire: reconstructing the past from scientific and historical evidence // Journal of Interdisciplinary History. 2012. 43(2). P. 169–220.
37. Бабенко А.Н., Добровольская М.В., Васильева Е.Е., Коробов Д.С. Реконструкция питания и особенностей хозяйства населения Центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. по данным изотопного анализа коллагена остеологических материалов из могильника Кичмалка II // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 4. С. 80–90.
38. Alexandrin M.Y et al. Variations of heat availability in the Western Caucasus in the past 1500 years inferred from a high-resolution record of bromine in the sediment of Lake Karakel. *Quaternary International*. 2023; 664: 20–32.
39. Serrat M.A., King D., Lovejoy C.O. Temperature regulates limb length in homeotherms by directly modulating cartilage growth. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2008; 105(49): 19348–19353.
23. Pezhemsky DV. Variability of small dimensions of human tubular bones and possibilities of reconstructing physique. Diss. of Cand. Biol. Sci. Moscow: MSU, 2011. (In Russ)
24. Alekseev VP., Gokhman II. *Anthropology of the Asian Part of the USSR*. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ)
25. Gerasimova MM., Pezhemsky DV. Paleanthropology of the population of the Koban culture. *International Scientific Conference "Population of Southern Russia from Ancient Times to the Present Day" (Don Anthropological Readings)*, ed. corr. member RAS D.G. Matishov. Rostov-on-Don: SSC RAS, 2013. (In Russ)
26. Gerasimova MM. Urban population of Western Alania in the VIII–IX centuries CE (based on craniology of the Moshchevaya Balka cemetery). *Bulletin of Anthropology*. 2021: 95–111. (In Russ)
27. Sharko FS., Boulygina ES., Tsygankova SV., Slobodova NV., Rastorguev SM., Krasivskaya AA., Belinsky AB., Härke H., Kadieva AA., Demidenko SV., Malashev VY., Shvedchikova TY., Dobrovolskaya MV., Reshetova IK., Korobov DS., & Nedoluzhko AV. Koban culture genome-wide and archeological data open the bridge between Bronze and Iron Ages in the North Caucasus. *European Journal of Human Genetics*. 2024; 4: 1–9.
28. Buzhilova AP., Dobrovolskaya MV., Mednikova MB., Bogatenkov DV., Lebedinskaya GV. The human bones from Klin-Yar III and IV. In: A.B. Belinskij, H. Härke (eds). *Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus). Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery*. Bonn: Rudolf Habelt GmbH, 2018; 36: 134–183.
29. Balabanova MA. Economic-cultural pattern and way of life of Sarmatian tribes according to ancient written sources. *Bulletin of Volgograd State University*. 2011; 1: 6–12. (In Russ)
30. Balabanova M.A. Variability of anthropological types of the Sarmatian population of the Lower Volga region. *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. 2010; 1: 5–14. (In Russ)
31. Klimova GV., Balabanova MA. Physical type of Early Sarmatians according to osteological materials from cemeteries of the Lower Volga region. *Proceedings of the XXXIX Ural-Volga Archaeological Student Conference*. 2007: 154–155. (In Russ)
32. Firshtein BV. The Sarmatians of the Lower Volga region in anthropological perspective. *Anthropological Data on the Great Migration of Peoples. Pannonian Avars and Sarmatians*. Leningrad: Nauka, 1970. (In Russ)
33. Berezina NYa., Frizen SYu., Korobov DS. Anthropological materials from the kurgan cemetery Levopodkumsky 1 (Kislovodsk Basin). *Bulletin of Anthropology*. 2014; 1: 170–178. (In Russ)
34. Solomina O. et al. Glacier fluctuations during the past 2000 years. *Quaternary Science Reviews*. 2016; 149: 61–90.
35. Holzhauser H., Magny M., Zumbühl H.J. Glacier and lake-level variations in west-central Europe over the last 3500 years. *The Holocene*. 2005; 15(6): 789–801.
36. McCormick M. et al. Climate change during and after the Roman Empire: reconstructing the past from scientific and historical evidence. *Journal of Interdisciplinary History*. 2012; 43(2): 169–220.
37. Babenko AN., Dobrovolskaya MV., Vasilieva EE., Korobov DS. Reconstruction of diet and economic features of the population of the Central Ciscaucasia in the 1st millennium BCE – 1st millennium CE based on isotopic analysis of collagen from the Kichmalka II cemetery. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2021; 49(4): 80–90. (In Russ)
38. Alexandrin MYu. et al. Variations of heat availability in the Western Caucasus in the past 1500 years inferred from a high-resolution record of bromine in the sediment of Lake Karakel. *Quaternary International*. 2023; 664: 20–32.
39. Serrat M.A., King D., Lovejoy C.O. Temperature regulates limb length in homeotherms by directly modulating cartilage growth. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2008; 105(49): 19348–19353.

resolution record of bromine in the sediment of Lake Karakel // *Quaternary International*. – 2023. – 664. – P.20-32.

39. Serrat M.A., King D., Lovejoy C.O. Temperature regulates limb length in homeotherms by directly modulating cartilage growth // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2008. № 105(49). P.19348-19353.

40. Разжев Д.И., Святова Е.О. Феномен матуризации женских скелетов с кладбища нового времени г. Екатеринбурга // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН. 2006. С. 138–147

41. Тур С.С. Биомеханический подход к изучению физической активности древних скотоводов лесостепного Алтая // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2013. №3. С. 95–102.

42. Фризен С.Ю., Фризен О.И. Предварительные итоги исследования остеологических материалов Бесланского могильника // *Вестник антропологии*. 2012. №22. С. 71–77.

43. Аммиан Марцеллин. Римская история. [пер. с латин. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни]. М.: АСТ, Ладомир, 2005. - 631 с.

44. Negasheva M.A., Khafizova A.A., Movsesian A.A. Secular trends in height, weight, and body mass index in the context of economic and political transformations in Russia from 1885 to 2021 // *American Journal of Human Biology*. 2024. №36(2). P.e23992.

40. Razhev DI., Svyatova EO. The phenomenon of maturation of female skeletons from the modern-period cemetery of Yekaterinburg. *Topical Problems of Modern Anthropology*. St. Petersburg: MAE RAS, 2006: 138-147. (In Russ)

41. Tur SS. Biomechanical approach to the study of physical activity of ancient pastoralists of the forest-steppe Altai. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2013; 3: 95-102. (In Russ)

42. Frizen SYu., Frizen OI. Preliminary results of the study of osteological materials from the Beslan cemetery. *Bulletin of Anthropology*. 2012; 22: 71-77. (In Russ)

43. Ammianus Marcellinus. *Res Gestae*. Trans. from Latin by Yu.A. Kulakovskiy, A.I. Sonny. Moscow: AST, Ladomir, 2005. (In Russ)

44. Negasheva MA., Khafizova AA., Movsesian AA. Secular trends in height, weight, and body mass index in the context of economic and political transformations in Russia from 1885 to 2021. *American Journal of Human Biology*. 2024; 36(2): e23992.

Поступила в редакцию 21.01.2025

Принята в печать 03.04.2025

Опубликована 15.12.2025

Received 21.01.2025

Accepted 03.04.2025

Published 15.12.2025

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214549-560>



Исследовательская статья

Tahir S. Shahbazov
PhD in History, Assoc. Prof., Leading Researcher
A.A. Bakikhanov Institute of History and Ethnography
Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan
tshahbazov.65@gmail.com

THE SEARCH FOR NATIONAL IDENTITY IN AZERBAIJAN DURING THE LATE 19th CENTURY

Abstract. Contemporary scholarship distinguishes various forms of identity – ethnic, national, religious, and others. Among these, the issue of “national identity” has attracted the widest discussion, since both the nation and nationalism are products of modern era in which national states are born and formed. For this reason, the history of national identity search in Azerbaijan and the formation of the Azerbaijani nation are of great relevance. Historical-comparative analyses conducted based on archival, source and literary materials reveal that until the 1870s, Azerbaijanis did not have a clear idea about the nation they belonged, the language they spoke, and the religion they had been carriers for centuries. The founding in 1875 of Hasan Bey Zardabi’s newspaper *Ekinchi* – published under considerable hardship – together with later outlets such as *Ziya*, *Kashkul*, and *Kaspi*, introduced Enlightenment thought and stimulated the search for national identity. Led by a small group of Russian- and European-educated democratic intellectuals, this movement advocated the use of the native language and alphabet, the development of national education, and the establishment of a domestic press, thereby igniting an ethno-cultural revival in Azerbaijan. By the end of the nineteenth century, through the efforts of intellectuals such as M.Shahtakhti, A.b. Huseynzadeh, A.b.Aghaoglu, M.A.Rasulzadeh, A.b.Topchubashi and others, this movement had evolved into a mature national ideology with clearly articulated political goals and objectives. Finally, first democratic republic established in the Turkic-Muslim East against the backdrop of political, ideological, and national upheavals that began in the Russian Empire at early twentieth century – the Azerbaijan People’s Republic – can be considered the logical conclusion of the national identity search that began in the second half of the nineteenth century.

Keywords: primordialism; modernism; search for national identity; Yusif Akchura; *Ekinchi*

For citation: Shahbazov T.S. The search for national identity in Azerbaijan during the late 19th century. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 549-560. doi.org/10.32653/CH214549-560

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214549-560>

Research paper

Шахбазов Т.С.

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Институт истории и этнографии им. А.А. Бакиханова

Национальная академия наук Азербайджана, Баку, Азербайджан

tshahbazov.65@gmail.com

ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. В современном научном дискурсе идентичность определяется как этническая, национальная, религиозная, возрастная, гендерная, расовая, региональная, межкультурная и т. д. Однако среди них вопросы «национальной идентичности» обсуждаются более широко, что обусловлено прежде всего тем, что понятия «нация» и «национализм» являются именно продуктами современного мира – новой эпохи, в которой возникают и формируются национальные государства. В этом смысле история поиска национальной идентичности в Азербайджане и проблема формирования азербайджанской нации также представляют большую актуальность. Историко-сравнительный анализ, проведенный на основе архивных, источниковых и литературных материалов, показывает, что до 70-х годов XIX века азербайджанцы не имели четкого представления не только о своей нации и родном языке, но и о религии, которую исповедовали веками. Лишь с 1875 года начали публиковаться материалы с просветительскими идеями на страницах газеты «Экинчи» Гасанбека Зардаби, а позднее в таких периодических изданиях, как «Зия», «Кешкуль» и «Каспи». Поиски национальной идентичности, также проявилось в борьбе немногочисленной передовой интеллигенции, получившей образование в России и Европе, за родной язык, алфавит, просвещение и национальную печать, что привело к своеобразному оживлению в азербайджанской этнокультурной среде. К концу века эта тенденция приобрел уникальную динамику в деятельности Мухаммада Аги Шахтагли, Али-бека Гусейнзаде, Ахмеда бека Агаоглу, Мамед Эмина Расулзаде, Али-мардан бека Топчубаши и других, и достигла уровня общенациональной идеологии, содержащей конкретные политические цели и задачи. Именно в свете этой идеологии и на фоне политических, национальных и идеологических потрясений начавшихся в Российской империи в начале XX века, поиски национальной идентичности достигли своего логического завершения в 1918 году с созданием первого демократического государства на тюрко-мусульманском Востоке – Азербайджанской Народной Республики.

Ключевые слова: примордиализм; модернизм; поиски национальной идентичности; Юсиф Ачкура; Экинчи (Пахарь)

Для цитирования: Шахбазов Т.С. Поиск национальной идентичности в Азербайджане во второй половине XIX века // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 4. С. 549-560. doi.org/10.32653/CH214549-560

Introduction

In recent years, the term “identity” has been widely used in academic discourse, journalism, and daily life. Despite its etymological roots in ancient and medieval texts, where it simply meant “sameness” or “that one”, the term acquired broader popularity and was transformed into a key social-scientific category only in the 1950s, largely due to the work of the American psychologist Erik Homburger Erikson. E. Erikson characterized identity as “a process that is ‘localized’ in the core of both individual and social culture, and determined the identity of both of them” and highlighted its features such as “individuality, identity or sameness and integrity, unity and synthesis, social solidarity and continuity” [1, p. 31].

Although ethnic, national, religious, and other forms of identity can be distinguished, national identity dominates discussions in modern Western academia. This focus arises mainly because the nation and nationalism are products of modernity – the era in which nation-states emerged and formed. Moreover, unlike ethnic identity, national identity is not considered primordial or innate. Its core components are generally understood to include individuals’ attitudes toward the material and spiritual heritage accumulated over time, a commitment to advancing national interests, and the capacity to mobilize collectively in order to forge mutually beneficial relations with other national and ethnic groups.

When discussing national identity, it is essential first to clarify the content and core parameters of the category “nation” itself. In contemporary scholarship, approaches to this concept are generally divided into two major theoretical trends: *primordialism* and *modernism* (postmodernism). Drawing on the works of German idealists – particularly, J.H. Fichte (*Rechii k Nemetskoi Natsii*. St. Petersburg: Nauka, 2009) and J.G. Herder (*Idei k Filosofii Istorii Chelovechestva*. Moscow: Nauka, 1977), the proponents of the primordial theory regard the “nation” as an element of nature subject to natural laws, like “ethnos”; they consider it a “broad community of related people” united with blood, common customs, religion, language and a single territory. Primordialism, incorporating sociobiological and historical-evolutionary strands, provided the theoretical groundwork for a number of twentieth-century ethnological schools, notably S. M. Shirokogorov’s and V. Muhlmann’s teaching about ethnos, Yu. V. Bromley’s dualistic theory, and L. N. Gumilev’s passionarity theory of ethnogenesis.

Within the theory of modernism, which approaches the “nation” from a completely different perspective, at different times *functionalism*, *instrumentalism*, *constructivism*, and other currents emerged and developed. The works of scholars such as Ernest Gellner (*Natsii i Natsionalizm*. Moscow: Progress, 1991), Benedict Anderson (*Voobrazhaemye Soobshchestva*. Moscow: Kuchkovo pole, 2016), Anthony D. Smith (*Natsionalizm i Modernizm*. Moscow: Praksis, 2004), Eric Hobsbawm (*Natsii I Natsionalizm s 1780*. St. Petersburg: Aleteiya, 1998), Geoffrey Hosking (*Rossiia: Narod i Imperiya*. Smolensk: Rusich, 2001), Miroslav Hroch (*Ot Natsionalnih Dvizheniy...* Moscow: Praksis, 2002), and others played a pivotal role in shaping modernist postmodernist approaches to the nation during the 1970s and 1980s. Thanks to the contribution of these authors, the dominance of the “primordial theory of the nation” was ended [2, p. 11].

Unlike the primordialists, the modernists see the “nation” as a historical or political phenomenon. According to the Czech historian M. Hroch, “nation” is an invention of the industrial era that emerged due to the strengthening of the state institution and the development of capitalism [3, p. 122]. British philosopher and anthropologist E. Gellner believes that “nations are the product of human beliefs, passions and tendencies. Ordinary groups of people (for example, the inhabitants of a certain territory or the speakers of a certain language) become a nation when the members of that group recognize the common rights and obligations of each other within the group of which they are members. No other extraneous quality that distinguishes this group from others, it is this mutual recognition that makes them a nation” [4, p. 35].

A. Smith, professor of the London School of Economics, proposes defining the “nation” primarily through the characteristic features that emerged during the era of nationalism. In his view, the nation can be understood as a product of both popular will and cultural tradition only when these specific historical conditions of the nationalist period are taken into account [5, p. 66].

The American scholar B. Anderson views “nation” as an imaginary community. He notes that “for even the members of the smallest nation will never know, meet, or even hear of the majority of the nation to which they belong. In everyone’s mind, only the ideas about their own community will live” [6, p. 47].

The Russian ethnologist V. Tishkov, based on the “zero version” of the problem, rejects the idea that the “nation” is an ethnic unity and tries to explain the problem in the context of the “nation-state” [7, p. 3].

Mammad Amin Rasulzadeh, one of the founders and ideologues of the Azerbaijan People’s Republic (ADR), notes that “... Peoples who have common languages, customs, homelands, etc. form a nation. However, the transformation of a nationality into a nation depends on the establishment of common consciousness and collective (human) will. And this comes into being only with the formation of the body that sees the task of ‘public memory’ ... from the viewpoint of nationality, ‘Motherland’ is a geographical concept. However, from the viewpoint of the nation, which has consciousness and will, ‘Motherland’ expresses a political meaning” [8, pp. 29–31]. From this quote, we can see that M.A. Rasulzadeh is a man of ideas with modernist views.

One of the most, if not the most, important attributes characterizing the phenomenon of “nation” is language. As the prominent ethnographer M. Magomedkhanov wrote, “Language is the bearer of the spirituality of the people, their historical and cultural experience... Language is also the soul of the people and lives as long as even one person speaks it. With the fall of language into oblivion, this soul turns into mythological concepts that completely disappear from the consciousness of the people due to assimilation” [9, p. 14].

We know that since the Middle Ages, the Azerbaijani language has played the role of a second mother tongue and a *lingua franca* not only for the peoples living in Azerbaijan, but also for all the peoples of the region, fulfilling a very important function as a communication, trade and literary language. There is enough evidence of this in written sources and literature. For example, the German traveler Adam Olearius, who visited Shamakhy in the 1630s, noted that the entire population here, including the khan himself, spoke the Turkish (Azerbaijani) language [10, p. 959].

The prominent Russian poet M. Lermontov, who was in exile in the Caucasus, writes “...I have begun to learn Tatar [Azerbaijani].¹ As important as it is to know French in Europe, it is just as necessary to know this language here [in the Caucasus] and in Asia in general” [11, pp. 523–524].

According to E.G. Weidenbaum, who traveled to the Caucasus in the 1880s, “the Azerbaijani Turks, often called ‘Azerbaijani Tatars’, constitute the main part of the population of Eastern Transcaucasia ... Its simplicity and ease of comprehension have made the Azerbaijani language an international language for the entire Eastern Transcaucasia” [12, p. 120].

August von Haxthausen wrote that “Armenians compose their songs not in Armenian, but in Tatar [Azerbaijani], since this language is the language of communication, trade and mutual intercourse between peoples in the south of the Caucasus. In this respect, it can be compared with French in Europe” [13, p. 52].

The prominent researcher of the life and culture of the peoples of the Caucasus, ethnographer G. Sergeeva, notes that, “due to the critical importance of mastering the Azerbaijani language, mountaineers traditionally sent their children at an early age to live with Tatar [Azerbaijani] families. Proficiency in Tatar [Azerbaijani] had become one of the essential conditions for survival and success among the mountaineers” [14, p. 92].

The well-known ethnographer M. Magomedkhanov writes that “the Azerbaijani language was so widespread among the neighboring Tabasaran people that in some cases it even supplanted and eliminated their native language” [9, p. 42].

Similar ideas appear in the works of other Caucasian scholars as well [15; 16; 17]. From this perspective, the nineteenth-century Azerbaijani intelligentsia’s attempts to establish a national press, alongside their struggle to preserve the purity of the Azerbaijani language by purging foreign elements and enriching its vocabulary, can likewise be interpreted as a concerted effort to forge and assert national identity.

It should also be noted that global processes such as democratization, economic integration, informational and cultural standardization currently prevalent all over the world are accompanied by profound transformations in national identity and, in effect, the erosion or “blurring” of cultural boundaries between nations. In particular, in Western Europe and North America, national identity is increasingly viewed and framed as a “problem that impedes progress,” a phenomenon widely described in the scholarly literature as a “crisis of national identity.”

¹ Hereinafter, all material enclosed in square brackets constitutes the author’s additions to the original text.

From the history of national identity search in Azerbaijan

In contemporary scholarship, the forms of the transformation process of an ethnos into a nation are classified as centralization, unification, and national building. The first of these forms – centralization – was characteristic of European states such as Great Britain, France, Spain, and Portugal, where the main carrier of the process was the existing state apparatus. The unification model of nation-formation – achieved through wars and diplomatic efforts led predominantly by military elites and diplomats (as seen most clearly in the German and Italian cases) – was especially prevalent among peoples whose territories already possessed a high degree of cultural distinctiveness, above all in Central and Eastern Europe. The ethnologist A. Balayev, who argued that nation-building in nineteenth-century Azerbaijan, a colonial territory of the Russian Empire, took a form particularly suited to its socio-political and cultural conditions, observed that “in such cases, it is not statesmen or military leaders who come to the forefront, but active agitators – writers, poets, journalists, and the like – who devote their energies to studying the language, culture, social structure, and historical traits of the non-dominant group and strive to embed this knowledge in the consciousness of their compatriots.” [2, pp. 134–135].

From this perspective, it becomes evident that, until the 1850s–1860s, Azerbaijanis possessed no well-defined conception of their ancestry, national identity, or native language. Even though religious identity predominated over nascent national sentiment, their grasp of the Islamic faith they professed was limited, with the notion of “being Muslim” rarely extending beyond a formal adherence to Sharia prescriptions. The brilliant composer Uzeyir Hajibeyli vividly captured this complex situation in one of his satirical feuilletons:

“... If you ask a non-Muslim Arab, ‘Who are you?’, he will reply: ‘I am an Arab, my religion is Christianity, and my language is Arabic.’ Ask a Persian the same question and he will answer: ‘I am a Persian; my religion is Islam, and my language is Persian.’ The same holds for a Russian, an Armenian, and so forth. But ask one of us: ‘Who are you?’ The answer will simply be: ‘I am a Muslim.’

- What nationality are you?
- From the Muslim nation.
- What is your religion?
- From the Muslim religion.
- What language do you speak?
- Muslim language.

However, he is Turkish, his religion is Islam, and his language is Turkish. There is no Muslim nation, there is no Muslim language, and Muslim means a person who has adopted the religion of Islam. Religion and language are different things. Religion is different, nationality is different. There is no language in religion, and there is no nationality in religion” [18, 140–143].

Paradoxically, a similar situation prevailed not only among ordinary people but also in relatively educated families that produced prominent Turkic intellectuals and men of letters, such as Ahmet bey Ağaoğlu. In one of his autobiographical works, Ağaoğlu recounts the following about his father: “...My father lived a quiet life and died quietly. He was a deeply religious man. When asked ‘Who are you?’, he would reply: ‘Thank God, I am a Muslim. I follow Imam Ali; my father was Mirza Ibrahim, and his father was Hasan Agha of the Qurdeli clan.’ Yet it never occurred to him that he was a Turk” [19, p. 64].

In our view, one of the primary reasons for this bitter reality – and perhaps the most fundamental – was the weakness, or even absence, of secular education. For centuries, religious prejudices had branded secular learning as “unnecessary” and virtually “forbidden,” causing the overwhelming majority of Muslim Azerbaijanis to remain alienated from it. As a result, ignorance, intellectual stagnation, and unquestioning obedience became, with only rare exceptions, the entrenched “traditional way of life” for a nation that possessed far greater potential.

In the nineteenth century, the situation was further aggravated by the fact that education – one of the primary vehicles for fostering national identity – fell under strict oversight by the tsarist government. The Russian Empire pursued an explicit policy of Russification and Christianisation in its national peripheries, and all educational matters were now shaped and “resolved” in accordance with these imperial objectives. This approach was bluntly articulated by D. A. Tolstoy, Minister of Education in the 1870s: “The ultimate goal of

educating all non-Russians inhabiting our fatherland must unquestionably be their Russification and fusion with the Russian people” [20, p. 23].

The renowned Russian orientalist, missionary, and educator N. I. Ilminsky, who advocated that non-Russian peoples should be taught in their native languages by native-speaking teachers, yet always in the spirit of Russian and Christian enlightenment, wrote: “A fanatical Tatar who has received no Russian education and does not know the Russian language is preferable to a civilised Tatar who has been educated in Russian. An aristocrat is worse still; a university graduate is even worse” [21, p. 175].

We think that these ideas, which so vividly expose the true nature of tsarist educational policy, require no further commentary.

When examining the ethnocultural landscape of nineteenth-century Azerbaijan, the figure of Mirza Fatali Akhundzadeh (1812–1878) cannot be overlooked. His literary and educational activities in the 1850s and 1860s, his struggle for a new alphabet, his open and sharp stance against religious fanaticism and ignorance, and his pivotal role in establishing a national theatre all represent the earliest embryonic stages of the quest for Azerbaijani national identity. It is true that some researchers demonstrate a slightly different position, based on the fact that the mentioned directions of Akhundzadeh’s activity were not national-ideological, but only cultural in nature, which also causes certain disagreements around the problem in question. For example, the famous Tatar thinker Y. Akchura, who was one of the main figures of the Turkism ideology, admitted that M.F. Akhundzadeh had rendered great services to Turkism with his comedies written in Azerbaijani language and in European style, his selfless struggle for a new alphabet, and his participation in the creation of the first professional theater in the Turkic world; however, he sees him not a Turkist, but as a person striving towards the Turkist ideal. Y. Akchura observes that “... Yet I possess no substantial information concerning Mirza’s [M.F. Akhundzadeh] ideas or discussions regarding Turkish nationalism. We know that he concerned himself with history, philosophy, and political science and that he published a philosophical treatise titled *Haqq al-Yaqin*. However, none of my sources reveal what positions Mirza took in that work” [22, pp. 32–33].

As the prominent Turkish literary scholar Yavuz Akpınar observes, “the revolutionary thinker [M.F. Akhundzadeh] has no real concept of ‘nation.’ He regards all Muslims as a single people. For him, there is no difference between an Iranian, an Azerbaijani, or a Turk. He appears either not to know, or not to care, that Anatolian Turks and Azerbaijani Turks share the same lineage. It is inconceivable that someone who spends his life as a translator of *Elsine-i Selase* would be ignorant of this fact. The more plausible explanation is that he considered it unimportant and therefore never raised the issue of ‘nation’” [23, p. 54].

Unlike them, Ziya Gökalp, one of the greatest figures of political Turkism, recognizes M.F. Akhundzadeh as a genuine Turkist and highly values his contribution: “When Abdülhamid was attempting to halt this holy trend [Turkism] in Turkey, two great Turkists were emerging in Russia. The first of them is Mirza Fatali Akhundov, whose original comedies written in Azeri Turkish have been translated into all European languages. The second is Ismail Gasprinski [Ismail Gaspirali], who published the newspaper *Terjuman* in Crimea; his motto regarding Turkism was ‘unity in language, thought, and action.’ The *Terjuman* was read by Eastern, Western, and Northern Turks alike. The existence of this newspaper was living proof that all Turks were united in the same language” [24, pp. 6–7].

The reasons for the emergence of such disagreements vary. It appears that the political and cultural milieu of Tiflis, Akhundzadeh’s position within the imperial administration, and the Tsarist regime’s hostility toward both Turkism and Turks in general prevented him from openly expressing his national sentiments. Perhaps for these reasons, Akhundzadeh has traditionally been recognized and studied within academic and social spheres not as a Turkist or nationalist, but rather as an educator, writer, and philosopher.

In the second half of the nineteenth century, the formation of a new type of Azerbaijani culture, encompassing education, literature, and the press, marked the beginning of the search for national identity, acting, so to speak, as its “prelude.” The organizer and driving force of this process, however strange it may seem, was the Azerbaijani intelligentsia, educated in Russia and Europe. This class had been created by the Russian government specifically to facilitate the colonial administration of the region. As the Russian historian and sociologist D. Furman observed, “the Azerbaijani intelligentsia, who assimilated the liberal values and ideas of European society through Russian culture, ultimately went far beyond the framework intended for them by colonial Russia” [25, p. 6].

Nevertheless, to formulate a definitive opinion on this topic, we find it necessary to re-examine the life and work of M.F. Akhundzadeh from a different perspective, aiming to uncover and study aspects of his

activity that may have remained obscured until now. Currently, the origin of the search for national identity in Azerbaijan is traditionally traced to 1875, marked by the publication of *Ekinchi* and the establishment of the national press.

National identity search and press

Thus, in 1875, the renowned intellectual and enlightener Hasan Bey Zardabi – along with his newspaper *Ekinchi*, and later publications such as *Ziya*, *Keshkul*, and *Kaspi* – achieved significant progress within the existing socio-political conditions. By disseminating ideas of enlightenment, they played a key role in helping the population, particularly Azerbaijanis, recognize their national identity and rights. *Ekinchi* laid the foundation for this enlightenment movement by regularly addressing critical issues such as alphabet, schooling, and general education. It provided a platform for these topics and urged the nation's leading figures and the national bourgeoisie to address them.² The very name of the newspaper, *Ekinchi* (The Ploughman), reflects the immense challenges Zardabi faced within the restrictive socio-cultural environment of Tsarist censorship. Zardabi described the strategy behind the name following a meeting with D.S. Staroselski, the military governor of Baku: “After I told him [Staroselski] about my problem, he advised me to name the newspaper *Ekinchi*. In other words, let it appear that only agriculture would be discussed in order to pass censorship. In this way, I submitted an application and received permission.”³

Through *Ekinchi*, our great intellectual addressed young Azerbaijanis who had studied in Russia and Europe but chose not to return to their homeland, preferring instead to work abroad for a better life. He implored them to serve their people and nation, writing emotionally: “Oh, you young people who are studying the sciences! It is true that it is difficult to get along with our countrymen; they do not understand what you are talking about, they will consider your work inconsistent with Sharia, and will hurt you by calling you a *kafir*... Do not be greedy for worldly pleasures, but encourage your brothers to do good deeds. Let the poets mock you, the mullahs curse you, and the public cast stones at you. Work hard for the nation, and in the future, when the nation's eyes are opened, they will consider you martyrs and pray for you.”⁴

However, the pages of *Ekinchi* sometimes included articles with socio-political content that criticized the difficult socio-economic situation, the illegal actions of Tsarist officials, and the colonial policies pursued by the Empire in the national borderlands. In order to divert the attention of the censors from such risky initiatives that were incompatible with the obligations undertaken by the newspaper, H. Zardabi employed veiled expressions and phrases whenever appropriate, and conveyed his ideas to the reader by changing time and place. For example, in the regular “Fresh News” section of the newspaper, one could often find articles with the following content: “The *Turkustan* newspaper writes that there were nomadic Kyrgyz under the rule of the Khogand [Kokand] Khanate; after Russia conquered Khogand, they settled in the Alay Mountains. Now that they have started a fight with Russia under the leadership of Abdullah Bey, General Skoblev has gone to disperse them. They say that Russia will also conquer the Alay Mountains.” Or, “The *Kavgaz* newspaper writes that a community established to Christianize non-tribes in the Caucasus converted 450 people from Abkhazia and Ossetia to Christianity last year.”⁵

A significant portion of *Ekinchi* was dedicated to promoting a new type of culture, encompassing fiction, art, language, pedagogy, textbooks, translation, book publishing, and library. In almost all issues of the newspaper, in order to raise the cultural level of the people, educate them and make their time meaningful, the newspaper advocated for the production of books in the mother tongue. It also called for foreign works to be translated into the native language and distributed to the population free of charge.⁶

H.b. Zardabi, who argued that literature, including oral folk traditions, should serve the unity and progress of the nation, lamented that some indigenous songs and examples of musical folklore were meaningless, and being far removed from these ideals. He noted: “Every tribe has songs that comment on the bad and good days of the nation's past; these songs are heard, and the nation becomes united. But those who hear our songs

2 *Əkinçi*, September 20, 1875, № 5

3 Azərbaycan Milli EA, M.Füzuli adına Əlyazmaları İnstitutu. H.Zərdabi arxivi, inv. 103, vərəq 1

4 *Əkinçi*, June 11, 1876, № 11

5 *Əkinçi*, October 8, 1876, № 19

6 *Əkinçi*, March 29, 1876, № 6

must wonder who made them and why. Most of them, which the ignorant call for, have no meaning at all.” The author sought to justify this concern with concrete and vivid examples.⁷

H.b. Zardabi viewed internal divisions among Muslims, particularly sectarian conflicts, as the primary obstacles hindering development and the strengthening of national consciousness and national unity. He wrote: “Half of the Muslims living in the Caucasus are Shia, and half are Sunni. Shias are tired of Sunnis, Sunnis are tired of Shias. No one listens to each other. How can the union be formed?!”⁸

It is worth noting that when dedicating space to such writings, H.b. Zardabi often cited examples from the lives of other peoples who, despite the oppression they suffered, retained their national and religious identities. He wrote with a sense of envy regarding nations that always strove for unity and development; in doing so, he effectively illuminated the path of progress and the future for his own people.⁹

Regrettably, due to the articles and opinions published in *Ekinchi*, reactionary circles – especially fanatical religious figures – launched harsh attacks against the newspaper and its founder, H.b. Zardabi. They threatened to kill him and angrily called him “godless” and “urus in a hat” [26, p. 293].

As a consequence of these mounting pressures and periodic warnings from Tsarist censors, *Ekinchi* ceased publication in 1877. Instead, on January 14, 1879, a new native-language publication emerged within the ethno-cultural landscape of Azerbaijan: the newspaper *Ziya* (renamed *Ziyayi-Qafgasiya* in December 1880), founded by the Unsuzadeh brothers, Said and Jalaladdin. Unlike *Ekinchi*, *Ziya*'s ambiguous editorial stance often sparked discussion and controversy regarding the content it published. For instance, the publisher, S. Unsuzadeh, opposed alphabet reform initiatives, arguing that it was incorrect to attribute ignorance and backwardness to the complexity of the Arabic script. Noting that China and Japan had achieved progress without altering their writing systems, he suggested that the true solution lay in simplifying education and training methods rather than changing the alphabet [27, p. 721].

For this reason, both at that time and in later periods, allegations arose that he collaborated with the Tsarist authorities. For example, according to A. Zeynalzade, a researcher of Azerbaijani press history and the censorship activities of the Tsarist regime, “the censorship records allow us to conclude that the attitude of the Caucasian Censorship Committee toward the newspaper *Ziya* (*Ziyayi-Qafgasiya*) was moderate. The main reason for this was the fact that the editor belonged to the ecclesiastical class, was close to the Viceroy's administration, and the ideology he promoted in the newspaper was compatible with Tsarist policy” [28, p. 174].

Yusif Akchura emphasized that the Unsuzadeh brothers served the cause of Islam more than that of nationalism. Describing them not as proponents of Turkism, but of Islamic unity, which was more relevant at that time, he noted that their connection to Turkish nationalism was limited strictly to the fact that they printed the works of Ismayil bey Gaspıralı in their printing house [22, pp. 47–48].

According to the well-known educator Omar Faig Nemanzadeh, Said Unsuzadeh was constantly ridiculed, insulted and attacked by the public because of his overly liberal outlook. Yet, along with authors with a religious outlook in the newspapers *Ziya* and *Ziyayi-Qafgasiya*, bright intellectuals such as Hasan bey Zardabi, Seyyid Azim Shirvani, Najaf bey Vezirov, Jalal Unsuzadeh, S. Velibeyov, Adolf Berje, A.O. Chernyayevski and M. Shahtakhtli also wrote papers.¹⁰

Ziyayi-Qafgasiya operated for about five years before “closing” in June 1884 due to “economic difficulties” and a “lack of financial resources.” However, prior to this, another publication belonging to Unsuzadeh Press – the magazine *Keshkul* – had started to operate in Tiflis in January 1883. Issues such as the promotion of the ideas of national identity, criticism of the hypocritical clergy who exploited the common people under the guise of religion, the most important events in the world and the attitude of the Russian tsarism to those events¹¹ were more widely and fully reflected in this magazine. As noted by ethnologist A. Balayev, “*Keshkul* can be considered a pioneer in the search for national identity due to the wide scope of this type of writing on its pages” [2, p. 159].

7 *Əkinçi*, September 1, 1877, № 18

8 *Əkinçi*, January 18, 1877, № 16

9 *Əkinçi*, August 23, 1976, № 16

10 Azərbaycan Milli EA, M.Füzuli adına Əlyazmaları İnstitutu. Ö.F.Nemanzadə arxivi, N 4-5

11 Gürcüstan Respublikası MDTA, f.480, siyahı 1, iş 730, vərəq 2

Keshkul continued as a newspaper starting March 22, 1884, after publishing 12 issues as a magazine. It attempted to clarify such issues that prevented Azerbaijanis from realizing their national identity – why they are called “Tatars”, the reasons that impede the development of national consciousness and national language, the difference between the concepts of “ummat” and “nation”, etc.

For instance, in an 1891 issue, the newspaper published a short interview addressing the national identity of Azerbaijani Turks. The interview highlighted the fact that some Azerbaijanis do not even know the name of their country, repeatedly stating, “I am from Bijan.” This confusion, combined with the difficulty of self-identifying as an “Azerbaijani Turk,” “Azerbaijani,” or “Ottoman Turk,” stands as a vivid illustration of the ethno-cultural situation in the country at that time.¹²

However, it is well known within the scientific community that J. Unsuzadeh referred to the language of the population as both “Azerbaijani” and “Turkish” in a series of articles published in the newspaper, and in 1891, he even applied to the General Press Affairs Department in Tiflis for permission to publish a newspaper titled *Azerbaijan*. Indeed, the fact that *Keshkul* was subjected to harsher persecution by the Tsarist regime, and that many of its issues were confiscated at the request of the censors, was a direct result of such articles. It is no coincidence that during its publication, the paper often featured announcements stating that, “For reasons beyond our control, *Keshkul* was not published on time” [29, p. 178]. The presence of numerous uncensored or confiscated copies of *Keshkul* in the State Historical Archive of the Republic of Georgia serves as clear proof of this interference.

Finally, in November 1891, the publication of *Keshkul*, which had been in print for nearly ten years, ceased permanently. From that point until the beginning of the 20th century, no newspapers or magazines were permitted to be published in the Azerbaijani language. The prominent literary critic F. Kocherli noted with a heavy heart that ten years had passed since “the last newspaper, *Keshkul*, was published, and during this period we were left without a newspaper.”¹³

It is true that even after the closure of *Keshkul*, many national intellectuals attempted to publish newspapers in the Azerbaijani language. However, each time these attempts were hindered under various pretexts by the Head Department of Press Affairs of tsarist Russia and censorship. The response of M.P. Solovyov, Chief of the Main Administration for Press Affairs (1896–1899), to the prominent educator M. Shahtakhtinsky regarding his 1897 request to publish the newspaper *Tiflis* in Azerbaijani, is particularly telling: “I cannot give permission to publish a newspaper in the Tatar language. If you want, I will let you publish a newspaper in Russian. Let the Tatars take your example and learn Russian. You speak Russian very well... Why do people need newspapers? Let the intellectuals study in Russian, and let the ordinary Tatars [Azerbaijani] go and graze their flocks.”¹⁴

M.P. Solovyov’s official reply to M. Shahtakhtinsky read as follows: “The rapprochement of non-Russians and peoples of other faiths is possible only through the spread of education, and the instrument of this must be the Russian language. Otherwise, the establishment of an all-Muslim periodical press will not only fail to bring Muslims closer to Russian citizens, but will actually alienate them.” [29, p. 12].

The lack of objectivity and sincerity in this opinion is evident from the fact that, at that time, countless newspapers and magazines were published in the languages of non-Turkish and non-Muslim peoples within the Russian Empire – including Georgian and Armenian – and that schools and educational institutions were operating in these languages. Consequently, it requires no further proof to demonstrate that the Tsarist policy of persecution, prohibition, and discrimination was selectively applied to Turkish-Muslim peoples.

During the years when *Ziya (Ziyayi-Qafqasiya)* was in circulation, specifically in 1881, another publication, the Russian-language newspaper *Kaspi*, began operations in Baku. Reportedly, Viktor Kuzmin, the newspaper’s first editor and publisher, intended to print an Azerbaijani-language supplement to *Kaspi* titled *Chirag*, but the Caucasian Censorship Committee, as expected, denied the request.¹⁵

The newspaper’s primary focus was on culture, education, and enlightenment. Prominent intellectuals of the time, including M. Mahmudbeyov, N. Narimanov, M.T. Sidqi, M. Shahtakhtinski, H.b. Zardabi, T. Bayramelibeyov, A. Mahmudbeyov, A. Agaoglu, N. Minasazov, E. Sultanov, R. Melikov, F. Kocherli, M. Mahmudbeyov, N. Nezirov, S.M. Ganizadeh, J. Hajibeyli, U. Hajibeyli, N. Vezirov and others frequently contributed articles to its pages. At the same time, specific issues of the publication featured serious writings on

12 *Kəşkül*, 1891, № 22

13 *Şərqi-rus*, 1903, May 9, № 17

14 Gürcüstan Respublikası MDTA, f.480, siyahı 1, iş 1358, vərəq 3

15 Gürcüstan Respublikası MDTA, f. 480, siyahı 1, iş 418, vərəq 3

topics such as women's freedom and rights, Islam's attitude toward education and science, alphabet reform, and the status of Muslims within the empire. During A.M. Topchubashov's tenure as editor of *Kaspi* (1898–1907), the publication of articles addressing national relations and national issues became an established tradition [30, pp. 57–62]. In this context, Muhammad Agha Shahtakhtinsky's article, "How to Call Transcaucasian Muslims?", published in an 1891 issue of the newspaper, is particularly noteworthy. He emphasized that the so-called "Muslim" population of the Transcaucasus region was, in terms of ethnic origin and language, neither Tatar nor Persian, but Turkic. He argued: "In everyday usage, it is inconvenient to express the name of the nation and its language with two words: for example, Azerbaijani Turkish or Aderbeidjani Turkish. Therefore, it would be appropriate to call Transcaucasian Muslims 'Azerbaijanis,' and the Transcaucasian Turkic language the 'Azerbaijani language' rather than the 'Tatar language'."¹⁶

Conclusion

Thus, based on the discussion above, we can trace the initial search for national identity and the awakening of national consciousness in Azerbaijan to the 1870s, coinciding with the establishment of the national press. However, since these efforts were not widespread and remained somewhat individual in nature, their immediate impact was limited. As A. Balayev noted, "H.b. Zardabi's views, as well as the coverage of national identity issues on the pages of the newspapers such as *Keshkul* and *Kaspi* during the 1890s, could not become a common and mass trend. This was because these views were not shared by the general populace, but rather by only a small fraction of the intelligentsia" [2, p. 179].

One of the main reasons for this was undoubtedly the weakness of secular education, or perhaps its absence. For centuries, the religious superstition promoted secular education as "unnecessary" and almost "haram" (forbidden by shariat/prohibited), which led to the vast majority of Azerbaijanis shun from school and education. Publicity, ignorance, unquestioning obedience to injustice and slavery had almost become the "traditional way of life" of a great nation. On the other hand, the situation was aggravated by the fact that education was under the control of Russian tsarism, which considered national awakening in the Muslim peripheries a "serious threat" to the empire.

Moreover, until roughly the 1880s, the Islamic religion and a pervasive Muslim worldview continued to constitute the primary basis for self-identification in colonial Azerbaijan. The prevailing belief was that Islam rejected the division of Muslims based on national characteristics, even viewing such distinctions as a "great sin." As researchers have noted, "Muslim doctrine recognizes not a national, but only a unified Islamic religion – the idea of the unity and brotherhood of all Muslims worldwide, regardless of nationality. Thus, in Islam, the concepts of 'religion' and 'nation' hold practically the same content and meaning." [31, p. 5].

However, towards the end of the 19th century, we witness that discussions on "Turkishness," "Azerbaijaniness," and "Muslimness" took on a broader scale. As the renowned Turkish historian Refik Turan noted, "despite the absolute dominance of those who accepted the idea of *Ummah* (unity of the Muslim community/coreligionist) in the middle of the century, we can say that towards the end of the century, the idea of 'Turkism' had gained greater acceptance among Azerbaijanis." [32, p. 434]. Ali Bey Huseynzadeh (1864–1940), Ahmed Bey Agaoglu, Alimardan Bey Topchubashov, and others – who would become known as the founders of political Turkism not only in Azerbaijan but throughout the entire Turkic world – made unparalleled contributions to this cause. Although their ideas crystallized into a formal ideology in the early 20th century, the first seeds began to sprout at the end of the 19th century. Thus, by the end of the century, A. Huseynzadeh was writing poems under the pseudonym "A. Turani," glorifying Turanism and Turkism. Similarly, after meeting the renowned sociologist Ernest Renan and the famous pan-Islamist J. Afghani in France, A. Agaoglu's views shifted significantly toward Turkism. Beginning in 1898, Alimardan Bey Topchubashov – as publisher and editor-in-chief of the Russian-language newspaper *Kaspi*, owned by the great philanthropist Haji Zeynalabdin Taghiyev – made significant contributions to the awakening of national identity. It was thanks to their efforts, alongside the emergence of national publications in the early 20th century such as *Shargi-Rus* (1903–1905), *Hummet* (1904–1905), *Heyat* (1905–1906), and *Fuyuzat* (1906–1907), that the concepts of Azerbaijanism, Turkism, and Turanism became the leading political ideologies defining the ethnic and socio-cultural landscape of Azerbaijan.

16 *Kaspi* (newspaper), 1891, № 93

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
2. Балаев А.Г. Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX–XX вв. М.: ООО «ТиРу», 2012. – 403 с.
3. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
4. Геллер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
5. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма (Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др.). М.: Праксис, 2004. – 464 с.
6. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
7. Тишков В.В. Забыть о нации // Вопросы философии. 1998, № 9. С. 3–26.
8. Rəsulzadə M.Ə. Milli birlik. Bakı, Çıraq, 2009. – 176 s.
9. Магомедханов М.М. Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ООО «ДИНЕМ», 2008. – 272 с.
10. Оlearий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем Посольства Адамом Олеарием (Пер. с нем. Павел Барсов). М.: О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1870. – 1174 с.
11. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений. В 4 томах. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1857. – 594 с.
12. Путеводитель по Кавказу (составитель Е.Г. Вейденбаум). Тифлис, тип. Канцелярии главноначальствующего Гражд. частью на Кавказе, 1888. – 434 с.
13. Гатсгаузен Ф. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Т. 2. СПб.: Тип. Главного штаба Его Императорского Величества по военно-учеб. заведениям, 1857. – 215 с.
14. Сергеева Г. Межэтнические связи народов Дагестана во второй половине XIX–XX вв. (этноязыковые аспекты) // Кавказский Этнографический Сборник (КЭС). Т. IX. М.: Наука, 1989. С. 89–136.
15. Харадзе Р.Л. Грузинская семейная община. Т. I. Тбилиси: Заря Востока, 1960. – 191 с.
16. Лавров Л.И. Рутульцы в прошлом и настоящем // КЭС. Вып. 3. М.-Л.: 1962. С. 110–157.
17. Загурский Л. Заметка об исследовании Кавказских языков. М.: Синодальная Типография, 1880. – 23 с.
18. Hacıbəyli Ü. Dil. Seçilmiş əsərləri. 2 cildə. II c. Bakı, Şərq-Qərb, 2005. S. 140–143.
19. Ağaoğlu S. Babamdan Hatıralar. Ankara, Zerbamat Basımevi, 1940. – 213 s.
20. Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар (борьба вокруг школьного вопроса. 1861–1917). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 96 с.
21. Письма Н.И. Ильминского обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву. Казань: Издание Редакции Православного Собеседника, 1895. – 414 с.
22. Фурман Д.Е. Азербайджан и Россия: общества и государство. М.: 2001. – 496 с.
23. Ačkura Y. Türkçülük. "türkçülüğün tarihi gelişimi". İstanbul, Özdəmir Basımevi, 1978. – 253 s.
24. Akpınar Y. Azeri Edebiyatı Çalışmaları. İstanbul, Dergah Yayınları, 1994. – 512 s.
25. Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları. Ankara, Matbuat ve İstihbarat Matbaası, 1339. – 182 s.

REFERENCES

1. Erikson E. *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress, 1996. (In Russ)
2. Balaev A.G. *The Azerbaijani Nation: Main Stages of Formation at the Turn of the XIX–XX Centuries*. Moscow: LLC "TiRu", 2012. (In Russ)
3. Hroch M. From National Movements to the Fully Formed Nation: The Nation-Building Process in Europe. *Nations and Nationalism*. Moscow: Praxis, 2002: 121-145. (In Russ)
4. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Moscow: Progress, 1991. (In Russ)
5. Smith A. *Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*. Transl. from English by A. V. Smirnov, Yu. M. Filippov, E. S. Zagashvili et al. Moscow: Praxis, 2004. (In Russ)
6. Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo Pole, 2016.
7. Tishkov V.V. To Forget About the Nation. *Questions of Philosophy*. 1998; 9: 3-26. (In Russ)
8. Rəsulzadə M.Ə. *Milli birlik*. Bakı: Çıraq, 2009. (In Azeri)
9. Magomedkhanov MM. *Dagestanis: Ethnolinguistic and Sociocultural Aspects of Self-Consciousness*. Moscow: LLC "DINEM", 2008. (In Russ)
10. Olearius A. *Detailed Description of the Travels of the Holstein Embassy to Muscovy and Persia in 1633, 1636, and 1639, Compiled by the Secretary of the Embassy Adam Olearius*. Transl. from German by Pavel Barsov. Moscow: Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1870. (In Russ)
11. Lermontov M.Yu. *Complete Collection of Works*. In 4 volumes. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat, 1857. (In Russ)
12. *Guide to the Caucasus*. Comp. by E.G. Weidenbaum. Tiflis: Print. of the Chancellery of the Chief Administrator of the Civil Part in the Caucasus, 1888. (In Russ)
13. Haxthausen F. *Transcaucasian Region. Notes on Family and Social Life and Relations of Peoples Living between the Black and Caspian Seas*. Vol. 2. St. Petersburg: Print. of the General Staff of His Imperial Majesty for Military Educational Institutions, 1857. (In Russ)
14. Sergeeva G. Interethnic Relations of the Peoples of Dagestan in the Second Half of the 19th–20th Centuries (Ethnolinguistic Aspects). *Caucasian Ethnographic Collection (CES)*. Vol. IX. Moscow: Nauka, 1989: 89-136. (In Russ)
15. Kharadze RL. *Georgian Family Community*. Vol. I. Tbilisi: Zarya Vostoka, 1960. (In Russ)
16. Lavrov LI. The Rutuls in the Past and Present. *CES*. Is. 3. Moscow-Leningrad: 1962: 110-157. (In Russ)
17. Zagursky L. *Note on the Investigation of Caucasian Languages*. Moscow: Synodal Printing House, 1880. (In Russ)
18. Hacıbəyli Ü. Dil. Seçilmiş əsərləri. 2 cildə. II c. Bakı, Şərq-Qərb, 2005: 140-143. (In Azeri)
19. Ağaoğlu S. *Babamdan Hatıralar*. Ankara, Zerbamat Basımevi, 1940. (In Azeri)
20. Makhmutova AKh. *The Formation of Secular Education among the Tatars (Struggle around the School Question. 1861–1917)*. Kazan: Kazan University Press, 1982. (In Russ)
21. *Letters of N.I. Ilminsky to the Chief Procurator Konstantin Petrovich Pobedonostsev*. Kazan: Publication of the Editorial Board of the Orthodox Interlocutor, 1895. (In Russ)
22. Furman DE. *Azerbaijan and Russia: Societies and States*. Moscow, 2001. (In Russ)
23. Ačkura Y. *Türkçülük. "Türkçülüğün tarihi gelişimi"*. İstanbul: Özdəmir Basımevi, 1978. (In Turkish)
24. Akpınar Y. *Azeri Edebiyatı Çalışmaları*. İstanbul: Dergah Yayınları, 1994. In Turkish
25. Gökalp Z. *Türkçülüğün Esasları*. Ankara: Matbuat ve İstihbarat Matbaası, 1339. In Turkish

26. Hüseynov H. *Azərbaycanda XIX əsr ictimai və fəlsəfi fikir tarixindən*. Bakı, Şərq-Qərb, 2007. – 400 s.

27. Ələkbərli F. *Azərbaycan Türk fəlsəfi və ictimai fikir tarixi (XIX–XX əsrlər)*. Üç cildə, I cild. Bakı, Elm və təhsil, 2023. – 784 s.

28. Zeynalzadə A. *Azərbaycan mətbuatı və çar senzurası (1850–1905)*. Bakı, Elm, 2006. – 326 s.

29. Балаев А.Г. *Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX–XX вв.* Баку, Нурлар, 2005. – 328 с.

30. Yaqublu N. “Kaspi” qəzetinin yaranması və fəaliyyəti. Bakı, Qanun, 2011. – 216 s.

31. Аршаруни А., Габидуллин Х. *Очерки панисламизма и пантюркизма в России*. М.: Безбожник, 1931. – 141 с.

32. Turan R. *Kuzey Azerbaycan'da Modern Ulusal Kimliğin Gelişim Sürecine Genel Bir Bakış // Atatürk Üniversitesi Türkiyyat Araştırmaları Dergisi*. TAED. 61, 2018. S. 429–451.

26. Hüseynov H. *Azərbaycanda XIX əsr ictimai və fəlsəfi fikir tarixindən*. Bakı: Şərq-Qərb, 2007.

27. Ələkbərli F. *Azərbaycan Türk fəlsəfi və ictimai fikir tarixi (XIX–XX əsrlər)*. Üç cildə, I cild. Bakı: Elm və təhsil, 2023. (In Azeri)

28. Zeynalzadə A. *Azərbaycan mətbuatı və çar senzurası (1850–1905)*. Bakı: Elm, 2006. (In Azeri)

29. Balaev A.G. *Ethnolinguistic Processes in Azerbaijan in the 19th–20th Centuries*. Bakı: Nurlar, 2005. (In Russ)

30. Yaqublu N. “Kaspi” qəzetinin yaranması və fəaliyyəti. Bakı: Qanun, 2011. (In Azeri)

31. Arsharuni A., Gabidullin Kh. *Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia*. Moscow: Bezbozhnik, 1931. (In Russ)

32. Turan R. *General View on the Development Process of Modern National Identity in Northern Azerbaijan*. *Atatürk Üniversitesi Türkiyyat Araştırmaları Dergisi*. TAED. 2018; 61: 429–451. (In Azeri)

Поступила в редакцию 17.02.2025

Принята в печать 25.04.2025

Опубликована 15.12.2025

Recieved 17.02.2025

Accepted 25.04.2025

Published 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214561-570>



Research paper

Karine R. Bazeyan,
Phd. (Ethnography), Assoc. Prof,
Shirak Center for Armenological Studies,
NAS of RA, Gyumri, Republic of Armenia
bazeyan60@yandex.ru

THE PROCESS OF SHAPING NEW URBAN CULTURE IN LENINAKAN DURING THE EARLY SOVIET PERIOD

Abstract. In the USSR, an entity largely isolated from the global sphere due to its distinctive formation and evolution as a multinational yet cohesive state, unique processes, unparalleled in their scope and vigor, unfolded, which outlined the novel paths for traditional cultural development. These dynamics manifested in different ways across rural and urban settlements, shaped by emergent political, ideological, socioeconomic, and cultural imperatives. Within the Armenian context, such transformations manifested most vividly and idiosyncratically in Leninakan, propelling the city by mid-century to become a major industrial hub not only in Soviet Armenia but across the broader USSR. This article aims to delineate the principal factors that profoundly shaped the city's emergent cultural complex, while demonstrating the interplay between Alexandropol's entrenched urban traditions and the evolving Soviet ethos of Leninakan, reflected in every facet of civic life. Although the traditional culture of Alexandropol has received considerable scholarly attention and documentation, the multifaceted cultural milieu of Soviet Leninakan demands deeper, more detailed approach, which constitutes the core ambition of this study. Employing historical, ethnographic, and ethnocultural methodologies, the research centers on comparative analysis framed within a systemic paradigm. The contemporary periodical press was widely used as a reliable source for studying the dynamics of historical and cultural processes and transformations. Particular attention was paid to the analysis of previously unpublished archival materials.

Keywords: Leninakan; tradition; sovietization; socialist ideology; industrialization; immigration; new urban culture

For citation: Bazeyan K.R. The process of shaping new urban culture in Leninakan during the early soviet period. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 561-570. doi.org/10.32653/CH214561-570

© Bazeyan K.R., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214561-570>

Исследовательская статья

Базеян Карине Размиковна
к.и.н, доцент, старший научный сотрудник
Ширакский центр арменоведческих исследований
Национальная академия наук Республики Армения, Гюмри, Армения
bazeyan60@yandex.ru

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАННЕСОВЕТСКОМ ЛЕНИНАКАНЕ

Аннотация. В почти изолированном от внешнего мира СССР, в силу специфики его становления и развития как многонационального, но при этом единого государства, происходили уникальные по содержанию и интенсивности процессы, которые определили особенные пути развития традиционной культуры. Они проявлялись по-разному в сельской и городской местностях, в зависимости от новых политико-идеологических, социально-экономических и культурных требований. В армянской действительности эти трансформации наиболее интересными и своеобразными способами отразились в Ленинакане, в результате чего уже в середине XX века город стал одним из важных промышленных центров не только Советской Армении, но и СССР. Цель данной статьи заключается в выявлении ключевых факторов, оказавших значительное влияние на формирование нового культурного комплекса города, а также в представлении взаимосвязи традиционной культуры Александрополя и культуры Советского Ленинакана, которые проявлялись во всех сферах повседневной жизни горожан. Если традиционная городская культура Александрополя в целом изучена и опубликована, то культурный комплекс советского Ленинакана, требует более глубокого и всестороннего изучения, что и является основной задачей данной работы. Исследование было проведено с использованием методологии историко-этнографических и этнокультурных исследований. В качестве основного метода применялся сравнительный анализ, который использовался в рамках системного подхода. Широко использовалась периодическая пресса того времени как надежный источник для изучения динамики исторических и культурных процессов и трансформаций. Особое внимание было уделено анализу ранее неопубликованных архивных материалов.

Ключевые слова: Ленинакан; традиция; советизация; социалистическая идеология; индустриализация; иммиграция; новая городская культура

Для цитирования: Базеян К.Р. Процесс формирования новой городской культуры в раннесоветском Ленинакане // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 4. С. 561-570. doi.org/10.32653/CH214561-570

© Базеян К.Р., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

Modern Gyumri is a city in Armenia with a unique identity, the foundation and development of which are presented in numerous and diverse sources, both scientific and popular literature. Initially built as a city of strategic importance with a clear urban planning layout, it has continuously expanded and changed under the influence of various demographic, economic, cultural, and political factors.

Gyumri – Leninakan, the second-largest city in Armenia, was founded in 1837 by Nicholas I under the name Alexandropol. Its inhabitants were immigrants from the Western Armenian cities of Kars, Karin, and Bayazet. By the late 19th century, the city had become an important military-strategic center of the region and was considered the third most significant trade, craft, and cultural center of the South Caucasus, after Tiflis and Baku.

Local (Eastern and Western Armenian), Russian, and numerous Western European cultural traditions coexisted successfully, influencing urban planning, craftsmanship, and trade, but most notably shaping the social and humanitarian aspects of city life.

As a district center, Alexandropol assumed not only administrative and managerial functions but also served as an economic and cultural hub for surrounding settlements. The transformation of any settlement into an administrative center is clearly reflected in the socio-psychological and behavioral aspects of its population's value system. Many ethnocultural phenomena characteristic of Alexandropol are unique and result from the urbanization processes that took place there in the 19th and early 20th centuries [1].

The life of Alexandropol changed significantly after the establishment of Soviet rule in Armenia and the transition to a new state economic system. The city, known for its strong craft traditions, underwent a major restructuring, affecting not only its population but also its main occupations, economic and social relations, and overall way of life [2].

In 1924, it was named Leninakan in honor of Lenin, and after the collapse of the Soviet Union, it was renamed Gyumri in 1992. In terms of urban culture, the city is distinctly characterized by three historical developmental phases, each reflected in one of the three names given to it. Thus, a number of characteristic economic, cultural, and spatial-structural features of urban organization emerge in each period, which reflect both the state's policy approaches and the degree of participation of the urban population in these processes.

This article discusses the processes from the 1920s to the 1940s that had a significant impact on the formation of a new urban culture in Leninakan.

The establishment of Soviet Rule in Armenia in 1920 and the transition to a new state-run economic system brought significant changes to the life of Alexandropol, and, since 1924, to the life of Leninakan. In a city that had previously developed artisan traditions, major shifts began to occur, resulting in changes not only in the composition of the population and their primary occupations but also in economic and social relations, which in turn influenced other aspects of daily life. Archival materials and publications from the time contain rich information about these transitional, turbulent years, offering a chance to reconstruct the process of Alexandropol's shift from a traditional urban culture to the new, industrial, Soviet Leninakan.

Several books were written and published about Leninakan during the Soviet years, which, in line with the demands of socialist ideology, aimed to present its progress by contrasting it with pre-Soviet Alexandropol [2-6]. These works detailed the changes that occurred during the Soviet period, covering the city's industrial development, urban planning, and housing construction, efforts to improve the population's well-being, and cultural life. H. Gabrielyan only briefly addressed the ethnographic description of the people of Leninakan in the subsection "Lifestyle and Customs" in his book [6, pp. 21–33].

The sole study addressing this topic is K. Seghbosyan's work, which, grounded in extensive ethnological research, examines and elucidates the artisan traditions of Alexandropol and their embodiment in the everyday lives of Leninakan's residents [7]. With rich ethnographic, factual, and historical materials, this study remains unmatched to this day, despite the application of Soviet methodology and the adherence to socialist ideology in its presentation. The author, while thoroughly presenting the preservation of artisan traditions in Leninakan's reality, only briefly discusses the processes that form the foundation of the new circumstances and relationships.

This article aims to clarify this very issue and has been carried out using the methodology of historical-ethnography and ethno-cultural research. Various forms of comparative analysis have served as the primary method, employed within a systematic framework. In addition to relevant literature, the study places particular emphasis on periodical press materials of the time, considering them as reliable sources for examining the

dynamics of historical and cultural processes and transformations. Special attention is given to the analysis of previously unpublished archival materials.

Since the topic is vast, it is merely a brief analysis of the deep and multifaceted changes that had a significant impact on the formation of Leninakan's new urban culture. This was influenced by a number of factors, of which we highlighted the following:

- The change in the composition of the population;
- The new economic policy and the process of industrialization;
- The policy aimed at eradication of illiteracy and promoting gender equality;
- The spread of socialist ideology.

The change in the composition of the population

The culture of any city is shaped by, and best represented by its population. The changes in the population's composition inevitably led to changes in the city's character, creating the social environment in which the urban population forms and establishes its own patterns.

World War I and the Turkish invasions of 1918 and 1920 had disastrous consequences for the demographic picture of Alexandropol. The composition of the population changed significantly; the city lost its young, capable workforce, and both emigration to Tbilisi and the immigration of Western Armenians, including thousands of orphans, became widespread. According to the data from the 1897 All-Russian Census, the population of Alexandropol was 30,316 people, 95% of whom were Armenians [1, p. 13]. After the mentioned events, between 1914–1926, the population decreased by 10,410 people, or 19.7% respectively [8, pp. 126].

In 1920, 20,000 orphans were placed in the "Polygon," "Cossack Post," and "Severskiy" military units of the American Committee for Armenian Relief. The American government aimed to relocate the best students to the USA. The first group of orphans was relocated in 1922, but this process was halted later at the request of Alexander Myasnikyan, effectively stopping the relocation of children. To this day, it is unknown how many orphans were sent to the USA.

Notably, compared to 1920, the number of orphans decreased by 14,999, or by a factor of 3.6. On January 1, 1927, there were 5,501 orphans in the American Committee's orphanages in Leninakan, and by the following year, the number had decreased to 3,125 [9, pp. 5–6].

During World War I, Armenians who had fled from Sarighamish, Kaghzvan, Ardahan, Ardvin, and Batumi settled in Alexandropol. By the end of 1914, about 2,400 people had settled in the city. In the early months of 1915, another 360 Armenians from various parts of Western Armenia settled in the city [10, p. 66]. As a result of the Turkish invasions in 1918 and 1920, thousands of residents from the Kars region and the city of Kars arrived in Alexandropol.

Since 1921, Armenian repatriates from Constantinople, the Balkans, and the Near East joined the emigrants, and the issues of their settlement and accommodation were nearly insurmountable due to Armenia's harsh socio-economic conditions. By the end of 1921, a significant portion of the 3,000 Armenians who had fled from the countries of the Near East were settled in Alexandropol. In 1924–1925, more than 3,000 Armenians who had emigrated from Constantinople, the Near East, and Greece settled in Yerevan and Leninakan [8, p. 67].

In Leninakan, the refugees settled in the area near the railway station and in the "Barracks" neighborhood that had been established after the 1926 earthquake. By 1928, the local economic division's inventory records showed that more than half of the 400 residents of the Barracks were Armenian refugees who had immigrated from Kars, the Kars region, and Sivas. The remaining residents of the neighborhood came from various villages of the Leninakan region.

It is important to note that as a result of the repatriation that began in 1926–1927, three groups were formed in the city: those who had emigrated from Western Armenia after the 1915 genocide, known as the "refugees"; the diaspora Armenians, or "People of Constantinople"; and the native Armenians, or "locals" [9, p. 67].

The next stage of immigration spans from 1933 to 1936, during which about 73,300 people immigrated to the country. While the exact number of people who settled in Leninakan during these years is unknown, ethnographic sources suggest that the majority of the immigrants were French Armenians, with some also coming from the Balkans. These repatriates, joining the already established sub-ethnic group, were called

the “French” (as they were also referred to in Yerevan) and “newcomers,” in contrast to the previous phase of repatriates.

The establishment of Soviet Rule had a generally positive impact on stabilizing the demographic situation of Alexandropol–Leninakan and promoting the subsequent growth of the population. This growth was mainly due to the immigration and repatriation of the rural population, which indicates that the opportunities for settlement and employment in Leninakan were greater compared to other regions of the republic. Among the repatriates, there was a significant number of artisans. Those who immigrated from France and Constantinople were predominantly intellectuals and skilled craftsmen. Many of them settled in the city center, while the outskirts were populated by rural immigrants from Syria, Iraq, and Iran, who needed land for agricultural work.

Between 1922 and 1931, the population of Leninakan was also supplemented by foreigners: Russians and Ukrainians (6,613), Turks (316), Kurds and Yazidis (146), and others (967) [8, pp. 128–129].

Alexandropol was a city with a traditional artisan-trade economy, and, according to the 1901 statistical data, its population was divided into the following classes: “The wealthy class consisted of the prominent families of the city, landowners, moneylenders, contractors, political service officers, doctors, and lawyers, if available. Among the wealthier group were the retailers, small textile owners, butchers owning their own shops and houses, and officers in military service.”

The middle class encompassed craftsmen, large rural families, and civil servants earning an annual income of 300–400 rubles. Most priests also fell into this category. The lower class, by contrast, included owners of secondary crafts, lower-ranking civil servants, members of the working class, able-bodied men who were currently unemployed, and widows with adult children. It further comprised elderly individuals without descendants, the blind, the crippled, and the disabled who subsisted on public charity, as well as widows with young children.

According to 1901 statistical data, there were 127 rich families, 363 wealthy individuals, 1,448 middle-class individuals, 1,431 lower-class individuals, and 61 very poor persons. These figures underscore that the overwhelming majority of the population comprised craftsmen and low-ranking civil servants [11, pp. 261–263].

By 1920, as a result of the aforementioned processes, the number of wealthy and affluent people in the city had drastically decreased, while the number of poor people – including immigrants and orphans – had increased. The previously established class, socio-economic, and professional structure of the city had changed, and the main social classes of the population had been transformed.

Thus, the population of Alexandropol was clearly distinguished not only by ethnic and sub-ethnic affiliations but also by religious denominations and even occupations. This was reflected in the territorial division of the city (e.g., Russian, Sloboda, Greek, Catholic, Turkish, etc.).¹

The migration processes mentioned above had a profound impact on the city’s new culture, population behavior, ritual systems, and overall ethno-cultural environment. The identity of any city is best shaped and expressed by its population. The changes in the population’s composition, therefore, inevitably led to changes in the city’s character, while the other two factors – industrial development and social-professional composition – shaped the social environment in which the urban population forms and establishes its own patterns.

The new economic policy and the process of industrialization

The processes initiated in Leninakan, aimed at fostering new political, economic, and socio-cultural relations while promoting a socialist way of life, were carried out under difficult conditions resulting from the Turkish invasions of 1918 and 1920. The reconstruction and economic transformation of the city began in 1921, spearheaded by the newly established Executive Committee of the City Soviet. Their mission was not only to revive a broken and dormant economy but to rebuild it on a foundation of socialist ideals.

The first significant step in economic policy was the nationalization of private enterprises. Pre-Soviet Alexandropol had no large factories but was home to several small enterprises, including Dzitoghtsyans’ and

1 K. Kostanyan. Gyumri and its cities. Archives of Museum of Literature and Art, Fund of K. Kostanyan. 22 page, p. 5.

Tzaghikyan's breweries, Tzatourian's soap factory, Heqimyan's mechanical enterprise, and a few printing houses. Archival records reveal that most of these were destroyed during the First World War, with much of their equipment looted. Among them, only Tzaghikyan's factory was partially spared. During the years of the First Republic, the original owners made no attempts to reclaim or restore their properties, and the government neglected these enterprises.

In 1922, the Leninakan Executive Committee initiated efforts to restore these businesses. By 1924, these enterprises had been placed under state accounting, albeit on an experimental basis. A final decision on the structure and management of trade and industrial enterprises came in 1925 after thorough deliberation. These enterprises were subsequently consolidated under the Trade and Industrial Department, later known as Arard. Before this restructuring, in 1924–1925, all enterprises managed by the Leninakan Executive Committee were placed under state accounting and consolidated into the Communal Trust.²

In 1927, the following factories and production enterprises operated under Industrial Trade, as reported by the *Banvor* newspaper:

Soap Factory: 12 workers, 3 employees; soap production of various qualities.

Tile Factory (Tomet Factory): 12 workers, 2 employees; tile manufacturing, mosaic works, bricks, concrete pipes, and various concrete products.

Brewery: 17 workers, 3 employees, 5 seasonal workers; "Table," "Export", and "Soft" beer production, which were consumed not only in Yerevan but throughout the country and also exported to Georgia.

Mechanical Factory: 47 workers, 4 employees; unable to produce independently but operated a main foundry (copper and cast iron) and focused on repairing local construction and agricultural machinery.

Printing House: 23 workers, 3 employees; printed the *Banvor* newspaper and handled orders for the State Publishing House and local institutions.

Electric Plant: 17 workers, 4 employees.

Brick and Tile Factory: under construction in Jajur.

Store: construction materials, with 5 employees.³

Under the New Economic Policy in the country, in addition to state enterprises, small private factories also operated. These were documented in the "Research of Small Industrial and Handicraft Economic Enterprises of the Rural Areas of Leninakan Regions in 1927." Among the listed artisans, the following were noted: one power station, one automobile workshop, two workshops for winnowing machines, one slaughterhouse, one tile factory, three lemonade factories, four bakeries, one musical instrument factory, two sausage factories, one brick factory, four olive presses, two water mills.⁴

The remaining industrial activity in the city was concentrated in workshops, which by 1923 numbered 270. These private workshops employed 521 people, while a large group of artisans who did not have their own workshops and consequently became unemployed. To provide work for these individuals, between 1925 and 1932, 16 artisan cooperatives were established under the cooperative policy. These cooperatives specialized in various crafts, including tailoring, shoemaking, horseshoe and nail making, cotton weaving, carpet weaving, metalworking, woodworking, construction materials, and more [2, p. 61].

The *Banvor* newspaper wrote about this in 1928 under the headline "Handicraft Collectives in Leninakan"⁵:

"To combat unemployment, with the support of the public administrative agency of Labor Commissariat resources, 8 collectives were opened and are operating in Leninakan, involving 149 previously unemployed artisans. The organized collectives fulfill orders more cheaply than private artisans and deliver higher quality and more timely work."

The organization of work for the unemployed was managed by the Labor Exchange, which placed advertisements in the *Banvor* newspaper, inviting specialists to present themselves. There was significant demand not only for artisans but also for employees and specialists in the service sector.⁶

As early as 1924, a textile factory was established in the city, rapidly emerging as one of the USSR's leading textile enterprises. In December 1927, the Soviet industrialization drive was formally launched; by 1928, Leninakan's hydroelectric station had opened to supply power for anticipated industrial facilities. This was

2 The National Archives of Armenia (henceforth NAA). F. 131, inv. 6, file 21, p. 11.

3 *Banvor* (Worker) Daily newspaper. 1927, 50(513); 1928, 126(691).

4 NAA, F. 131, inv. 7, file 120, p. 38.

5 *Banvor*, 1928, 119(683).

6 *Banvor*, 1929, 55(759).

followed by the establishment of several key factories: the fabric factory in 1930, the meat-preserving factory in 1934, and the bread factory (bakery) in 1936.

These developments marked significant progress in Leninakan's industrial sector. As a result, the working class became the dominant group within the population. For example, while in 1913 there were 560 workers in the city, by 1923, the number had increased to 2,593 [2, p. 54]. By 1930, 2,044 workers were employed at the Textile factory, and by 1935 [12, p.13], the Meat factory employed 1,200 workers [6, p. 15].

As noted at the time, "through socialist labor, life in the city has changed, the relationships among socialist classes have transformed, and petty trading has been overcome and destroyed. With the development of industry, the city itself has been improved and transformed" [6, p. 19].

The city had only just initiated its efforts toward improvement and reconstruction when the earthquake of October 22, 1926, devastated a substantial portion of Leninakan. Paradoxically, this catastrophe also had a major impact on the strategic planning for the city's development and the forging of its new identity. A few days after the earthquake, a slogan for the construction of the new city was proclaimed: "From the ruins of the old, medieval Alek-Pol,⁷ a strong, industrial Leninakan must be built."⁸

Efforts to eliminate the consequences of the earthquake continued into the 1930s. Through the combined efforts of local, republican, and union authorities, the city's industrial potential and housing stock were restored. During this period, not only were the destroyed industries rebuilt, but new ones were also established.

Additionally, the railway and station were restored and modernized, and a new water pipeline was constructed to provide the city with drinking water. New neighborhoods were founded, such as those around the textile factory, railway, and meat factory. Initially, these neighborhoods featured wooden or stone temporary buildings, widely known among the population as "barracks."

These neighborhoods were primarily populated by graduates of the Faculty of Philology and the Professional Technical School (PTU, known in Leninakan by the Russian abbreviation FZU). The majority of the residents were former orphans from Leninakan's orphanages and workers who had moved to the city from various rural villages in the region.

Each settlement had its own cultural house, medical center, club, bathhouse, and other facilities. Over the course of one and a half decades, Leninakan gradually transformed from a traditional artisan and trade city into a major industrial center within the Armenian Soviet Socialist Republic.

In the 1930s, the State Architectural Workshop No. 3, led by architect M. Mazmanyanyan, developed a new urban plan for Leninakan. The city's construction continued according to this design until the 1940s. Between 1926 and 1940, the state invested significant funds into the city's reconstruction. This effort not only restored Leninakan but also revitalized, expanded, and transformed it [13, p. 141].

After sovietization, both the city's population and the nature of its occupations changed. Industrial enterprises replaced artisan workshops and craft businesses. From 1926 to 1939, Leninakan saw consistent growth in its economy, employment, and population, influenced in part by the socio-economic policies introduced by Soviet authorities.

One of the key aspects of these policies was aimed at eradicating illiteracy, promoting gender equality, and spreading socialist ideology. The Soviet authorities considered the "cultural uplift of the people" essential for ensuring the success of socialism. They believed that the creation of the new system could only be achieved through education. To this end, they focused on two main objectives: organizing school education for children and eradicating illiteracy among adults. The overarching goal of these efforts was "to raise the cultural level of the masses and educate them in the communist spirit." The eradication of illiteracy was viewed as a vital precondition for enabling the working-class population to actively participate in the political and cultural life of the republic.

The decision to eradicate illiteracy was adopted by the Armenian government in September 1921. Teachers, educated citizens, cultural-educational organizations, publishing houses, and especially the press were mobilized for this effort. As a result, illiteracy was completely eradicated in Leninakan by the 1930s.

Clubs, libraries, museums, and the press – particularly the *Banvor* newspaper – closely tied to factories and plants, played a significant role in spreading socialist ideology. This ideology emphasized the establishment of gender equality, the elevation of women's role, and their involvement in public and state life. To achieve these

⁷ Alek-Pol is a shortened version of the name Alexandropol.

⁸ *Banvor*, November 7, 1926.

goals, the Soviet state created the system of “women’s departments,” which functioned as executive bodies tasked with promoting gender equality and protecting women’s rights [14, pp. 122–125].

The liberation of women was a complex process fraught with obstacles. For the people of Leninakan, who had grown up with traditional family and social values and had lived with gender stereotypes, women’s work outside the home was considered dishonorable.⁹ Public participation and a free lifestyle for women were not only discouraged but often forbidden, leading to conflicts both between spouses and between parents and children. The press frequently published literary and real-life stories criticizing and ridiculing such attitudes.

One notable example is an accusatory statement published in the Worker of Armenia magazine:

“Your Honor,

I got married five years ago. True, I have tried to adjust to my new life. I have always been a man of honor, enduring it, thinking maybe she’ll respect her parents and feel ashamed. But as time goes on, things are only getting worse – she’s going completely off track.

Now she’s decided that I should learn typewriting so I can go out and work. How can I let my wife work while I stay home? What kind of man would that make me? I think her attitude is absolutely disgraceful. God forbid I let the reins go too far – she needs to be reined in. She’s shortening her skirts up to her knees, baring her arms up to her elbows. Am I the head of this household or not?

No, if I get mad, I’ll trample her like a rag, strike her, crush her – and who knows, something might happen. Then they’ll take me and send me to Siberia. No, I’m also a man with such capabilities, and I’m asking you to annul our marriage before any misfortune occurs, before my reputation is destroyed. I haven’t lost my head.

Your humble servant, Gevorg of Soloyans.”¹⁰

Despite the population’s conservatism and resistance, life began to follow its own course, shaped by the more liberated and unconstrained lifestyles of former orphans and Russians who had settled in the city. One of the most striking manifestations of this shift was the establishment of the first women’s gymnastics groups, which were opened along the railway line. As described in contemporary accounts, “still living a patriarchal life, women stand next to men, demonstrating unique courage and achieving their first sports successes.”

Since 1924, the industrial construction boom in Leninakan became a catalyst for invigorating and enriching the city’s sports life. Sports facilities were established at the Textile factory, the “Khorartzar” club, and the Builders’ club. By the eve of the 1926 earthquake, Leninakan boasted 390 athletes, including 50 women. According to statistics of the time, Leninakan ranked first in both the republic and the Caucasus in the number of female athletes [15, p. 416].

In 1937, with the adoption of the new Constitution of the Armenian SSR, it was officially declared: “Women have equal rights with men in all areas of political, economic, and cultural life.” [16, p. 469]

The opportunity to exercise these rights was ensured through equal employment, remuneration, leisure, social security, and education systems for women. Additionally, the state provided care for mothers and children, support for large families and single mothers, and other forms of assistance. This policy significantly changed societal attitudes toward women.

In constructing a new socialist way of life, the spread of anti-religious and anti-church ideology was given significant importance. The main targets of the state’s anti-religious policies were traditional Armenian religious holidays and rituals. Naturally, this persecution was primarily directed against churches and clergy, resulting in the closing of churches, the destruction of church property, and the execution or exile of clergymen. The Union of Fighting Atheists spearheaded many anti-religious efforts, including publishing the magazine *Atheist*.

In Shirak, anti-religious propaganda was actively promoted by the *Banvor* newspaper, which regularly published articles and satirical pieces condemning and mocking priests. At the same time, it promoted new socialist family rituals through stories praising socialist principles. These rituals were given titles such as “Red Baptism,” “Red Betrothal,” and “Burial Without a Priest.”

In the absence of churches, state bodies established “Red Corners” at schools, libraries, and clubs to organize the population’s ritual and cultural life. These “Red Corners” hosted lectures, speeches, educational programs, and celebratory events, all aimed at spreading socialist ideology.

⁹ See our research on gender stereotypes: <https://doi.org/10.37708/bf.swu.v33i1.13>

¹⁰ *Hayastani Ashkhatavoruhi* (Armenian Woman Worker) Magazine. 1928, 4, p. 18.

These cultural institutions, established during the first decades of the Soviet Union, were tasked with addressing political and socio-cultural goals. They focused on eradicating illiteracy, promoting and rooting new Soviet norms in society, and shaping new spiritual and cultural practices, among other objectives.

In addition to constructing typical buildings, it became common practice to transform religious structures into culture houses and museums. This was often seen as the best way to save churches from destruction. Transforming a church into a culture house also carried an ideological message of “recycling.” A church, traditionally a spiritual and religious gathering place, served to unite various segments of the community, fostering communication and the formation of shared values and ideas. When repurposed as a culture house, the building continued to fulfill these functions, albeit with a completely different ideological content [17, p. 176–178].

With this purpose in mind, in 1930, the Shirak Regional Museum (later the Philharmonic) was established in the Church of St. Amenaprkich (Holy Savior) in Leninakan, and a planetarium was set up in the Church of St. Nicholas [18, pp. 451, 476].

These processes brought about significant changes in Leninakan’s social life, resulting in a conflict between those adhering to old ways of life and those embracing new Soviet norms. This tension was largely resolved during the Second World War. The contradictory atmosphere in Leninakan during the 1920s and 1930s is vividly described in the magazine *Anastvats* (Atheist):

“Whoever says that Gyumri is a single, united city, don’t believe them. The people of Gyumri and Leninakan differ from each other as much as the Chinese differ from the Germans. These two have nothing in common. One calls the other vulgar, ragged, “Tsarist times”, foul-mouthed; the others retort, ‘You are godless, against Christ; that’s why earthquakes keep happening and destroying the city.’

The people of Leninakan clearly differ from the people of Gyumri. Today, they have abandoned all the heritage of their ancestors – God, religion, church services, Satan, priest, angel, saint, and Gospel – creating and building a new home, and live there.

The Bolsheviks, Komsomols (The All-Union Leninist Young Communist League), women’s organizations, pioneers – all come from Leninakan. It is a Soviet city; it values education and a new way of life, attends clubs and reading halls, reads newspapers and the Atheist magazine instead of the Gospel. It builds factories, brings in electricity, establishes kolkhozes (collective farms), and constructs socialism.

Meanwhile, the people of Gyumri go to church Yot Verk (Seven Wounds), pray, give thanks to Saint Karapet (John the Baptist), and make offerings. The people of Leninakan hold meetings and talk about a new lifestyle, construction, industrialization, and the third loan, the men of Gyumri drink vodka, and the women visit each other’s homes.”¹¹

Conclusion

The aforementioned processes brought about profound transformations in the everyday life and activities of the people of Leninakan. In particular:

Population Growth: A significant increase in population occurred due to both internal and external migration.

Ethnic Composition: The ethnic makeup of the urban population changed considerably, including shifts in sub-ethnic and other ethnic groups.

Social Class Structure: The class structure evolved, with the emergence of workers, service providers, and intellectuals, fundamentally different from the population of pre-Soviet Alexandropol.

Gender Relations: Gender roles underwent profound changes. Although difficult, traditional stereotypes about social roles, status, and the division of labor were gradually broken.

Communal Living: Multi-apartment residential buildings introduced a new way of life, along with changes in interior decoration, clothing, cuisine, and other cultural elements.

Education and Ideology: The policy of compulsory education, combined with the spread of socialist ideology and anti-religious propaganda, reshaped the population’s worldview.

¹¹ *Anastvats* (Atheist) Magazine. 1929, 9, pp. 18–19.

Cultural Institutions: To satisfy the spiritual needs of Leninakan's people, "Red Corners," clubs, libraries, and later culture houses and palaces were established in all state institutions. These venues replaced churches and served both educational and recreational purposes.

Between 1920 and 1940, on the foundation of Alexandropol's traditional artisan and commercial culture, a new Soviet socialist culture emerged in Leninakan. This culture was carried forward by newcomers who had settled in the city. Unburdened by the conservatism of the native people of Gyumri (as the Alexandropol residents came to call themselves after Sovietization), these newcomers quickly embraced economic and socio-cultural changes, adapted to the new circumstances, and became the bearers and propagators of the socialist way of life.

REFERENCES

1. Bazeyan K., Aghanyan G. *Alexandropol: Ethnographic Sketches (historic-ethnographic study)*. 2014. (in Armenian)
2. Kozmoyan K. *Leninakan*. Yerevan: Academy of Sciences of the ASSR, 1957. (in Armenian)
3. Gevorgyan A. *Leninakan on the 15th anniversary of Sovietization*. Leninakan, 1935. (in Armenian)
4. Hambardzumyan A. *Leninakan*. Yerevan: State Publ., 1936. (in Armenian)
5. *40 Years to Leninakan*. Yerevan: State Publ., 1964. (in Armenian)
6. Gabrielyan H. *Leninakan*. Yerevan: Hayastan Publ., 1984. (in Armenian)
7. Seghbosyan K. Artisanal traditions and their manifestations in the life of the people of Leninakan. *Armenian ethnography and folklore*. Yerevan: SA Arm.SSR, 1974; 6: 159–252. (in Armenian)
8. Boyajyan A. The Demographic Situation of the Aleksandropol-Leninakan Province in the 1914–1930s. *Scientific works of SCAS NAS RA*. Gyumri, 2009; 12: 124–132. (in Armenian)
9. Boyajyan A. The Dynamics of the Number of Orphans in Alexandropol Orphanages (1920–1928). *Alexandropol: City of Charity, International Conference, May 19, 2023*. Gyumri, 2023, pp. 5–6. (in Armenian)
10. Stepanyan A., Sargsyan H. Settlement of the Armenian repatriates in Alexandropol-Leninakan. *Proceedings of SCAS NAS RA*. Gyumri, 2002; 5: 66–70. (in Armenian)
11. Nikoghosyan F.N. Statistical Information on the Armenian Apostolic Faithful of Alexandropol. *Murtch*. 1901; 6: 261–263. (in Armenian)
12. Textile workers of Shirak 1924–1974. Yerevan: Hayastan Publ., 1974. (in Armenian)
13. Bazeyan K., Aghanyan T. The dynamic of Alexandropol-Leninakan-Gyumri intra-territorial changes (historical-cultural perspective). *Journal of Armenian Studies*. 2022; 3: 133–148.
14. Nikoghosyan A. *Gender Transformations in Armenian History*. Yerevan: Asoghik Publishing, 2005. (in Armenian)
15. *Gyumri, The City and Its People, Sports Life*. Gyumri, 2012. (in Armenian)
16. *History of the Armenian People*. Vol. 7. Yerevan: NAS RA Publ., 1967. (in Armenian)
17. Muradyan H. Transformations of Cultural Institutions in the Soviet and Post-Soviet Periods: Palaces of Culture and Armenian Youth Houses. *Between Imperial and Post-Imperial: Developments in the Religious Landscape of Armenia in the 20th Century* (ed. Y. Antonyan, H. Muradyan, L. Gabrielyan, A. Safaryan). Yerevan: YSU Publ., 2023, pp. 173–198. (in Armenian)
18. Melik-Sargsyan A. *Cultural and Historical Monuments of Shirak*. Yerevan: Collage Publ. (in Armenian)

Received 19.12.2024
Accepted 25.04.2025
Published 15.12.2025

Поступила в редакцию 19.12.2024
Принята в печать 25.04.2025
Опубликована 15.12.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214571-584>

Исследовательская статья

Сефербеков Руслан Ибрагимович
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ruslan.seferbekov@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА РУССКИХ КИЗЛЯРЩИНЫ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Аннотация. В статье на основе общенаучных и специальных исторических и этнологических методов, а также собранного в селениях Кизлярского и Тарумовского районов Дагестана полевого этнографического материала, исследуются традиционные и современные обряды жизненного цикла у русских Кизлярщины. Большое влияние на них оказали глобализация и социокультурные процессы второй половины 80-х гг. XX в. – первой четверти XXI в. Некоторые из этих процессов негативно отразились на хозяйственных занятиях и семейном быте русских Дагестана и привели к падению их жизненного уровня. Стабилизация экономической жизни в 2000-е гг. благотворно отразилась на хозяйстве и семейном быте дагестанских русских. Она, в частности, привела к широкому распространению свадебной индустрии, что отразилось на сокращении сроков и этапов свадебного обряда, утере некоторых его традиционных элементов. Большое влияние на обряды жизненного цикла оказала христианская религия, которая ощущается во всех его элементах. Влияние глобализации ощущается в способах знакомства части юношей и девушек через гаджеты в социальных сетях, организации фотосессии по пути следования свадебного кортежа к месту свадьбы, популярности сказочного персонажа Зубная фея в связанных с выпадением первого молочного зуба обрядах. Несмотря на влияние глобализации, в семейно-бытовых обрядах русских Кизлярщины сохранились традиционные славянские ритуалы, которые проявляются в этапах и содержании свадебного обряда, составе его участников; в мерах, направленных на сохранение жизни и здоровья матери и её ребёнка; в остатках значительного пласта связанных с онейромантией и культом предков верованиях и обычаях. Изучение обрядов жизненного цикла сельского русского населения Дагестана показало, что они сумели сберечь значительный пласт своей традиционной культуры, что представляется важным в сохранении их этнической, национальной, культурной и религиозной идентичности в эпоху глобализации.

Ключевые слова: русские Дагестана; Кизлярщина; обряды жизненного цикла; социокультурные процессы; глобализация

Для цитирования: Сефербеков Р.И. Современные обряды жизненного цикла русских Кизлярщины: традиции и инновации // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 4. С. 571-584. doi.org/10.32653/CH214571-584

© Сефербеков Р.И., 2025

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214571-584>

Research paper

Ruslan I. Seferbekov
Dr. Sci., Principal Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of the RAS, Makhachkala, Russia
ruslan-seferbekov@yandex.ru

MODERN LIFE-CYCLE RITUALS OF THE RUSSIANS OF THE KIZLYAR REGION: TRADITION AND INNOVATION

Abstract. The article explores the traditional and contemporary life-cycle rites of ethnic Russians in the Kizlyar region of Dagestan. It employs general scientific and specialized historical and ethnological methods, supplemented by ethnographic fieldwork conducted in villages across the Kizlyar and Tarumovsky districts. These rites were significantly reshaped by globalization and the sociocultural shifts that occurred between the second half of the 1980s and the first quarter of the 21st century. Initially, some of these processes detrimentally affected the economic activities and family life of ethnic Russians in Dagestan, resulting in a decline in their overall standard of living. However, the subsequent economic stabilization of the 2000s positively impacted both their economic and family spheres. This stabilization particularly fostered the widespread expansion of the wedding industry, which, in turn, led to a shortening of the duration and stages of the wedding ceremony and the loss of some traditional elements. Furthermore, Christianity has exerted a profound influence on these life-cycle rites, an influence evident across all their constituent elements. The influence of globalization is evident in several contemporary practices, such as the use of digital devices and social media for young men and women to meet, the increasingly common organization of professional photo sessions during the wedding procession, and the growing popularity of the “Tooth Fairy” ritual associated with the loss of a child’s first tooth. Despite these global influences, traditional Slavic rituals remain integral to the family and everyday life-cycle rites of Russians in the Kizlyar region. These traditions are evident in the structured stages and specific content of the wedding ceremony, the composition of its participants, and in measures dedicated to preserving the life and health of both mother and child. Furthermore, a significant layer of beliefs and customs, including remnants of oneiromancy (divination by dreams) and ancestor worship, persists. A study of the life-cycle rituals among Dagestan’s rural Russian population thus reveals the successful preservation of a substantial portion of their traditional culture. This enduring heritage plays a crucial role in maintaining their ethnic, national, cultural, and religious identity in the face of widespread globalization.

Keywords: Dagestan Russians; Kizlyar region; life-cycle rituals; sociocultural processes; globalization

For citation: Seferbekov R.I. Modern life-cycle rituals of the Russians of the Kizlyar region: tradition and innovation. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 571-584. doi.org/10.32653/CH214571-584

Введение

Обряды жизненного цикла – это комплекс обрядов и обычаев, связанных с рождением, свадьбой и смертью человека. В. Тэрнер называл их обрядами «жизненных переломов», так как они связаны с «переломными» событиями, переворачивающими привычный порядок существования индивидуума [1, с. 233], С.А. Мадюкова относил их к «переходным обрядам» [2, с. 117], а Мирча Элиадэ приравнивал «с посвящением в новое социокультурное пространство» [3, с. 115].

Цель данной статьи – описание традиционных и новых элементов в современной семейно-бытовой обрядности русских Кизлярщины¹. Задачей исследования является изучение влияния глобализации и социокультурных процессов второй половины 80-х гг. XX в. – начала XXI в., а также христианской религии и культуры местного равнинного и горского населения на трансформацию элементов семейно-бытовых обрядов, проживающих в этноконтактной зоне русских Кизлярщины. Хронологические рамки исследования охватывают в основном позднее советское время и новейший период, хотя имеются экскурсы и в дореволюционное время.

Традиционные семейно-бытовые обряды дагестанских русских были предметом изучения российских этнологов-кавказоведов – М.Ш. Ризахановой [4, с. 91–123], С.А. Лугуева и М.Х. Мансурова [5, с. 548–552]. Определенный вклад в исследование современной семейно-бытовой обрядности русского городского населения Дагестана внесли и мы [6, с. 232–252].

Следует отметить, что комплексное изучение с применением методов истории и этнологии современных обрядов жизненного цикла у русских Кизлярского и Тарумовского районов Дагестана в советское и новейшее время не проводилось. Наше небольшое исследование призвано устранить этот пробел, чем объясняется его научная новизна.

Основой статьи послужил собранный летом 2023 и 2024 г. в сс. Александрия, Аверьяновка, Кардонка, Красный Восток Кизлярского района и сс. Таловка, Калиновка, Коктюбей и Ново-Георгиевка Тарумовского района Дагестана и впервые вводимый в научный оборот полевой этнографический материал.

При написании статьи были применены общенаучные и специальные методы истории и этнологии: сравнительно-исторический метод позволил нам сравнить общее и особенное в традиционных и новых обрядах жизненного цикла русских Кизлярщины, выявить происшедшие в них изменения и динамику дальнейшего хода событий; историко-генетический – установить причинно-следственные связи трансформаций элементов семейного быта русских в ходе их исторического развития; историко-системный – изучить обряды жизненного цикла дагестанских русских прошлого и настоящего как целостной исторической системы во взаимосвязи с семейно-бытовыми обрядами русских основного этнического массива (генезис) и местного равнинного и горского населения (морфология); ретроспективный – погрузиться в прошлое славянской семейной обрядности с целью установления причин сохранности или забвения тех или иных обычаев и обрядов. Были применены и этнологические методы – полевые исследования, включенное как включенное, так и отстраненное наблюдение, кросс-культурный, пережитков, опроса и интервьюирования респондентов.

Материалы нашего исследования могут быть полезны практическим работникам министерств и ведомств Республики Дагестан при реализации республиканских и федеральных программ, связанных с развитием традиционной этнической культуры русских Дагестана, а также использованы при написании монографий и статей по новейшей истории и этнографии дагестанских русских.

¹ Кизлярщина включает в себя нынешние г. Кизляр, Кизлярский и Тарумовский районы Республики Дагестан. Расселение казачества в низовьях Терека произошло во второй половине XVI в. Наиболее интенсивное формирование русской национальной диаспоры в Дагестане относится ко второй половине XIX – началу XX в. и связывается с переселенческой политикой правительства России.

Свадебные обряды

Свадебная обрядность является одной из наиболее устойчивых компонентов семейного быта, отражающая сформировавшиеся в различные исторические эпохи традиции [7, с. 10]. Под свадебным обрядом подразумевается не одно обрядовое действие, а целый комплекс обычаев и обрядов, выполняемых семейно-родственными коллективами жениха и невесты при их вступлении в брак [8, с. 36].

Началом брачных отношений является знакомство юношей и девушек, которые при благоприятном исходе дают основание для создания семьи. В советское время они знакомились на танцах в клубе, влюблялись друг в друга во время учёбы в школе или вузе, на производственной практике.

В последние десятилетия молодёжь знакомится во время учёбы в вузе или по месту работы, а также через гаджеты в социальных сетях.

Русские юноши стараются жениться на девушках из своего села. Имеется даже поговорка на этот счёт: «В своём селе возьмёшь полу-дуру, в чужом селе – полную дуру» (с. Таловка). Такого рода поговорок имелись и у других дагестанских русских: «С лица жены воду не пить, умела бы пироги печь» [9, с. 198].

Собирающиеся вступить в брак юноши и девушки должны были обладать определенными предпочтительными качествами. Девушка должна быть красивой, скромной и трудолюбивой, уважительной к старшим. Юноша должен иметь жильё, высшее образование, профессию или работу, мог содержать семью.

В с. Аверьяновка юноши обычно женятся после 25 лет, а девушки выходят замуж в 21–23 года. В с. Коктубей юноши женятся в 20–24 года, а девушки выходят замуж в 19–21 год. В с. Красный Восход юноши женятся в 26–30 лет, а девушки – в 20–22 года.

И раньше, и теперь в сёлах Кизлярского и Тарумовского районов заключаются межнациональные браки.

При благоприятном исходе знакомства и одобрении кандидатур юноши и девушки на семейном совете стороны начинают готовиться к сватовству и свадьбе.

Традиционный ритуал русской свадьбы в Дагестане складывался из следующих элементов: стговор, сватовство, смотрины, рукобитье, неделя, баня, утренние обряды венчального дня, встреча поезда, венчание, послевенечные обряды в доме жениха, обрядовые действия второго дня [4, с. 91–104]. Некоторые его элементы были утрачены в советское и новейшее время.

Предсвадебные обряды русских Кизлярщины начинались со сватовства. Когда на семейном совете была одобрена кандидатура избранной девушки, близкие родственники юноши начинают готовиться к сватовству.

В доме родителей девушки сватов принимают и угощают. Сваты заявляют о цели своего визита. Отец и мать девушки спрашивают о её желании выйти замуж за сватающегося юношу. Если она согласна, то сваты и родители девушки договариваются о сроках свадьбы.

В с. Александрия юноша со своими отцом и матерью, а также с крёстными, прихватив с собой *каравай* на вышитом рушнике, вино и сладости отправляются в дом родителей девушки. Войдя в дом, они заявляют родителям девушки: «У вас роза расцвела, ищем тёлочку, а у нас бычок есть. У вас голубка, у нас – голубок». Гостей усаживают за стол и угощают. Затем юношу и девушку ставят рядом и спрашивают их согласия на брак. Если они согласны, и родители обеих сторон не возражают, то девушка разрезает принесенный *каравай* на четыре части: первый кусок дает матери жениха, второй – его отцу, а остальные два куска – своим родителям. Невесте надевают на палец кольцо. Родители договариваются о сроках свадьбы. Затем обе стороны выпивают принесённое вино.

Через неделю после сватовства, в четверг, родители невесты шли в дом родителей жениха «на порожки» (с. Аверьяновка), «на смотрины» (с. Красный Восход). С собой они несли подарки жениху. В этот день договаривались о дате свадьбы и о количестве приглашаемых на неё гостей.

В субботу сторона жениха отправлялась в дом невесты за приданным, в которое в позднее советское время состояло из старинного сундука, шифоньера, буфета, трельяжа, металлической кровати, покрывала с кружевными оборками (с. Красный Восход), тёлочки и поросят (с. Калиновка), а сейчас – посуды, мебели и постельных принадлежностей.

Время от сватовства до свадьбы иногда растягивалось от нескольких месяцев до года. Обычно русские играют свадьбы в конце лета – начале осени. Раньше старались играть свадьбу на Красную горку – в первое воскресенье после Пасхи, что было залогом счастливой семейной жизни. У восточных славян этот день считался «девичьим праздником», во время которого происходили выбор женихами невест, сватовство и свадьбы [10, с. 223].

После завершения предсвадебных обрядов стороны начинают готовиться к свадьбе. В последние 30 лет на русской свадьбе присутствует от 50 до 150 гостей, а в советское время – до 50 человек (с. Александрия). Состоятельные родители сейчас приглашают на свадьбу до 300 гостей (с. Ново-Георгиевка). В с. Красный Восход и раньше, и теперь на свадьбе бывает от 150 до 200 гостей.

До начала 90-х гг. XX в. накануне свадьбы жених и невеста устраивали мальчишник и девичник. В с. Александрия сейчас в доме невесты устраивается только девичник – «вечорки».

На свадьбу жених облачается в тёмного цвета костюм с белой рубашкой и чёрными туфлями. Его сопровождает *дружка*, у которого в петлицу бывает вставлен цветок. Невеста надевает на голову сделанный из восковых искусственных цветов венок, к которому прикрепляется фата. Для неё покупается подвенечное платье, которое после свадьбы хранится в доме у молодых.

Утром в день свадьбы у ворот дома жениха собирается кортеж из престижных иномарок, а в советское время и в 90-е гг. XX в. невесту забирали на автомашине «Волга», которую украшали шарами и разноцветными лентами, а на её капоте прикрепляли куклу. До начала 90-х гг. XX в. в сс. Таловка и Ново-Георгиевка за невестой ездили на запряженных лошадьми бричках, на которые садилась сельская молодежь с гармонистом.

В с. Аверьяновка перед тем, как передать невесту подъехавшему со свитой жениху, её «хлебом-солью» и иконой благословляют родители. При этом она становится на колени на расстеленный на полу, вывернутый мехом наружу, тулуп, который у кавказских народов символизирует изобилие [11, с. 58–59].

В последние 20 лет по пути следования кортежа к месту свадьбы жених и невеста устраивают фотосессии. Например, в с. Калиновка молодые фотографируются на память в городском парке г. Кизляра, а также в с. Раздолье, на 17 разъезде с. Николаевка, где тоже имеется красивая роща с аллеями.

В с. Красный Восход, издавая громкие сигналы, кортеж с молодыми делает круг по г. Кизляру, а затем останавливается для фотосессии на городской площади у памятника Ленину, а также в парке у мемориала П.И. Багратиону и памятника генералу В.Я. Левашову.

После того как кортеж с молодыми прибывает к дому родителей жениха, перед его калиткой разводят костёр, через который должны были перепрыгнуть жених и невеста (с. Александрия) с целью их «ритуального очищения» [12, с. 336].

Молодых у ворот дома встречают родители жениха, держа на руках вышитый рушник с *караваем* («хлеб-соль») и икону. Затем их приглашают за свадебный стол. Когда молодые заходят под свадебный шатёр, их обсыпают хмелем, рисом, конфетами и монетами.

Раньше свадьбу обычно играли с четверга («день, посвященный *Перуну*» [13, с. 47, 221]) по воскресенье. В день свадьбы (с. Красный Восход) или на следующий день (с. Таловка) жених и невеста идут расписываться в ЗАГС. Венчаются молодые на второй день свадьбы (с. Калиновка), в субботу или воскресенье (с. Красный Восход). На венчании присутствуют молодые, их *дружки* и свидетели.

В с. Коктюбей в пятницу родители невесты, держа в руках *каравай* и икону, благословляли свою дочь для брака. В этот же день молодые отправлялись регистрировать свой брак в ЗАГС. Затем в доме жениха устраивалось застолье («на гарной»), во время которого «ломали курицу» (ели вареных кур), пили вино, заедая его ягодами калины («закусить калину») – «чтобы меньше было горечи в отношениях между молодыми» (калина – атрибут славянской богини любви, красоты и плодородия *Лады* [13, с. 66–67]). Ближе к полуночи молодые удалялись с торжества для первой брачной ночи. Утром с головы невесты снимали венок и надевали платок, что означало, что с этого дня она считается замужней женщиной.

В с. Аверьяновка в пятницу играли свадьбу в доме невесты, а в субботу – у жениха. На второй день свадьбы родители невесты и сваты шли в дом жениха «тёлочку искать». Здесь их ждали родственники, друзья жениха и ряженные («цыгане»), а также переодетые в мужчин женщины и наоборот. Родители жениха прятали невесту от её родителей. Те искали свою дочь в доме и во дворе. Найдя её, они спрашивали: «Хорошо ли с тобой в этом доме обращались?». Получив положительный ответ, обе стороны

усаживались за стол и угощались. Затем все шли к «тёще на блины». На свадьбе и у «тёщи на блинах» гости свадьбы кричали «Горько!» и, выпив за здоровье и счастье молодых, били фужеры о пол – «на счастье».

В воскресенье шли «на поклоны»: в доме жениха близкие родственники обеих сторон гуляли под звуки гармони (сс. Коктубей, Ново-Георгиевка). В этот день было принято «догуливать свадьбу до утра». Во дворе дома жениха разводили костёр из дров и сухого камыша, и гости свадьбы перепрыгивали через него. В завершение свадьбы «овин тушат»: костёр заливают водой (с. Коктубей).

В с. Красный Восход первый день свадьбу играли в доме жениха. Гости преподносили «дары» молодым – денежный подарок, посуду и постельное бельё. Затем за здоровье молодых произносили три обязательных тоста. Гости свадьбы под музыку магнитофона, гармони и баяна пели песни, частушки и танцевали.

После первой брачной ночи утром сваха, проверив постель молодых на предмет целомудрия невесты, спрашивала у жениха: «Твоя ли невеста или чужая? Привязывать ли красные ленточки гостям?» (с. Александрия), «Честная ли была невеста?» (с. Красный Восход). Если жених отвечал положительно, то после выхода молодой в парадную комнату, сваха разбивала о пол тарелку и тыкву. Затем невеста целовала свекровь, а та поздравляла её и надевала на неё передник, что означало, что с этого дня она является полноправной хозяйкой в доме (с. Александрия). В завершение обряда жених «ломал курицу»: отрывал от вареной курицы ножки и передавал их своей маме и теще, а шейку и голову – отцу и тестю. Затем он благодарил родителей невесты за её целомудрие (с. Красный Восход).

На второй день свадьбы в сс. Таловка, Калиновка и Ново-Георгиевка ряженные – «медведи» шли «тёлочку искать» и «к теще на блины». Ряженные изображали пьяных (с. Ново-Георгиевка). В этот же день сельская молодёжь крала и прятала жениха и невесту, а вместо них за свадебный стол сажали ряженных. За возвращение жениха и невесты на свадьбу молодёжь требовала у сватов и *дружки* выкуп – выпивку с закуской. После уплаты выкупа жених и невеста возвращались за стол, а ряженных оттуда выпроваживали (с. Ново-Георгиевка).

В с. Александрия на второй же день свадьбы родственники невесты шли в дом жениха. Их принимали и угощали. Затем ветку фруктового дерева (аналог «древа мирового» [14, с. 398–406]) наряжали лентами и прикрепляли к ней конфеты. С этой обряженной веткой шли через всё село к невестиному дому, где веселье продолжалось. В разгар веселья один из присутствовавших на нём провозглашал: «Гусь в печку не лезет», что было намёком сбора денег на покупку «гуся»: все скидывались на приобретение дополнительной выпивки и закуски.

В с. Коктубей в этот день вечером шли к теще на «первые блины», а на следующее утро – на «вторые блины». К «теще на блины» жених шёл с красным яблоком («символ плодородия и вечной молодости» [15, с. 116]). В доме родителей невесты их принимали и угощали. За столы садилась только сторона жениха, а невестина – стояла. На стол подавались блины с мёдом, вино и чай. Отведав угощенье, гости расходились.

В с. Александрия на третий день свадьбы принято «ложки полоскать»: обвязанные лентами деревянные ложки обмакивают в чарку с вином и затем пускают её по кругу. В с. Калиновка в этот день шли к «теще на блины», в с. Коктубей – «за пирогами», в с. Таловка – «курей собирать», в с. Красный Восход – «курей ловить», в сс. Аверьяновка и Калиновка – «курей стрелять»: ряженные («цыгане») и сельская молодёжь, играя на гармони, бродили по селу и ловили кур. Пойманных в этот день кур (символы плодородия [16, с. 241]) резали, а на следующий день невеста варили из них суп с лапшой.

До 2016 г. в с. Ново-Георгиевка свадьбы играли под шатрами во дворах домов или в сельском клубе. Посуду для свадебного застолья собирали у соседей. Гостей сажали за деревянные столы и лавки. Над столом, за который усаживали жениха и невесту, сзади прикрепляли ковёр, на котором ватой выкладывали благопожелание: «Счастья молодым!» и два перекрещенных обручальных кольца.

Примечательно, что вплоть до 2000-х гг. на русских свадьбах Кизлярщины присутствовали ряженные – переодетые в мужчин женщины и наоборот (ритуальный *травестизм*), «медведь», «цыгане», «пьяные». Наиболее архаичными, на наш взгляд, являются первые два персонажа. Ритуальное ряжение женщин в мужчин и наоборот свойственно и горским народам Дагестана, например, даргинцам-цудахарцам [17, с. 15]. В мифах народов мира ритуальный *травестизм* символизирует «возврат к первоначальному хаосу. Ношение женских или материнских одежд символизирует возвращение в утробу» [18, с. 331]. Что же касается обрядового ряжения в почитаемого у славян «медведя»

[19, с. 128–130], то выбор этой маски связан с магией плодородия [20, с. 75; 21, с. 191]. Ряженных на свадьбе можно рассматривать как олицетворений почитаемых в прошлом животных и как жрецов культа плодородия [22, с. 252].

В последние 10–12 лет свадьбы на Кизлярщине проводят в банкетных залах, кафе и ресторанах г. Кизляра и с. Тарумовки. Если раньше свадьба длилась несколько дней, то теперь она проходит в течении полудня. С сокращением времени и этапов свадьбы она утратила свой прежний неповторимый колорит и безудержное веселье.

Для ведения свадьбы сейчас нанимают профессионального тамаду, а раньше им был отличавшийся красноречием близкий друг семьи. В сс. Аверьяновка и Красный Восход раньше тамадой был сват со стороны жениха, а сейчас – нанимаемый за плату (10 тыс. руб.) ведущий.

Музыкантов обычно приглашают из г. Кизляра или армянского сел. Карабаглы. В прежние времена они играли на многоголосном синтезаторе «Ионика», аккордеоне и барабане, а сейчас – только на электронных музыкальных инструментах.

До конца 90-х гг. XX в. на русских свадьбах под аккомпанемент аккордеона или баяна исполнялись ритуальные, заклинательные, величальные, корильные, игровые и лирические песни, а сейчас – популярны песни российских исполнителей. На свадьбах танцуют русские народные танцы, вальс, танго, лезгинку и шалахо.

Если женили последнего сына в семье и больше свадеб не ожидалось, то до начала 2000-х гг. во многих русских селениях Кизлярщины существовал обычай «забивать кол» (в с. Коктубей – «забивать клин», в с. Таловка – «забивать чоп») перед воротами дома. При забивании кола на него сверху лили воду или вино так, чтобы брызги летели на дом и на родителей. Делалось это для того, «чтобы брак был крепким», «чтоб возврата не было» (с. Аверьяновка), «чтоб семья была крепкой» (с. Коктубей), «чтоб молодые не разошлись» (с. Таловка), «чтоб куда пошёл, там и жил» (с. Красный Восход), «чтоб птенцы больше не вернулись в своё гнездо» (с. Ново-Георгиевка).

До начала 90-х гг. XX в. бытовал ещё обычай «вязать колодки»: женщины вязали колодками (две перевязанные красной лентой дощечки) холостых парней, а те откупались от них деньгами или выпивкой (сс. Таловка, Коктубей). В с. Александрия «колодки вяжут» на Масленицу: прикрепляют пласточком к одежде молодожёнов кусок дощечки, а те в ответ должны были «накрыть стол» – выставить выпивку и угощенье.

У кубанских казаков «вязание колодок» было наказанием юношей и девушек, не вступивших в брак в течение прошедшего года [23, с. 173–174].

Бытование обычая публичного осуждения и высмеивания неженатых парней и незамужних девушек С.А. Токарев относил к эротическим обычаям и объяснял его заинтересованностью сельской общины в увеличении своей численности [24, с. 102].

Таким образом, изучение свадебной обрядности русских Кизлярщины показало, что она сочетает в себе элементы традиционных славянских и христианских ритуалов и новых обычаев. До внедрения в семейный и общественный быт «свадебной индустрии» сохранялись основные сроки, этапы, состав участников, набор блюд и напитков, музыкальное, песенное и танцевальное сопровождение традиционной русской свадьбы. На ней присутствовали ряженные. Особое внимание заслуживает встречающийся и у горских народов Дагестана ритуальный трансвестизм. В сопровождающих свадьбу обрядах и обычаях отчётливо прослеживается магия продуцирования.

Многочисленные сохранившиеся при сватовстве и во время свадьбы элементы противоборства семейных коллективов жениха и невесты являются реликтами древних форм брака, локальности поселения супругов.

Надевание после первой брачной ночи невестой передника или косынки демонстрирует (через атрибуты) смену статуса девушки, невесты и переход её в разряд замужней женщины и хозяйки.

Среди новых элементов русской свадьбы следует указать знакомство молодежи посредством гаджетов через социальные сети. Возрастание брачного возраста в сравнении с советским периодом связано с новыми жизненными установками, приоритетами и представлениями о качестве жизни у современной молодёжи. Произошла унификация состава приданного. Появился обычай устраивать фотосессии молодых по пути их следования в зал торжеств. В эпоху глобального разрушения институтов семьи и брака у русских Кизлярщины сохранность целомудрия невесты представляет важный атрибут их семейных ценностей.

Обряды, связанные с рождением ребёнка

Важное место в обрядах жизненного цикла русских Кизлярщины занимали родильные обряды. Здоровью готовящейся стать матерью женщины и её будущего ребёнка уделяли большое внимание. До родов для неё существовали определенные запреты. Например, беременной нельзя было появляться на кладбище из опасения, что «покойники могут навредить ей и у неё может случиться выкидыш и она станет бесплодной» (с. Аверьяновка, Таловка). Ей нельзя было красить и стричь волосы – «ребёнок родится с родимыми пятнами и безволосым» (с. Аверьяновка), гладить (с. Красный Восход) или пинать кошку или собаку – «ребёнок родится с шерстью на теле» (с. Аверьяновка), красть нож и ножницы – «родится обрезанным» (с. Калиновка).

До родов и ещё год после них в воскресные дни и на церковные праздники беременной нельзя было вязать, шить и резать что-либо – «это может навредить ребёнку» (с. Коктюбей). Если она всё-таки шила, то должна была держать нитку в зубах, «чтобы не зашить память ребёнку» (с. Красный Восход).

Как и другие северокавказцы русские Дагестана желали рождения сына как продолжателя рода, носителя фамилии и помощника отцу.

По случаю выписки новорожденного и его матери из роддома устраивается торжество, которое называется «на копытки» (с. Александрия, Аверьяновка) или «обмывать копытки» (с. Красный Восход, Калиновка). На нём присутствуют близкие родственники, соседи и друзья семьи. Они дарят малышу подарки – деньги, игрушки, детскую одежду, ходунки, а коляску и кроватку ему должны подарить его бабушки.

Вскоре после выписки ребёнка из роддома его нарекают именем. Обряд имянаречения «является первым официальным этапом социализации ребенка – не только на уровне семьи, но и общества в целом» [25, с. 202].

В сс. Аверьяновка и Красный Восток ребенка нарекают именем спустя 40 дней после рождения, во время крещения в православных храмах г. Кизляра, сс. Брянск или Новый Бирюзьяк. В с. Александрия младенца крестят через 1–2 недели после его рождения в храмах с. Крайновка или г. Кизляра, а в с. Калиновка – в церкви с. Тарумовка.

В последние 10 лет новорожденным дают только христианские имена.

После рождения к ребенку 40 дней никого из посторонних не подпускают и никому его не показывают из боязни сглаза. Затем проводят «родины», на которые «посмотреть на ребёнка» приходят с подарками близкие родственники, крёстные и соседи.

Чтобы защитить ребёнка от сглаза к его вывернутой наизнанку одежде цепляют булавку, а на шею вешают православный крестик. Если ребёнок становился беспокойным и плаксивым, то считали, что его сглазили (с. Кардоновка) и для излечения младенца умывали крещённой водой (с. Калиновка), а его мама вытирала лицо малышу подолом своего платья (с. Красный Восход).

До того, как ребенку не исполнится один год, в зеркало его не показывают – «вовремя не будет говорить» (с. Коктюбей), «испугается и будет плаксивым» (с. Александрия), «будет беспокойным и плохо спать» (с. Красный Восход).

Если ребенок завёл привычку спать днём, а ночью бодрствовать, то его подносят к открытым дверям курятника или заносят в него и произносят следующие заклинания: «Куры, заберите сон дневной, дайте – ночной!» (с. Александрия), «Дню – день, ночи – ночь!» (с. Аверьяновка).

Особые обычаи были связаны с появлением и выпадением у ребёнка первых молочных зубов. Чтобы узнать, пробиваются ли у ребёнка первые молочные зубы, по его дёснам проводили и стучали ложкой. В сс. Александрия и Красный Восток эта процедура называлась «на зубок», а в с. Коктюбей – «ложкой цокать». При появлении у ребенка первого зуба его родители, бабушки и дедушки дарят ему серебряную ложку, «но можно было подарить и деревянную» (с. Коктюбей).

До конца 90-х гг. XX в. первый выпавший молочный зуб кидали за печку со словами: «Возьми плохой, дай мне костяной!» (с. Коктюбей). В некоторых селениях выпавший молочный зуб, стоя спиной к дому, перебрасывают через крышу (с. Красный Восток) или забрасывают на неё со словами: «Кидаю костяной, вырасти золотой!» (сс. Александрия, Кардоновка), «Мышка, на тебе зуб костяной, дай мне золотой!» (сс. Красный Восток, Калиновка), «Забери костяной, дай стальной!» (с. Таловка), «Мышка,

мышка, на тебе зуб, свари из него суп! Тебе – молочный, а нам дай костяной, прочный как дуб новый зуб!» (с. Аверьяновка).

С конца 90-х гг. XX в. выпавший молочный зуб не забрасывают за печку или на крышу, а кладут под подушку. Утром родители ребёнка дарят ему 500–1000 руб., якобы оставленные *Зубной феей*, которая компенсировала этой суммой забранный ею зуб.

Стрижка «утробных» волос у народов Дагестана входила в цикл обрядовых практик, которые обычно приурочивались к 40-му дню после рождения ребенка [26, с. 202].

В с. Александрия волосы во время крещения состригает местный православный батюшка. Прядь состриженных волос закатывают в воск и кидают в купель. В годовщину рождения ребёнка бреют голову, а состриженные волосы, завернув в тряпицу, прячут под крышей – «чтоб карга [ворона] не свила из них себе гнездо».

В с. Калиновка утробные волосы сбывают на 40-й день после рождения младенца. Сбритые волосы вместе с пуповиной и биркой, которую привязывают ребёнку на руку в роддоме, хранят в шкатулке (с. Красный Восток).

В сс. Аверьяновка, Кардоновка, Коктюбей и Таловка утробные волосы ребёнку стригут в годовщину рождения. Состриженные волосы вместе с биркой из роддома хранят в укромном месте дома. В с. Таловка состриженные утробные волосы вместе с пуповиной и венчальным платьем матери ребенка хранят в люльке под матрасом – «для того, чтобы он не страдал эпилепсией».

Утробные ногти ребенка не состригают ножницами, а его мать обгрызает их зубами. В противном случае он «может стать вором» [12, с. 330].

Когда малыш начинает делать первые шаги, для того чтобы облегчить этот процесс, крест-накрест меж его ног ножом (с. Александрия) или ножницами режут невидимые путы («разрезать *путо*» [12, с. 330]), будто бы связывающие их. «Обряд «развязывания пут на ногах ребенка» был широко распространен на Северном Кавказе [27, с. 72].

До исполнения ребёнку одного года в некоторых сёлах (сс. Тарумовка, Таловка, Калиновка) принято ежемесячно справлять его дни рождения.

Итак, можно констатировать, что родильные обряды русских Кизлярщины так же носят синкретический характер и представляют собой синтез старых и новых обычаев. К архаичным ритуалам можно отнести связанную с охраной здоровья матери и ребёнка *табу*ацию и применение оберегов. Особого внимания заслуживают связанные с магией имени и первого раза традиционные обряды имянаречения, крещения, появления и выпадения первых молочных зубов, стрижки утробных волос и ногтей, первых шагов ребёнка, обычая ежемесячно праздновать дни его рождения. Влияние глобализации ощущается в появлении в современном фольклоре сказочного персонажа *Зубная фея*, присущего западноевропейским народам.

Похоронно-поминальные обряды и обычаи

Похоронный обряд славян включал в себя комплекс разнообразных действий: очищение усопшего, подготовку его к похоронам, сами похороны и поминовение. Он преследовали две цели – облегчить усопшему путь в мир мёртвых и помочь его близким преодолеть горечь утраты [28, с. 190, 192].

В соответствии со сложившейся у восточных славян культурой смерти, в которой «мир мёртвых понимался как параллельный миру живых» [29, с. 262], у дагестанских русских имелся целый ряд окказиональных примет, связанных с предстоящей кончиной человека и сопровождающих его болезнях. Многие из этих примет связаны со сновидениями [30, с. 196] и относятся к *онейромантии*.

В с. Александрия увидеть во сне живую рыбу было приметой скорой болезни, яйца – к неожиданному гостю, кровь – к визиту кровных родственников, покойника – к дождю. Если покойник во сне звал тебя или что-то просил – к смерти. Для того, чтобы плохой сон не сбывся, было принято никому его не рассказывать. При плохом сне рекомендовали утром, глядя в окно, произнести следующее заклинание: «Куда ночь, туда и сон», а также прочесть христианские молитвы.

В с. Таловка приметой смерти был сон, в котором умерший близкий родственник брал тебя за руку и уводил с собой.

В с. Калиновка приснившийся выпавший с кровью зуб был приметой смерти кровного родственника. Были и другие подобные приметы – зачесалась переносица, приснились грязная вода или голый человек – к покойнику. Плохой приметой считался сон, в котором покойник звал тебя идти с ним. Если во сне тебя кто-то звал, нельзя было откликаться.

В с. Красный Восток приснившиеся во сне мухи были к покойнику; выпавший болезненно с кровью передний зуб – к смерти близкого родственника, а просто выпавший зуб – умрёт кто-либо из знакомых; грязная вода – к сплетням о тебе; рыба – к беременности. Плохим предзнаменованием считалось, если во сне умерший родственник уводил тебя с собой. Нельзя было идти с ним и отзываться на его зов, а нужно было сказать ему во сне: «Уходи!».

Примечательно, что у многих народов мира запрещалось отзываться на имя, названное во сне покойником [31, с. 76].

Имелись и внешние признаки скорой смерти долго и тяжело болеющего человека – его внезапно заострившийся нос (с. Таловка), изменившийся на бледный цвет лица (с. Красный Восток), похолодание конечностей (с. Калиновка).

Были и приметы, связанные с кончиной человека. Если он умер с открытыми глазами, значит, «будут ещё смерти в этом доме». Для того, чтобы предотвратить это, глаза покойника закрывают и на них кладут монеты.

Сразу после смерти человека, в соответствии с широко распространенным у восточных славян обычаем [32, с. 112], в доме занавешивают зеркала («окна в потусторонний мир» [28, с. 191]) – «чтобы блуждающая между мирами отлетевшая душа не отразилась в них» [в этом случае в доме могут быть ещё смерти], а снимают эти покрывала с них на 40-й день после его кончины (с. Аверьяновка).

Существует представление, что душа умершего остаётся («витает») в доме 40 дней, а затем улетает на небеса. В комнате, в которой находится покойник, ставят стакан с водой («Существует представление, что душа пьет эту воду» [12, с. 344]) или с вином, поверх которого кладут кусок хлеба с солью. На 40-й день воду из стакана выливают (с. Александрия), а хлеб разламывают, крошат и кормят им птиц (с. Красный Восток).

Перед тем, как одеть покойника в погребальную одежду и уложить в гроб, его омывают. Мужчины омывают мужчин, а женщины – женщин. Воду, которой омывали покойника, выливают за туалет (с. Коктубей) или туда, куда не ступает нога человека, например, под старое (с. Красный Восток) дерево (с. Александрия) или под ступеньки деревянной лесенки на крыльце (с. Аверьяновка). Выливать эту воду на дорогу нельзя – «к смерти людей, которые наступят на неё» (с. Александрия). Омывавшим дают новые полотенца, отрезки материи, головные платки и мыло. Их же приглашают на поминки на 9-й и 40-й дни.

Покойницу одевают в платье, нижнее бельё, чулки, платок, тапочки, а покойника – в сорочку, костюм, носки и фуражку, которую кладут в гробу у изголовья («Народ верит, что на том свете человек появляется в той самой одежде, в которой он скончался» [12, с. 344]). Постель, на которой лежал покойник, сжигают. Вещи умершего раздают родственникам, соседям и нуждающимся или отдают в церковь.

Интересно отметить, что в с. Брянск Кизлярского района до сих пор на похороны приглашают профессиональных плакальщиц («У русских обычным явлением были наемные плакальщицы» [12, с. 355]). За плачи (которые «основаны на предположении, будто покойник может слышать всё, что ему говорится» [12, с. 355]) по покойнику их одаривают поминальными пакетами с продуктами.

После того, как покойника уложат в гроб, ему «на голову кладут венчик – ленту со священными знаками» [28, с. 191], на шею надевают крестик («крест и пояс на покойнике строго обязательны» [12, с. 347]), а в руки дают иконку (её перед похоронами вытаскивают из гроба). Умершему подвязывают бинтами челюсть, а руки и ноги связывают веревкой. Перед тем, как гроб уложат в могилу, эти бинты и верёвки развязывают и кладут сбоку от тела покойного. Эти веревки будто бы обладают даром излечивать больные ноги, если ими перевязать конечности. Таким же даром якобы обладает и мыло, которым мыли покойника: им намазывают больные места на теле. Если кто-то испытывал страх перед покойниками, то для того, чтобы преодолеть его, ему советовали подойти к гробу и подержаться за ноги мертвеца.

Лежащего в гробу умершего накрывают церковным покрывалом или тюлем, а затем заколачивают крышкой. Перед тем, как накрыть гроб крышкой, родственники и близкие покойного прощаются

с ним («считается, что мертвец «всё слышит и всё видит» до тех пор, пока его не опустят в могилу» [29, с. 262]). Прощаясь с умершим, принято передавать приветы своим ранее умершим родственникам.

Покойника сразу же после смерти не хоронят: «он обязательно должен переночевать дома» (сс. Красный Восход, Калиновка). Если покойник был крещен, то его отпевают.

Русские хоронят своих покойников на третий день после смерти, а в последние годы – на второй и даже в тот же день, если человек скончался в жаркое время года (с. Красный Восход).

После того, как умершего в гробу выносят из дома на кладбище, в жилище обязательно моют полы – «чтобы в нём не было нового покойника».

Усопшего выносили из дома вперёд ногами, иногда даже не через дверь, а через окно, чтобы он не увидел дороги [28, с. 191]. Покойника в гробу сперва выносят из дома во двор, а затем уносят на кладбище через ворота, которые затем закрывают. Люди должны выйти со двора не из распахнутых ворот, а через калитку – «чтоб в доме не было нового покойника».

Покойника выносят в открытом гробу и всегда несут ногами вперед, чтобы он не видел дороги назад [12, с. 348]. Несут гроб и укладывают его в могилу при помощи специальных церковных полотенец. После похорон их разрезают на равные куски и раздают хоронившим (с. Таловка). В углу гроба под подушку или в ногах кладут монеты, «чтоб покойник на том свете выкупил себе землю». В гроб кладут и любимые покойником при жизни вещи и предметы [29, с. 262].

Хоронят покойников на христианском кладбище. В с. Таловка оно расположено недалеко от мусульманского кладбища. В сс. Аверьяновка и Красный Восход умерших хоронят на городском кладбище г. Кизляр.

У русских родственники гроб с покойником на кладбище не несут и в могилу его не закапывают. Это делают друзья и соседи умершего. Тех, кто закапывает могилу, можно узнать по перевязанным на левой руке носовым платкам. После похорон им дарят полотенца и мыло.

Гроб опускают в могилу, располагая тело ногами к востоку, «чтобы в день Страшного суда умерший восстал из гроба лицом к Господу» [28, с. 193].

Во время закапывания гроба присутствующие при этом не должны отходить от могилы, подходить к погребениям своих ранее умерших родственников и знакомых (с. Красный Восход).

У русских Кизлярщины поминки устраиваются сразу же после похорон («горячий помин»), а также на 9-й и 40-й дни, на полгода, годовщину (с. Кардоновка), на 3-й (сс. Красный Восток, Аверьяновка, Таловка, Калиновка), 6-й и 9-й год (с. Александрия). Считается, что частые поминки устраивают потому, что «нужно заботиться, чтобы души не умерли с голоду и, с другой стороны, чтобы они не мстили живым за то, что их не кормят» [33, с. 342].

«На похоронах и поминках принято подавать *кутью*» [12, с. 356] – земледельческую ритуальную еду [34, с. 80, 82], а также борщ, суп-лапшу с курятиной, тушеное мясо, жареную рыбу, отварную курицу, колбасную нарезку, картофельное пюре, пирожки с разными начинками, блины («они являются ритуальной едой на поминках» [12, с. 143]), компот и крутой кисель. Поминают покойника и выпивая алкоголь за упокой его души – «три положенных стакана» вина или водки, а четвертый – «за здоровье близких», хотя священники это не одобряют.

В последние годы во многих сёлах поминают в кафе. На поминках все блюда едят ложкой, «чтобы не сделать больно покойнику», «чтобы вилкой не тыкать в его тело».

Б.А. Рыбаков связывал поминки с культом предков [35, с. 120].

Как только на могиле осадет земля, в ногах покойника устанавливают временный деревянный или железный крест, а на годовщину – постоянный из камня.

Под трауром понимается форма внешнего выражения горя, вызванная утратой близкого человека [36, с. 732]. В с. Калиновка траур по умершему длится 1 год. Мужчины из числа родственников покойного в знак траура не бреются 40 дней. В сс. Александрия, Аверьяновка, Таловка и др. траур держат 40 дней, в течении которых мужчины не бреются, а женщины носят одежду чёрного цвета. Вдова при желании может повторно выйти замуж.

Таким образом, анализ похоронно-поминальной церемонии русских Кизлярщины показывает, что он так же носит синкретический характер: в ней доминируют христианские ритуалы при сохранении значительного пласта славянских архаических обрядов и поверий, и появившихся в последние десятилетия новых обычаев. К традиционной обрядности можно отнести связанные с *онейромантией* приметы и верования. Отзвуками погребального культа могут быть обычаи передавать приветы при

прощании с покойником ранее умершим и класть в гроб любимые им при жизни вещи и предметы. К новым можно отнести обычай поминать умершего в кафе.

Следует отметить, что современные семейно-бытовые обряды русских Кизлярщины не являются какими-то замкнутыми и обособленными феноменами. За исключением незначительных локальных особенностей обряды жизненного цикла русских Дагестана не выбиваются, а вполне вписываются в контекст культуры русских Северного Кавказа (например, русского населения Ставропольщины [37, с. 84–87], Чечни [38, с. 65–60]) и основного этнического массива (к примеру, русских Орловской [39, с. 7–18] и Владимирской [40] областей).

Локальные особенности и субкультурные элементы сформировались под влиянием местной равнинной (кумыки и ногайцы) и горской (аварцы, даргинцы и др.) этнической среды. На смешение русской и горской брачных традиций еще в начале XX в. обратил внимание Г.А. Ткачев, описывавший свадебный обряд гребенских казаков [41, с. 181].

Для Дагестана и Северного Кавказа характерно многовековое культурное взаимодействие и взаимовлияние горского, русского и казачьего населения, которое проявлялось в межнациональных браках, куначестве, *аталычестве*, заимствованиях в ведении хозяйства, материальной и духовной культуре. Процесс взаимообусловленного культурно-адаптивного взаимодействия русских и терского казачества с автохтонным населением региона являлся важным ресурсом межэтнической толерантности, синтеза различных культур, формирования единого северокавказского мира [42, с. 80].

Заключение

Несмотря на несущественные локальные различия в свадебной обрядности русского населения Кизлярщины, в целом до середины 2000-х гг. она сохраняла главные черты традиционной русской свадьбы основного этнического массива, что свидетельствует о важности брака и обрядов жизненного цикла в системе их ментальных ценностей, устойчивости межпоколенных связей и исторической памяти транслирующих в этнографическую действительность самобытную культуру русских Дагестана.

Наиболее существенные трансформации семейно-бытовой обрядности русских Кизлярщины произошли в 90-е гг. XX и в первые десятилетия 2000-х гг., что связано с глобальными и социокультурными процессами. В наибольшей степени подверглась изменениям русская свадьба, что связано с внедрением в 2000-е гг. свадебной индустрии, а в наименьшей – родильные и похоронные обряды, что объясняется тем, что в отличие от свадебного ритуала, в котором зачастую принимает участие всё село или большая его часть, обряды, связанные с рождением и взрослением ребёнка, а также похоронно-поминальный ритуал более камерные, консервативные, ограничены узким семейным кругом. Похоронный обряд так же семейное и общественное мероприятие, но в нём велико влияние христианской церкви и вероучения.

Традиционная семейно-бытовая обрядность русских Дагестана всё ещё существует в иноэтническом окружении и это вселяет определенную надежду на сохранение их этнической, национальной, культурной и религиозной идентичности в эпоху глобализации.

Равнинное и горское население этноконтактной зоны Кизлярщины оказало определенное влияние на обряды жизненного цикла терских казаков и дагестанских русских, образовав в их семейно-бытовой обрядности ряд локальных субкультурных элементов, отличающихся от брачно-семейных ритуалов русских основного этнического массива.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>.

Acknowledgements. This study was conducted with the financial support from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. – 277 с.
2. Мадюкова С.А. Обряды жизненного цикла: о социально-философском содержании концепта // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: «Философия». 2008. Т. 6. Вып. 3. С. 115–120.
3. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Грабовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
4. Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2001. – 190 с.
5. Лугуев С.А., Мансуров М.Х. Русские // Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. С. 540–558.
6. Сефербеков Р.И., Сефербеков М.Р., Халидова О.Б. Современный брак и семейно-бытовые обряды русских горожан Дагестана: традиции и новации // Россия и современный мир. 2024. № 1 (122). С. 232–252.
7. Чижикова Л.Н. Этнические традиции в современной свадебной обрядности сельского населения этноконтактной зоны (на примере Белгородской области) // Советская этнография. 1980. № 2. С. 10–24.
8. Лобачёва Н.П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // Советская этнография. 1981. № 2. С. 36–50.
9. Тетакаева Л.М., Абдулаева Р.Н., Шахэмирова С.В., Алиев З.Г. Словарь фразеологических единиц с родственными гендерными номинациями в кумыкском, даргинском, лезгинском, аварском, русском и английском языках. Махачкала: Изд-во «Алеф», 2022. – 248 с.
10. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. – 272 с.
11. Чурсин Г.Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана // Оттиск из «Известий Кавказского историко-археологического института». Тифлис, 1927. Т. 5. С. 43–60.
12. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К.Д. Цивиной. М.: Наука, 1991. – 511 с.
13. Киреевский И.Р. Мифы древних славян: боги, духи, растения, животные. – Харьков: Книжный клуб, 2006. – 240 с.
14. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 398–406.
15. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М.: «Вече», 2005. – 384 с.
16. Снесарев Г.П. Реликты доисламских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. – 338 с.
17. Омаров И.И., Сефербеков Р.И. Брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1999. – 24 с.
18. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. – 401 с.
19. Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 128–130.
20. Покровская Л.В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 67–90.
21. Токарев С.А. Маски и ряжение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. – С. 185–193.
22. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; «Динэм», 2009. – 408 с.
23. Павленко Н.А. Обряд «вязания колодки», бытовавший в станицах Верхней Кубани (на примере ст. Кардоникской и Зеленчукской) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Фольклор казачества как неотъемлемая

REFERENCES

1. Turner V. *Symbol and Ritual*. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)
2. Madyukova SA. Life cycle rites: on the socio-philosophical content of the concept. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: "Philosophy"*. 2008; 6(3): 115-120. (In Russ)
3. Eliade M. *The Sacred and the Profane, trans. from French, foreword and comm.* N.K. Grabovsky. Moscow: MSU Publ., 1994. (In Russ)
4. Rizkhanova MSh. *Dagestan Russians. XIX – Early XX Century: Historical-Ethnographic Research*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2001. (In Russ)
5. Lugev SA., Mansurov MKh. *Russians. In: Peoples of Dagestan, ed. in chief: S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva*. Moscow: Nauka, 2002: 540-558. (In Russ)
6. Seferbekov RI., Seferbekov MR., Khalidova OB. Modern marriage and family-household rites of Russian townspeople of Dagestan: traditions and innovations. *Russia and the Modern World*. 2024; 1(122): 232-252. (In Russ)
7. Chizhikova LN. Ethnic traditions in the modern wedding ceremony of the rural population of the ethno-contact zone (on the case of the Belgorod region). *Soviet Ethnography*. 1980; 2: 10-24. (In Russ)
8. Lobacheva NP. Wedding ceremony as a historical-ethnographic source (on the case of Khorezm Uzbeks). *Soviet Ethnography*. 1981; 2: 36-50. (In Russ)
9. Tetakaeva LM., Abdulaeva RN., Shakhemirova SV., Aliev ZG. *Dictionary of Phraseological Units with Kinship Gender Nominations in Kumyk, Dargin, Lezgin, Avar, Russian and English Languages*. Makhachkala: Alef, 2022. (In Russ)
10. Maksimov SV. *Unclean, Unknown and Godparent Force*. Moscow: TERRA; Bookstore – RTR, 1996. (In Russ)
11. Chursin GF. *The holiday of plow among the mountain peoples of Dagestan. Separate Reprint from "Proceedings of the Caucasian Historical-Archaeological Institute"*. Tiflis, 1927; 5: 43-60.
12. Zelenin DK. *East Slavic Ethnography, trans. from Ger. by K.D. Tsvina*. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)
13. Kireevsky IR. *Myths of the Ancient Slavs: Gods, Spirits, Plants, Animals*. Kharkov: Knizhnyi Klub, 2006. (In Russ)
14. Toporov VN. *World Tree. Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia. In 2 vols. Chief ed.: S.A. Tokarev*. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994; 1: 398-406. (In Russ)
15. Vovk OV. *Signs and Symbols in the History of Civilizations*. Moscow: Veche, 2005. (In Russ)
16. Snesarev GP. *Relics of Pre-Islamic Beliefs and Rituals among the Uzbeks of Khorezm*. Moscow: Nauka, 1969. (In Russ)
17. Omarov II., Seferbekov RI. *Marriage and Wedding Rites of the Dargins-Tsudakhars*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 1999.
18. Cooper J. *Encyclopedia of Symbols*. Moscow: Association of Spiritual Unity "Golden Age", 1995. (In Russ)
19. Ivanov VV., Toporov VN. *Bear. Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia. In 2 vols. Chief ed.: S.A. Tokarev*. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994; 2: 128-130. (In Russ)
20. Pokrovskaya LV. *Agricultural ritual. Calendar Customs and Rites in the Countries of Foreign Europe: Historical Roots and Development of Customs*. Moscow: Nauka, 1983: 67-90. (In Russ)
21. Tokarev SA. *Masks and mummery. Calendar Customs and Rites in the Countries of Foreign Europe: Historical Roots and Development of Customs*. Moscow: Nauka, 1983: 185-193. (In Russ)
22. Seferbekov RI. *Pantheon of Paqan Deities of the Peoples of Dagestan (Typology, Characteristics, Personifications)*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS; Diném, 2009. (In Russ)
23. Pavlenko NA. The rite of "tying the stocks", which existed in the villages of the Upper Kuban (on the case of Kardonskaya and Zelenchukskaya villages). *Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference "Folklore of the Cossacks as an Integral Part of the North Caucasian Ethno-Cultural Space"*,

часть северокавказского этнокультурного пространства», посвященной 275-летию города Кизляра. (г. Кизляр, 24–25 сентября 2010 г.). – Махачкала: Дагестанский государственный университет – филиал в г. Кизляре, 2010. С. 172–174.

24. Токарев С.А. Эротические обычаи // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 98–105.

25. Мусаева М.К. Мужчины и «мужской» компонент в традиционных родильных практиках народов Дагестана // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 198–203.

26. Мусаева М.К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 252 с.

27. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX – XX в. М.: Наука, 1983. – 264 с.

28. Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. – 216 с.

29. Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд, Е. Миненок. М.: Миф; Локид, 1995. – 560 с.

30. Токарев С.А. Сновидения // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 196.

31. Березкин Ю.Е. Происхождение смерти – древнейший миф // Этнографическое обозрение. 2007. № 1. С. 70–89.

32. Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор: Верования, текст, ритуал. М.: Наука, 1994. С. 111–129.

33. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии (исследования, статьи, лекции). Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1936. – 603 с.

34. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 237 с.

35. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. – 782 с.

36. Штернберг Л. Я. Траур // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1901. Т. 33. С. 732–735.

37. Бойко И.В. Свадебный обряд северо-восточных районов Ставрополя в рассказах носителей региональной традиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2 (68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 84–87.

38. Матвеев О.В., Зудин А.И., Воронин В.В. Русские Чечни (по материалам экспедиции 2018 г.). Ростов-на-Дону: Академия наук Чеченской Республики; Печатная лавка, 2018. – 136 с.

39. Домаренко Е.В. Трансформация русского свадебного обряда в контексте современных социально-культурных практик // Образование и культурное пространство. 2020. № 2. С. 7–18.

40. Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX – XXI вв. (на материалах Владимирской области): Дис. кандидата ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2013. – 303 с.

41. Ткачев Г.А. Станица Червленая: Исторический очерк. Владикавказ: Тип. Терского Обл. Правления, 1912. – 244 с.

42. Иноземцева Е.И. Культурное и хозяйственно-экономическое наследие терского казачества как ресурс межэтнической толерантности на Северо-Восточном Кавказе // Материалы региональной научной конференции «Фольклор в семейной и общинной жизни нижнетерского казачества». Махачкала: «Радуга», 2017. С. 71–82.

Dedicated to the 275th Anniversary of the City of Kizlyar. Makhachkala: DSU – Kizlyar branch, 2010: 172-174. (In Russ)

24. Tokarev SA. *Erotic customs. Calendar Customs and Rites in the Countries of Foreign Europe: Historical Roots and Development of Customs.* Moscow: Nauka, 1983: 98-105. (In Russ)

25. Musaeva MK. Men and the “male” component in the traditional childbirth practices of the peoples of Dagestan. Lavrovsky Collection. *Proceedings of the XXXVIII and XXXIX Central Asian-Caucasian Readings 2014–2015. Ethnology, History, Archaeology, Cultural Studies.* Saint Petersburg: MAE RAS, 2015: 198-203. (In Russ)

26. Musaeva MK. *Ethnography of Childhood of the Peoples of Dagestan (Traditions of the Peoples of the Plain and Southern Dagestan).* Makhachkala: IHAE DSC RAS, 2007. (In Russ)

27. Smirnova YaS. *Family and Family Life of the Peoples of the North Caucasus. Second Half of the XIX – XX Centuries.* Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)

28. Kapitsa FS. *Slavic Traditional Beliefs, Holidays and Rituals: Handbook.* 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2001. (In Russ)

29. *Encyclopedia of Superstitions, comp. E. and M.A. Radford, E. Minenok.* Moscow: Myth; Lokid, 1995. (In Russ)

30. Tokarev SA. *Dreams. Religious Beliefs: Collection of Ethnographic Concepts and Terms.* Moscow: Nauka, 1993; 5: 196. (In Russ)

31. Berezkin YuE. The Origin of Death – the Ancient Myth. *Ethnographic Review.* 2007; 1: 70-89. (In Russ)

32. Tolstaya SM. Mirror in Traditional Slavic Beliefs and Rites. *Slavic and Balkan Folklore: Beliefs, Text, Ritual.* Moscow: Nauka, 1994: 111-129. (In Russ)

33. Shternberg LYa. *Primitive Religion in the Light of Ethnography (Studies, Articles, Lectures).* Leningrad: Publishing House of the Institute of the Peoples of the North of the CEC of the USSR, 1936. (In Russ)

34. Chicherov VI. *Winter Period of the Russian Agricultural Calendar of the XVI–XIX Centuries (Essays on the History of Folk Beliefs).* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. (In Russ)

35. Rybakov BA. *Paganism of Ancient Rus’.* Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)

36. Shternberg L.Ya. Mourning. *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron:* in 86 vols. (82 vols. and 4 suppl.). Saint Petersburg, 1901; 33: 732-735. (In Russ)

37. Boiko IV. Wedding rite of the north-eastern districts of Stavropol in the stories of bearers of the regional tradition. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* Tambov: Gramota, 2017; 2(68): 84-87. (In Russ)

38. Matveev OV., Zudin AI., Voronin VV. *Russians of Chechnya (Based on Materials of Expeditions of 2018).* Rostov-on-Don: Academy of Sciences of the Chechen Republic; Printing Shop, 2018. (In Russ)

39. Domarenko EV. Transformation of the Russian wedding rite in the context of modern socio-cultural practices. *Education and Cultural Space.* 2020; 2: 7-18. (In Russ)

40. Sokolova AD. *Transformations of funeral rites among Russians in the XX–XXI centuries (based on materials from the Vladimir region): Diss. cand. hist. sci.* Moscow: IEA RAS, 2013. (In Russ)

41. Tkachev GA. *Stanytsa Chervlennaya: Historical Essay.* Vladikavkaz: Typography of the Terek Provincial Administration, 1912. (In Russ)

42. Inozemtseva EI. Cultural and economic-economic heritage of the Terek Cossacks as a resource of interethnic tolerance in the North-East Caucasus. *Proceedings of the Regional Scientific Conference “Folklore in Family and Community Life of the Lower Terek Cossacks”.* Makhachkala: Raduga, 2017: 71-82. (In Russ)

Поступила в редакцию 09.12.2024

Принята в печать 03.03.2025

Опубликована 15.12.2025

Received 09.12.2024

Accepted 03.03.2025

Published 15.12.2025

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214585-589>



Рецензия

Гаджиев Муртазали Серажутдинович
д.и.н, проф., зав. отделом археологии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
murgadj@rambler.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Виноградов А.Ю. Очерки архитектуры Византии и Кавказа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 488 с., илл. + 32 с. цв. вкл., ISBN 978-5-7598-2372-8 (в пер.), ISBN 978-5-7598-2408-4 (e-book).

Аннотация. Новая книга, посвященная христианской архитектуре Византии и Кавказа, несомненно, привлечет внимание широкого круга специалистов и всех интересующихся культурой и архитектурой Византии и Кавказа, всего христианского Востока. Несмотря на то, что в последние годы было опубликовано немало монографических исследований, посвященных христианской архитектуре Кавказа и Византии, данное исследование представляет собой оригинальный, масштабный и научно значимый труд по христианскому зодчеству Кавказа и Византии, в котором освещаются малоисследованные и дискуссионные проблемы и вопросы. В книге на широком фоне (привлечено более тысячи памятников церковной архитектуры V–XII вв.) рассматривается обширный круг актуальных и проблемных вопросов христианского зодчества Византии и Кавказа.

Ключевые слова: Византия; Кавказ; христианская архитектура; храмы; церкви

Для цитирования: Гаджиев М.С. Рецензия на книгу: Виноградов А.Ю. Очерки архитектуры Византии и Кавказа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 488 с., илл. + 32 с. цв. вкл., ISBN 978-5-7598-2372-8 (в пер.), ISBN 978-5-7598-2408-4 (e-book) // История, археология и этнография Кавказа. 2025 Т. 21. № 4. С. 585-589. doi.org/10.32653/CH214585-589

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH214585-589>



Review

Murtazali S. Gadjiev,
Dr. Sci. (History), Prof., Head. Dep. of Archeology
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
murgadj@rambler.ru

BOOK REVIEW:

***Vinogradov A.Yu.* Essays on the architecture of Byzantium and the Caucasus. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. – 488 p., ill. + 32 p. with colour photos. ISBN 978-5-7598-2372-8, ISBN 978-5-7598-2408-4 (e-book).**

Abstract. The new book, dedicated to the Christian architecture of Byzantium and the Caucasus, will undoubtedly attract the attention of a wide range of specialists and everyone interested in the culture and architecture of Byzantium and the Caucasus, and the entire Christian East. Despite the fact that a lot of monographic studies on the Christian architecture of the Caucasus and Byzantium have been published in recent years, this book is an original, large-scale and scientifically significant work on the Christian architecture of the Caucasus and Byzantium, which highlights little-researched and debatable problems and issues. The book, against a wide background (more than a thousand monuments of church architecture of the 5th-12th centuries were involved), considers a wide range of topical and problematic issues of Christian architecture of Byzantium and the Caucasus.

Keywords: Byzantium, Caucasus, Christian architecture, temples, churches

For citation: Gadjiev M.S. Book review: *Vinogradov A.Yu.* Essays on the architecture of Byzantium and the Caucasus. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. – 488 p., ill. + 32 p. with colour photos. ISBN 978-5-7598-2372-8, ISBN 978-5-7598-2408-4 (e-book). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2025. Vol. 21. N. 4. P. 585-589. doi.org/10.32653/CH214585-589

Начиная с 2021 г. НИУ Высшая школа экономики начала издавать весьма занимательную серию «Polystoria», подготавливаемую Лабораторией медиевистических исследований НИУ ВШЭ. Вышедшие первые книги вызвали неподдельный интерес как специалистов, так и обширного круга читателей, увлекающихся историей и культурой средних веков.

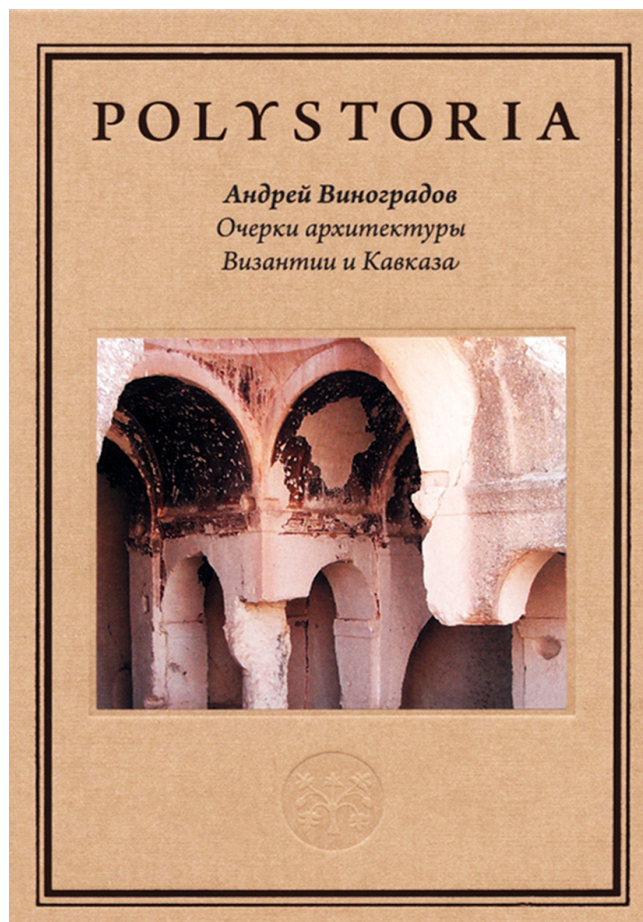
В 2023 г. в этой серии была опубликована монография «Очерки архитектуры Византии и Кавказа», написанная известным российским историком-византинистом, археологом и историком архитектуры, кандидатом исторических наук, доктором филологических наук Андреем Юрьевичем Виноградовым [1]. Несмотря на то, что в последние годы было опубликовано немало монографических исследований, посвященных христианской архитектуре Кавказа (в т.ч. числе и автора рецензируемой монографии в соавторстве с Д.С. Белецким [2; 3]), данное исследование представляет собой оригинальный, масштабный и научно значимый труд по христианскому зодчеству Кавказа и Византии, в котором освещаются малоисследованные и дискуссионные проблемы и вопросы. К этому следует добавить, что крупные работы, посвященные византийской архитектуре, в постсоветской литературе практически отсутствуют – последние большие очерки по архитектуре Византии вышли в 1980-х гг. в сводных трудах по культуре Византии (А.И. Комеч [4], А.Л. Якобсон [5]). И этим во многом определяется научная новизна и актуальность предлагаемого труда. При этом отмечу, что в 2022 г. автором были опубликованы обстоятельные «Лекции по византийской архитектуре», в которых также основное внимание уделено храмовой архитектуре [6].

Рецензируемая монография, охватывающая широкий спектр проблем и вопросов истории церковной архитектуры Византии и Южного Кавказа (Грузия, Абхазия, Армения), демонстрирует высокопрофессиональное, безупречное знание автором теории архитектуры, как науки о природе архитектуры, ее общих закономерностях, архитектурно-художественном творчестве, теории архитектурной композиции и т.д. Автор монографии умело пользуется методами архитектурного анализа (анализ конструкций, соразмерностей, пропорций и закономерностей, графического построения и реконструкций и т.д.), сравнительно-архитектурного анализа на фоне военно-политической и культурно-исторической ситуации для выяснения и решения многих вопросов истории христианской архитектуры Византии и Кавказа. Особо отмечу, что автор знаком с большинством рассматриваемых им памятников христианского зодчества визуально, изучал их на месте, особенно это касается памятников Кавказа, на многих из которых им были осуществлены не только фотографические работы, но архитектурные обмеры.

Книга включает краткое предисловие и два раздела, отведенные соответственно изучению актуальных и недостаточно исследованных проблем христианской архитектуры Византии и Кавказа. При этом каждый из разделов имеет выверенное структурное построение – разделение на части и параграфы, посвященные тем или иным вопросам и проблемам. В данной рецензии я не ставлю целью пересказ содержания каждой из глав – это займет много места, а заинтересованный читатель может обратиться непосредственно к книге, которая читается с интересом и увлечением.

Книга включает краткое предисловие и два раздела, отведенные соответственно изучению актуальных и недостаточно исследованных проблем христианской архитектуры Византии и Кавказа. При этом каждый из разделов имеет выверенное структурное построение – разделение на части и параграфы, посвященные тем или иным вопросам и проблемам. В данной рецензии я не ставлю целью пересказ содержания каждой из глав – это займет много места, а заинтересованный читатель может обратиться непосредственно к книге, которая читается с интересом и увлечением.

В работе на широком фоне (привлечено более тысячи памятников церковной архитектуры V–XII вв.) рассматривается обширный круг актуальных и проблемных вопросов христианского зодчества Византии и Кавказа. Автор рассматривает генезис и эволюцию различных, получивших распростра-



нение и не столь распространенных типов архитектурных, объемно-планировочных решений и конструкций (крестово-купольные церкви, крестово-купольный триконх, надвратные церкви, купольная базилика и др.), анализирует планировки, конструктивные приемы, строительную технику и материалы, выделяет на основе комплекса показателей архитектурные стили, школы, артели, региональные традиции, архитектурные декоры, прослеживает влияние и взаимовлияние различных архитектурных направлений и областей и, прежде всего, влияние Константинополя на церковную архитектуру христианского Востока и Кавказа. Все эти вопросы и проблемы, общие и частные, рассматриваются автором на широком историческом фоне, территориально и хронологически, в исторической динамике, в контексте военно-политической истории, во многом определявшей выделяемые автором этапы и нюансы развития христианской архитектуры. Особый интерес представляют обзоры формирования и развития церковной архитектуры в Грузии, Абхазии, Армении после периода арабских завоеваний, а также характеристики кирпичного зодчества Васпуракана, храмовых сооружений Давида Куропалата, храмов монастыря Варзахан и др.

Через всю книгу красной нитью проходит проблема датировки и хронологии памятников христианского зодчества – пожалуй, исходная точка в решении проблем происхождения, эволюции, влияния и других важнейших вопросов в изучении истории церковной архитектуры. И с этой задачей автор, скрупулезно работая с материалом, прекрасно справляется, хотя в силу источниковой базы еще многие вопросы требуют дальнейшего исследования, и немало положений, выводов и наблюдений автора носят характер предположений, версий. При этом некоторые из наблюдений и заключений, носящих несколько гипотетический характер, имеют под собой соответствующую, определенную доказательную базу. Фактически в каждом параграфе-очерке, посвященном той или иной теме, рассматривается состояние ее изученности, существующие взгляды, дискуссионные моменты, источниковая база, из чего и определяются задачи исследования.

Предлагаемая новая монография А.Ю. Виноградова, посвященная изучению христианской архитектуры Византии и Южного Кавказа, определенно имеет высокую научную значимость, будучи направленной на исследование сложных и дискуссионных проблем и вопросов обозначенной темы. Книга, несомненно, заполняет большую лауну в изучении христианской архитектуры Византии, Передней Азии, Кавказа. И будущие исследования по этой теме будут немыслимы без учета тех положений, выводов, наблюдений, догадок, которые сделаны в данной монографии. Автор на высоком научно-методическом уровне с прекрасным знанием материала справился с поставленными целями и задачами.

В книге имеются некоторые, по большей части технические, помарки и недочеты, которые можно было бы избежать при более внимательной редакторской работе до выхода монографии из печати. Книга сопровождается обширным и качественным иллюстративным рядом – фотографиями, чертежами. Но серия иллюстраций не имеет масштаба или масштабы плана и разреза того или иного памятника не приведены к общему знаменателю: рис. 2.4 (церковь Агиос Николаос в Кириакоселии), рис. 2.5 (церковь Агиос Георгиос Склепиос в Кареле), рис. 2.11 (церковь Св. Михаила в Стоне), рис. 2.12 (храм в Ширакаване), рис. 7.1 (храм Учаяк в Каппадокии, близ дер. Табуруглу), рис. 8.9 (храм в Фисандоне), рис. 8.17 (масштаб; не искажен ли план крестообразного храма в Тиле?), рис. 9.4 (Самшвилдский Сион), рис. 10.3 (храм Квелацминда в Вачнадзиани), рис. 11.4 (собор в Ошки), рис. 11.5 (Собор в Ишхани), рис. 11.7а (храм Св. Гиоргия в Армази – Армази Ксанский) и др.

На мой взгляд, в названии книги необходимо было подчеркнуть тематическую направленность исследования и назвать ее «Очерки христианской (или церковной) архитектуры Византии и Кавказа», учитывая, что в ней не рассматривается гражданская, оборонительная, инженерная архитектура.

К сожалению, в монографии не рассматриваются памятники христианского зодчества Восточного Кавказа, Кавказской Албании. Очевидно, на это у автора были определенные причины, о которых можно догадываться, но данный момент, по моему мнению, следовало оговорить в Предисловии к книге.

Наконец, желательно было сделать хотя бы небольшое заключение к книге, в котором можно было бы не только подвести итоги исследования, но наметить дальнейшие цели и задачи в изучении христианской архитектуры Кавказа и Византии, определить круг проблемных вопросов, требующих дальнейшего исследования.

Сказанное никоим образом не умаляет большой научной значимости монографии А.Ю. Виноградова. И, несомненно, данная книга привлечет внимание широкого круга специалистов и всех интересующихся культурой и архитектурой Византии и Кавказа, всего христианского Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов А.Ю. Очерки архитектуры Византии и Кавказа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 488 с., илл.
2. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII-X в. М.: Индрик, 2015. – 372 с., илл.
3. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. М.: Тaus, 2019. – 392 с., илл. (2-е изд., испр.: М.: ИВ РАН, 2021 – 440 с., илл.).
4. Комеч А.И. Архитектура // Культура Византии (IV – первая половина VII в.). М.: Наука, 1984. С. 573-595.
5. Якобсон А.Л. Архитектура // Культура Византии (вторая половина VII–XII в.). М.: Наука, 1989. С. 496-519.
6. Виноградов А.Ю. Лекции по византийской архитектуре. 15 лекций для проекта Магистерия. М.: Rosebud Publishing, 2022. – 360 с., илл.

Поступила в редакцию 04.03.2025
Принята в печать 24.03.2025
Опубликована 15.12.2025

REFERENCES

1. Vinogradov AYu. *Essays on the Architecture of Byzantium and the Caucasus*. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2023. (In Russ)
2. Beletsky DV., Vinogradov AYu. *Church Architecture of Abkhazia in the Era of the Abkhazian Kingdom. Late VIII–X Centuries*. Moscow: Indrik, 2015. (In Russ)
3. Beletsky DV., Vinogradov AYu. *History and Art of Christian Alania*. Moscow: Taus, 2019 (2nd ed., corr.: Moscow: IV RAN, 2021). (In Russ)
4. Komech AI. Architecture. In: *Culture of Byzantium (IV – First Half of the VII Century)*. Moscow: Nauka, 1984: 573-595. (In Russ)
5. Yakobson AL. Architecture. In: *Culture of Byzantium (Second Half of the VII–XII Centuries)*. Moscow: Nauka, 1989: 496-519. (In Russ)
6. Vinogradov AYu. *Lectures on Byzantine Architecture. 15 Lectures for the Magisteria Project*. Moscow: Rosebud Publ., 2022. (In Russ)

Received 04.03.2025
Accepted 24.03.2025
Published 15.12.2025

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 28.12.2025. Формат 60x84 ¹/₈
Гарнитура Georgia.